
891
П-48
11295 р
11295 II

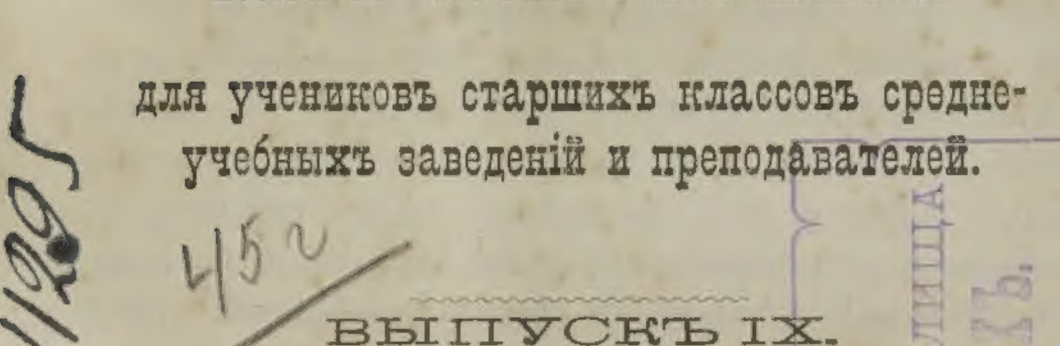
...ристи
...ая стрем-
...ад ними. С'езд з
...своим долгом употре-
...ие на организованных британ
для того, чтобы прекратить всякую
...жку реакции со стороны Англии и всеми
...жными средствами помешать постыдной
...аде, которою британский и американский
...тализм угрожают Советской Германии. Вмес
...тем, с'езд с возмущением клеймит деятельн
...тех предателей социал-демократов, которые
...меной и обманом помогли германским капит
...стам разбить революционное движение. Гер
...ская революция не есть отдельное событи
...ционального характера; это—одна из фаз мир
революции и поэтому, мы заявляем о своей
дарности с нею и шлем привет нашим товар
борющимся за освобождение рабочего класса

ИСТОРИЧЕСКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и преподавателей.



ВЫПУСКЪ IX.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ
М. Д. НАУМОВА.







МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1893.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ IX выпускѣ Исторической Хрестоматіи составитель поставилъ себѣ задачею освѣтить личность Державина. А такъ какъ Державинъ, по справедливости, считается пѣвцомъ Екатерины II и ея вѣка, то на ряду со статьями о немъ помѣщены такія, которыя характеризуютъ блестящій вѣкъ Екатерины и ея сподвижниковъ. Внесеніемъ статей Мерзлякова, Давыдова, Шевырева и нѣкоторыхъ другихъ составитель хотѣлъ установить точку зрѣнія на Державина лучшихъ критиковъ недавняго прошлаго.

В. Покровскій.

Блестящій вѣкъ Екатерины II.

Вѣкъ Екатерины Второй — вѣкъ нашей славы, побѣдъ и политическаго могущества, вѣкъ блеска и роскоши, вѣкъ великихъ людей: Суворова, Румянцева, Потемкина, Панина, Орловыхъ... и вѣкъ маленькихъ заблужденій. Съ какой точки ни посмотрите на эту эпоху, она васъ непремѣнно поразитъ блестящимъ событіемъ. Взглянете ли на сношенія Россіи съ иностранными державами — вы видите политику твердую, сильную, руководимую одною идеею, подкрѣпленную рядомъ побѣдъ почти баснословныхъ и рядомъ дипломатическихъ соображеній, осуществленныхъ съ пользою для Россіи, наперекоръ всѣмъ врагамъ. Взглянете ли внутрь Россіи — вы видите новые уставы, положенія, которыя довершали или продолжали дѣло, начатое Петромъ Великимъ. Городовое положеніе, дворянская грамота, учрежденіе о губерніяхъ... изумятъ васъ своимъ величіемъ и благодѣтельными результатами, которые они принесли уже Россіи, несмотря на то, что мы слишкомъ близко находимся отъ этихъ событій и не можемъ вполнѣ оцѣнить ихъ.

Державинъ — лучшее выраженіе этой стороны жизни. Онъ можетъ быть объясненъ и понятъ нами, его потомками, только потому, что онъ жилъ въ Екатеринино время. Поэзія его — неопредѣленный, многосторонній восторгъ человѣка, который видитъ предъ собою свершеніе великихъ дѣлъ, событій славныхъ и благодѣтельныхъ для отечества, который пишетъ оды оттого, что чувство благодарности наполняетъ его душу, или скорбитъ о томъ, что видитъ смерть великихъ современниковъ. Его оды такъ же блестящи, какъ вѣкъ, о которомъ говоритъ онъ; онѣ такъ же исполнены великихъ картинъ, какъ картинны люди, двигавшіе этими событіями. Его поэзія — современное ощущеніе, въ которомъ онъ самъ не могъ отдать отчета, и которая поэтому очень часто лишена художественной отдѣлки.

Въ ней видите человѣка, который пораженъ величіемъ предмета, старается высказать все, что онъ чувствуетъ и, какъ каждый человѣкъ сильно чувствующій, не можетъ въ то же время, когда чувствуетъ, отчетливо выразить свое чувство.

Вѣкъ Екатерины оставилъ сильное впечатлѣніе на умы; произнесите имя Екатерины Великой — и воображеніе каждаго русскаго представитъ себѣ, какъ мы говорили, цѣлый рядъ людей знаменитыхъ и происшествій историческихъ. Но это же самое время имѣетъ и другую сторону, не менѣе блестящую и чрезвычайно важную въ нашей исторіи: это *направленіе образованія,* подвигавшее людей государственныхъ на реформы — направленіе, одушевлявшее руку императрицы, начертавшую „Наказъ Комиссіи", — направленіе, которое влекло Бецкаго создать уставы воспитательныхъ заведеній, которое поддерживало Фонвизина въ борьбѣ съ слоями невѣжественной массы населенія. Образованіе Екатеринина вѣка имѣетъ другой оттѣнокъ, нежели образованіе Петровой эпохи. Извѣстно, какимъ образомъ познакомилъ насъ съ европейскою цивилизаціею Петръ Великій. Онъ хотѣлъ русскихъ учить ариѳметикѣ, геометріи, географіи, языкамъ съ тою же цѣлью, какъ училъ кораблестроенію, военному искусству, выдѣлкѣ солдатскаго сукна, искусству лить пушки, строить дома на голландскій манеръ, т.-е. чтобъ удовлетворить самыя первыя потребности государства, которое отстало отъ западной Европы, было необразовано, бѣдно, грубо и имѣло въ его глазахъ полудикій образъ. Какъ мать, выучивъ ребенка читать по складамъ и одѣвъ его въ чистенькую блузу, старается пощеголять имъ предъ гостьми, такъ онъ, выучивъ русскихъ читать и писать, воевать на европейскій манеръ и плавать по морямъ, обрилъ имъ и бороды, чтобы похвастаться передъ Европою, что и мы европейцы. Это было хвастовство отца, который нѣжно любитъ своего сына и хочетъ пощеголять имъ. Всего лучше это направленіе образованія видно изъ двухъ проектовъ, Академіи Наукъ и Академіи Художествъ. Первая имѣла видъ педагогическаго института, а во второй вмѣстѣ съ живописью предположено было учить искусствамъ оптическому и инструментальному, токарному, столярному, типографическому, словолитному, граненію камней и пр. Не говоря уже о спеціальныхъ школахъ, которыя заводилъ Петръ Великій, и въ которыхъ преподавали курсъ грамматики, ариѳметики и географіи, требовавшейся

отъ чиновниковъ, военныхъ и духовныхъ, изъ двухъ уставовъ академій видно, что онъ старался удовлетворить *первымъ, самымъ необходимымъ потребностямъ Россіи на пути образованія*.

Образованность наша носитъ этотъ отпечатокъ до самаго царствованія Екатерины Великой, когда высшій классъ общества вмѣстѣ съ образованіемъ представлялъ и *идею, которая господствуетъ въ этомъ образованіи,* представлялъ начало, которымъ одушевляется общество, — однимъ словомъ, когда къ намъ съ наукою принесена была идея, философскій выводъ пріобрѣтенныхъ знаній, а не одна практическая ея сторона и примѣняемость къ флоту, войску, къ фабрикамъ, къ торговлѣ и прочему. Отъ этого царствованіе Екатерины носитъ на себѣ другой отпечатокъ. Понятно, что идеи эти не наши собственныя, но принесенныя изъ-за границы, такъ же какъ при Петрѣ Великомъ были принесены первыя начала образованія; идеи эти принадлежатъ той націи, которая имѣла на насъ преимущественное вліяніе, которая въ XVIII вѣкѣ господствовала въ Европѣ въ умственномъ отношеніи. Это — идеи Франціи. Вмѣстѣ съ прочими государствами Европы, онѣ коснулись и насъ. Въ философіи, искусствѣ и политикѣ Франція была законодательницею міра. Съ Франціею вмѣстѣ вся Европа и мы преклонялись передъ созвѣздіемъ, состоявшимъ изъ Монтескье, Вольтера, Руссо. Эта философія влилась въ наше общество, которое дышало тѣмъ же блескомъ, роскошью, утонченностью образованія, какъ и общество французскихъ маркизовъ, виконтовъ, графовъ, дюковъ... общество, которое любило науку и искусство, и хотя не совсѣмъ ихъ понимало, однакожъ преклонялось передъ великими учеными. Мы видѣли міръ сквозь призму французскаго образованія, мы обожали Вольтера, Расина, Корнеля, т.-е. французско-классическую трагедію; мы, утопая въ роскоши, также вздыхали объ идиллической простотѣ природы, какъ и французы; мы такъ же высоко ставили ученыхъ французовъ, какъ они сами себя высоко ставили во Франціи. Екатерина Вторая, бывшая въ этомъ случаѣ путеводительницею, сама переписывалась съ Вольтеромъ, Дидро и и Даламберомъ. Это былъ вѣкъ безотчетнаго увлеченія западною образованностью и вѣкъ подражательности. Вмѣстѣ съ образованвстью къ намъ перешли и недостатки Запада.

Дудышкинъ.

Царствованіе Екатерины Великой, или *Великаго,* по счастливому выраженію принца де-Линь, должно было служить новымъ и сильнымъ побужденіемъ къ направленію нашей поэзіи. Сіе царствованіе — громкое, великолѣпное, восторженное — имѣло въ себѣ много лирическаго. Его можно назвать высокимъ, торжественнымъ гимномъ въ исторіи отечественной. Въ немъ все способствовало къ возвышенію и славолюбію духа народнаго. Первенствующія лица, явившіяся на сценѣ его, были размѣра исполинскаго, героическаго: они рисуются предъ глазами нашими озаренныя лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающихъ намъ дѣйствующія лица Гомеровскія. Это живые выходцы изъ Иліады. Предоставляя исторіи оцѣнивать каждаго по достоинству, нельзя не сознаться, что Орловы, Потемкины, Румянцевы, Суворовы имѣли въ себѣ что-то поэтическое, и лирическое въ особенности. Стройныя имена ихъ придавали какое-то благозвучіе русскому стиху. Нѣтъ сомнѣнія, есть поэзія и въ собственныхъ именахъ. Державинъ это зналъ и оставилъ свидѣтельство тому въ одной изъ строфъ *Водопада.* Поэтъ взываетъ къ умершему Потемкину:

Потухъ лавровый твой вѣнокъ,
Гранена булава упала,
Мечъ въ полножны войти чуть могъ,
Екатерина возрыдала!

Въ стихѣ, составленномъ изъ собственнаго имени и глагола. есть не одно вѣрноподданическое, но высокое поэтическое чувство. Этотъ стихъ, безъ сомнѣнія, исключительно русскій стихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и русская картина. Счастливъ поэтъ, умѣвшій пользоваться средствами, угадывать впечатлѣнія и высѣкать пламень поэзіи изъ сочетанія двухъ словъ; но счастливѣе государь, который умѣлъ облечь имя свое красками и очарованіемъ поэзіи. Счастливъ онъ, когда имя его, священное въ лѣтописяхъ признательной исторіи, даритъ сильные звуки и лирѣ поэтовъ, которые дорожатъ истиною только тогда, когда она всемогуща надъ воображеніемъ. Но властолюбіе и слава побѣдъ не были едиными страстями, можно сказать, едиными добродѣтелями Екатерины. Въ мужественной душѣ своей она цѣнила высоко храбрость и воинственный героизмъ. Однажды въ приближенномъ обществѣ своемъ спросила она, шутя Сегюра, принца де-Линь и другихъ: „если бъ я родилась

мужчиною, какъ думаете вы, до какого военнаго чина дослужилась бы я?“ Легко отгадать отвѣтъ: фельдмаршальскій чинъ, достоинство отличнаго полководца, были единыя мѣты, которыя поставляли честолюбіе могущественной монархини. „Ошибаетесь“, прервала она: „въ чинѣ подпоручика нашла бы я смерть въ первомъ сраженіи“. Такой отвѣтъ обнаруживаетъ душу; но душа, но умъ Екатерины были доступны и другимъ впечатлѣніямъ. Душа ея вмѣщала въ себѣ всѣ отрасли человѣческаго славолюбія; умъ ея былъ отверзтъ для всего возвышеннаго и способенъ на всѣ усилія. Въ числѣ предметовъ, занимавшихъ дѣятельность его, успѣхи образованности и просвѣщенія были цѣлью ея особенной заботливости. Она не только не чуждалась его, но снисходила къ нему, но, такъ сказать, баловала и щадила неизбѣжныя его уклоненія. Самая современная эпоха благопріятствовала сему царственному пристрастію. Франція, униженная въ политическомъ достоинствѣ своемъ, сошедшая съ повелительной череды, на которую возвела ея рука, нѣкогда всемогущая, Людовика XIV, старалась развитіемъ умственныхъ способностей вновь захватить на другомъ поприщѣ утраченное владычество свое. Усилія ея увѣнчаны были совершеннымъ успѣхомъ. Версальскій кабинетъ не имѣлъ въ себѣ другого Ришелье, другого Мазарини; политика Европы не получала уже направленія своего изъ Франціи: но Фернейскій кабинетъ имѣлъ своего Ришелье, который съ иными средствами едва ли былъ не могущественнѣе перваго. Вольтеръ представитель, органъ, душа и глава сего новаго рода властолюбія, коего алкала надменная Франція, распространялъ, во имя свое и собратій или учениковъ своихъ, владычество генія своего и новыхъ мнѣній на умы Европы, все еще покорной господству Франціи. Екатерина съ самыхъ молодыхъ лѣтъ полюбила французскій языкъ и французскую литературу, которая тогда уже исторглась изъ ограниченнаго круга *изящныхъ письменъ* и мѣрнаго великолѣпія, прославившаго ее во дни Людовика XIV. При дворѣ Елизаветы посвящала она лучшіе уединенные часы свои на чтеніе авторовъ, раскрывшихъ умъ ея, рано созрѣвшій для глубокомысленныхъ соображеній философіи и политики. Вступивъ на престолъ, воцарила она съ собою правила, которыя почерпнула въ ученіи. Гласнымъ покровительствомъ, всѣми обольстительными изъявленіями благоволенія, свойственными власти монарха и утонченности женщины, содѣй-

ствовала она торжеству Вольтера и соучастниковъ его во всемірномъ правленіи умовъ и мнѣній. По справедливости должно однакожъ замѣтить, что и до Екатерины правительство и дворъ признавали у насъ власть просвѣщенія европейскаго и не пренебрегали союзомъ съ умственными знаменитостями современными. Вольтеръ уже въ царствованіе Елисаветы былъ, такъ сказать, союзникомъ на жалованьи у двора нашего; и если *Исторія Петра Великаго,* подвигъ, совершонный имъ въ силу дипломатико-литературныхъ сдѣлокъ, не отвѣчаетъ достоинству ни героя, ни писателя, то должно видѣть въ немъ новое доказательство, что наемный союзникъ бываетъ обыкновенно мало надеженъ для пользы назначеннаго предпріятія. Шуваловъ — не тотъ, который въ царствованіе Екатерины писалъ французскіе стихи, принимаемые въ Парижѣ за произведеніе французской почвы — но Шуваловъ, писавшій и самъ русскіе стихи, а болѣе извѣстный и достойный извѣстности потому, что онъ едва ли не первый почувствовалъ красоту стиховъ Ломоносова, покровительствовалъ ему и умѣлъ отъ него выслушиватъ рѣзкія истины и благородные упреки; Шуваловъ, вельможа двора Елизаветы и любимецъ ея, былъ уже посредникомъ между нами и европейскою литературою. Онъ имѣлъ въ Женевѣ агента, Бориса Михайловича Салтыкова, кажется, имъ уполномоченнаго для сношеній съ Вольтеромъ по предмету исторіи, имъ сочиняемой. Письма его къ Шувалову — настоящія депеши о томъ, что дѣлается въ Делисахъ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Вольтера. Вообще изъ переписокъ того времени, которыя удалось намъ прочитать, видно, какое постоянное участіе принимали вельможи наши въ движеніяхъ современной литературной дѣятельности. Новыя понятія, смѣло провозглашаемыя во Франціи, имѣли отголоски въ Петербургѣ. Мы нашли въ запискахъ, оставленныхъ княгинею Дашковою, что до 15-лѣтняго возраста прочла она въ домѣ дяди своего, графа Воронцова, сочиненія Беля, Вольтера, Монтескье, Гельвеція: правда, прибавляетъ она, что кромѣ Екатерины, тогда еще великой княгини, и также въ лѣтахъ весьма молодыхъ, и ея никто изъ женщинъ въ Петербургѣ не занимался подобнымъ чтеніемъ. Легко повѣрить тому и едва ли можно сожалѣть о томъ. Подобное чтеніе, нельзя не сознаться, было нѣсколько преждевременно, и просвѣщеніе, за нимъ слѣдовавшее, должно было походить на то, въ которомъ вообще обвиняютъ насъ

нѣкоторые иностранцы насильственно-прививное, скороспѣлое и потому ненадежное. Но между тѣмъ сіе свидѣтельство, въ числѣ прочихъ, доказываетъ, что отраженіе лучей, бросаемыхъ Франціею, было не чуждо и вершинамъ нашего общества.

Замѣчательно, что сношенія, завязавшіяся между Россіею и представителями европейскаго просвѣщенія, не были начаты и продолжаемы равными съ обѣихъ сторонъ договаривающимися лицами: съ одной видимъ литераторовъ, съ другой — дворъ и вельможъ. Представители нашей литературы не были участниками въ дѣлѣ, которое, казалось, могло быть ближе къ нимъ, нежели къ тѣмъ, которые дѣйствовали. Литература и литераторы наши оставались въ сторонѣ. Одинъ дѣятельный Сумароковъ умѣлъ какъ-то выманить письма Вольтера и заставить его заочно и на слово похвалить его трагедіи. Даже въ то время, когда одинъ изъ полномочныхъ посланниковъ энциклопедическаго двора, Дидро, пріѣзжалъ въ Россію, не послѣдовало никакого сближенія между имъ и нашими авторами. По крайней мѣрѣ, не отыскиваемъ ни одного слѣда тому ни въ сочиненіяхъ Дидро, ни въ сочиненіяхъ соотечественниковъ нашихъ. То же можно замѣтить и относительно Альфіери, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера и другихъ извѣстныхъ писателей, посѣщавшихъ Россію въ то время. Все это подтверждается доказательствомъ, что между литературою нашею и нашимъ обществомъ не было ничего взаимнаго; что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія; что подобно Русскому или Азовскому морю, чуждому движенія, общаго другимъ морямъ, и литература русская, не подверженная повсемѣстному закону, пребываетъ до времени въ тишинѣ бездѣйствія, стихіею отдѣльною и неподвижною; что если могли мы замѣтить, какъ указали выше, нѣкоторое дѣйствіе, сотрясеніе, нѣкоторое переходчивое впечатлѣніе, произведенное обществомъ, или почти исключительно дворомъ, въ явленіяхъ литературы нашей, или, вѣрнѣе сказать, поэзіи, то въ самомъ обществѣ не найдемъ мы признаковъ, что литература отечественная входитъ въ составъ гражданскаго быта нашего, въ число богатствъ нашего нравственнаго достоянія. Изыскать и означить причины явленія сего вовлечетъ въ изслѣдованіе слишкомъ глубокое и многостороннее. Довольно указать на иныя, которыя болѣе другихъ на виду и едва ли не богаче въ послѣдствіяхъ. Недостатокъ въ основательномъ ученіи,

недостатокъ въ званіи, которое по мѣсту своему въ чиноположеніи гражданскомъ могло бы исключительно посвящать себя трудамъ ума и видѣло бы въ нихъ единую цѣль, доступную честолюбію, свойственному всѣмъ званіямъ; обязанность дворянства, болѣе или менѣе, но вообще грамотнаго, служить, и алчная нетерпѣливость достигнуть офицерскаго чина въ лѣта, когда еще не стыдно быть слушателемъ университетскихъ лекцій — вотъ, безъ сомнѣнія, однѣ изъ главныхъ причинъ застоя нашего въ движеніяхъ мысли и творческой дѣятельности. Отъ сихъ причинъ, несмотря на исполинское движеніе, данное Россіи Петромъ, поощренное Екатериною и покровительствуемое преемниками ихъ, нѣтъ у насъ донынѣ литературы истинной, полной, коренной; литература, которая была бы живою отраслью государственнаго благоденствія и непосредственнымъ существованіемъ людей, служащихъ отечеству трудами ума своего, какъ воинъ служитъ ему на полѣ брани, судія въ храминахъ закона, торговецъ на поприщѣ промышленности.

Вяземскій.

Потемкинъ.

О впечатлѣніи, произведенномъ кончиною Потемкина, мы узнаемъ довольно подробно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ Дневникѣ Храповицкаго сказано 12 октября: „Курьеръ къ пяти часамъ пополудни привезъ извѣстіе, что Потемкинъ умеръ.... Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пустили кровь, въ 10 часовъ легли въ постель“. 13 октября: „Проснулись въ огорченіи и слезахъ. Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться“ (слова Екатерины).

Въ эту же ночь императрица въ своемъ горѣ искала утѣшенія въ письменной бесѣдѣ со своимъ другомъ, барономъ Гриммомъ. Она писала ему въ 2½ часа утра: „Страшный ударъ разразился надъ моей головою. Послѣ обѣда, часовъ въ шесть, курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, мой идолъ, князь Потемкинъ-Таврическій умеръ въ Молдавіи, отъ болѣзни, продолжавшейся почти цѣлый мѣсяцъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца, цѣли его всегда были направлены къ великому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя

мысли; какой онъ былъ мастеръ острить, какъ умѣлъ сказать словцо кстати! Въ эту войну онъ выказалъ поразительныя дарованія: вездѣ была ему удача, и на сушѣ, и на морѣ. Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственнымъ человѣкомъ: умѣлъ дать хорошій совѣтъ, умѣлъ и выполнить. Его привязанность и усердіе ко мнѣ доходили до страсти; онъ всегда сердился и бранилъ меня, если, по его мнѣнію, дѣло было сдѣлано не такъ, какъ слѣдовало; съ лѣтами, благодаря опытности, онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Когда онъ пріѣхалъ сюда три мѣсяца тому назадъ, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна и что въ немъ незамѣтно болѣе прежнихъ его недостатковъ, и вотъ, къ несчастію, мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что былъ въ состояніи сдѣлать". 22 октября она писала Гримму же: „Князь Потемкинъ своею смертью сыгралъ со мною злую шутку. Теперь вся тяжесть правленія лежитъ на мнѣ одной". 12 декабря: „Дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, несмотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ ту-же ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что нужно родиться такимъ человѣкомъ, какъ онъ, а конецъ нынѣшняго столѣтія не представляетъ геніальныхъ людей". Марія Θедоровна писала къ своимъ родителямъ: „Императрица была такъ поражена (кончиною князя), что нужно было пустить ей кровь; слава Богу, она здорова".

Къ Попову императрица писала на другой день послѣ полученія „роковаго извѣстія": „Сколько поразила меня вѣсть о кончинѣ князя, вы и сами то судить можете, знавъ мои къ нему расположенія и признательность къ его горячему ко мнѣ усердію и многимъ важнымъ заслугамъ, которыхъ я не забуду". И Самойлову, и графинѣ Браницкой Екатерина писала о „нашей общей печали". Въ Москвѣ говорили о томъ, въ какой мѣрѣ императрица была потрясена кончиною Потемкина. Въ Петербургѣ разсказывали, что Екатерина была при

смерти вслѣдствіе отчаянія при полученіи этого извѣстія, что съ нею были три обморока. Въ Дневникѣ Храповицкаго сказано 16 октября: „Продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: „Какъ можно Потемкина мнѣ замѣнить? Все будетъ не то.... Онъ былъ настоящій дворянинъ, умный человѣкъ, меня не продавалъ; его нельзя было купить". Въ письмѣ къ принцу Нассау-Зиггенъ Екатерина сказала о Потемкинѣ (21 октября): „Онъ былъ моимъ любезнымъ другомъ, моимъ питомцемъ, онъ былъ геніальнымъ человѣкомъ; онъ дѣлалъ добро своимъ недоброжелателямъ и этимъ ихъ обезоруживалъ".

Графъ Эстергази писалъ къ своей женѣ около этого времени: „Со смерти Потемкина все облечено здѣсь скорбію. Императрица ни разу не выходила; эрмитажа не было; она даже не играла въ карты во внутреннихъ покояхъ".

Изъ множества писемъ Екатерины къ Потемкину мы знаемъ, какъ высоко императрица цѣнила въ немъ не только друга, принимавшаго участіе во всемъ, что занимало ее, но и сотрудника, дѣятельно помогавшаго ей при управленіи дѣлами, при рѣшеніи разныхъ задачъ административнаго управленія и политики. Часто повторявшееся во время отсутствія князя выраженіе: „я безъ тебя какъ безъ рукъ" не было пустою фразою, какъ видно изъ подробностей о текущихъ дѣлахъ и переписки императрицы съ княземъ. Позднѣйшіе историки, утверждавшіе, что подчиненіе императрицы вліянію князя было чрезвычайно вредно, жестоко ошибались. Блюмъ, основывавшій свое мнѣніе о Потемкинѣ и Екатеринѣ на отзывахъ писателей-памфлетистовъ, замѣчаетъ, что первая половина царствованія Екатерины, а также и ея самостоятельность, оканчивается въ 1778 году, что затѣмъ настало будто царствованіе Потемкина, „князя тьмы". Такой отзывъ не соотвѣтствуетъ фактамъ. Впрочемъ, и Державинъ, восхвалявшій „Фелицу", обвиняетъ Екатерину въ томъ, что она „угождала своимъ любимцамъ", и говоритъ по этому поводу: „Когда же (она) привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то ужъ ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скипетру новыхъ царствъ". Очевидно, Державинъ тутъ приписываетъ Потемкину вредное вліяніе на императрицу. Гельбигъ писалъ въ 1790 году, что Екатерина боится рѣшить какое-либо важное дѣло, не спросивши князя. Въ 1792 году

В. С. Поповъ при дворѣ занималъ очень важное мѣсто и оказывалъ сильное вліяніе на дѣла; Растопчинъ объяснялъ важную роль правителя канцеляріи Потемкина тѣмъ, что Поповъ поддерживалъ дѣлаемыя имъ предложенія указаніемъ на то, что они соотвѣтствуютъ соображеніямъ покойнаго князя. Другіе сановники завидовали Потемкину, пользовавшемуся безусловнымъ довѣріемъ императрицы. Когда Безбородко, вскорѣ послѣ кончины князя на югѣ, велъ переговоры о мирѣ, онъ писалъ графу А. Р. Воронцову: „Дайте мнѣ знать искренно, довольны ли моими дѣлами, или уже теперь жребій всякаго, что никто такъ не угодитъ, какъ покойникъ, который все одинъ зналъ и умѣлъ".

Современники часто думали, что Екатерина сильно боялась Потемкина, и этимъ главнымъ образомъ объясняли важную роль, которую игралъ князь. Саксонскій дипломатъ Фелькерзамъ въ образѣ дѣйствій Екатерины, оказавшей покровительство всѣмъ приверженцамъ Потемкина послѣ его кончины, не безъ основанія видѣлъ доказательство того, что императрица не столько по боязни, сколько въ силу истинной привязанности снисходительно относилась къ причудамъ князя и давала просторъ его дѣятельности. Неудивительно поэтому, что смерть Потемкина, какъ писалъ Державинъ, „поразила какъ громомъ императрицу, которая чрезвычайно о семъ присноименномъ талантами и слабостями вельможѣ соболѣзновала". Завадовскій писалъ въ маѣ 1792 года о Потемкинѣ: „Его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде". Напрасно нѣкоторые писатели полагали, что императрица во время послѣдняго пребыванія Потемкина въ столицѣ совсѣмъ разлюбила его и пожелала окончательно избавиться отъ него; сознавая его слабости и даже допуская, что нерѣшительность Потемкина иногда мѣшала успѣху ея предпріятій, напр. препятствовала занятію Константинополя, императрица и послѣ кончины князя не переставала уважать въ немъ умнаго дѣльца и безусловно преданнаго друга.

Скорбь императрицы о Потемкинѣ была искренна и глубока. Но лица, окружавшія ее, при этомъ случаѣ не раздѣляли ея чувствъ. Сообщая о печали Екатерины, графъ Эстергази замѣчаетъ: „Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобъ всѣ были слишкомъ огорчены. Многіе, какъ слышно, весьма довольны разрушеніемъ этого колосса". Растопчинъ писалъ С. Р. Воронцову: „Здѣсь всѣ прикидываются печальными, однако никто

не скорбѣетъ". Въ другомъ письмѣ: „Смерть совершила свой удачный ударъ. Великій мужъ исчезъ; объ немъ сожалѣютъ кромѣ разочарованныхъ лицъ, обманутыхъ въ своихъ надеждахъ, развѣ только гренадеры его полка, которые, лишаясь его, лишились привилегіи воровать безнаказанно. Что касается меня, то я восхищаюсь тѣмъ, что день его смерти положительно извѣстенъ, тогда какъ никто не знаетъ времени паденія родосскаго колосса". „Чудеснѣе всего", — писалъ Растопчинъ въ концѣ декабря 1791 года, — „что онъ (Потемкинъ) забытъ совершенно. Грядущія поколѣнія не благословятъ его память. Онъ въ высшей степени обладалъ искусствомъ изъ добра дѣлать зло и внушать къ себѣ ненависть".

Бантышъ-Каменскій писалъ изъ Москвы къ князю Куракину 12 ноября 1791 года: „Не всѣ такъ думаютъ о покойникѣ, какъ вы. Многіе ужъ злословить начинаютъ. Но о мертвомъ лучше что-нибудь хорошее или ничего не говорить". Узнавъ о кончинѣ Потемкина, Я. Сиверсъ, бывшій новгородскій губернаторъ, проживавшій тогда въ своемъ имѣніи въ Лифляндіи, писалъ къ одному родственнику: „Такъ его нѣтъ болѣе въ живыхъ, этого ужаснаго человѣка, который шутилъ когда-то, что станетъ монахомъ и архіепископомъ. Онъ умеръ; но какимъ образомъ? естественною ли смертью? или, быть можетъ, Провидѣніе нашло орудіе мести? или это была молдаванская горячка, – даръ страны, которую онъ поверхъ въ несчастіе, и надъ которою онъ хотѣлъ царствовать?" Растопчинъ сильно сожалѣлъ въ 1792 г. о томъ, что Поповъ, орудіе Потемкина, имѣлъ вліяніе на дѣла, „отдавая отчетъ о предначертаніяхъ Потемкина". „Память князя" — писалъ Растопчинъ, — „хотя и ненавистная всѣмъ, имѣетъ еще сильное вліяніе на мнѣніе двора; къ нему нельзя примѣнить пословицу: morta la bestia, morte il venino (sic)". Завадовскій писалъ въ 1795 году: „Память о князѣ Потемкинѣ проходитъ, такъ какъ всѣ слѣды большихъ матадоровъ время заглаждаетъ". Въ минуту кончины его это событіе казалось важнымъ. Многіе, считавшіе Потемкина препятствіемъ мира, радовались смерти его. Безбородко писалъ къ Завадовскому: „Когда было получено извѣстіе о смерти покойника, то въ Константинополѣ подлецы наши, европейскіе министры, не выключая и Герберта, послали своихъ драгомановъ къ Портѣ съ извѣстіемъ, что они сіе происшествіе пріемлютъ за доброе предзнаменованіе къ миру".

Болотовъ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ", что кончина Потемкина „поразила всю Россію не столько огорченіемъ, сколько радостью". Особенно обрадовался смерти князя польскій король Станиславъ-Августъ, ожидавшій особенно враждебныхъ дѣйствій со стороны Потемкина противъ Польши по поводу государственнаго переворота 3-го мая 1791 года.

Изъ всего этого видно, сколь важнымъ событіемъ считалась современниками кончина Потемкина. Массонъ, находившійся въ то время въ Россіи, писалъ о Потемкинѣ и его значеніи: „Онъ создавалъ или уничтожалъ все; онъ приводилъ въ безпорядокъ все. Когда его не было, всѣ говорили лишь о немъ; когда онъ находился въ столицѣ, никого не замѣчали кромѣ его. Вельможи, его ненавидѣвшіе и игравшіе нѣкоторую роль развѣ только въ то время, когда князь находился при арміи, обращались въ ничто при его возвращеніи.... Его кончина оставила громадный пробѣлъ въ имперіи".

Удивительно разногласіе въ отношеніи къ Потемкину. При занятіи исторіей его жизни ничто такъ рѣзко не бросается въ глаза, какъ привязанность къ нему Екатерины съ одной стороны и съ другой почти общая ненависть къ нему современниковъ. Императрица считала его дѣятельность въ высшей степени полезною, высоко цѣнила его сотрудничество въ дѣлахъ правленія; другіе же, наоборотъ, жаловались на вредъ, причиняемый имъ Россіи. Екатерина уважала и любила въ немъ человѣка, не только чрезвычайно способнаго, но и симпатичнаго; другимъ онъ казался несноснымъ деспотомъ, причудливымъ баловнемъ, упрямымъ эгоистомъ. Чѣмъ объяснить эту противоположность мнѣній, эти крайности въ сужденіяхъ о Потемкинѣ?

Вопервыхъ, тѣмъ, что князь стоялъ ниже Екатерины, выше всѣхъ другихъ. Потемкинъ былъ ученикомъ императрицы, зависѣлъ отъ нея. Онъ хотя иногда и сталкивался съ нею, но вообще долженъ былъ стараться угождать. Не имѣя возможности сдѣлаться опаснымъ для нея, уступая ей въ способностяхъ и въ силѣ воли, Потемкинъ легче могъ пользоваться ея расположеніемъ. Она оставалась императрицею, и его никогда не покидало убѣжденіе, что та самая государыня, которая обласкала его, осыпала милостями, доставила ему широкій кругъ дѣятельности, каждую минуту опять можетъ удалить его и отъ себя, и отъ дѣлъ, уничтожить его положеніе, пре-

вратить его въ ничто. Такая несамостоятельность князя въ отношеніи къ Екатеринѣ смягчала въ ея глазахъ нѣкоторыя изъ его неблагопріятныхъ качествъ. Совсѣмъ иначе относились къ нему всѣ другія лица безъ исключенія. Пользуясь безусловнымъ довѣріемъ императрицы, располагая громадными средствами, превосходя всѣхъ другихъ и властью и богатствомъ, Потемкинъ легко могъ казаться недостойнымъ своего положенія и избалованнымъ счастьемъ временщикомъ. Соперничество, завиcть должны были усилить строгость критики при обсужденіи его качествъ и дѣйствій. Своимъ положеніемъ онъ мѣшалъ многимъ, не давалъ дороги разнымъ вельможамъ, заслонялъ другихъ, сдѣлался камнемъ преткновенія для всѣхъ. Немудрено поэтому, что Екатерина и другія лица, смотря на Потемкина совершенно съ противоположныхъ сторонъ, кореннымъ образомъ расходились въ оцѣнкѣ его.

Вовторыхъ, нужно признать, что въ характерѣ Потемкина соединены были совершенно противоположныя качества — добро и зло, добродѣтель и пороки, замѣчательныя умственныя способности и большіе нравственные недостатки. Онъ былъ въ одно и то же время замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ и легкомысленнымъ сибаритомъ, представителемъ всеобъемлющихъ проектовъ Екатерины и своенравнымъ, корыстолюбивымъ аферистомъ. Въ немъ были соединены геніальность и сила и слабость, героизмъ и фанфаронство, идеализмъ и цинизмъ, культурная утонченность и тупое варварство, гуманность и кичливое самолюбіе, умъ и сумасбродство. Такая пестрота качествъ Потемкина, такое отсутствіе гармоніи въ его личности объясняетъ противорѣчія въ сужденіяхъ о немъ. Его хвалили одни и порицали другіе, его хвалили и порицали одни и тѣ же лица, смотря по тому, на что при отзывѣ о немъ было обращено главное вниманіе; сложность этой личности заставляла многихъ современниковъ въ одно и то же время восхвалять и презирать его, удивляться громадности его дарованій и осуждать испорченность его нрава, считать его то героемъ, то преступникомъ, то представителемъ великихъ идей, то пустымъ хвастуномъ. Не даромъ, во время осады Очакова, принцъ де-Линь сравнивалъ его то съ Терситомъ, то съ Ахилломъ. Оба эпитета соотвѣтствовали его личности.

Принцъ де-Линь такъ очерчиваетъ Потемкина: „Показывая видъ лѣнивца, трудится безпрестанно, опе имѣетъ стола кромѣ

своихъ колѣвъ, другого гребня кромѣ своихъ ногтей, всегда лежитъ, но не предается сну ни днемъ, ни ночью, безпокоится прежде наступленія опасности и веселится, когда она настала, унываетъ въ удовольствіяхъ, несчастенъ оттого, что счастливъ, нетерпѣливо желаетъ и скоро всѣмъ наскучаетъ. Философъ глубокомысленный, искусный министръ, тонкій политикъ и вмѣстѣ избалованный девятилѣтній ребенокъ, любитъ Бога, боится сатаны, котораго почитаетъ гораздо болѣе и сильнѣе, нежели самого себя, принимаетъ безчисленныя награжденія и тотчасъ ихъ раздаетъ, лучше любитъ давать, чѣмъ платить долги, чрезвычайно богатъ, но никогда не имѣетъ денегъ, говоритъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями: поочереди имѣетъ видъ восточнаго сатрапа или любезнаго придворнаго вѣка Людовика XIV и вмѣстѣ изнѣженнаго сибарита. Какая же его магія? Геній, потомъ и еще геній, природный умъ, превосходная память, возвышенность души, коварство безъ злобы, хитрость безъ лукавства, счастливая смѣсь причудъ, великая щедрость въ раздаяніи наградъ, чрезвычайная тонкость, даръ угадывать то, что онъ самъ не знаетъ, и величайшее познаніе людей; это настоящій портретъ Алкивіада". „Въ немъ есть много исполинскаго, романтическаго и варварскаго", сказалъ де-Линь о Потемкинѣ въ другомъ мѣстѣ. Эстергази писалъ своей женѣ: „Никто не станетъ отрицать въ немъ обширныхъ, геніальныхъ способностей, приверженности къ монархинѣ, радѣнія о государственной славѣ. Но ему ставятъ въ упрекъ его лѣность, нарушеніе заведенныхъ порядковъ, страсть къ богатству и роскоши, чрезмѣрное уваженіе собственной личности и разныя причуды, до такой степени странныя, что иной разъ рождалось сомнѣніе — въ здравомъ ли онъ умѣ. Отъ всего этого онъ скучалъ жизнью и былъ несчастливъ, и ты легко поймешь это: онъ не любилъ ничего".

Сегюръ писалъ о Потемкинѣ: „Иногда онъ обнаруживалъ геній орла, иногда легкомысліе ребенка. Великіе предметы заставляли его дѣйствовать, мелочи останавливали его дѣйствія; никто не составлялъ какой-либо проектъ столь быстро, какъ онъ; никто не исполнялъ своихъ проектовъ столь медленно и не отказывался отъ ихъ исполненія столь легко, какъ онъ. Занявшись устройствомъ фабрикъ, онъ послѣ о нихъ не заботился; купивъ что-либо, онъ сейчасъ былъ готовъ продать эту вещь; часто онъ опрокидывалъ то, что только-что имъ

самимъ было построено. Музыка и какое-либо стихотвореніе отвлекали его отъ занятія какимъ-либо политическимъ вопросомъ; своимъ легкомысліемъ онъ часто лишался довѣрія необходимаго при дѣлахъ, требующихъ послѣдовательности и постоянства въ трудѣ".

Въ запискахъ П. В. Чичагова сказано: „Геній Потемкина царилъ надъ всѣми частями русской политики, и великая государыня могла лишь радоваться его умѣнью содѣйствовать ея видамъ". И дальше: „Кто же изъ государственныхъ людей болѣе Потемкина способствовалъ расширенію предѣловъ и могущества имперіи? Онъ пріобрѣлъ для Россіи области въ одномъ изъ благорастворенвѣйшихъ климатовъ Европы" и пр., а затѣмъ: „Его геній парилъ надъ всею политикою имперіи наряду съ геніемъ его безсмертной государыни".

Вопросъ о томъ, что̀ могло заставить императрицу столь высоко цѣнить Потемкина, занималъ иностранныхъ дипломатовъ. Такъ, напримѣръ, сардинскій посланникъ де-Парело писалъ: „Потемкинъ — необыкновенный человѣкъ... я никогда не слыхалъ ни о какихъ его подвигахъ, которые являли бы въ немъ истиннаго воина... Онъ баловень счастья... онъ самъ сказалъ, что всѣ проекты, вышедшіе изъ его головы, имѣли успѣхъ, и что по этой причинѣ онъ чрезвычайно предпріимчивъ. Ободряемый такимъ успѣхомъ, онъ задумалъ планъ расширенія владѣній Россіи до Чернаго моря... Человѣкъ, предлагавшій обширныя предпріятія, могъ навѣрное разсчитывать на благорасположеніе Екатерины; а такимъ являлся человѣкъ, близкій ея сердцу и обладавшій дарованіями, способными вести политическую нить труднѣйшихъ интригъ... Идолъ, которому мы здѣсь кадимъ (Потемкинъ), странное существо... Князь такой человѣкъ, который возвысился столько же своимъ умомъ сколько по счастливому стеченію обстоятельствъ. Онъ поддерживается скорѣе необходимостью довести до конца проекты, которые онъ задумалъ и заставилъ принять, нежели потому, чтобъ онъ былъ любимъ. Онъ болѣе имѣетъ природнаго ума, чѣмъ образованія; онъ обладаетъ главнымъ изъ всѣхъ дарованій, необходимыхъ великому министру, — способностью познавать людей. Но можно ли считать его честнымъ, искреннимъ, откровеннымъ? Говорятъ, что нѣтъ".

О политическомъ значеніи Потемкина возлѣ Екатерины доносилъ Сегюръ французскому министру Верженну: „Князь

пользуется безграничнымъ вліяніемъ, ему извѣстны всѣ тайны, всѣ добродѣтели и слабости государыни, онъ необходимъ для ея ума, онъ имѣетъ власть надъ ея сердцемъ, она смотритъ на него какъ на единственнаго человѣка, способнаго управлять арміей и принять какое-нибудь твердое рѣшеніе въ случаѣ революціи: это единственный подданный, вѣрность котораго она считаетъ твердою и неподкупной. Несмѣтныя богатства, которыми она его награждаетъ, и та громадная власть, которую она ему предоставила, неразрывно связываютъ его интересы съ жизнію этой государыни. Онъ служитъ ей оплотомъ противъ всѣхъ невзгодъ, какія ей могутъ угрожать; она считаетъ его, и совершенно справедливо, единственнымъ человѣкомъ, у котораго есть гордость, умъ и характеръ".

„Даже въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же качествамъ Потемкина въ отзывахъ встрѣчаются противорѣчія. Іосифъ II говоритъ о немъ: „Онъ человѣкъ лѣнивый, безпечный и слишкомъ холодный для того, чтобы заняться какимъ-либо дѣломъ послѣдовательно". Ѳ. Н. Голицынъ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ": „Заграбя многія важныя должности, онъ отъ своей лѣни слишкомъ на другихъ надѣялся, слѣдственно худо оныя исполнялъ. Былъ сластолюбивъ, не имѣлъ нужной въ дѣлахъ дѣятельности. Военный департаментъ, ему ввѣренный, не въ самомъ лучшемъ былъ порядкѣ". Завадовскій писалъ къ С. Р. Воронцову о Потемкинѣ: „Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ, суть его пороки". „Нѣтъ возможности найти человѣка болѣе лѣниваго, небрежнаго, болѣе равнодушно относящагося къ дѣламъ", доносилъ англійскій дипломатъ Витвортъ (Whitwort) герцогу Лидсу (Leeds) о Потемкинѣ въ 1791 году. О нерѣшливости князя говорили часто. Завадовскій писалъ однажды о какомъ-то сановникѣ, что Потемкинъ „не любитъ его за любовь къ порядку". С. Р. Воронцовъ сильно порицалъ князя за небрежность, съ которою онъ самыя важныя бумаги оставлялъ на своемъ письменномъ столѣ, такъ что государственныя дѣла не оставались въ тайнѣ. Другія лица, напротивъ, хвалили необычайную рабочую силу Потемкина, ловкость, съ которою онъ занимался редакціей бумагъ. Гаррисъ удивлялся тому, какъ рано вставалъ Потемкинъ, ... чиво занимался дѣлами и пр., а въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что лѣнь и нерадѣніе князя не знаютъ предѣловъ. Самойловъ, въ объясненіе этой загадочной че...

Потемкина, между прочимъ, замѣчаетъ: „При всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, имѣя способность дѣлать все безъ великаго напряженія силъ, казался онъ для публики ни о чемъ не попечительнымъ и даже разсѣяннымъ. Однакожъ, государыня и приближенные знали его свойство и духъ, способный къ дѣятельности безъ принужденія и утомленія".

Въ необычайныхъ способностяхъ Потемкина никто не сомнѣвался. Суворовъ говорилъ о немъ: „Великій человѣкъ: великъ умомъ, великъ и ростомъ, не походилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонѣ, о которомъ канцлеръ Баконъ сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ". Павелъ замѣчаетъ, что Потемкинъ единственный геніальный человѣкъ изъ всѣхъ людей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. „Потемкинъ", писалъ Домъ (Dohm), „человѣкъ талантливый и геніальный; но его умъ и характеръ не располагаютъ любить и уважать его". Герцогъ Ришелье называлъ его великимъ и геніальнымъ, но въ то же время мелочнымъ и подвергнутымъ слабостямъ человѣкомъ, наклонности и вкусъ котораго иногда оказывались достойными смѣха. Герцогъ, впрочемъ, находилъ, что хорошія качества князя далеко превосходили его пороки и слабости. Въ восхищеніи герцогъ говорилъ о широкихъ познаніяхъ Потемкина, о его умѣніи собирать свѣдѣнія о людяхъ и вещахъ при каждомъ случаѣ, о его смѣтливости, его быстротѣ соображенія, о пикантности бесѣды съ нимъ. „Почти всѣ дѣйствія Потемкина", пишетъ Ришелье, „носятъ отпечатокъ величія и великодушія (de la noblesse et de la grandeur)".

Нельзя сомнѣваться въ довольно многостороннемъ образованіи Потемкина. Коксъ писалъ о немъ: „Онъ отличался быстрымъ пониманіемъ и рѣдкою памятью, имѣлъ общее, хотя поверхностное понятіе о литературѣ. Его начитанность ограничивалась французской беллетристикой, русскими духовными писателями и переводами классиковъ, особенно Плутарха; но масса свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ отъ лицъ различныхъ профессій, съ которыми онъ сталкивался, была изумительна". Особенно онъ любилъ слушать разсказы о путешествіяхъ и походахъ. Чрезвычайно охотно онъ занимался музыкою. Неоднократно онъ посылалъ къ Гримму, съ которымъ находился въ перепискѣ, копіи нотъ новыхъ сочиненій Сарти и другихъ композиторовъ. Гриммъ называлъ его „mon bienfaiseur en

musique". Посылая Гримму какой-то „хоръ дервишей". Потемкинъ снабжалъ эту музыку разными примѣчаніями. Любопытно, что графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій. живя въ Вѣнѣ и желая угодить Потемкину, писалъ ему въ 1791 году: „Хотѣлъ было я отправить къ вамъ перваго піаниста и одного изъ лучшихъ композиторовъ въ Германіи. именемъ Моцартъ. Онъ не доволенъ своимъ положеніемъ здѣсь и охотно предпринялъ бы это путешествіе. Теперь онъ въ Богеміи, но его ожидаютъ сюда обратно. Если ваша свѣтлость пожелаетъ, я могу нанять его не надолго, а такъ, чтобы его послушать и содержать при себѣ нѣкоторое время". Съ разными лицами Потемкинъ переписывался о литературѣ. То онъ посылалъ одному англійскому лорду какія-то греческія книги, то онъ восхищался переводомъ одъ Пиндара, которыя, по желанію князя, были переведены на русскій языкъ, и проч. Списокъ книгъ, находившихся въ библіотекѣ князя, даетъ намъ понятіе о литературныхъ занятіяхъ его. Тутъ было болѣе двухъ тысячъ сочиненій, между которыми книги богословскаго содержанія занимали самое видное мѣсто. Также и дошедшія до насъ замѣтки о походной типографіи князя заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя о наклонностяхъ его къ словесности и богословію. Въ молодости онъ писалъ стихи, между прочимъ, сатиры и эпиграммы на начальниковъ въ университетѣ; въ 1790 году онъ сочинилъ стихи въ честь Екатерины по случаю заключенія Верельскаго мира. Не даромъ Потемкинъ считался меценатомъ, покровителемъ поэтовъ. Многіе изъ послѣднихъ обращались къ нему съ письмами, всячески льстя ему, говоря о „музахъ", о Гомерѣ и проч. Къ Державину Потемкинъ относился, какъ извѣстно. довольно благосклонно. Нѣкоторыя, впрочемъ, добродушныя шутки поэта насчетъ князя въ одѣ „Фелица" не оскорбили послѣдняго, хотя Державинъ сильно опасался гнѣва временщика по этому поводу.

Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Державинъ воспѣвалъ князя, напр. въ одѣ „Рѣшемыслу", написанной по просьбѣ Дашковой. Державинъ разсказываетъ, что Потемкинъ, пріѣхавъ изъ арміи въ 1791 году, сталъ къ нему ласкаться, изъявляя желаніе познакомиться ближе съ авторомъ „Фелицы" и „Рѣшемысла". Но когда въ хорахъ, сочиненныхъ Державинымъ по случаю Потемкинскаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ, была отдана Румянцеву равная честь съ Потемки-

нымъ, — князь видимо обидѣлся и обнаружилъ въ обращеніи съ поэтомъ нѣкоторую холодность. Послѣ однако онъ увѣрилъ его въ своемъ благорасположеніи, такъ что Державинъ могъ замѣтить въ своихъ „Запискахъ": „Должно справедливость отдать князю Потемкину, что онъ имѣлъ весьма сердце доброе и былъ человѣкъ отлично великодушный". Ода „Водопадъ", написанная послѣ кончины князя, свидѣтельствуетъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ событіемъ на поэта. „Съ лихвой", замѣчаетъ Я. К. Гротъ, „Державинъ заплатилъ долгъ благодарности своему покровителю, воздвигнувъ этотъ поэтическій памятникъ на могилѣ его въ то время, когда многіе безъ стыда поносили память падшаго кумира. „Водопадъ" есть блестящая апоѳеоза всего, что было въ духѣ и дѣлахъ Потемкина дѣйствительно достойно жить въ потомствѣ. Только даровитый поэтъ могъ такъ понять и начертить этотъ исполинскій историческій образъ Россіи 18-го вѣка".

Восхваляя „обширный умъ, глубокомысленное понятіе и самое пылкое воображеніе Потемкина", Самойловъ сообщаетъ нѣкоторыя данныя объ особенныхъ наклонностяхъ и о вкусѣ князя въ области художествъ и литературы. Такъ напр. онъ пишетъ: „Въ архитектурѣ онъ предпочиталъ огромное и величественное, . пылкое его воображеніе и огромные замыслы не вмѣстимы были въ тѣсныхъ стѣнахъ. Всѣмъ прочимъ красотамъ сего художества предпочиталъ онъ легкость и простоту іоническаго ордена. Живопись и скульптуру любилъ въ ихъ совершенствахъ, и никогда никто не обманулъ его въ оныхъ, а отличныхъ художниковъ уважалъ и старался доставлять имъ уваженіе. Музыкѣ не учась, судилъ объ ней какъ знатокъ, любилъ въ оной все важное и возвышенное; многихъ музыкантовъ и виртуозовъ имѣлъ на своемъ иждивеніи... Онъ желалъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи академію художествъ... Въ словѣ отечественномъ онъ былъ свѣдущъ и углублялся въ изслѣдованія языка; витіевъ и поэтовъ уважалъ". Изъ литераторовъ особливо уважалъ И. Н. Болтина, которому далъ идею и просилъ сдѣлать возраженіе на сочиненную Леклеркомъ Россійскую исторію. Друженъ былъ къ покойному Е. А. Черткову" и проч. Собираясь отправиться въ путь — въ Кіевъ, Херсонъ и Крымъ — вмѣстѣ съ императрицею, французскій дипломатъ Сегюръ писалъ къ Потемкину изъ С.-Петербурга 20 декабря 1786 г.: „Императрица везетъ съ собою библіотеку; я надѣюсь

прочесть съ вами нѣсколько греческихъ трагедій, анакреонтическихъ одъ и даже переложить въ стихи нѣкоторые ихъ отрывки“ и пр.

О занятіяхъ Потемкина богословіемъ Самойловъ почти вовсе не говоритъ. Онъ только замѣчаетъ, что князь „по образу мыслей никогда не входилъ въ таинственныя общества, славившіяся мистичествомъ; но имѣлъ истинное уваженіе къ догматамъ и обрядамъ вѣры, многихъ духовныхъ особъ почиталъ и отличалъ“ и проч.

Потемкинъ, — какъ извѣстно уже читателямъ, — часто мечталъ о монашествѣ. Вѣроятно, эта наклонность его къ занятіямъ вопросами богословія и церкви дала поводъ Екатеринѣ помѣстить его еще въ молодости за прокурорскій столъ въ синодѣ. „Государыня“, разсказываетъ Самойловъ, „во время архіерейскаго служенія въ придворной церкви, призывала его къ своему мѣсту, спрашивала изъясненій о таинствахъ литургіи и объ обрядѣ облаченія архіепископскаго“. Его особенно интересовали догматическіе вопросы раскола, вопросъ о различіи между православною и католическою церквами. Находясь въ сношеніяхъ съ старообрядцами, онъ исходатайствовалъ у государыни и въ правительствующемъ синодѣ позволеніе открыть для нихъ церкви и молельни, оставивъ имъ старые книги и обряды. Потемкинъ приносилъ въ даръ церквамъ богатыя пожертвованія, строилъ на свой счетъ церкви и даже занимался составленіемъ „Канона Спасителю“.

Въ другихъ отношеніяхъ князь часто далеко не походилъ на монаха, — былъ человѣкомъ плоти и отличался чувственностью. Допуская, что Потемкинъ былъ подверженъ страсти къ женщинамъ, Самойловъ спрашиваетъ: „Да кто же изъ великихъ людей не подверженъ былъ сей страсти?“ Затѣмъ продолжаетъ: „Но склонности князя Потемкина къ прекрасному полу были самыя благородныя, не соблазнительныя, не производящія разврата; если онъ иногда имѣлъ сокровенныя связи, то не обнаруживалъ оныхъ явно; не тщеславился, подобно многимъ знаменитымъ людямъ, своими метресами и не заставлялъ чрезъ нихъ искать у себя защиты и покровительства“.

Несомнѣнно, что существовало во многихъ случаяхъ соперничество между Потемкинымъ и разными вельможами, что иногда, не безъ основанія, обвиняли князя въ безцеремонномъ

обращеніи съ такими лицами, которыя ему казались почему-либо опасными.

„Потемкинъ", сказано въ „Запискахъ" Винскаго, „не могши поравняться съ древними вельможами, оттѣснилъ ихъ всѣхъ отъ двора въ самое короткое время". При этомъ авторъ „Записокъ" указываетъ на то, какъ лишились своего прежняго значенія Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ, Румянцевъ и пр. Однако тотъ же современникъ замѣчаетъ: „По сущей справедливости, князя Потемкина нельзя порицать жестокосердымъ и гонителемъ своихъ недоброхотовъ; напротивъ, было много примѣровъ, что онъ былъ нерѣдко къ нимъ великодушенъ; по большей части онъ мстилъ своимъ злодѣямъ однимъ презрѣніемъ". Однажды, когда Корсаковъ назвалъ Потемкина „общимъ врагомъ", императрица написала слѣдующее наставленіе. „Никто (болѣе князя Потемкина) вообще друзьямъ и недругамъ и безчисленному множеству людей не дѣлалъ болѣе неисчисленнаго добра, начавъ сей счетъ съ первѣйшихъ людей и даже до малыхъ; вреда же или несчастья не нанесъ ни единой твари, ниже явнымъ своимъ врагамъ, — напротивъ того, во всѣхъ случаяхъ первымъ ихъ представителемъ часто весьма оказался".

Современники разсказываютъ о многихъ случаяхъ непріятностей, происходившихъ между Потемкинымъ и другими сановниками. Такъ напр. между княземъ и Чернышевымъ случилось сильное столкновеніе въ Могилевѣ въ 1780 году, но несправедливо было бы безусловно обвинять въ этомъ Потемкина. Недоразумѣніе произошло, какъ кажется, вслѣдствіе чрезмѣрнаго самолюбія Чернышева. Гораздо болѣе упорнымъ былъ антагонизмъ между Потемкинымъ и Воронцовыми. Порело писалъ о „ненависти" князя къ графу Александру Воронцову. Изъ писемъ С. Р. Воронцова, Трощинскаго и пр. видно, что Потемкинъ и Александръ Романовичъ были очень недовольны другъ другомъ. Графъ Семенъ Романовичъ называлъ Потемкина „дерзкимъ деспотомъ". Намекая на нѣкоторые случаи неблаговиднаго образа дѣйствій Потемкина въ отношеніи къ С. Р. Воронцову, Растопчинъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кончины князя, говорилъ, что послѣдній попиралъ ногами законъ и правила честности, отличался эгоизмомъ, и проч. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій писалъ въ 1778 году о Потемкинѣ, что онъ „никому добра не желаетъ, кромѣ себя".

Завадовскій, вообще не любившій Потемкина, такъ охарактеризовалъ князя въ 1789 году: „Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сія добродѣтель къ немъ со излишествомъ. Все стоячее онъ валитъ и лежачее подымаетъ; врагамъ отнюдь не мстителенъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу; но сіи надобно исполнить бы другимъ. Словомъ, премного добраго, но общая ненависть къ нему выбираетъ только худое; достигая все покорить подъ свою пяту, не дорожитъ способами: но и величайшій мужъ Іулій Цезарь былъ in omnia praeceps“.

Особенно натянутыми, какъ кажется, были отношенія между Потемкинымъ и Я. Е. Сиверсомъ. Неоднократно послѣдній жаловался на произвольныя дѣйствія князя, на интриги его, на вредное вліяніе, которое Потемкинъ имѣлъ вообще на представителей мѣстной администраціи, и пр.

Въ разныхъ сочиненіяхъ не мало говорится о неблаговидномъ образѣ дѣйствій Потемкина въ отношеніи къ Румянцеву, и тѣмъ не менѣе нѣтъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было обвинять князя въ мелочныхъ интригахъ противъ знаменитаго полководца. Съ Суворовымъ онъ обращался то ласково, то нѣсколько холодно. Порою Суворовъ ухаживалъ за княземъ, даже льстилъ ему, порою онъ считалъ его своимъ врагомъ и жаловался на его невниманіе. Послѣ Измаила, — какъ извѣстно уже читателямъ, — произошло даже что-то въ родѣ размолвки между Потемкинымъ и Суворовымъ. Разсказывали, что Потемкинъ за нѣсколько дней до знаменитаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ позаботился, чтобы Суворовъ, настоящій герой похода 1790 года, побѣдитель Измаила, не присутствовалъ на этомъ праздникѣ: онъ долженъ былъ отправиться въ Финляндію. Однако новѣйшій біографъ Суворова, г. Петрушевскій, считаетъ вѣроятнымъ, что знаменитый полководецъ именно въ это время крамолилъ противъ Потемкина вмѣстѣ съ Зубовымъ. Въ письмѣ къ дочери изъ Финляндіи, писанномъ чуть не наканунѣ кончины Потемкина, Суворовъ сильно жаловался на „непріязненность“ къ нему Потемкина, замѣчая при этомъ, что не хочетъ сдѣлаться „сателлитомъ“ свѣтлѣйшаго.

Самойловъ писалъ, что Потемкинъ „былъ неизмѣняемо благороденъ и добръ, непамятозлобенъ, немстителенъ, любилъ дѣ-

лагъ добро общее и частное... снисходителенъ къ низшимъ, оставлялъ въ забвеніи личныя оскорбленія, любилъ ближнихъ". и проч.

Въ запискахъ Рибопьера сказано о Потемкинѣ: „Полуобразованный и полудикій геній, Потемкинъ наполнилъ міръ своею славою... Онъ постоянно останавливался во дворцѣ, входилъ безъ доклада къ государынѣ... Онъ командовалъ всѣмъ, и никто не смѣлъ ему прекословить. Онъ выбиралъ любимцевъ, поддерживалъ или ронялъ, всегда съ согласія государыни, за однимъ впрочемъ исключеніемъ. Подобно Екатеринѣ онъ былъ эпикурейцемъ. Чувственныя удовольствія занимали важное мѣсто въ его жизни; онъ страстно любилъ женщинъ и страстямъ своимъ не зналъ преграды. Онъ вызвалъ ко двору пятерыхъ дочерей сестры своей Марѳы Александровны Энгельгардтъ и по смерти ея объявилъ себя ихъ отцомъ и покровителемъ. Съ ними обращались почти какъ съ великими княжнами... Потемкинъ былъ очень пріятенъ въ обращеніи, крайне снисходителенъ и добръ къ подчиненнымъ. Онъ любилъ моего отца, который былъ его адъютантомъ, и, вызвавъ меня однажды къ себѣ, принялъ съ отмѣнною добротою. Я его одинъ этотъ разъ видѣлъ близко. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, и я очень испугался, когда онъ вдругъ поднялъ меня могучими своими руками. Онъ былъ огромнаго роста. Какъ теперь его вижу одѣтаго въ широкій шлафрокъ, съ голою грудью, поросшею волосами". „Добродушная улыбка, съ которою онъ принималъ у себя людей, производила глубокое впечатлѣніе. „Потемкинъ", писалъ Ѳ. Н. Голицынъ, „былъ превосходнаго разума, неметителенъ и не золъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе Екатерины о необходимости смягченія наказаній, ненавидѣлъ Шешковскаго, начальника тайной канцеляріи, о которомъ разсказывали, что онъ прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію для вынужденія признанія у подсудимыхъ. Однажды Потемкинъ, возвратившись въ столицу, замѣтивъ между посѣтителями Шешковскаго, спросилъ его: „Каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ?" Въ польскихъ имѣніяхъ своихъ Потемкинъ приказалъ „висѣлицы сломать, не оставляя и знаку оныхъ, жителямъ же объявить, чтобы они исполняли приказанія господскія изъ должнаго повиновенія, а не изъ страха казни". Потемкинъ, какъ извѣстно, смягчилъ наказанія солдатъ. О степени его популярности въ низшихъ классахъ можно судить по нѣко-

торымъ народнымъ и солдатскимъ пѣснямъ, сочиненнымъ въ честь князя.

Встрѣчаются и менѣе благопріятные отзывы объ обращеніи Потемкина съ подчиненными. Порою онъ казался гнѣвнымъ, деспотическимъ. Однажды, въ 1790 году, когда генералъ Кречетниковъ сообщилъ, по ошибкѣ, князю ложное извѣстіе объ одержанной побѣдѣ надъ шведами, Потемкинъ за обѣдомъ сталъ бранить его; князь Д., сидѣвшій подлѣ Потемкина, началъ защищать генерала. Потемкинъ такъ разсердился и вышелъ изъ себя, что схватилъ Д. за Георгіевскій крестъ, сталъ его дергать, говоря: „Какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма очаковскаго струсилъ?" Вставши изъ-за стола, Потемкинъ подошелъ къ австрійскимъ генераламъ, находившимся тутъ, и сказалъ: „Извините, господа, я увлекся; но я знаю свой народъ, и я поступилъ такъ, какъ нужно". Офицерамъ Потемкинъ обыкновенно говорилъ „ты", но такая привычка была тогда общею.

Разсказывали о разныхъ чертахъ необычайной надменности Потемкина въ обращеніи съ вельможами, иногда съ иностранными дипломатами. Его передняя была обыкновенно наполнена лицами въ парадныхъ мундирахъ и лентахъ, между тѣмъ какъ самъ онъ, принимая такихъ посѣтителей въ халатѣ, безъ галстука, въ туфляхъ и часто бывалъ даже безъ панталонъ, подъ неизмѣннымъ предлогомъ нездоровья. Эта притворная болѣзнь извиняла его, когда онъ, принимая гостя не вставалъ, не трогался съ мѣста, какъ требовало приличіе. Графъ Сегюръ, посѣщая князя и чувствуя неловкость своего положенія при столь безцеремонномъ обращеніи съ нимъ, какъ съ представителемъ Франціи, ограждалъ свое достоинство чрезвычайною фамильярностью, съ которою дружески обнималъ князя, садился къ нему на диванъ, и пр. Сохранилось преданіе о слѣдующемъ курьезномъ случаѣ. Въ февралѣ 1791 г., когда Потемкинъ, на пути въ Петербургъ, былъ въ Москвѣ, его посѣтилъ экс-гетманъ, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, котораго князь, по своему обыкновенію, принялъ, будучи неодѣтымъ, неумытымъ, въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ гостя дать въ честь его балъ. Кириллъ Григорьевичъ согласился, на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ноч-

номъ колпакѣ и шлафрокѣ. „У себя“, разсказываетъ Самойловъ, „занимаясь дѣлами въ дорогѣ, князь вовсе не любилъ одѣваться, бывая обыкновенно или въ форменной шинели, или въ шлафрокѣ, въ чулкахъ не подвязанныхъ и туфляхъ; въ такомъ костюмѣ нерѣдко совершалъ быстрые свои переѣзды“, и проч.

О прихотяхъ и причудахъ князя передаютъ разныя любопытныя черты. При немъ находился шутъ Моссе, забавлявшій князя своими выдумками и остротами. Узнавъ однажды въ Петербургѣ, что въ Херсонѣ какой-то чиновникъ хорошо передразниваетъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, онъ тотчасъ же отправилъ за нимъ курьера и приказалъ ему передразнивать всѣхъ, кого онъ умѣлъ, даже себя, а затѣмъ отпустилъ его обратно въ Херсонъ. Бывши подъ Очаковымъ, князь узналъ о необычайной памяти нѣкоего Спечинскаго, знавшаго наизусть всѣ святцы. Тотчасъ же послали за Спечинскимъ въ Москву; князь убѣдился въ томъ, что разсказъ о немъ не былъ лишенъ основанія, и затѣмъ отпустилъ его домой. Изъ Тулы однажды для князя былъ выписанъ купецъ, отлично игравшій въ шахматы; Потемкинъ такъ любилъ смотрѣть на его игру, что возилъ купца съ собою даже въ армію.

И въ одеждѣ, и въ пищѣ князя встрѣчались рѣзкія противоположности. То онъ почти вовсе не одѣвался, то ходилъ въ солдатскомъ мундирѣ изъ грубаго сукна, то одѣвался какъ нельзя болѣе пышно и роскошно, украшая себя драгоцѣнностями, обвѣшиваясь орденами, и пр. Щербатовъ писалъ, что Потемкинъ былъ „не токмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ“. Энгельгардтъ говоритъ, что князь любилъ лакомиться самыми грубыми вещами; ему доставлялись издалека хорошіе соленые огурцы, капуста и пр.; съ нарочными курьерами присылали икру съ Урала, рыбу изъ Астрахани, тѣсто изъ Калуги и пр. Самойловъ разсказываетъ, что Потемкинъ предпочиталъ русскія блюда иностраннымъ, напр. рѣдьку, морковь и клюкву ананасамъ; онъ же пишетъ, что нерѣдко такое простое блюдо стоило князю дороже иностранныхъ рѣдкостей. Во время путешествій князь иногда, по разсказу Кокса, питался крестьянской пищей, чернымъ хлѣбомъ, чеснокомъ, солеными огурцами и пр.

Разумѣется, не всѣ анекдоты о прихотяхъ Потемкина заслуживаютъ довѣрія. Такъ, напр., Коксъ разсказываетъ: „Во

время путешествій князя впереди ѣхалъ англичанинъ-садовникъ съ 600 помощниковъ и съ невѣроятною быстротою разбивалъ с дъ въ англійскомъ вкусѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться князь, хотя бы на одинъ день". Этотъ разсказъ служитъ образчикомъ преувеличеній, часто встрѣчающихся въ „Запискахъ" иностранцевъ. Возможно также, что не вполнѣ справедливы и разсказы объ игрѣ съ брильянтами, которые князь будто бы любилъ раскладывать разными фигурами, развлекаясь ихъ блескомъ. Но сохранились достовѣрныя свидѣтельства о весьма значительномъ числѣ служителей, находившихся при князѣ, и множествѣ драгоцѣнныхъ предметовъ въ его домахъ. Князь писалъ не иначе, какъ на бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ, и употреблялъ при этомъ золотой песокъ, какой встрѣчается въ рукописяхъ Екатерины, что было тогда большою роскошью, и проч.

Потемкинъ располагалъ громадными средствами. Екатерина дарила ему большія суммы денегъ, имѣнія въ разныхъ концахъ Россіи, дома, драгоцѣнныя вещи, и проч. Разсказывали, что онъ уже въ 1779 году могъ купить разныхъ имѣній на 450.000 рублей и заплатить всю эту сумму наличными деньгами. Неоднократно онъ получалъ отъ императрицы по 100—150 тысячъ рублей для уплаты долговъ. Въ средѣ иностранцевъ ходили слухи о громадныхъ суммахъ, которыя князь получалъ отъ фаворитовъ. Одно изъ своихъ имѣній онъ въ 1787 году продалъ казнѣ за 218.000 рублей. Вообще довольно часто занимала его покупка и продажа имѣній, которыя онъ, по разсказамъ, заселялъ то преступниками, то колонистами, выписываемыми изъ-за границы. Особенно большія имѣнія онъ покупалъ въ Польшѣ; напримѣръ въ 1787 году у одного князя Любомирскаго было куплено разныхъ деревень на три милліона рублей. Изъ нѣкоторыхъ документовъ видно, что князь иногда самъ входилъ въ подробности управленія этими имѣніями. Въ бумагахъ Потемкина часто встрѣчаются данныя о покупкѣ и продажѣ домовъ. Въ 1785 году Екатерина купила у Потемкина мѣсто на Васильевскомъ островѣ за 15.000 рублей. Въ Москвѣ онъ купилъ домъ у княгини Хованской. Близъ Петербурга онъ имѣлъ, недалеко отъ императрицына дворца Пелла дачу „Островки"; въ другомъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ же столицы, Екатерина подарила ему дачу „Осиновая Роща" и проч.

Ф. Ф. Вигель въ Бѣлой церкви, близъ Кіева, въ домѣ графини Браницкой видѣлъ множество драгоцѣнныхъ вещей, мраморныхъ, фарфоровыхъ, хрустальныхъ, которыя были значительною долею подарены ей или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Онъ же разсказываетъ, что князь еще при польскомъ правительствѣ, властью и деньгами, пріобрѣлъ всѣ тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ.

Далѣе, Потемкину принадлежали разные заводы, напр. стеклянный и посудный, подаренные ему, по указу императрицы, въ 1777 году, въ вѣчное и потомственное владѣніе; къ этимъ заводамъ онъ еще присоединилъ зеркальный; обороты были значительные. Въ письмахъ Гарновскаго къ Попову очень часто говорится объ этихъ заводахъ. Въ одномъ изъ польскихъ имѣній у Потемкина была суконная фабрика. Говорили объ огромныхъ оборотахъ, которые происходили при поставкѣ провіанта изъ польскихъ имѣній Потемкина въ армію Разсказывали, будто бы доходъ князя съ соляныхъ озеръ Крыма доходилъ до 300,000 рублей въ годъ. Можно допустить, что не совсѣмъ благовидныя спекуляціи креатуръ Потемкина, напр. Фалѣева, Попова, Лонгинова, откупныя дѣла и поставки разнаго рода доставляли князю кое-какія выгоды. Управляющіе имѣній князя въ Польшѣ обвинялись въ грабежѣ. Въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи Потемкина находились всегда громадныя суммы: отъ этого имѣлъ громадныя выгоды правитель канцеляріи В. С. Поповъ, сдѣлавшійся милліонеромъ. Отсутствіе отчетности въ расходованіи милліоновъ рублей, какъ при управленіи южной Россіей, такъ и во время войны, было предметомъ сильнаго негодованія современниковъ Казна, которую во время походовъ возили всегда вслѣдъ за княземъ, доходила до нѣсколькихъ милліоновъ По смерти Потемкина Поповъ подалъ записку, изъ которой видно, что съ 1787 до 1791 года Потемкинымъ было получено болѣе 55 милліоновъ рублей. Въ случаѣ нужды въ деньгахъ князь обыкновенно безцеремонно и даже безъ соблюденія формальностей обращался къ Вяземскому съ требованіемъ такой-то суммы, чѣмъ выводилъ изъ терпѣнія этого сановника. Послѣ кончины князя Вяземскій въ офиціальныхъ документахъ жаловался на Потемкина и на то, что невозможно было получать отъ него свѣдѣній о расходахъ.

Въ росписяхъ о расходахъ за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, опубликованныхъ въ последнее время, постоянно встрѣчаются указанія на громадныя суммы, отправляемыя въ вѣдомство князя Г. А. Потемкина по извѣстному „секретному указу“ или „по его требованію“; каждый разъ эти цыфры составляютъ нѣсколько милліоновъ; очень часто идетъ рѣчь „о чрезвычайныхъ расходахъ“; далѣе, самъ князь для себя получалъ напр. по 1000 рублей въ мѣсяцъ столовыхъ денегъ, при чемъ нужно замѣтить, что одинъ рубль въ послѣднее время прошлаго столѣтія равнялся нѣсколькимъ рублямъ въ нынѣшнее время.

Судя по расточительности Потемкина въ частномъ своемъ хозяйствѣ, можно думать, что и при управленіи казенными суммами онъ не руководствовался правилами бережливости. Одинъ изъ пышныхъ костюмовъ князя стоилъ не менѣе 283.000 рублей; онъ тратилъ большія деньги на пустяки и игрушки въ родѣ драгоцѣнныхъ часовъ, имѣвшихъ видъ слона, павлина и проч. Разсказывали, что въ его библіотекѣ находились большія суммы денегъ, банковыхъ билетовъ, въ формѣ книгъ и т. п. О страшныхъ долгахъ князя сохранилось множество любопытныхъ данныхъ; даже Самойловъ разсказываетъ, что громадные доходы князя оказывались недостаточными для расходовъ его, что онъ безпечно предоставлялъ другимъ людямъ веденіе своихъ дѣлъ и проч. Въ источникахъ попадается много случаевъ неуплаты Потемкинымъ долговъ. У часового мастера Фази онъ однажды занялъ 1400 рублей и заплатилъ ему эту сумму только тогда, когда императрица заступилась за швейцарца, притомъ почему то мѣдными деньгами, такъ что ими пришлось наполнить двѣ комнаты. Покинувъ столицу въ послѣдній разъ лѣтомъ 1791 года, онъ остался долженъ извозчикамъ 19.000 рублей, торговцамъ цвѣтовъ 38.000 рублей и проч. Банкиру Сутерланду онъ былъ долженъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Этотъ долгъ послѣ смерти князя былъ уплаченъ императрицею, при чемъ она замѣтила, что князь „многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги“.

Потемкинъ оставилъ громадное наслѣдство. Однихъ драгоцѣнныхъ камней было на сумму болѣе милліона рублей. Движимаго и недвижимаго имущества было на 7 милліоновъ. Долговъ на немъ оказалось на 2 милліона. Казна купила отъ наслѣдниковъ дома, заводы, драгоцѣнныя вещи на сумму

2.600.000 рублей. Впрочемъ, наслѣдники князя обнаруживали страшное корыстолюбіе и обращались съ просьбами о неуплатѣ долговъ князя не только къ Екатеринѣ, но даже и къ Павлу I.

Даже Безбородко, не принадлежащій къ недоброжелателямъ князя, въ довольно сильныхъ выраженіяхъ осуждалъ его за невниманіе къ финансовымъ интересамъ государства и жаловался на произведеный имъ хаосъ въ государственномъ хозяйствѣ. С. Р. Воронцовъ писалъ въ 1788 году, что образъ дѣйствій Потемкина наноситъ ужасный вредъ государству; въ ввѣренныхъ ему вѣдомствахъ исчезаютъ безслѣдно, какъ въ безднѣ, огромныя суммы; въ князѣ нѣтъ никакой политической добродѣтели; о благѣ государства онъ заботится столько же, сколько объ изношенныхъ старыхъ туфляхъ. Завадовскій писалъ въ 1792 году: „Изъ турецкой войны вышли мы безъ славы, но опустошили столько свои карманы, что долго пробудемъ въ голяхъ. Власть и расточительность покойника изрыли ямы". „Вся Молдавія", писалъ Безбородко, пріѣхавшій въ Яссы скоро послѣ кончины князя, „не благословитъ память умершаго, видя опустошеніе, воображеніе превосходящее, и безпорядокъ выше мѣры". Князь Щербатовъ такъ характеризовалъ князя Потемкина: „Властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь на столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и всѣ другіе знаемые въ свѣтѣ пороки". Болотовъ писалъ о событіяхъ 1788 года: „Потемкинъ ворочалъ всѣмъ государствомъ; онъ родился во вредъ оному, ненавидѣлъ свое отечество и причинялъ ему неизреченный вредъ и несмѣтные убытки алчностью своею къ богатству; отъ него ничего ожидать было не можно, кромѣ вреда и пагубы. Все государство обрадовалось по случаю разнесшейся молвы, что пришелъ онъ въ немилость императрицы. Однако оказалось, что онъ опять превозмогъ и продолжалъ попрежнему дурить, обжираться и дѣлать проказы, нимало съ такимъ саномъ не сообразныя. Мы дивились тогда и не знали, что съ симъ человѣкомъ наконецъ будетъ, и чѣмъ кончится его пышность и величіе".

Неотрадное время сильнаго вліянія Зубова послѣ кончины Потемкина нѣсколько смягчило строгій приговоръ, произнесенный современниками надъ княземъ. Безбородко писалъ

въ 1795 году: „Флотъ черноморскій никуда не годится... При князѣ Потемкинѣ было что-нибудь хотя и въ полгнилое, но теперь поистинѣ вычесть въ ноль“. Въ другомъ письмѣ: „Вотъ какъ мы ошиблись въ заключеніяхъ своихъ послѣ смерти покойника, который по крайней мѣрѣ не былъ честнымъ людямъ тяжелъ и который, захвативъ одну или двѣ части, не быть искалъ универсальнымъ“. Завадовскій писалъ весною 1796 года: „О князѣ Потемкинѣ теперь весьма, весьма жалѣютъ“.

Потемкинъ называлъ себя „l'enfant gâté de Dieu“. Энгельгардтъ разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды князь за столомъ былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ, шутилъ, а потомъ сталъ задумчивъ, грустенъ и сказалъ: „Можетъ ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего я желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись, какъ-будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ — имѣю; любилъ играть — проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники — давалъ великолѣпные; любилъ покупать имѣнія — имѣю; любилъ строить дома — построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи — имѣю столько, что ни одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись“. Проговоривъ это, онъ бросилъ фарфоровую тарелку на полъ, разбилъ ее вдребезги, ушелъ въ спальню и заперся.

Весь онъ тутъ — баловень счастья, болѣе авантюристъ, чѣмъ патріотъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ государственный человѣкъ, болѣе азартный игрокъ, чѣмъ герой. Его пороки объясняются въ значительной долѣ недостатками тогдашняго государственнаго и общественнаго строя. Его дѣятельность была далеко не безполезною. Руничъ, перечисляя результаты ея — уничтоженіе Запорожской Сѣчи, построеніе Херсона и Николаева, покореніе Крыма, учрежденіе черноморскаго флота, овладѣніе Очаковымъ и тою областью, гдѣ Одесса, замѣчаетъ: „Все это не ложные суть памятники дивной прозорливости Великой Екатерины II и сотрудника ея. Память о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ не должна быть въ Россіи забвенною“.

Брикнеръ.

А. А. Безбородко.

Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, дѣйствительный тайный совѣтникъ перваго класса, государственный канцлеръ, сенаторъ, главный директоръ почтъ, гофмейстеръ,

имѣвшій портретъ императора Павла I, алмазами украшенный, кавалеръ орденовъ: св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра 1-й степени, св. Александра Невскаго, св. Анны 1-го класса съ алмазами и бальи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, родился 14-го марта 1747 года въ наслѣдственномъ помѣстьѣ, селѣ Стольномъ, Глуховскаго уѣзда, находящемся въ пятидесяти верстахъ отъ города Чернигова. Отецъ его, Андрей Яковлевичъ, служившій малороссійскимъ генеральнымъ писаремъ — должности, равной званію государственнаго секретаря — и уволенный въ царствованіе императора Петра III съ чиномъ генеральнаго судьи, соотвѣтствующимъ предсѣдателю государственнаго совѣта, происходилъ отъ древняго благороднаго польскаго поколѣнія Ксенжицкихъ, изъ которыхъ одинъ поселился въ Малороссіи, гдѣ потомки его и сохраняли это прозваніе до 1648 года, то есть до войны, открывшейся между Польшею и Украйной. Во время этого народнаго возстанія за независимость и вѣру предковъ, одинъ изъ Ксенжицкихъ, по имени Демьянъ, по своему православному вѣроисповѣданію и по находившимся въ Малороссіи владѣніямъ, принялъ чинъ и службу въ тамошнемъ казацкомъ войскѣ и участвовалъ съ отличіемъ во всѣхъ походахъ и битвахъ этой войны, исходомъ которой было освобожденіе Малороссіи отъ польской зависимости. Не щадя себя для новаго своего отечества, Демьянъ Ксенжицкій, будучи раненъ въ одной горячей схваткѣ съ поляками, лишился подбородка и съ той поры, по казацкому обычаю, получилъ почетное военное прозвище *Безбородко*, которое и удержалось за всѣми его потомками. Такъ, по крайней мѣрѣ — и весьма правдоподобно — повѣствуетъ народное преданіе. Александръ Андреевичъ приходился праправнукомъ этому первому изъ Безбородокъ.

По недостатку матеріаловъ, такъ какъ послѣ князя Александра Андреевича не сохранилось никакихъ документовъ, кромѣ славныхъ дѣлъ на поприщѣ служенія отечеству, мы ничего не знаемъ о первыхъ годахъ его отрочества. До самаго того времени, когда онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской академіи, молодость его темна. Въ 1765 году, девятнадцати лѣтъ отъ роду, Безбородко уже состоялъ на службѣ въ чинѣ малороссійскаго бунчуковаго товарища. Намѣстникомъ Малороссійскаго края былъ тогда знаменитый графъ Румянцевъ-Задунайскій, вступившій въ управленіе Украйной послѣ

гетмана графа Разумовскаго. Основательное знаніе наукъ, языковъ французскаго, нѣмецкаго и латинскаго, необыкновенная смѣтливость, проницательность и скромность Безбородко не замедлили обратить на себя особенное вниманіе генералъ-фельдмаршала. Графъ Румянцевъ приблизилъ его къ себѣ и ввѣрилъ двадцатилѣтнему бунчуковому товарищу управленіе своею канцеляріей, послѣ двухлѣтняго служенія. Замѣчательная проницательность фельдмаршала, безошибочно разпознавшаго способности съ перваго взгляда и умѣвшаго употреблять ихъ на пользу, обширныя основательныя познанія его во всѣхъ частяхъ, какъ полководца, такъ и великаго министра, его ясность выраженія мыслей, самыхъ глубокихъ, и необычайное его краснорѣчіе были наилучшимъ училищемъ для природныхъ дарованій Александра Андреевича. Въ этомъ-то училищѣ, вмѣстѣ съ неменѣе замѣчательнымъ товарищемъ своимъ Завадовскимъ, бывшимъ впослѣдствіи графомъ, а по образованіи министерствъ первымъ въ Россіи министромъ Народнаго Просвѣщенія, приготовлялся молодой Безбородко къ тому высокому пути, который надлежало послѣ проходить ему. При остромъ умѣ и схоластическихъ свѣдѣніяхъ въ особенности поражала всѣхъ въ Александрѣ Андреевичѣ необъятная громадность его памяти, про которую сохранилось множество правдивыхъ фактовъ, и которая удивляла даже императрицу Екатерину, окруженную столькими геніальными личностями и умѣвшую отличать истинныя достоинства. Такъ, напримѣръ, сохранилось преданіе, что, будучи еще отрокомъ, онъ прочелъ своему отцу вслухъ три раза сряду, съ начала до конца, славянскую библію и такъ познакомился съ ея краснорѣчивыми оборотами, что цѣлыя главы читалъ потомъ наизусть. Впослѣдствіи, когда онъ находился уже въ Кіевской академіи и наконецъ служилъ у графа Румянцева-Задунайскаго, близкіе пріятели Александра Андреевича не рѣдко дѣлали странныя и оригинальныя испытанія этому чудному дару памяти. Лишь только засыпалъ Безбородко, они будили его, спрашивая о времени различныхъ давнишнихъ происшествій. Опыты сыпались со всѣхъ сторонъ, и полупробужденный Александръ Андреевичъ, впросонкахъ, отвѣчалъ на всѣ самые сложные и запутанные вопросы, безо всякой ошибки, и потомъ снова засыпалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды, въ обществѣ, гдѣ онъ находился, зашелъ разговоръ объ одномъ пожиломъ офицерѣ, незадолго до того

назначенномъ комендантомъ въ одну какую-то незначительную кавказскую крѣпостцу. Передавая все, ему извѣстное, объ этомъ офицерѣ, Безбородко тутъ же, кстати, перечислилъ и всѣхъ прежде бывшихъ комендантовъ въ этой крѣпостцѣ, назвалъ ихъ по имени и чинамъ и опредѣлилъ точный срокъ времени — сколько каждый изъ нихъ находился въ этой должности. Одинъ изъ присутствовавшихъ, усомнившись въ справедливости сказаннаго, записалъ всѣ слова Безбородко и, справясь впослѣдствіи въ Военной Коллегіи, къ величайшему своему удивленію убѣдился, что разсказчикъ не ошибся ни въ чемъ.

Въ началѣ 1769 года двадцати-двухлѣтній Безбородко былъ уже членомъ Малороссійскаго Генеральнаго Суда; но открылась турецкая война, и онъ, по собственному желанію, снова взялся за оставленный имъ мечь. Пылкій характеръ его не согласовался съ мирнымъ пріютомъ гражданскаго судилища; при раздавшемся шумѣ оружія, на поляхъ брани, подъ развивающимися знаменами искалъ онъ новыхъ почестей и, принявъ начальство надъ малороссійскимъ Нѣжинскимъ полкомъ, двинулся изъ родной Украйны къ рѣкамъ Бугу и Днѣстру, отличаясь попемѣнно въ полкахъ Лубенскомъ и Миргородскомъ и Компанейскомъ въ преслѣдованіи непріятеля.

Судьба и на этомъ новомъ поприщѣ улыбнулась неустрашимому Безбородко. Вскорѣ по открытіи военныхъ дѣйствій, главнокомандующимъ арміей назначенъ былъ прежній его начальникъ и покровитель графъ Румянцевъ — и Александръ Андреевичъ снова началъ находиться при немъ безотлучно, дѣлилъ съ великимъ полководцемъ безсонныя ночи и воинскіе труды; не щадя жизни и молодости, бросался онъ во всѣ сраженія, и въ Ларгской битвѣ, предвозвѣстившей Кагульскую, находился въ числѣ передовыхъ охотниковъ. Въ знаменитый Кагульскій день, подтвердившій одну изъ неоспоримыхъ истинъ, что не число войска, а умъ полководца ведетъ къ побѣдѣ, и покрывшій Румянцева вѣнцомъ безсмертія, Безбородко ознаменовалъ себя новымъ отличнымъ мужествомъ. Наконецъ, когда русская армія перешла черезъ Дунай и между прочими крѣпостями осадила Силистрію, Безбородко снова вызвался, въ числѣ прочихъ охотниковъ, взять приступомъ силистрійскіе ретраншаменты. Силистрія пала, и въ числѣ героевъ, способствовавшихъ ея занятію, фельдмаршалъ, въ своемъ донесеніи императрицѣ, вписалъ съ самою лестною похвалою и имя

Александра Андреевича. Но не одними воинскими подвигами ознаменовалъ онъ себя въ эту кампанію. Дѣйствуя въ строю, какъ храбрый офицеръ, онъ вмѣстѣ дѣйствовалъ и какъ дипломатъ, въ палаткѣ главнокомандующаго. Графъ Румянцевъ ввѣрилъ ему переписку тайныхъ сношеній, веденныхъ по переговорамъ о мирѣ. Ясность изложенія, краткость и сила дипломатическаго слога этихъ трактатовъ обратили вниманіе знаменитаго русскаго министра графа Панина — и заслуги Безбородко не остались безъ вознагражденія: 22-го марта 1774 года онъ былъ произведенъ въ полковники Малороссійскаго полка, а въ слѣдующемъ 1775, по прибытіи вмѣстѣ съ генералъ-фельдмаршаломъ въ Москву, для участія въ торжествѣ по случаю заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, опредѣленъ императрицею Екатериною II къ принятію прошеній, подаваемыхъ на Высочайшее имя. Этому мѣсту и сближенію съ императорскимъ дворомъ, открывшими Александру Андреевичу Безбородко прямой путь къ важнымъ государственнымъ заслугамъ и къ той огромной дипломатической пользѣ, которую принесъ Россіи, онъ обязанъ былъ личной рекомендаціи графа Румянцева-Задунайскаго, откомандировавшаго Безбородко вмѣстѣ съ Завадовскимъ, бывшимъ тогда тоже полковникомъ и правителемъ тайной канцеляріи фельдмаршала, какъ лучшихъ своихъ чиновниковъ и секретарей для доклада бумагъ Ея Величеству. Можно сказать, что собственно начало настоящей дѣятельности, какъ на гражданскомъ, такъ и на дипломатическомъ поприщѣ, началось именно съ перваго представленія Безбородко императрицѣ. Въ самое короткое время онъ пріобрѣлъ полную довѣренность государыни. Она поручила ему всѣ собственныя свои тайныя бумаги и вскорѣ потомъ наименовала его первымъ своимъ кабинетнымъ секретаремъ. Тогда открылась полная свобода его административной дѣятельности и занялась заря заслуженной славы, явившейся послѣ въ такомъ яркомъ блескѣ, который до сихъ поръ удивляетъ потомство. Обширный умъ, необыкновенная смѣтливость, способность излагать дѣла, самыя большія, сложныя и запутанныя кратко и вразумительно, всегдашняя неутомимая готовность къ занятіямъ и безпримѣрная дѣятельность, соединенная съ тою почти сверхъ-естественною памятью, о которой было уже упомянуто и которая такъ необходима человѣку, обязанному вести многочисленныя и разнородныя дѣла, не замедлили поставить Але-

ксандра Андреевича на одно изъ первыхъ мѣстъ между знаменитыми мужами Екатерининскаго вѣка. Государыня, узнавъ всю цѣну его дарованій, всю его безкорыстную преданность правдѣ, долгу чести и службы, соединенную съ благоразумною умѣренностію и человѣколюбіемъ, обнаружила свое благоволеніе и уваженіе къ достоинствамъ Безбородко рядомъ самыхъ блестящихъ наградъ, слѣдовавшихъ одна за другою быстро и послѣдовательно. Она вполнѣ взвѣсила всю пользу и исключительность дарованій, отличавшихъ Безбородко отъ прочихъ, и еще болѣе придала важности своей расположенности и вниманію тою снисходительностію и истинно-материнскою добротою, которая крѣпко привязала къ ней Александра Андреевича на всю его жизнь. Въ жизни Безбородко извѣстенъ одинъ случай, вѣрный и несомнѣнный, подтвержденный печатно и устно, случай, свидѣтельствующій о томъ, какъ дорожила Великая Екатерина своимъ будущимъ, также великимъ государственнымъ мужемъ. Однажды императрица приказала Александру Андреевичу написать указъ, довольно важный и требовавшій глубокихъ соображеній. Срокъ былъ коротокъ, обстоятельства не требовали ни малѣйшихъ отлагательствъ, но Безбородко, занятый вѣроятно другими скопившимися важными дѣлами, можетъ быть въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни измѣнившій громадной памяти, явился предъ Екатериной, совсѣмъ позабывъ о повелѣніи императрицы. Государыня, озабоченная даннымъ приказаніемъ, поставила первымъ вопросомъ — исполнено ли порученное? Ни сколько не смѣшавшись, Александръ Андреевичъ вынулъ изъ портфеля листъ бумаги и сталъ читать то, что было повелѣно ему Екатериной. За каждымъ новымъ параграфомъ государыня одобряла написанное и, совершенно довольная цѣлымъ содержаніемъ, потребовала мнимый указъ для подписанія. Безбородко, не ожидавшій такой скорой развязки и разсчитывавшій на нѣкоторыя замѣчанія, дополненія и измѣненія въ частяхъ, дававшихъ ему возможность совершить въ дѣйствительности импровизованное, замялся и медлилъ. Государыня повторила свое требованіе. Смущенный Безбородко подалъ наконецъ прочитанное имъ такъ гладко, плавно и съ такимъ умомъ и знаніемъ дѣла: листъ бумаги оказался совершенно дѣвственнымъ; на немъ не было ни капли чернилъ, ни единаго штриха карандаша. Великая съ удивленіемъ посмотрѣла на докладчика и, вмѣсто ожидаемаго гнѣва,

похвалила необыкновенный даръ Александра Андреевича. Современники Безбородко передавали, что это происшествіе, вмѣсто того, чтобы отдалить отъ него императрицу, еще болѣе послужило къ его счастію, увеличило къ нему высочайшую милость и средства — новыми неусыпными трудами доказать свою готовность къ дѣятельному исполненію мудрыхъ предначертаній благодѣтельствовавшей ему монархини. Благодѣянія эти не замедлили. Подкрѣпленный искреннею, глубокою дружбою Румянцева, часто совѣтовавшагося съ нимъ въ дѣлахъ политическихъ, въ теченіе какихъ-нибудь семи лѣтъ, къ общему удивленію и зависти многихъ, всѣми средствами домогавшихся почестей, Александръ Андреевичъ Безбородко изъ полковниковъ Кіевскаго малороссійскаго полка сдѣлался вдругъ тайнымъ совѣтникомъ, графомъ, вице-канцлеромъ, гофмейстеромъ, имѣлъ орденъ св. Владиміра 1-й степени, св. Александра Невскаго и владѣлъ уже слишкомъ *одиннадцатью тысячами* душъ крестьянъ, подаренныхъ ему въ тотъ же самый срокъ времени щедрою государыней.

Такія быстрыя повышенія и награды населенными землями, въ самыхъ лучшихъ полосахъ Россіи, шли за подвигами Александра Андреевича въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ первый день января 1779 года Александръ Андреевичъ былъ произведенъ по старшинству въ бригадиры; 5-го мая того же года былъ награжденъ тысячью четырьмя-стами душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Впрочемъ и заслуга Безбородко была не маловажная и выказывала въ тридцати-двухлѣтнемъ дипломатѣ уже будущаго замѣчательнаго русскаго канцлера. Для возвышенія и обогащенія въ южной Россіи нашей промышленности недоставало намъ на югѣ твердаго оплота, по причинѣ владычества татаръ и турокъ надъ Чернымъ моремъ. Для проложенія удобнѣйшаго пути нашимъ купеческимъ кораблямъ надлежало или вытѣснить татаръ и турокъ, или вооруженною рукою заставить ихъ признать свободу нашей торговли. Для этого положено было построить при устьѣ Днѣпра городъ съ пристанью — и князь Потемкинъ соорудилъ Херсонъ, основаніемъ котораго пресѣкался запорожскимъ казакамъ и татарамъ путь къ грабежамъ. Предвидя невыгодныя послѣдствія, Порта требовала, чтобы крымскіе татары состояли попрежнему въ ея зависимости, чтобы возвращены были ей Керчь и Эниколь, угрожая, въ противномъ случаѣ, нарушеніемъ Ку-

чукъ-Кайнарджійскаго договора. Для истолкованія недоумѣній по этимъ разногласіямъ, назначены были уполномоченными — съ нашей стороны состоявшій при Оттоманской Портѣ русскій посланникъ статскій совѣтникъ Стахіевъ, а съ турецкой Рейсъ-Эффенди-Багиръ. Уполномоченнымъ удалось примирить двѣ недовольныя державы, но не надолго. Татары, подстрекаемые Диваномъ дѣйствовать за свою независимость, самовластно избрали себѣ новаго хана, изгнавъ изъ Крыма преданнаго Россіи хана Сагинъ-Гирея. Для водворенія порядка и возстановленія на престолъ Сагинъ-Гирея императрица нарочно послала въ Крымъ князя Потемкина, назначивъ ему помощникомъ Александра Андреевича. На дипломатическую тонкость послѣдняго въ особенности надѣялась государыня — и не обманулась. Умъ Безбородко развернулся здѣсь во всей своей силѣ и, благодаря его тонкой дипломатіи, опасные раздоры были прекращены: прежнее правленіе въ Крыму было возстановлено, и съ татарами, подчинившимися снова покровительству Россіи заключенъ трактатъ, по которому всѣ внутреннія и внѣшнія дѣла крымскія предавались на судъ Екатерины. Это было только началомъ гласныхъ, блистательныхъ дѣлъ Безбородко. Не прошло и года, какъ онъ заявилъ себя въ новомъ свѣтѣ — и 24-го ноября 1780 года произведенъ былъ въ генералъ маіоры, въ знакъ особеннаго благоволенія императрицы, за поданный имъ меморіалъ по дѣламъ политическимъ, на которомъ съ того времени основана была вся наша государственная система, продолжавшаяся до вступленія на россійскій престолъ императора Александра I Благословеннаго. Съ этимъ вмѣстѣ Безбородко, сдѣлавшійся такъ необходимымъ для кабинетныхъ трудовъ Екатерины, причисленъ былъ, по ея желанію, къ министерству иностранныхъ дѣлъ полномочнымъ для всѣхъ дипломатическихъ негоціацій.

Такая официальная должность дала полную свободу дипломатическимъ дарованіямъ Безбородко - и вскорѣ онъ проявилъ ихъ въ новомъ блескѣ своимъ непосредственнымъ участіемъ въ проектѣ вооруженнаго нейтралитета, возникшемъ отъ намѣренія князя Потемкина изгнать изъ Европы турокъ. Полный единственно этой мыслію, Потемкинъ склонилъ Англію содѣйствовать его планамъ. Тогда императрица, убѣжденная своимъ любимцемъ, повелѣла составить совѣтъ изъ знатнѣйшихъ государственныхъ мужей Россіи и подъ ея предсѣдательствомъ.

Въ среду этихъ-то самыхъ главныхъ сановниковъ назначенъ былъ и Безбородко. Мнѣнія были различны и въ особенности упорно возсталъ противъ проекта Потемкина первенствующій министръ графъ Панинъ. Императрица уже колебалась, но магическое краснорѣчіе Безбородко дало вдругъ новое направленіе ходу дѣла.

Неизвѣстно, но очень можетъ быть, что изъ одного угожденія Потемкину Александръ Андреевичъ кратко и ясно доказалъ возможность уничтоженія турецкаго владычества въ Европѣ — и графъ Панинъ принужденъ былъ оставить совѣтъ. Подкрѣпленный краснорѣчіемъ Безбородко, Потемкинъ восторжествовалъ. Пруссія и Австрія, желавшія поддержать спокойствіе Европы, замѣтивъ намѣреніе императрицы Екатерины привести въ исполненіе планъ Потемкина и безъ ихъ участія, даже спѣшили искать союза съ Россіей, въ особенности, когда Іосифъ II, своею рѣшимостію — двинуть къ услугамъ Россіи сто-двадцатитысячную армію, отстранилъ всякое намѣреніе Версальскаго двора воспрепятствовать этому нейтралитету. Только одна вскорѣ послѣдовавшая неожиданная смерть Потемкина уничтожила этотъ гигантскій политическій планъ, который измѣнилъ бы видъ цѣлой Европы, и въ которомъ имя Безбородко, безъ всякаго сомнѣнія, заняло бы одно изъ первенствующихъ мѣстъ. Графъ Панинъ, признававшій себя оскорбленнымъ и униженнымъ, сказался больнымъ, и начальствующимъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, впредь до его выздоровленія, назначенъ былъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, меньшой сынъ замѣчательнѣйшаго русскаго дипломата временъ императрицы Анны Іоанновны. Но значеніе графа Остермана, какъ во время болѣзни графа Панина, такъ и по кончинѣ его, послѣдовавшей въ 1783 году, когда Остерманъ утвержденъ былъ въ своемъ званіи, было только номинальное, такъ какъ дѣлами и управленіемъ всей Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ двигалъ и управлялъ генералъ-маіоръ и полковникъ Кіевскаго малороссійскаго полка Александръ Андреевичъ Безбородко, вспомоществуемый тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Васильевичемъ Бакунинымъ меньшимъ. Въ самое непродолжительное время послѣ своего назначенія Александръ Андреевичъ успѣлъ уже своимъ вліяніемъ заглушить первое начавшееся несогласіе Швеціи съ Россіею, отдалить срокъ готовой вспыхнуть войны и склонить короля Густава III приступить къ морскимъ конвенціямъ, за-

ключеннымъ Генеральными Штатами соединенныхъ нидерландскихъ провинцій съ королемъ датскимъ. Вскорѣ послѣ этой удачной дипломатической сдѣлки, чрезъ посредство Александра Андреевича Безбородко заключенъ былъ 8-го мая 1781 года и другой важный актъ: сохраненія торговли и мореплаванія нейтральныхъ народовъ съ королемъ прусскимъ, а въ слѣдующемъ 1782 году — конвенція для сохраненія свободы нейтральнаго торговаго мореплаванія съ королевою португальской; затѣмъ актъ, которымъ король Обѣихъ Сицилій приступалъ къ системѣ нейтралитета и трактатъ о дружбѣ и торговлѣ съ королевствомъ датскимъ. Одновременно со всѣми этими трактатами графъ Безбородко велъ переговоры съ послѣднимъ герцогомъ курляндскимъ Петромъ Бирономъ, который, чувствуя свою слабость въ правленіи, видя раздоры курляндскихъ чиновъ, безсиліе герцогства и беззащитное его положеніе, рѣшился первоначально заключить въ этомъ году конвенцію о торговлѣ и границахъ, а потомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до совершеннаго послѣдняго раздѣла Польши, торжественно покориться русскому скипетру, о чемъ въ подробности мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Важные дипломатическіе труды эти не остались безъ достойнаго вознагражденія, и 23-го октября 1782 года Александръ Андреевичъ Безбородко, въ чинѣ генералъ-маіора, пожалованъ былъ императрицею однимъ изъ главнѣйшихъ орденовъ Россіи — орденомъ св. Владимира первой степени, а въ слѣдующемъ 1783 году, за приращеніе государственныхъ доходовъ, получилъ въ потомственное владѣніе тысячу семьсотъ душъ въ Малороссіи. Въ концѣ этого же года дипломатическія дарованія Безбородко были опять употреблены на болѣе важное государственное дѣло, доставившее Потемкину наименованіе Таврическаго. Для исполненія плана его относительно турецкаго владычества въ Европѣ требовалось утвержденіе могущества Россіи на Черномъ морѣ, чего нельзя было достигнуть безъ завоеванія Крыма. И что же? — къ удивленію всей Европы, русскія войска, безъ всякаго кровопролитія, вступили въ Тавриду и заняли Тамань и всѣ крымскія владѣнія. Незамѣтнымъ виновникомъ такого мирнаго присоединенія Крыма былъ Безбородко. Склонивъ Сагинъ-Гирея принять подданство Россіи, онъ составилъ актъ, которымъ ханъ признавалъ владычество Россіи надъ всѣми крымскими и кубанскими татарами, и ко-

торый безпрекословно подтвержденъ былъ Портою, за скрѣпою нашего посланника при цареградскомъ дворѣ Булгакова и великаго визиря Гассанъ-паши (27-го декабря 1783 года). Императрица блистательно вознаградила такой важный политическій успѣхъ Безбородко. 2-го февраля 1784 года онъ пожалованъ былъ чиномъ тайнаго совѣтника, кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго, назначенъ вторымъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на всѣхъ правахъ вице-канцлера, и, кромѣ того, получилъ слишкомъ три тысячи душъ крестьянъ также въ Малороссіи.

Пріобрѣтеніе Тавриды такимъ однимъ искуснымъ дипломатическимъ путемъ возбудило и зависть и вмѣстѣ страхъ во всѣхъ кабинетахъ Европы. Политическія страсти пришли въ движеніе, но и тутъ благоразумная предусмотрительность Безбородко сумѣла, хотя только на время, отклонить новую войну съ Турціей, тѣмъ болѣе затруднительную для Россіи, что на сѣверѣ возгорѣлась война съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, вознамѣрившимся возвратить себѣ Финляндію. Подобный политическій успѣхъ былъ почти безпримѣренъ — и Безбородко сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Австрійскій императоръ Іосифъ II, сознавая важность политическаго значенія Безбородко, желая сохранить дружбу съ русскимъ императорскимъ дворомъ и движимый чувствомъ личнаго уваженія къ Александру Андреевичу, возвелъ его 12-го октября 1784 года — по другимъ источникамъ 3-го декабря 1783 года — въ достоинство графовъ Римской имперіи, которое императрица, все болѣе и болѣе благоволившая къ Безбородко, подтвердила съ особеннымъ удовольствіемъ въ самый день полученія графскаго диплома изъ Вѣны.

Извѣстіе объ этой новой милости двухъ монарховъ Безбородко получилъ при собственноручной необыкновенно лестной и дружеской запискѣ Екатерины II, которую онъ перевелъ на французскій языкъ, и которая свидѣтельствуетъ объ его основательномъ знаніи этого языка. Рескриптъ былъ слѣдующаго содержанія: „L'application et le travail attirent des distinctions. L'Empereur vous confère le titre de comte. Soyez donc comte! Votre zèle pour moi n'en deviendra pas moindre, ma confiance en vous sera toujours la même. C'est l'Imperatrice qui vous à parlé — Catherine vous conseille et vous prie, en amie, de ne pas vous relacher ou de vous enorgueillir".

Такое быстрое возвышеніе Безбородко не осталось безъ неминуемыхъ послѣдствій — зависти и недоброжелательства. Несмотря на всю безукоризненность своей службы, честность и готовность на помощь, графъ Александръ Андреевичъ не избѣгъ враговъ, и число ихъ въ особенности увеличилось, когда дружба его съ графами Александромъ и Семеномъ Романовичами Воронцовыми отдалила его отъ могущественнаго Потемкина. Но Безбородко былъ нуженъ Екатеринѣ по своему умному, быстрому и полезному исполненію государственныхъ порученій. Зависть и недоброжелательство кипѣли только въ тѣни. Безпрестанныя войны, умноженія морскихъ и сухопутныхъ силъ, увеличеніе числа чиновниковъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, учрежденіе новыхъ городовъ и другія потребности сопряжены были со многими расходами, а въ казнѣ между тѣмъ оставалось тогда не болѣе 6 600,000 рублей, сумма очень маловажная для огромной имперіи, не говоря уже о государственномъ долгѣ, умножавшемъ затруднительное положеніе Россіи. По предложенію графа Безбородко, правительство, чтобы обезпечить независимость свою отъ иностранныхъ ссудъ, стѣсняющихъ торговлю, обратилось къ мѣрамъ внутренняго займа и учредило (24-го іюня 1786 года) Государственный Заемный Банкъ, въ устроеніи котораго также принималъ графъ Безбородко самое дѣятельное участіе. За особенные неутомимые труды свои по банковымъ распоряженіямъ графъ Безбородко награжденъ былъ снова слишкомъ четырьмя тысячами душъ крестьянъ также въ одной изъ лучшихъ малороссійскихъ губерній, а 20-го августа того же года наименованъ гофмейстеромъ Высочайшаго двора.

Озабоченный столькими государственными трудами, графъ Безбородко не позабывалъ между тѣмъ о родной своей Малороссіи и, пользуясь первымъ благопріятнымъ случаемъ, доказалъ всю свою любовь къ ней и привязанность. Случай этотъ представился ему во время блистательнаго путешествія императрицы изъ Петербурга въ Симферополь. Сопутствуемая императоромъ Іосифомъ II, множествомъ принцевъ, полководцевъ, министровъ и посланниковъ, Екатерина повсюду щедрою рукою разсыпала обильныя благодѣянія. Пышный поѣздъ ея украшалъ и графъ Безбородко, домъ котораго, въ проѣздъ черезъ городъ Нѣжинъ, она почтила своимъ посѣщеніемъ. Воспользовавшись благопріятною минутой, когда государыня, восхищенная кра-

сотою Малороссіи, разспрашивала о средствахъ къ благоустройству края, богато надѣленнаго природой, графъ Безбородко указалъ императрицѣ на всѣ ближайшіе пути. Приведеніе въ исполненіе плана было пріостановлено только важнымъ для Россіи событіемъ, требовавшимъ отъ Безбородко новой дѣятельности и его тонкаго, изворотливаго дипломатическаго ума. Султанъ Абдулъ Гамидъ, ослѣпленный фанатизмомъ и надѣясь на счастье, двинулъ свои войска противъ Россіи въ то самое время, когда волновалась Польша, горѣла война въ Финляндіи и угрожала намъ своимъ вмѣшательствомъ Англія. Несмотря на паденіе Очакова, Бендеръ и другихъ сильныхъ турецкихъ крѣпостей, льстившее честолюбію князя Таврическаго, все еще мечтавшаго объ изгнаніи турокъ, несмотря на неудачи Густава III, на безуспѣшное ополченіе Польши, положеніе Россіи все-таки было затруднительно отъ столкновенія трехъ разнородныхъ войнъ. Графъ Безбородко началъ дѣйствовать такъ рѣшительно и такъ искусно, что, потрясенная въ своемъ основаніи, Турція клонилась заключить миръ, а изнеможенная и обманутая въ своихъ расчетахъ Швеція — договоръ, извѣстный подъ именемъ Варсальскаго трактата (3-го августа 1790 года). Относя пріобрѣтеніе выгодъ отъ этого трактата къ непосредственному содѣйствію графа Безбородко, императрица, въ день торжественнаго объявленія этого мира (15-го августа), пожаловала Александра Андреевича въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Отношенія съ Швеціею были условлены; оставалось покончить съ Турціею, уже выславшею своихъ министровъ въ Яссы, для вступленія въ переговоры съ княземъ Таврическимъ, какъ внезапная его смерть остановила въ самомъ началѣ всѣ мирныя предположенія. Наслѣдникъ султана Абдулъ-Гамида, Селимъ III, возобновилъ военныя дѣйствія и съ ожесточеніемъ продолжалъ ихъ у южныхъ береговъ Тавриды. Напрасно, послѣ паденія Измаила, почитаемаго неприступнымъ, Диванъ представлялъ султану о необходимости мира. Селимъ III поклялся знаменемъ Магомета лучше умереть съ мечомъ въ рукахъ — и началъ дѣйствовать еще рѣшительнѣе. Ни разбитіе Голенищевымъ-Кутузовымъ турокъ на голову при Бабадаѣ, ни отнятіе Гудовичемъ Анапы, ни сокрушеніе визиря при Мачинѣ княземъ Рѣпнинымъ и Дерфельденомъ, ни пораженіе турецкаго флота Ушаковымъ не перемѣнили намѣренія султана. Обва-

деженный постыднымъ миромъ, заключеннымъ съ нимъ въ Чистовѣ австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ II и вмѣшательствомъ въ интересы Турціи Англіи и Пруссіи, склонявшихъ Голландію и Данію пристать къ ихъ союзу, Селимъ III истощалъ свои послѣднія средства. Рѣшимость Екатерины II измѣнила всѣ враждебные планы, и дѣла приняли вдругъ такой оборотъ, что тѣ же самыя державы опредѣлили, чтобы Порта уступила Россіи Очаковъ и все пространство между Бугомъ и Днѣстромъ, протестуя, что иначе онѣ отступаются отъ всякаго посредничества. Турціи оставалось только прибѣгнуть къ одному великодушію Екатерины II. Не желая излишнихъ пріобрѣтеній, императрица назначила, для окончательныхъ переговоровъ, графа Безбородко уполномоченнымъ министромъ, вмѣсто генераловъ Самойлова и Рибаса, заболѣвшихъ въ Яссахъ болѣзненною эпидеміей, имѣвшею вліяніе на большую часть русскаго войска.

Многочисленныя занятія по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отсрочили на нѣкоторое время отъѣздъ графа Безбородко, требовавшій поспѣшности — и враги его не замедлили воспользоваться этою случайностью, чтобы набросить на него неблагопріятную тѣнь и повредить во мнѣніи императрицы. Называя его *тяжелымъ* и *безполезнымъ,* они распустили молву о совершенной его неспособности къ такому важному государственному дѣлу. Такая клевета напротивъ еще болѣе возвысила графа Александра Андреевича въ глазахъ Екатерины — и *тяжелый, безполезный* Безбородко въ самомъ скоромъ времени совершилъ одинъ то, надъ чѣмъ задумывался самъ Потемкинъ и генералы Самойловъ и Рибасъ, которые, вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ, должны были заключить Ясскій договоръ.

Графъ Безбородко прибылъ въ Яссы въ половинѣ ноября и тотчасъ же убѣдился въ необходимости мира. При всѣхъ громкихъ побѣдахъ Россіи, онъ увидѣлъ, что переговоры, веденные до него, были очень запутаны и что Порта, послѣ временного отдыха, опять можетъ начать войну. На домогательства турецкихъ уполномоченныхъ — уступки земель между Днѣстромъ и Бугомъ — графъ Безбородко требовалъ: уплаты за военныя издержки 20.000.000 рублей, безпрекословной уступки пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, со включеніемъ Очакова, и грозилъ, въ случаѣ разрыва, поддержать свои требованія оружіемъ. 15-го декабря каждымъ изъ пословъ былъ отпра

вленъ нарочный къ своему двору съ извѣстіемъ о состояніи дѣлъ — и конгрессъ, въ ожиданіи отвѣта, пріостановился. Отвѣтомъ петербургскаго кабинета предоставлялось министру „дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ“. 29-го декабря графъ Безбородко собралъ послѣдній съѣздъ и объявилъ прежнія рѣшительныя условія. Турецкіе уполномоченные долго упорствовали, но все таки должны были наконецъ согласиться, не видя никакого снисхожденія. Тогда графъ Безбородко объявилъ Рейсъ-Эффендію Юсуфъ-пашѣ, что государыня, по своему великодушію, отмѣняетъ требованную сумму 20.000.000 рублей. Такое извѣстіе изумило турецкаго посланника. „Это спасло жизнь нашего великаго визиря, столь много нами любимаго“, сказалъ онъ со слезами. „Онъ поручился султану головою, что ежели мы согласимся на уплату военныхъ издержекъ, то сама Екатерина, по великодушію своему, отъ нихъ откажется“.

Окончательный договоръ, поставленный графомъ Безбородко въ Яссахъ, состоялъ въ томъ, что возстановлялся миръ и дружба между обѣими державами; всѣ статьи мирныхъ договоровъ, заключенныхъ Турціею съ Россіею со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, если только не противны настоящему, подтвердились во всей силѣ: Турція уступала Россіи все пространство отъ Днѣпра и Буга до Днѣстра, со включеніемъ Очакова. Рѣка Днѣстръ дѣлалась границею обѣихъ державъ: правый берегъ долженъ былъ принадлежать Турціи, а лѣвый Россіи. Россія же возвращала: Бессарабію, Бендеры, Аккерманъ, Килію, Измаилъ и Молдавію съ тѣмъ, чтобы Турція приняла на себя всѣ обязанности къ образованію независимаго государства, монархъ котораго долженъ быть греческаго закона; Порта же обѣщала удерживать жителей лѣвой стороны Кубани отъ набѣговъ и хищенія и охранять русскую торговлю отъ варварскихъ народовъ, а въ случаѣ убытка — за все вознаградить.

Послѣдствія этого договора были весьма важны и ставятъ имя Безбородко на одной страницѣ въ исторіи съ именемъ Потемкина, которому Россія обязана пріобрѣтеніемъ Крыма, Кинбурна, Очакова, уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, построеніемъ Херсона, Николаева, Севастополя, сооруженіемъ черноморскаго флота и заселеніемъ Новороссійской области. Ясскій договоръ, утвердивъ за Россіею владычество на Черномъ морѣ, оградилъ ея безопасность со стороны турокъ и оживилъ южную нашу промышленность и торговлю.

За такія важныя услуги графъ Безбородко награжденъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, пятьюдесятью тысячами рублей серебромъ, похвальною грамотою, съ прописаніемъ его дѣяній, масличною вѣтвью, для ношенія на шляпѣ, и пятью тысячами душъ крестьянъ въ Подольской губерніи. Всѣ эти награды послѣдовали единовременно въ день торжествованія мира съ Оттоманскою Портою, совершившагося 2-го сентября 1793 года. А между тѣмъ, среди этихъ новыхъ знаковъ императорскаго благоволенія, готовилась графу Безбородко и важная служебная перемѣна. Непріятели, воспользовавшись его отсутствіемъ въ Яссы, успѣли лишить его прежней силы. Дипломатъ, награжденный полною довѣренностію Екатерины, имѣвшій перевѣсъ надъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, образовавшій своимъ примѣромъ графа Моркова, графа Растопчина, Самойлова, графа Зубова, Разумовскаго, двухъ Штакельберговъ, Репнина, Булгакова, Куракина, Кочубея и многихъ другихъ, и ясскій миротворецъ былъ отстраненъ, а дѣла Иностранной Коллегіи поручены были графу Зубову, который управлялъ этою коллегіею по самую кончину императрицы. Вмѣсто коллегіальной службы графъ Безбородко назначенъ былъ главнымъ директоромъ почтъ, управленіе которыми до того времени находилось подъ вѣдѣніемъ Посольскаго Приказа, а потомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ теченіе почти трехъ столѣтій. При графѣ Безбородко почтовая часть совершенно отдѣлилась, составила особенное вѣдомство и подчинилась непосредственному его управленію, какъ своему почтъ-директору. Неутомимый въ многотрудныхъ занятіяхъ, графъ Безбородко съ неменьшею ревностію началъ трудиться и надъ улучшеніемъ почтоваго вѣдомства. Съ самаго вступленія въ должность онъ вникнулъ въ многосложный почтовый составъ, устроилъ дороги, ускорилъ ходъ гоньбы, уменьшилъ денежный сборъ съ писемъ и со всѣхъ посылокъ, доставивъ тѣмъ всякому болѣе удобности въ сношеніяхъ, ограничилъ самовольное требованіе денегъ за разноску и собираніе подъ предлогомъ перевѣса или недовѣса писемъ. Изгнавъ и многія другія злоупотребленія, графъ Безбородко доставилъ государству доходъ на многіе милліоны рублей, чего до его времени казна никогда не получала. За такое неожиданное приращеніе государственныхъ доходовъ императрица наградила графа Безбородко единовременно 80.000 рублей серебромъ и ежегод-

нымъ пожизненнымъ пенсіономъ въ 10,000 рублей изъ почтовыхъ доходовъ.

Но этимъ не ограничилась еще вся служебная дѣятельность Александра Андреевича. Императрица не могла не понять, сколько могъ бы быть еще полезенъ графъ Безбородко во внѣшнихъ государственныхъ сношеніяхъ. Она еще живо помнила его необыкновенную проницательность и опытность и потому, несмотря на его отстраненіе отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, не переставала поручать ему разрѣшеніе многихъ дипломатическихъ вопросовъ. Такъ участвовалъ онъ въ Петербургскомъ союзномъ договорѣ, постановленномъ въ 1792 году 3—15 іюля съ Австріей, которая, не надѣясь на собственныя свои силы, обратилась къ Россіи съ просьбою объ отвращеніи бѣдствій, грозившихъ ей отъ французской революціи. Исполненію этого предварительнаго договора, начатаго въ формѣ оборонительнаго союза между Россіей и Австріей и подписаннаго уполномоченными, вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, графомъ Безбородко и графомъ Морковымъ съ нашей стороны, и графомъ Кобенцелемъ со стороны Австріи, единственно помѣшали польскія дѣла. Польшѣ предстояло новое измѣненіе въ ея политической судьбѣ. Настроенная вліяніемъ идей французскихъ революціонеровъ, чувствовавшая уроны отъ перваго раздѣла и мечтавшая о возстановленіи своей независимости, какими бы то ни было средствами, Польша раздѣлилась на двѣ партіи, оживленныя взаимною ненавистью. Первая, такъ называемая патріотическая, почитала русскихъ своими непримиримыми врагами, вторая, болѣе умѣренная, собравшись близъ Браилова, въ мѣстечкѣ Торговицѣ, обратились къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою о покровительствѣ, увѣряя, что ея воззваніе есть голосъ цѣлаго польскаго народа. Противная партія патріотовъ прибѣгала съ прошеніемъ о защитѣ къ Пруссіи и Австріи, которыя обѣ рѣшительно отказались отъ поддержанія ея правъ. Началась кровопролитная война, окончившаяся пораженіемъ знаменитаго польскаго полководца Костюшко и вторичнымъ раздѣленіемъ Польши. Изнемогающая Польша спѣшила заключить союзный договоръ, въ которомъ утверждала за Россіею всѣ прежніе договоры и взаимное защищеніе владѣній. Политическія несогласія начали уже улаживаться, когда Костюшко, желая быть спасителемъ Польши, снова привелъ въ движеніе весь край. Подъ знамена его отвсюду собирались

новыя силы, и вскорѣ Варшава сдѣлалась зрѣлищемъ новыхъ сицилійскихъ вечеренъ и варѳоломеевской ночи. Заговорщики устремились въ глубокую полночь на сонныхъ, ничего не ожидавшихъ русскихъ и вырѣзали ихъ. Предательскій поступокъ взывалъ объ отмщеніи. Русскія силы двинулись въ Польшу, и завязались новыя отчаянныя битвы. Напрасно австрійскій кабинетъ старался вразумить инсургентовъ, что они своимъ сопротивленіемъ навлекаютъ на себя только новыя бѣдствія. Всѣ благоразумныя представленія были отвергнуты, и поляки упорствовали до тѣхъ поръ, покуда не были поражены 29-го сентября въ 1795 году Ферзеномъ при Маціевцахъ, не былъ взятъ въ плѣнъ самъ Костюшко и не пала Прага предъ оружіемъ Суворова. Жребій Польши былъ рѣшенъ и этимъ рѣшеніемъ руководствовалъ Александръ Андреевичъ. Онъ дѣятельно занимался во все продолженіе военныхъ дѣйствій дѣлами Польши, и по его направленію петербургскій и вѣнскій кабинеты издали декларацію, что Россія, Австрія и Пруссія, увѣрившись въ неспособности поляковъ учредить у себя надлежащій образъ правленія, рѣшились, для общаго блага, прекратить безпокойства въ Польскомъ королевствѣ раздѣленіемъ его между собою. Россія пріобрѣла, кромѣ прежней части Виленскаго воеводства, Польши, Подоліи и Украйны, Самогитію и остальную часть воеводствъ: Трокскаго, Виленскаго, Новогрудскаго, Бретскаго, Волынскаго и Холмскаго. Остальная часть Польши раздѣлена была между Австріею и Пруссіей. Во время этого третьяго раздѣла Польши графъ Александръ Андреевичъ велъ также переговоры съ герцогомъ курляндскимъ Петромъ Бирономъ, и 5-го и 6-го марта 1795 года составилъ акты, въ силу которыхъ Курляндія и Пильтенскій округъ присоединены были на вѣчныя времена къ русскимъ владѣніямъ. Это приращеніе доставило важныя выгоды: Россія пріобрѣла еще новыя балтійскія гавани — Либавскую, Виндавскую и другія, и тѣмъ расширила свою внѣшную торговлю.

Но этимъ не ограничиваются еще всѣ дипломатическія услуги графа Александра Андреевича въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II й. Въ то самое время, когда онъ заботился объ опредѣленіи нашихъ политическихъ отношеній къ Польшѣ и опредѣлилъ обязанности Курляндіи, онъ много еще содѣйствовалъ своимъ вліяніемъ и опытностію къ заключенію трактата съ англійскимъ посланникомъ при русскомъ

дворѣ лордомъ Витвортомъ, хотя имя его и не было упомянуто въ трактатѣ этомъ оффиціально. Главнѣйшее содержаніе этого договора, заключеннаго на восемь лѣтъ, состояло въ томъ, что Россія и Англія обязывались взаимно помогать другъ другу. Съ этимъ вмѣстѣ было условлено, что если русскія войска будутъ проходить чрезъ постороннія владѣнія, то Англія должна снабжать ихъ съѣстными припасами и, наконецъ, что русскія войска не будутъ отправлены въ Италію и тѣмъ болѣе за предѣлы Европы. Къ сожалѣнію, единственнымъ результатомъ этого трактата было крейсерство адмирала Ханыкова съ соединенной англійской эскадрою, вплоть до осени того года, у береговъ Голландіи. По случаю рѣшенія окончательной судьбы Польскаго королевства, прочія статьи договора остались также безъ желанныхъ послѣдствій. Таковы были государственные подвиги графа Безбородко до кончины Екатерины Великой, милостями которой онъ не переставалъ пользоваться до наступленія того рокового часа, когда, по сказанію современника, знаменитаго въ событіяхъ отечественной войны, московскаго военнаго генералъ-губернатора графа Ростопчина, самъ гордый и недоступный вельможа князь Зубовъ, назначенный на двадцати-восьми-лѣтнемъ возрастѣ генералъ-фельдцейхмейстеромъ и приводившій своимъ упроченнымъ значеніемъ въ уныніе самого великолѣпнаго князя Тавриды, не терпѣвшаго совмѣстниковъ, былъ избѣгаемъ придворными, какъ зараженный, и, сидя въ углу, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ ни у кого выпросить себѣ даже стакана воды. Внезапная кончина императрицы и послѣдовавшій затѣмъ новый порядокъ дѣлъ могли, конечно, точно такъ же, какъ и на князя Зубова, имѣть вліяніе и на служебную карьеру графа Александра Андреевича; но почему, при всемъ своемъ безкорыстіи и безукоризненной чистотѣ служебной, могъ графъ Безбородко опасаться перемѣны въ своемъ положеніи — не извѣстно. Поэтому не будетъ лишнимъ помѣстить здѣсь разсказъ того же самаго графа Ростопчина о событіяхъ того важнаго дня, въ которомъ онъ касается и графа Александра Андреевича Безбородко, вѣроятно только одною своею безпредѣльною преданностію покойной вѣнценосной своей благодѣтельницѣ опасавшагося навлечь на себя чѣмъ-нибудь первый порывъ неблаговоленія новаго монарха Россіи, усиленный давнишними недоброжелателями.

„Графъ Безбородко“, пишетъ графъ Ростопчинъ въ своихъ записках, „болѣе тридцати часовъ находился во дворцѣ, въ которомъ, въ опочивальнѣ умирающей императрицы, собралось духовенство съ митрополитомъ Гавриломъ въ присутствіи великаго князя Павла Петровича. Неизвѣстность судьбы, опасеніе быть подъ гнѣвомъ новаго государя и живое воспоминаніе благотвореній умирающей императрицы наполняли глаза графа Александра Андреевича слезами, сердце горестію, а духъ уныніемъ“. Два раза подходилъ онъ къ Ростопчину, говоря, что онъ старъ, боленъ и желалъ бы, какъ милости, быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. При этомъ, всегда благородный, безпристрастный и признательный, доставившій когда-то своею настойчивостію мѣсто чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра во Франкфуртѣ на Майнѣ, графу Н. П. Румянцеву, сыну своего покровителя, графъ Безбородко не позабылъ въ критическую для него минуту и о прочихъ преданныхъ ему людяхъ: упоминая о себѣ, онъ вмѣстѣ настойчиво ходатайствовалъ и о томъ, чтобы Ростопчинъ просилъ великаго князя, въ память прежнихъ его заслугъ, объ отправленіи въ Правительствующій Сенатъ указа, подписаннаго государынею 1-го ноября, которымъ любимецъ его, Трощинскій, произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Ростопчинъ, давно знавшій и уважавшій графа Безбородко и дѣлившій съ нимъ дипломатическіе труды, подъ начальствомъ графа Остермана, описалъ Наслѣднику престола отчаяніе достойнаго министра и передалъ его просьбу. Великій князь поручилъ увѣрить графа Безбородко, „что онъ не имѣетъ никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ забыть все прошедшее и разсчитывать на его усердіе, дарованія и способности въ дѣлахъ“. Указъ о награжденіи Трощинскаго, по ходатайству графа Александра Андреевича, былъ немедленно отправленъ въ Сенатъ. Въ пять часовъ пополудни великій князь приказалъ графу Ростопчину спросить графа Безбородко: „Нѣтъ ли у него какихъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства?“ Безбородко явился съ бумагами; Ростопчинъ получилъ приказаніе остаться на время доклада. Удивительная память и ловкость графа Безбородко изумили великаго князя: графъ не только по надписямъ узнавалъ отъ кого были донесенія, но и называлъ даже каждаго по имени. „Безбородко“, отозвался потомъ императоръ Ростопчину, „для меня даръ Божій; спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ“.

Въ ознаменованіе искренности своихъ словъ императоръ тотчасъ же наименовалъ графа Безбородко министромъ перваго класса и вслѣдъ за этимъ поручилъ Александру Андреевичу привести въ исполненіе давнишнюю и задушевную свою мысль, таившуюся въ немъ еще тогда, когда онъ былъ отрокомъ и читалъ „Исторію мальтійскихъ рыцарей", сочиненную Вертотомъ. Къ этому представился слѣдующій случай. Балли Ордена мальтійскихъ рыцарей, графъ Литта, ходатайствовалъ предъ императоромъ о возвращеніи орденскому пріорству, находившемуся въ городѣ Острогѣ, прежнихъ его доходовъ, простиравшихся до 120.000 польскихъ злотыхъ. Разсмотрѣніе этого прошенія поручено было графу Александру Андреевичу, который, вмѣстѣ съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ и заключилъ, по желанію императора, слѣдующую конвенцію съ графомъ Литтою: „Императоръ Павелъ I установляетъ Мальтійскій Орденъ въ своей имперіи; прежніе доходы Острогскаго пріорства увеличиваетъ ежегодною суммой въ 300.000 злотыхъ; императоръ опредѣляетъ доходы и число командорствъ, предоставляя достоинства великаго пріора и командоровъ имѣть однимъ только русскимъ". При заключеніи этой конвенціи графъ Безбородко возведенъ былъ въ достоинство балли Мальтійскаго Ордена и награжденъ большимъ крестомъ св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпаннымъ крупными брильянтами. Чрезъ одиннадцать дней послѣ этой дипломатической сдѣлки (15-го января), графъ Александръ Андреевичъ снова принялъ участіе въ заключеніи конвенціи съ Австріею и Пруссіею, объ окончаніи дѣлъ Польши, по предмету ея долговъ и суммы, потребной на содержаніе бывшаго короля Станислава Августа, удалившагося въ Гродно и котораго императоръ Павелъ пригласилъ въ Петербургъ. По этой конвенціи, при господствующемъ вліяніи графа Александра Андреевича, между нимъ и уполномоченными — австрійскимъ графомъ Кобенцелемъ и прусскимъ графомъ Тауенциномъ — постановлено было, что Россія, Австрія и Пруссія принимаютъ на себя уплату долговъ бывшей Польской республики и ея короля по слѣдующей раскладкѣ. Россія и Пруссія обязались заплатить за республику $^{11}/_{30}$ частей, а Австрія $^{4}/_{10}$; за короля — первыя двѣ державы — $^{2}/_{5}$ частей, а послѣдняя — $^{1}/_{5}$ часть. Королю предоставлялось полное право располагать своимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ; двѣсти тысячъ червонныхъ, ассигнованныхъ

на его содержаніе, условлено выдавать всѣмъ тремъ державамъ поровну; польскимъ жителямъ данъ пятилѣтній срокъ на избраніе — которой изъ трехъ державъ желаютъ присягнуть въ вѣрности на подданство и столько же времени на продажу имѣнія, при переселеніи во владѣнія одного изъ трехъ договаривающихся государствъ.

Въ торжественный день высочайшаго коронованія императора Павла I-го, совершившагося 5-го апрѣля 1797 года, въ числѣ прочихъ, щедрою рукою награжденныхъ императоромъ, находился и графъ Александръ Андреевичъ. Въ ознаменованіе долговременныхъ и полезныхъ услугъ, оказанныхъ отечеству, онъ возведенъ былъ въ княжеское Россійской имперіи достоинство съ титуломъ свѣтлости, получилъ отчину въ Орловской губерніи, поступившую въ казну по кончинѣ князя Кантемира, тридцать тысячъ десятинъ земли въ Воронежской губерніи и шесть тысячъ крестьянъ на собственный выборъ. Въ самомъ благосклонномъ вниманіи къ князю Безбородко, государь не забылъ и о его любимцѣ Трощинскомъ: ему также пожаловано было тысячу двѣсти душъ крестьянъ. Вскорѣ за этимъ, по увольненіи графа Остермана по прошенію отъ канцлерскихъ дѣлъ, императоръ возвелъ князя Безбородко въ достоинство государственнаго канцлера Россійской имперіи и вмѣстѣ съ этимъ пожаловалъ ему свой портретъ, осыпанный брильянтами.

Продолжая дѣлать добро и доблестно служить отечеству, тридцать два года позабывая о своихъ личныхъ выгодахъ и смѣло обнаруживая свои убѣжденія, если только они могли принести пользу Россіи, князь Александръ Андреевичъ сильно разстроилъ свое здоровье и принужденъ былъ просить императора уволить его отъ многотрудныхъ занятій. Не желая разстаться съ нимъ, государь отвѣтствовалъ только одно, что въ немъ нуждается отечество. И точно — съ запада, со стороны Франціи, собрались надъ Европой темныя политическія тучи. Наполеонъ, подавившій революцію и завоевавъ сѣверную Италію, Германію и Голландію, устремился наконецъ на Австрію, Пруссію и Неаполитанское королевство. Устрашенные государи воззвали о защитѣ ихъ отъ общаго порабощенія — и неаполитанскій король Фердинандъ IV-й первый поспѣшилъ воспользоваться намѣреніемъ императора освободить Европу отъ ужасовъ такого преобладательнаго вторженія. При

посредствѣ министра своего, дюка Серракаприола, онъ заключилъ 19-го ноября 1798 года съ Россіей союзный договоръ на восемь лѣтъ, подъ названіемъ неаполитанскаго. Руководимый княземъ Безбородко, онъ подписанъ былъ имъ и графами Кочубеемъ и Ростопчинымъ. Въ договорѣ этомъ императоръ Павелъ І-й обѣщался не только своимъ флотомъ, соединеннымъ съ турецкимъ, охранять берега Сициліи, но даже сдѣлать неаполитанскому королю вспоможеніе войскомъ, которое обязался снабжать самъ военными снарядами и жалованьемъ, съ тѣмъ только, чтобы неаполитанское правительство озаботилось о доставленіи жизненныхъ потребностей.

Вслѣдъ за этимъ князь Безбородко заключилъ также договоръ съ Англіею, обязуясь, отъ имени Россіи, помочь ей 45.000 русскихъ войскъ, все содержаніе которыхъ послѣдняя должна была взять на себя. Привести договоръ въ дѣйствіе положено было тотчасъ же, когда король прусскій также рѣшится обратить противъ Франціи свои силы. Въ противномъ случаѣ обѣ договаривавшіяся стороны должны были принять каждая свои собственныя мѣры для общаго блага. Къ подобному же оберегательному восьмилѣтнему союзу готова была, подъ вліяніемъ князя Безбородко, приступить и Турція, устрашенная покореніемъ Египта.

Но это было еще не все. Недоставало мудраго плана для начатія военныхъ дѣйствій — и этотъ планъ также не замедлилъ. Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, зная политическія достоинства князя Безбородко, изъ глуши своего Боровическаго уединенія прислалъ къ нему письмо для представленія на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Князь Безбородко, глубокомысленно обсудивъ доставленный ему планъ военныхъ дѣйствій, упорно настаивалъ на приведеніи его въ дѣйствіе и долго, хотя на этотъ разъ и безуспѣшно, поддерживалъ предложеніе опытнаго полководца, краснорѣчиво доказывая всю глубину высказанныхъ имъ военныхъ соображеній.

Одинъ французскій писатель говоритъ, что объявленіе войны Французской республикѣ есть дѣло князя Безбородко, счастливо продолженное графомъ Рымникскимъ. И точно, видя, что надежды его напрасны, что расположеніе императора Павла І-го вдругъ измѣнилось и начало клониться къ миролюбію, князь Александръ Андреевичъ поспѣшилъ препроводить замѣчатель-

ный лаконический планъ Суворова на обсужденіе германскихъ державъ. Вся Германія восхитилась предложеніями русскаго кабинета, и австрійскій императоръ началъ убѣдительно просить императора Павла ввѣрить исполненіе этого важнаго дѣла удаленному отъ командованія русскому фельдмаршалу. Послѣдствія этой просьбы извѣстны. Князь Безбородко, исполнивъ этотъ послѣдній, важный для всей Европы, дипломатическій подвигъ, снова почувствовалъ возвращеніе своего стараго недуга.

Среди неусыпныхъ послѣднихъ трудовъ въ пользу освобожденія Европы и сильныхъ напряженій ума, болѣзненные припадки, сопровождавшіеся круженіемъ головы и ослабленіемъ памяти, до того усилились, что, изнемогая силами и видимо угасая, князь Безбородко опять началъ умолять государя о своемъ увольненіи; но императоръ, какъ бы предчувствуя скорую разлуку съ нимъ навѣки, вторично напоминалъ ему, какъ онъ необходимъ отечеству. Такъ какъ Александръ Андреевичъ испрашивалъ только временнаго увольненія, то государь, снисходя его просьбѣ, наконецъ простился съ нимъ, какъ съ другомъ, прося не оставлять его полезными совѣтами. И Безбородко воспользовался этимъ высокимъ приглашеніемъ, чтобы въ послѣдній разъ доказать свою любовь къ Россіи, свое безпристрастіе и благородное чувство благодарности, которымъ онъ всегда отличался. Помимо нѣжно любимаго племянника, В. П. Кочубея, бывшаго впослѣдствіи также канцлеромъ и княземъ, князь Александръ Андреевичъ указалъ императору на графа Ростопчина, какъ на достойнѣйшаго наслѣдника своего важнаго званія. По совѣту врачей, князь Безбородко собирался уже ѣхать за границу, когда, во время самыхъ приготовленій, болѣзнь усилилась и прекратила его славную жизнь. Онъ умеръ на пятьдесятъ второмъ году, въ своемъ домѣ, въ Почтамтской улицѣ, принадлежащемъ нынѣ почтовому вѣдомству, 6-го апрѣля 1799 года.

Князь Александръ Андреевичъ не былъ женатъ и умеръ безъ завѣщанія, оставивъ болѣе одиннадцати тысячъ душъ, полученныхъ отъ щедротъ Екатерины II и Павла I, въ наслѣдство брату своему, графу Ильѣ Андреевичу; но въ его бумагахъ сохранилась одна простая и немногосложная записка, заключавшая въ себѣ его послѣднюю кратко выраженную предсмертную волю — и этой простой записки было довольно,

чтобы Малороссія могла считать его главнымъ своимъ благодѣтелемъ.

Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ церкви Благовѣщенія, въ темномъ придѣлѣ, именуемомъ палаткою. Надъ прахомъ его воздвигнутъ памятникъ, замѣчательный и по искусству, и по мысли. Онъ мѣдный и раздѣленъ на три части. Надъ верхней возвышается мѣдная колонна съ бюстомъ князя Александра Андреевича и надписью: „Родился 1747 года 14-го марта, скончался 1799 года 6-го апрѣля". Съ правой стороны памятника изображенъ геній мира, въ натуральную величину человѣка, задумчиво наклонившійся и держащій масличную вѣтвь: съ лѣвой стороны другой геній освѣщаетъ факеломъ открытый свитокъ, показывая на слова: „Миръ съ турками въ 1791 году". Третій геній держитъ въ одной рукѣ вѣнокъ, а другою скрываетъ свои слезы. У самаго подножія памятника изображенъ орелъ съ опущенными крыльями и княжескій щитъ съ словами Labore et zelo — „трудомъ и усердіемъ". Вверху, гдѣ геній мира держитъ масличную вѣтвь, вложена въ стѣну мѣдная доска съ надписью: Александръ Безбородко, князь Имперіи Всероссійскія съ титуломъ Свѣтлости и графъ Римскія; родился въ Глуховѣ марта 14-го дня 1747 года. Трудомъ и дарованіемъ пріобрѣлъ довѣренность государей. Въ царствованіе Екатерины II-й и Павла I-го управлялъ внутренними и внѣшними дѣлами; возведенъ ими на высшую степень достоинства; былъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ совѣта, сенаторомъ, главнымъ директоромъ почтъ, гофмейстеромъ, кавалеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ и бальи св. Іоанна Іерусалимскаго. Скончался апрѣля 6 дня 1799 года".

Занимаясь почти всю жизнь дѣлами по внѣшнимъ государственнымъ сношеніямъ, князь Александръ Андреевечъ не оставилъ однако же въ бумагахъ своихъ никакихъ извѣстій и документовъ, относящихся къ этимъ трудамъ его. Всѣ свои инструкціи посланникамъ, официальныя донесенія и манифесты, почитающіеся и нынѣ дипломатами за образцовые, онъ, для сбереженія времени, писалъ обыкновенно карандашемъ, столь сокращенно, что не многіе только секретари его могли разбирать ихъ и приводить въ надлежащее правильное изложеніе.

Изобразивъ общественную и гражданскую жизнь князя Александра Андреевича, необходимо заключить его біографію описаніемъ его личныхъ качествъ, какъ частнаго человѣка

Князь Александръ Андреевичъ былъ росту выше средняго и имѣлъ благородную наружность: круглое, доброе лицо, широкій и возвышенный лобъ, осѣненный сѣдыми волосами, пріятный взглядъ и добродушную улыбку. Такимъ по крайней мѣрѣ изображенъ онъ извѣстнымъ живописцемъ Лами, а также и на другихъ портретахъ того времени. Подъ нѣкоторыми изъ нихъ находится слѣдующая надпись, подтверждающая душевное сходство съ наружнымъ:

Се образъ, въ коемъ зримъ блистательны черты
Высокаго ума, душевной доброты.
Вельможа и министръ, и титломъ и дѣлами,
Достигъ величія великими трудами.
Сынъ, другъ отечества, всегда неколебимъ,
Почтенъ для общихъ пользъ, и славенъ и любимъ,
Князь Безбородко симъ блистать въ потомствѣ будетъ:
Отечество его вовѣки не забудетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, по увѣренію современниковъ, князь Александръ Андреевичъ былъ добръ, покровительствовалъ гонимымъ и почиталъ удовольствіемъ облегчать судьбу несчастливцевъ. Обыкновенная его поговорка, обращаемая къ просителямъ: „будьте, батюшка, благонадежны!“ была достаточна для полнаго успокоенія, потому что данное имъ слово становилось для него святынею. Самымъ своимъ явнымъ недоброжелателямъ онъ никогда не платилъ равнымъ чувствомъ и съ гордой усмѣшкой переносилъ всѣ ихъ козни, охраняемый только однимъ своимъ неотъемлемымъ благородствомъ.

„Въ толстомъ тѣлѣ Безбородко скрывалъ умъ тончайшій“, говорилъ про него графъ Сегюръ. Онъ былъ предусмотрителенъ и твердъ въ своихъ начертаніяхъ, рѣшителенъ и благонамѣренъ. Всѣ его дѣйствія въ политикѣ были чужды всякаго корыстолюбія. Имъ постоянно руководили только польза и слава Россіи, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь. Обширныя свѣдѣнія въ отечественной статистикѣ открывали ему многіе новые источники къ познанію народнаго обогащенія и возвышенію государственнаго кредита, а глубокое знаніе дипломатики много способствовало его успѣхамъ во внѣшнихъ

сношеніяхъ. При отличномъ классическомъ образованіи, основательномъ знаніи языковъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и латинскаго, а — по увѣренію многихъ — даже и греческаго, князь Безбородко, получившій, какъ извѣстно, образованіе въ Кіевской академіи, часто любилъ играть солизмами въ кругу друзей, для доставленія имъ удовольствія. Какъ малороссіянинъ, онъ хотя и не могъ никогда привыкнуть къ чистому великороссійскому произношенію и его родныя выраженія часто заставляли русскихъ улыбаться, но писалъ онъ плавно и прекраснымъ слогомъ. Любимыми его науками, которыми князь не переставалъ никогда заниматься, были: отечественная статистика, географія и, въ особенности, исторія. Для послѣдней онъ находилъ всегда свободныя минуты, несмотря на всѣ важныя государственныя обязанности, и даже составилъ лѣтопись Малороссіи съ 1737 по 1776 годъ, отрывки которой помѣщены въ „Краткой Лѣтописи Малыя Россіи", изданной Рубаномъ. Вѣроятно, это не единственный трудъ князя Александра Андреевича, но, къ сожалѣнію, о прочихъ его трудахъ ничего не извѣстно — по крайней мѣрѣ печатно. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что Императорская Академія Наукъ, уважая его знанія и заслуги, почтила его 1783 года 2-го октября званіемъ дѣйствительнаго своего члена; а это еще важнѣе тѣмъ, что со времени ея основанія, князь Безбородко состоялъ въ спискѣ двѣнадцатымъ членомъ. Любя изящныя искусства и покровительствуя молодымъ дарованіямъ, князь Александръ Андреевичъ собралъ отличную картинную галлерею, въ которой, въ особенности, преобладали произведенія извѣстнаго французскаго живописца Карла Вернета. Двадцать двѣ картины этого художника украшали даже его спальню. Съ пышностью, свойственною великолѣпному двору Екатерины II, и собственною склонностію къ удовольствіямъ князь Безбородко соединялъ самый изящнѣйшій вкусъ. Его именемъ славились роскошные праздники и самые богатые балы, и императрица никогда почти не отказывалась удостоивать ихъ своимъ посѣщеніемъ. Великолѣпный домъ его блисталъ изысканнымъ богатствомъ: лѣстницы были устланы азіатскими коврами; стѣны убраны изящнѣйшими произведеніями художествъ; потолки горѣли люстрами и перекрестнымъ огнемъ хрусталей; софы обиты были атласомъ съ золотыми кистями; окна украшены шелковыми занавѣсами; вазы съ цвѣтами, осыпанныя перлами, изумрудами

и другими драгоцѣнностями, изумляли гостей. Князь Александръ Андреевичъ жилъ открыто, принималъ всѣхъ радушно и отличался примѣрнымъ хлѣбосольствомъ. Въ залахъ его тѣснилось все, что только было знаменитаго въ Петербургѣ, или по своему высокому происхожденію и государственнымъ заслугамъ, или по проблескамъ таланта, выходящаго изъ ряду обыкновеннаго, и всѣмъ былъ отъ него одинаковый, равный почетъ. Каждый гость былъ для него равно личностію почтенной, для которой всегда приберегалось самое ласковое слово, самый лучшій кусокъ. Короли: польскій, Станиславъ-Августъ и шведскій — Густавъ III, иностранные послы и уполномоченные министры разныхъ державъ, пріѣзжіе замѣчательные иностранцы, остроумный принцъ де-Линь, многоначитанный графъ Сегюръ, оставившій любопытныя записки о достойнѣйшихъ сановникахъ Екатерининскаго вѣка, французскіе благородные эмигранты, находившіе въ немъ своего покровителя и помощника нуждъ вдали отъ родины, встрѣчались въ домѣ его нерѣдко съ русскими, знаменитыми только одною своею гениальностію, оцѣнку которой впослѣдствіи уже сдѣлало лишь потомство. Знаменитый русскій самоучка-механикъ Кулибинъ, одинаково цѣнимый Потемкинымъ, Румянцевыми и Безбородко, бывалъ также въ числѣ гостей канцлера, которыхъ набиралось иногда до трехсотъ. Данный имъ балъ шведскому королю Густаву III, стоившій до пятидесяти тысячъ тогдашнихъ рублей, оставилъ преданіе, что король, удивленный великолѣпіемъ празднества, воскликнулъ: „это волшебный дворецъ!“

А межъ тѣмъ, при всей этой наружной роскоши, при такихъ огромныхъ средствахъ, самъ князь Александръ Андреевичъ не любилъ заниматься собою и пренебрегалъ всякими лишними украшеніями. Только въ торжественные дни являлся онъ во дворецъ съ чрезвычайною пышностію, въ обыкновенные же не узнавали его. Простой темно-зеленый, долгополый сюртукъ, загрязненные сапоги, небрежно повязанный платокъ на шеѣ, смятая шляпа и трость въ рукѣ — таковъ былъ обычный костюмъ князя въ прогулкахъ по городу. Даже являясь къ императрицѣ, въ французскомъ кафтанѣ, при всемъ щегольскомъ нарядѣ придворнаго, князь не замѣчалъ иногда осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на башмакахъ. Въ обращеніи былъ онъ простъ и даже нѣсколько неловокъ и тяжелъ; въ разговорахъ то веселъ, то задумчивъ и часто любилъ раз-

гонять свою скуку самыми простыми бесѣдами. Прогуливаясь безвѣстно по петербургскимъ улицамъ, свѣтлѣйшій любилъ заводить знакомства съ простолюдинами, вникалъ въ ихъ бытъ, справлялся объ ихъ нуждахъ, изучалъ необходимости низшаго класса и по своей приближенности къ императрицѣ можетъ быть не мало способствовалъ къ изданію тѣхъ мудрыхъ постановленій, которыми Екатерина облагодѣтельствовала и среднія сословія своей обширной имперіи. Нерѣдко, возвращаясь домой, князь Александръ Андреевичъ дѣлался даже адвокатомъ и заступникомъ своихъ уличныхъ знакомыхъ, и они, избавляемые то отъ тягостныхъ процессовъ, то отъ несправедливыхъ притѣсненій и самой бѣдности, не знали — кто ихъ невѣдомый благодѣтель, и кого должны они были благодарить за полученныя блага. Люди, приближенные къ нему: секретари, чиновники и служители, были щедро имъ награждаемы, и, въ этомъ отношеніи, онъ смѣло могъ подать въ великодушіи руку извѣстному графу Разумовскому. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое близкое столкновеніе съ бѣдностію, какое встрѣчалось князю Безбородко имѣть въ отдаленныхъ кварталахъ Петербурга, безвѣстность ея положенія въ столицѣ, наполненной роскошью и всѣми способами помочь ей, и мысль о томъ, что же должна терпѣть бѣдность отдаленная, провинціальная, и была поводомъ къ тому пожертвованію, которое свѣтлѣйшій сдѣлалъ предъ смертію и которое, безъ его сознанія, получило такое высокое, безсмертное осуществленіе въ рукахъ его наслѣдника. Но князь Александръ Андреевичъ былъ человѣкъ — и этого уже довольно, чтобы ему ни что человѣческое не было чуждо. И онъ, какъ и прочіе, какъ и многіе великіе люди, имѣлъ свои слабости и свои страсти, но онѣ никому не дѣлали вреда, никто не роптал на нихъ, и потому потомство, за столькое ему обязанное, должно судить о немъ только по перевѣсу его добрыхъ и полезныхъ дѣлъ. Утомленный важными своими занятіями, князь Александръ Андреевичъ часто любилъ отдыхать „на розахъ нѣги", но никогда однакожъ не былъ сибаритомъ, упоеннымъ одною чувственностію. Давая истинно-лукулловскія пиршества, самъ онъ никогда не предавался пресыщенію; имѣя подвалы, ломившіеся отъ дорогихъ, избранныхъ винъ, онъ постоянно отличался умѣренностію: простыя, національныя малороссійскія кушанья были его любимыми блюдами, свѣжую невскую воду предпочиталъ онъ всевозможнымъ

напиткамъ; но одинъ Богъ безъ грѣха, говоритъ старинная русская поговорка — и императрица Екатерина, высоко цѣнившая добродѣтели и умѣвшая снисходить къ слабостямъ человѣческимъ, часто журила князя за его *bonnes fortunes*. Вотъ и все, что можно сказать про слабости князя Александра Андреевича. Про добро же, сдѣланное имъ, говоритъ Нѣжинъ, говоритъ цѣлая Малороссія, и этого довольно, чтобы память свѣтлѣйшаго была навсегда почтена.

Толбинъ.

Гр. Гр. Орловъ.

Григорій Григорьевичъ Орловъ, впослѣдствіи графъ и князь, (род. 1734 † 1783 г.) до сихъ поръ представляется большинству пустымъ гвардейскимъ офицеромъ, бретеромъ и счастливымъ баловнемъ случая. Въ дѣйствительности онъ является человѣкомъ съ гораздо болѣе симпатичными чертами. Гр. Гр. Орловъ не принадлежитъ къ выдающимся политическимъ дѣятелямъ второй половины XVIII вѣка, но онъ не можетъ быть поставленъ и въ ряды тщеславныхъ случайныхъ людей и бездушныхъ временщиковъ, которыми такъ богатъ этотъ вѣкъ. Гр. Гр. Орловъ обладалъ умомъ, если не самостоятельнымъ и глубокимъ, то чуткимъ къ вопросамъ дня. Онъ способенъ былъ воспринять идею и развить и разработать ее. Сердце Орлова было отзывчиво на все хорошее, и онъ инстинктивно склонялся на сторону униженнаго и оскорбленнаго. Безстрашный и рѣшительный, скромный и обходительный, весельчакъ и кутила — Гр. Гр. Орловъ былъ любимъ всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Какъ среди товарищей, будучи простымъ незнатнымъ офицеромъ, такъ и впослѣдствіи, на вершинѣ почестей и славы, онъ не любилъ выставляться впередъ и рисоваться своими поступками. Онъ все дѣлалъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ стать во главѣ любой затѣи, любаго предпріятія. Имя Гр. Гр. Орлова тѣсно связано съ лучшими начинаніями Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, когда она открыто заявляла сочувствіе либеральнымъ идеямъ. Едва заговорили при дворѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, Орловъ является во главѣ движенія и въ числѣ первыхъ членовъ — основателей Вольнаго Экономическаго Общества. Его избираютъ президентомъ этого Общества, но онъ отказывается, и только впослѣдствіи принимаетъ это званіе. По его инціативѣ Вольное Экономическое

Общество предлагаетъ задачу на премію: „полезно ли даровать собственность крестьянамъ?“ Въ знаменитой Комиссіи 1767 года для сочиненія проекта новаго Уложенія Гр. Гр. Орловъ является заступникомъ крѣпостныхъ крестьянъ и держитъ себя также скромно: онъ отказывается отъ званія маршала Комиссіи, будучи выбранъ значительнымъ большинствомъ. Гр. Гр. Орловъ, кажется, впервые высказываетъ мысль объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго владычества: эта мысль воспринимается Екатериной II и впослѣдствіи разрабатывается Потемкинымъ.

Императрица Екатерина преувеличивала достоинства Гр. Гр. Орлова. Даже въ концѣ 80-хъ годовъ, когда его уже не было на свѣтѣ и умомъ ея всецѣло владѣлъ могучій умъ Потемкина, когда она отреклась отъ либеральной программы первыхъ годовъ своего царствованія, она такъ характеризовала Орлова. „Григорій Орловъ, — говорила Екатерина Храповицкому, — былъ génie, силенъ, храбръ, рѣшителенъ, mais doux comme un mouton, il avait la coeur d'une poule“. Для насъ гораздо важнѣе отзывъ объ Орловѣ другого современника, рѣзкаго порицателя „поврежденія нравовъ“ эпохи, князя М. М. Щербатова. Бичуя „распутіе“ Орлова, онъ отдаетъ должное добротѣ его сердца и души. „Сей, вышедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть, — говоритъ князь Щербатовъ, — среди кулачныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правила; овыя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не льстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ, отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ) до смерти сохранилъ. Находя, что карточная азартная игра можетъ привести другихъ въ разореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріятели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины — никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а напротивъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни“. А. Т. Болотовъ, оставившій въ своихъ „Запискахъ“ интересныя наблюденія надъ явленіями русской жизни за всю вторую половину XVIII в., изображаетъ Гр. Гр. Орлова, съ которымъ онъ сошелся близко въ 1758 г. въ Кенигсбергѣ,

занятомъ въ то время русскими войсками, — весьма симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Подъ перомъ Болотова Орловъ является красивымъ, щегольскимъ, благовоспитаннымъ армейскимъ поручикомъ. Онъ и въ то время, по словамъ Болотова, „во всемъ характерѣ своемъ имѣлъ столь много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить". Орловъ былъ въ Кенигсбергѣ душою кружковъ русской офицерской молодежи и устроителемъ среди нихъ всевозможныхъ увеселеній и забавъ: баловъ, маскарадовъ, любительскихъ спектаклей и т. п. Одинъ изъ такихъ маскарадовъ въ Кенигсбергѣ, у русскаго генералъ-губернатора завоеванной тогда нами Пруссіи, барона Н. А. Корфа, отличался особымъ великолѣпіемъ и разнообразіемъ костюмовъ. Тамъ были не только „разные дикіе и европейскіе старинные и новые народы, художники и мастеровые, но и движущіеся предметы (шкафы, пирамиды и т. п.)", приводившіе въ большое удивленіе и восторгъ русскихъ офицеровъ. Въ этомъ маскарадѣ Орловъ былъ одѣтъ въ костюмѣ древняго римскаго сенатора, который такъ шелъ къ нему, что Болотовъ и другіе офицеры, любуясь имъ, нѣсколько разъ говорили Орлову: „только бы быть тебѣ, братецъ, большимъ бояриномъ и господиномъ: никакое платье такъ къ тебѣ не пристало какъ сіе". „Такимъ образомъ, — прибавляетъ Болотовъ, — говорили мы ему, не зная, что съ нимъ я дѣйствительно сіе случится и что мы сіе ему власно какъ предсказали".

Григорій Григорьевичъ прибылъ въ Петербургъ изъ заграничной арміи, сражавшейся съ Фридрихомъ II, въ 1759 году. Въ то время ему было 25 лѣтъ. Около года спустя начинается его знакомство съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Увлекающагося молодого человѣка не могли не поразить умъ и таланты тридцатилѣтней принцессы и ея изолированное положеніе. Орловъ былъ очарованъ ею, какъ мужчина, онъ полюбилъ ее страстно, и мысль о томъ, что престолъ Россіи должна занять Екатерина, а не Петръ Өеодоровичъ, дѣлается его господствующею мыслью. Задачей жизни Орлова съ этихъ поръ является — переворотъ въ пользу Екатерины. Онъ одушевляется этой задачей со всѣмъ пыломъ молодости и стремится къ ея осуществленію съ энергіей страстно-влюбленнаго человѣка. Ему не нужно никакихъ политическихъ реформъ и гарантій — не о нихъ онъ заботится; ему нужно, чтобы Екате-

рина заняла должное ей положеніе русской императрицы и тогда, по его мнѣнію, Россія будетъ счастливѣйшей въ мірѣ страной. Гр. Гр. Орловъ не имѣлъ традиціонныхъ политическихъ воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и если сохранилъ въ памяти что-нибудь изъ семейныхъ преданій, то это было воспоминаніе о буйной силѣ стрѣлецкой. дѣдъ Григорія Григорьевича, Иванъ Никитичъ Орловъ, былъ однимъ изъ стрѣлецкихъ головъ, помилованныхъ Петромъ Великимъ.

Первыми и ближайшими сотрудниками Гр. Гр. Орлова по приведенію въ исполненіе его завѣтной мечты были его братья. Отецъ Орловыхъ, Григорій Ивановичъ, занимавшій мѣсто губернатора въ Новгородѣ, имѣлъ девять сыновей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли пятеро: Иванъ. Григорій, Алексѣй. Ѳедоръ и Владиміръ. Въ воцареніи Екатерины, кромѣ Григорія, игралъ выдающуюся роль третій братъ, Алексѣй, которому принадлежитъ исключительно быстрота исполненія предпріятія. Человѣкъ безнравственный и грубый. онъ былъ лишенъ тѣхъ симпатичныхъ свойствъ, которыми отличался Григорій, и впослѣдствіи онъ запятналъ себя гнусными преступленіями, которыхъ не могла смыть случайно пріобрѣтенная имъ слава Чесменскаго героя. Старшій изъ братьевъ. Иванъ, жилъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Москвѣ, въ отставкѣ, и никакого участія въ возведеніи на престолъ Екатерины II не принималъ; Ѳедоръ Орловъ былъ исполнителемъ велѣній Григорія и Алексѣя. а меньшому. Владиміру. въ 1762 году было всего 19 лѣтъ отъ роду. *Корсаковъ.*

Орловъ былъ не только другомъ великой государыни, но даже постояннымъ совѣтникомъ ея въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, и въ этомъ случаѣ онъ не имѣлъ себѣ равныхъ, отличаясь здравымъ смысломъ прямого русскаго человѣка. Не даромъ Екатерина называла его „единственнымъ и истинно-великимъ человѣкомъ, такъ мало оцѣненнымъ современниками“. Безъ сомнѣнія, если бы Орловъ рѣшился оставить свое исключительное положеніе при дворѣ и выступилъ бы на широкое поле государственной дѣятельности. то былъ бы надлежащимъ образомъ оцѣненъ современниками и занялъ бы болѣе видное мѣсто въ исторіи.

Но и въ тѣсномъ кругѣ придворной жизни добрая душа Орлова постоянно радѣла о благѣ отечества и постоянно устрем-

лялась на помощь ближнему. Память о добрыхъ дѣлахъ Орлова трогательно выражена въ слѣдующихъ немудреныхъ стихахъ, написанныхъ неизвѣстнымъ авторомъ — современникомъ, по поводу кончины его:

Не гордость пышная имъ въ счастьи обладала,
Но сердца чистота одна въ немъ обитала.
Молений плачущихъ Орловъ не презиралъ:
Но, сострадая имъ, ихъ слезы отиралъ.

Добродушная простота, уживчивый характеръ, веселонравіе, обходительность, доброжелательность и общедоступность — вотъ тѣ качества, которыя отличали Орлова отъ всѣхъ случайныхъ людей, какъ предыдущаго, такъ и послѣдующаго времени. Англійскій посланникъ лордъ Каткартъ доносилъ своему другу, что онъ утвердительно можетъ сказать, что Орловъ — порядочный человѣкъ (galant homme), чистосердечный, правдивый, исполненный высокихъ чувствъ и обладающій замѣчательнымъ природнымъ умомъ, но безъ малѣйшей охоты выказывать его. И дѣйствительно, Орловъ, при необычайной силѣ, храбрости и рѣшимости, былъ до нѣжности кротокъ въ обращеніи. По словамъ Екатерины, онъ былъ нѣженъ, какъ барашекъ, doux comme un mouton.

Крѣпкая дружба соединяла всѣхъ братьевъ Орловыхъ. По преданію, въ ихъ семьѣ всегда поддерживалась старинная русская почтительность въ отношеніяхъ къ старшему брату. Покойный князь А. С. Меншиковъ разсказывалъ со словъ людей старыхъ, что Григорій Григорьевичъ, будучи уже графомъ, не позволялъ себѣ садиться въ присутствіи своего старшаго брата Ивана Григорьевича, пока тотъ не прикажетъ.

Случай Орлова совпадаетъ съ тою эпохою царствованія Екатерины, когда новыя понятія, смѣло провозглашенныя французскими энциклопедистами, широкой струей проникали въ петербургскій дворецъ и оттуда свободно вѣяли надъ вершинами нашего общества. То была пора чистыхъ мечтаній о благѣ человѣчества и неутомимой жажды просвѣщенія, успѣхи котораго въ Россіи были цѣлью особенной заботливости Екатерины. Человѣкъ, пользовавшійся въ то время такимъ ея расположеніемъ, какъ Орловъ, не могъ не сочувствовать ея высокимъ идеямъ. Въ то время, какъ Екатерина явно покровительствовала знаменитымъ философамъ Франціи, коихъ

преслѣдовали парижскій парламентъ и католическое духовенство, Орловъ, съ своей стороны, добродушно предлагалъ одному изъ нихъ, а именно Ж. Ж. Руссо, обезпеченное помѣщеніе въ его деревнѣ подъ Петербургомъ.

„Милостивый государь (писалъ Орловъ къ Руссо въ 1766 году), вы не удивитесь, что я пишу къ вамъ, зная, что люди наклонны къ странностямъ. У васъ есть свои, у меня мои: это въ порядкѣ вещей; пусть одною изъ такихъ странностей будетъ и причина, побудившая меня писать къ вамъ. Я вижу васъ давно странствующимъ изъ одного мѣста въ другое. Чрезъ газеты я знаю и о причинахъ этого... Мнѣ вздумалось сказать вамъ, что въ 60 верстахъ отъ Петербурга у меня есть помѣстье, гдѣ воздухъ здоровъ, вода удивительна, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки, пріятные для прогулокъ и возбуждающіе къ мечтательности. Мѣстные жители не понимаютъ ни по-англійски, ни по-французски, еще менѣе по-гречески и латыни. Священникъ не знаетъ ни диспутировать, ни проповѣдывать, а паства, сдѣлавъ крестное знаменіе, добродушно думаетъ, что сдѣлано все. Итакъ, милостивый государь, если такой уголокъ вамъ по вкусу, отъ васъ зависитъ поселиться въ немъ. Все нужное будетъ къ вашимъ услугамъ, если вы пожелаете. Если нѣтъ, располагайте охотою и рыбною ловлею. Коль скоро вы захотите общества, чтобы разсѣять скуку, и оно будетъ. Но вообще, и прежде всего, вы ни въ чемъ не будете имѣть ни малѣйшаго стѣсненія, не будете ничѣмъ никому обязаны. Сверхъ того, по желанію вашему, не произойдетъ никакой огласки о вашемъ пребываніи. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ не дурно было бы, по моему мнѣнію, совершить переѣздъ моремъ, если вы въ состояніи вынесть его: тѣмъ болѣе что и отъ любопытныхъ вамъ будетъ больше покоя.

„Вотъ, милостивый государь, что я счелъ себя въ правѣ предложить вамъ *изъ признательности за почерпнутое мною въ вашихъ книгахъ*, хотя онѣ были писаны и не для меня. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ“ и пр.

Автобіографическое показаніе, заключающееся въ послѣднихъ строкахъ приведеннаго письма, имѣетъ для насъ существенную важность. Постоянное общеніе съ женщиной, для которой чтеніе и письмо были ежедневною потребностью, не могло не отразиться на Орловѣ, проведя свою первую моло-

дость въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и въ шумныхъ пирахъ. онъ при первой же встрѣчѣ съ Екатериною вѣроятно почувствовалъ недостаточность своего образованія и. можетъ быть, тогда же усердно принялся дополнять его чтеніемъ книгъ. Можно даже думать, что самый выборъ книгъ для прочтенія принадлежалъ Екатеринѣ. Знаменитая Энциклопедія. хорошо извѣстная Екатеринѣ еще въ бытность ея великой княгиней, едва ли не была первою книгою. раскрытою его передъ умнымъ, даровитымъ любимцемъ счастія. Положительно извѣстно, что Орловъ страстно привязался къ физикѣ и вообще къ естественнымъ наукамъ. Можетъ быть, эта страсть сблизила его съ Ломоносовымъ, который даже подарилъ ему „метеорологическій инструментъ" и по всѣмъ вѣроятіямъ руководствовалъ его въ ученыхъ занятіяхъ. Пытливый умъ Орлова не довольствовался данными, выработанными уже наукою, но стремился къ изслѣдованію неизвѣстныхъ явленій. Прозорливость и находчивость Орлова были дѣйствительно изумительны. Однажды маленькій великій князь Павелъ Петровичъ забавлялся въ своихъ комнатахъ игрою съ креслами: накрывая ихъ сукномъ и представляя себѣ, что это сани съ полостью, онъ нѣсколько разъ сдергивалъ сукно и замѣтилъ при этомъ, что изъ дерева, на которомъ была позолота, выскакивали искры. Явленіе это. поставившее въ недоумѣніе самого Эпинуса, учителя физики. было объяснено Орловымъ. „Ввечеру эти кресла и сукно носили къ государынѣ. У ея величества въ покояхъ дѣлали опыты. Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, *будучи до таковыхъ вещей охотникъ,* нашелъ, что когда муфтой или просто рукой по шелковымъ обоямъ тереть станешь, то электризація производится и сыплются искры". Это было въ 1766 году, когда законы электричества были мало извѣстны. Нѣсколько позже Орловъ сдѣлалъ весьма любопытный опытъ замѣненія свай льдомъ при постройкѣ каменныхъ воротъ у своего дома: на мѣстѣ, назначенномъ для воротъ, онъ велѣлъ осенью вырыть рвы, а зимою наполнилъ ихъ водою. Когда вода достаточно обмерзла, рвы были тщательно укрыты отъ солнечныхъ лучей, а слѣдующею весною на нихъ воздвигли огромныя каменныя ворота со сводами. Въ другой разъ Орловъ производилъ, въ присутствіи императрицы. опыты надъ бомбою, наполненною водою и выставленною на морозъ: меньше чѣмъ чрезъ часъ бомбу разрывало съ большимъ трескомъ.

Научные предметы были постоянно любимою темою разговоровъ Орлова въ обществѣ. Для примѣра выпишемъ два — три числа изъ любопытнаго дневника Порошина за 1765 годъ.

„11 марта... Графъ Григорій Григорьевичъ заговорилъ, по обыкновенію своему, о физикѣ и упомянулъ о гремящемъ золотѣ, aurum fulminans... Его Высочество (В. К. Павелъ Петровичъ) присталъ къ рѣчи и спорилъ противъ Григорья Григорьевича".

„16 марта... пришли графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ и Григорій Николаевичъ Тепловъ... разговаривали о физикѣ, химіи, о ботаникѣ и о анатоміи...

„31 декабря... обѣдали у насъ (т.-е. въ покояхъ наслѣдника) его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Василій Ильичъ Бибиковъ. Долго споръ былъ о параболической фигурѣ".

Астрономическія наблюденія, производимыя Орловымъ съ обсерваторіи, устроенной имъ надъ своими покоями въ лѣтнемъ дворцѣ, представляли во всякомъ случаѣ примѣчательное зрѣлище, рѣдко повторяющееся въ лѣтописяхъ современныхъ ему европейскихъ дворовъ.

При всемъ томъ, Орловъ никогда не напускалъ на себя ученаго вида; напротивъ того, онъ любилъ давать полную волю своему живому праву и въ этомъ случаѣ нисколько не стѣснялся ни лѣтами, ни своимъ высокимъ положеніемъ. Мы его видимъ то прыгающимъ черезъ стулья въ ложѣ манежа, то скачущимъ въ саду черезъ канапе, то одѣвающимся въ женское платье, то устраивающимъ серенады дѣвицамъ Смольнаго монастыря и т. под.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что Орловъ не могъ относиться равнодушно къ своему славному современнику, достойному представителю русской мысли, Ломоносову. Орловъ смотрѣлъ даже на него, по словамъ Шлецера, *какъ на полубога*. Благодаря внушенію Орлова, государыня удостоивала Ломоносова своею бесѣдою и даже посѣтила его ученую келью. Общая страсть къ естественнымъ наукамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, была исходной точкой дружескихъ сношеній между этими двумя замѣчательными людьми. Уже на второй мѣсяцъ по воцареніи Екатерины Ломоносовъ довѣрчиво обратился къ Орлову съ мольбой о содѣйствіи къ осуществленію любимой своей мечты: возстановить мысль Петра Великаго объ открытіи

университета въ Петербургѣ. Дѣло это было далеко не новое. Ломоносовъ началъ это дѣло еще въ 1742 году. Несмотря на продолжительное, упорное противодѣйствіе нѣмецкой партіи въ академіи, ему удалось наконецъ провести въ конференцію составленный имъ университетскій уставъ, и даже была уже заготовлена грамота объ открытіи университета. Но Елизавета Петровна не успѣла начертать своего имени на грамотѣ. Ея кончина надолго отсрочила учрежденіе университета въ Петербургѣ. По вступленіи на престолъ Екатерины Ломоносовъ, съ свойственною ему настойчивостью, опять принялся за свое дѣло. Въ письмѣ къ Григорію Григорьевичу Орлову, отъ 27 іюня 1762 года, онъ горячо проситъ содѣйствія къ открытію университета въ Петербургѣ, объясняя ему, что „этимъ благодѣяніемъ всѣ истинные сыны отечества отъ унынія возставлены, или лучше сказать воскрешены будутъ. Напротивъ того, злые недоброхоты россійскіе, въ коварныхъ своихъ проискахъ ослабясь, не такъ станутъ посягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить и отъ презрѣнія избавить возлюбленный россійскій родъ! Не укосни, милостивый государь, въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее, учащееся здѣсь юношество оживить отрадою, и показать, что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ отечества на защищеніе вѣрныхъ природныхъ подданныхъ Ея Величества“.

Трудно сказать, почему Екатерина, несмотря даже на усердное ходатайство Орлова, все-таки не согласилась утвердить предложенія Ломоносова. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало вліяніе Теплова, давняго врага Ломоносова. Послѣ этой новой неудачи Ломоносову пришлось вытерпѣть много оскорбленій отъ своихъ мстительныхъ враговъ, нѣмецкихъ академиковъ. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что въ маѣ 1763 года онъ получилъ высочайшій указъ объ увольненіи отъ Академіи. Благодаря заступничеству Орлова, указъ этотъ былъ уничтоженъ. Не долго жилъ послѣ того Ломоносовъ: онъ скончался 4 апрѣля 1765 года, терзаемый грустью, что „не успѣлъ довершить, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести академіи“. Всѣ оставшіеся послѣ Ломоносова бумаги перешли въ руки его поклонника. Григорій Григорьевичъ Орловъ пріобрѣлъ ихъ у вдовы покойника, поручилъ привести въ порядокъ секретарю своему Г. В. Козицкому и съ благоговѣніемъ хранилъ ихъ въ особомъ покоѣ своего дома.

За годъ до кончины Ломоносовъ съ особенною силою охарактеризовалъ намъ Орлова въ посланіи къ нему, по случаю возвращенія его съ императрицей изъ путешествія въ Остзейскій край:

Любитель чистыхъ музъ, защитникъ ихъ трудовъ,
О взоромъ, бодростью и мужествомъ Орловъ,
Позволь простерть мнѣ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ
Навстрѣчу, гдѣ отъ странъ Богиня оживленныхъ,
Всѣхъ щедря и любя, спѣшитъ къ Невы струямъ,
Ограды обновить, покой умножить намъ;
Гдѣ ты усердіе и вѣрность къ ней являешь
И, сродно съ именемъ, раченьемъ возлетаешь...
А ты, о храбрыхъ дѣлъ отеческихъ наслѣдникъ,
Что знаешь съ мужествомъ пріятность сопрягать,
Блюсти Величество и подданныхъ спасать,
Великія дѣла соединять къ отрадѣ,
И Марсу слѣдовать и угождать Палладѣ,
Блаженъ родитель твой, такихъ намъ давъ сыновъ,
Не именемъ однимъ, но свойствами орловъ.
Онъ храбростью Петру усердствовалъ на брани,
Ты, вѣрныя отечеству распростирая длани,
Екатерининъ рокъ и общій отвратилъ,
Покой и вѣкъ златой наукамъ обновилъ,
Ликуютъ сѣверныя страны въ премудрой волѣ,
Что правда съ кротостью сіяетъ на престолѣ.
О коль прекрасны дни! О коль любезна власть!
Герой, мы должны въ томъ тебѣ велику часть.

Первую строфу этого посланія отнюдь нельзя отнести къ обычнымъ риторическимъ украшеніямъ. Укажемъ для примѣра на то значеніе, какое имѣлъ Орловъ въ жизни Фонвизина. Даровитый авторъ *Бригадира,* еще мало извѣстный юноша, привезя въ Петербургъ свою комедію, прочитывалъ ее нѣкоторымъ вельможамъ, а въ томъ числѣ и Григорію Григорьевичу Орлову, который тотчасъ же оцѣнилъ ее по достоинству. Онъ не преминулъ доложить о своемъ впечатлѣніи императрицѣ и въ скоромъ времени предложилъ Фонвизину пріѣхать на балъ во дворецъ, захвативъ съ собою и *Бригадира.* Во время бала Орловъ подошелъ къ Фонвизину и сказалъ ему: „Ея Величество при-

казала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте итти въ Эрмитажъ".

Въ присутствіи императрицы и ея избраннаго общества Фонвизинъ прочиталъ *Бригадира* и привелъ въ восхищеніе слушателей. Понятно, какъ этотъ случай долженъ былъ ободрить юнаго автора, но онъ имѣлъ не одно только личное значеніе. Русскій авторъ на балѣ во дворцѣ и потомъ приглашенный императрицей въ ея близкое общество, читающій тамъ свою комедію и приводящій въ восторгъ своихъ державныхъ и высокихъ слушателей, — это есть дѣйствительно событіе, которое, по справедливому замѣчанію князя П. А. Вяземскаго, „авторское поколѣніе можетъ внести въ лѣтопись своихъ блестящихъ воспоминаній".

Общественная дѣятельность Орлова сложилась въ своеобразную форму, которая рѣшительно не укладывается въ рамку обычнаго біографическаго описанія. Орловъ былъ постоянно при Екатеринѣ, ежедневно сочувствовалъ въ ея великихъ дѣлахъ и своимъ живымъ сочувствіемъ поддерживалъ въ ней то доброе, благожелательное настроеніе, которымъ запечатлѣны первые годы ея царственнаго поприща. Почти не выходя изъ круга придворной жизни, онъ всегда имѣлъ доброе вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ. По свидѣтельству даже князя М. М. Щербатова, этого строгаго судіи нравовъ прошлаго вѣка, „во время случая Орлова дѣла шли довольно порядочно, и государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ. Не было многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей, и пріятство государево вмѣсто награжденій служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбіе государево истинами любимца укрощаемо часто было... Орловъ никогда не входилъ въ управленіе не принадлежавшаго ему мѣста, никогда не льстилъ своей государынѣ, къ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце; старался и любилъ выискивать людей достойныхъ, поелику понятіе его могло постигать... Ближнихъ своихъ любимцевъ не любилъ инако производить, какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, *и первый знакъ его благоволенія былъ заставлять съ усердіемъ служить отечеству*".

Въ этихъ словахъ выражена существенная заслуга Орлова предъ отечествомъ. Занимаемыя имъ должности генералъ-фель-

цейхмейстера, генералъ директора инженеровъ, президента канцеляріи опекунства иностранныхъ, шефа кавалергардскаго корпуса и пр. составляли нѣчто второстепенное въ его общественномъ положеніи. Они какъ бы терялись безслѣдно въ его главнѣйшей исторической роли, — роли долголѣтняго друга великой Екатерины, ея пособника и совѣтника по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ.

Имя Орлова тѣсно связано со всѣми наилучшими начинаніями Екатерины въ первые годы ея царствованія. Всякая добрая мѣра была встрѣчаема съ его стороны горячимъ сочувствіемъ и готовностью содѣйствовать къ ея осуществленію. Едва, напримѣръ, заговорили при дворѣ о необходимости „распространенія въ народѣ полезныхъ и нужныхъ къ земледѣлію и домостроительству знаній", Орловъ былъ уже впереди всѣхъ. Въ короткое время онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ домоводомъ гр. Д. И. Воронцовымъ и библіотекаремъ императрицы И. И. Таубертомъ, собралъ для этой цѣли Общество, названное сначала *Патріотическимъ*, потомъ *Экономическимъ* и наконецъ *Вольно-Экономическимъ*. Мало того, онъ даже предложилъ къ услугамъ членовъ-учредителей свой домъ, въ которомъ и происходило 15 іюня 1765 года первое засѣданіе старѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ обществъ.

По уставу, Общество должно было постоянно имѣть во главѣ управленія президента, „черезъ каждые четыре мѣсяца, баллотированіемъ избираемаго". На первую же треть былъ выбранъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, „какъ поощритель и любитель всякихъ знаній". Орловъ дѣйствительно заслуживалъ этой чести, потому что исключительно его ходатайствамъ Общество было обязано тѣмъ, что на первыхъ же порахъ императрица взяла его подъ свое покровительство, поставила „независимо ни отъ какого правительства", предоставила печатать труды Общества на иждивеніе Кабинета и пожаловала единовременно 6000 рублей на покупку дома.

Орловъ отказался, однако, отъ президентства „по множеству занятій"; но въ слѣдующую очередь, т. е. на январскую треть 1766 года, онъ охотно принялъ вновь предложенное ему почетное званіе и велъ дѣла Общества такъ успѣшно, что получилъ предложеніе оставить за собою званіе президента и на слѣдующую, майскую, треть. Объ этомъ были извѣщены всѣ интересовавшіеся дѣлами Общества слѣдующимъ объяв-

леніемъ, напечатаннымъ въ третьей книжкѣ Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества за 1766 годъ: „хотя въ уставѣ Вольнаго Экономическаго Общества и положено, чтобъ чрезъ каждые четыре мѣсяца избирать другого президента, однако, по прошествіи январской трети, Общество наше просило его сіятельство графа Григорія Григорьевича Орлова, чтобъ онъ и сію вторую треть благоволилъ продолжать свое президентство, на что его сіятельство и согласился".

Кромѣ двукратнаго президентства, Орловъ оставилъ по себѣ память весьма ревностнымъ соучастіемъ въ трудахъ Общества по разработкѣ разныхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Онъ нерѣдко приносилъ съ собою, для прочтенія собранію, сочиненія по деревенскому хозяйству за подписью: *Надворнаго Совѣтника Өеюота Владимировича Удолова, Вольнаго Экономическаго Общества члена и села Царскаго управителя.*

Орловъ же, владѣлецъ многихъ вотчинъ, предложилъ Обществу программу ученаго изслѣдованія: полезно ли даровать собственность крестьянамъ? Каковы бы ни были результаты этого предложенія, было ли оно прямо внушено самою императрицею, или же явилось какъ естественное слѣдствіе бесѣдъ съ нею, во всякомъ случаѣ для насъ важно то, что никто другой, а именно Орловъ первый во всеуслышаніе заговорилъ о томъ великомъ вопросѣ, который разрѣшенъ лишь въ наши дни.

Какъ относился Орловъ къ мысли Екатерины призвать депутатовъ отъ всѣхъ сословій государства, для обсужденія проекта Новаго Уложенія, — можно судить уже по тому обстоятельству, что когда Екатерина, окончивъ нѣсколько статей знаменитаго Наказа, сочиняемаго ею для руководства предполагаемой Комиссіи депутатовъ, прочла ихъ Орлову, „то онъ цѣны не ставилъ ея работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать". Графъ Н. И. Панинъ уже иначе посмотрѣлъ на трудъ человѣколюбивой законодательницы. Выслушавъ тѣ же самыя статьи, которыя были прочитаны Орлову, онъ отозвался, что „такими правилами можно разрушить здаміе (ce sont les axiomes à renverser des murailles). Екатерина не устрашилась паденія стѣнъ, мѣшавшихъ дальнѣйшему развитію гражданской жизни любезнаго ей русскаго народа. 14 декабря 1766 года былъ оповѣщенъ достопамятный манифестъ, призывавшій въ Москву депута-

товъ отъ всѣхъ сословій. Самодержавная государыня предоставила имъ быть участниками сочиненія проекта Новаго Уложенія, съ правомъ не только слушать вновь издаваемые законы, но и находить въ нихъ недостатки, давать свои мнѣнія и замѣчанія, также „заявлять о нуждахъ и недостаткахъ каждаго мѣста". Чутко отозвалось все земство на довѣрчивый призывъ Екатерины и съ небывалымъ одушевленіемъ приступило къ выбору депутатовъ. Всѣ братья Орловы были избраны депутатами отъ разныхъ уѣздовъ, въ которыхъ находились ихъ вотчины. Григорій Григорьевичъ удостоился этой чести отъ дворянъ Копорскаго уѣзда Петербургской губерніи.

Въ то время какъ во всѣхъ городахъ происходили торжественные выборы депутатовъ, Екатерина плыла по Волгѣ. Въ пловучемъ дворцѣ законодательница Сѣвера переводила, вмѣстѣ съ своими вельможами, на русскій языкъ Мармонтелева Велизарія... Пятая глава этого философскаго сочиненія переводилась Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

„Ваше Величество, писалъ тогда Вольтеръ къ Екатеринѣ, вы не можете повѣрить, до какой степени преданъ вамъ педантъ республиканскій, несмотря на то, что вы самодержавствуете".

Утромъ 30 іюня, въ день назначенный для открытія Коммиссіи, изъ Головинскаго дворца направлялся въ Кремль церемоніальный поѣздъ въ шестнадцать парадныхъ экипажей. Екатерина, въ императорской мантіи съ малой короной, сидѣла въ каретѣ, запряженной восемью лошадьми. За ея каретой слѣдовалъ взводъ кавалергардовъ, подъ командой ихъ шефа, графа Григорія Григорьевича Орлова; за кавалергардами ѣхалъ въ каретѣ великій князь Павелъ Петровичъ и т. д. По прибытіи поѣзда въ Кремль, депутаты, по два въ рядъ, вышли изъ Чудова монастыря и послѣдовали за императрицей въ Успенскій соборъ. Послѣ молебствія депутаты принесли присягу „въ усердіи къ любезному отечеству, въ любви къ согражданамъ" и затѣмъ представлялись императрицѣ. „Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсть себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ... Идите къ сему съ миромъ". При послѣднихъ словахъ генералъ-прокурору, князю А. А. Вяземскому, былъ врученъ знаменитый Наказъ.

На другой день депутаты собрались въ Грановитой Палатѣ для выбора закрытою баллотировкою маршала Коммиссіи.

Императрица незамѣтно присутствовала на этомъ первомъ засѣданіи, наблюдая за происходившемъ въ залѣ сверху изъ „стариннаго тайника“.

Съ ударомъ жезла генералъ-прокурора, возвѣстившимъ о началѣ баллотировки, въ обширной палатѣ съ 420-ю депутатами водворилась торжественная тишина. „Не можно было довольно надивиться, писалъ очевидецъ, съ какою тишиною и благоговѣніемъ все въ семъ толь многочисленномъ собраніи происходило“. Всякій дѣлалъ свое дѣло, изрѣдка обращаясь другъ къ другу съ замѣчаніями, „только съ крайнею скромностью“. Григорій Григорьевичъ Орловъ, какъ копорскій депутатъ, сидѣлъ вмѣстѣ съ другими. Онъ тихо разсуждалъ съ своимъ сосѣдомъ, депутатомъ Вотской пятины, Николаемъ Ерофеевичемъ Муравьевымъ *о внутренней архитектурѣ Грановитой Палаты.* При выборѣ маршала депутаты не были стѣснены никакими соображеніями. „Разногласія выражались безъ досады и негодованія. Неудовольствія не было. Каждый избиралъ, кого хотѣлъ“.

По окончаніи баллотированія генералъ-прокуроръ объявилъ собранію, что большинство голосовъ пало на графа Григорія Григорьевича Орлова. Орловъ, вставъ съ мѣста, отвѣчалъ генералъ-прокурору, что онъ, „считая за честь оказанную ему довѣренность, не можетъ принять сего избранія за множествомъ дѣлъ, возложенныхъ на него Ея Императорскимъ Величествомъ“. Званіе маршала коммиссіи, въ концѣ концовъ, было предложено костромскому депутату А. И. Бибикову.

На второмъ засѣданіи Коммиссіи, Гр. Гр. Орловъ, И. П. Елагинъ и Д. В. Волковъ, вѣроятно какъ лучшіе чтецы, приняли на себя чтеніе Наказа. „Надлежитъ отдать справедливость,— говорится въ дневной запискѣ,— всему почтенному господъ депутатовъ собранію, что оное оказало себя достойнымъ получить данный ему Наказъ: прилежаніе, восхищеніе и, если смѣю сказать, жадность, съ которыми слушано было сіе сочиненіе, довольно сіе доказываютъ“.

Нѣсколько слѣдующихъ засѣданій прошли въ разсужденіяхъ о поднесеніи императрицѣ приличествующаго титула. Послѣ долгихъ разногласій, собраніе одобрило форму титула, предложенную графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ: *Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества.* Какъ извѣстно, императрица отказалась отъ поднесеннаго ей ти-

тула и вообще была недовольна, что депутаты такъ долго останавливались на этомъ предметѣ. „Я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, писала она къ А. И. Бибикову, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“.

Только съ восьмого засѣданія, происходившаго 20 августа, когда было приступлено, наконецъ, къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ депутатскихъ наказовъ, занятія Комиссіи вошли въ кругъ настоящей ея дѣятельности. Вниманію собранія прежде всего былъ предложенъ наказъ отъ черносошныхъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда Олонецкой губерніи, заключавшій въ себѣ изъясненіе нуждъ и недостатковъ каргопольскихъ крестьянъ и ихъ ходатайства о сбавкѣ подушнаго платежа, о дозволеніи переселиться на мѣста болѣе удобныя для хлѣбопашества и т. п. Орловъ не только поддерживалъ крестьянскія ходатайства, но даже выступилъ горячимъ защитникомъ самихъ крестьянъ, поносимыхъ верейскимъ депутатомъ Степановымъ. Во время чтенія письменныхъ возраженій депутатовъ на просьбы каргопольскихъ крестьянъ, когда очередь дошла до записки депутата Степанова, въ которой было, между прочимъ, сказано, что крестьяне Каргопольскаго уѣзда *лѣнивы и отягощены, утороплены и упорны,* Григорій Григорьевичъ Орловъ прервалъ на этомъ мѣстѣ чтеца и попросилъ слова. По окончаніи чтенія всѣхъ мнѣній и замѣчаній, Орловъ, вызванный для объясненія маршаломъ коммиссіи, заявилъ, что по его мнѣнію, „верейскій депутатъ въ возраженіи своемъ сдѣлалъ два противорѣчія: во-первыхъ, назвалъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда лѣнивыми и отягощенными, чего вмѣстѣ быть не можетъ, и во-вторыхъ, уторопленными и упорными, каковыя свойства также одно съ другимъ не согласуются; что подобныя названія, относящіяся ко всѣмъ вообще крестьянамъ, не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла, и онъ полагаетъ, что выраженія сіи, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ, были помѣщены по ошибкѣ писца, а не по мнѣнію депутата. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что только нѣкоторая часть крестьянъ имѣютъ означенные недостатки, ибо между всякаго рода людьми есть хорошіе и дурные“. Въ заключеніе Орловъ сообщилъ маршалу, не признаетъ ли онъ нужнымъ спросить у верейскаго депутата, „справедливо ли высказанное имъ предложеніе, что въ мнѣніе сего депутата вкрались ошибки писца, какъ ему это кажется“. Собраніе изъявило на это со-

гласіе, и г. Степановъ, по призывѣ его, отвѣчалъ, что требуемое отъ него объясненіе онъ сообщитъ письменно.

Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ Комиссіи защитникъ народа уже не участвовалъ. По крайней мѣрѣ въ сохранившихся дневныхъ запискахъ Комиссіи не встрѣчается болѣе имени Орлова.

14 декабря 1767 года было послѣднее засѣданіе Комиссіи депутатовъ въ Москвѣ. Маршалъ Бибиковъ объявилъ волю государыни, чтобъ засѣданія были вновь открыты уже въ С.-Петербургѣ съ 18 февраля слѣдующаго года. Оспенная эпидемія и приготовленія къ войнѣ съ Турціей прервали великое земское дѣло.

1768-й годъ остался памятнымъ повсемѣстной оспой, уродовавшей и губившей тысячи людей. Тогда уже было извѣстно во всей Европѣ средство противъ этой страшной эпидеміи, а именно: прививаніе оспенной лимфы къ здоровому тѣлу. Но это спасительное средство было всюду встрѣчаемо съ большимъ недовѣріемъ. Во Франціи напримѣръ, по свидѣтельству Вольтера, дѣло доходило до того, что оспу прививали по парламентскому приговору. У насъ даже теперь, сто лѣтъ спустя, большая часть простолюдиновъ называетъ втихомолку процессъ оспопрививанія наложеніемъ „антихристовой печати".

Екатерина рѣшилась собственнымъ примѣромъ доказать полезность оспопрививанія. Изъ Лондона былъ приглашенъ извѣстный докторъ Димсдаль, который съ большимъ успѣхомъ привилъ оспу сначала самой императрицѣ, а потомъ великому князю Павлу Петровичу. Для большаго ободренія окружавшихъ императрица нарочно не ложилась въ постель и ежедневно принимала пріѣзжавшихъ къ двору.

Орловъ не отставалъ отъ Екатерины. „Не зная вѣрно, была ли на немъ оспа, онъ отдался также въ руки Димсдаля и на другой день послѣ операціи поѣхалъ на охоту при самой большой вьюгѣ. Нѣкоторые придворные послѣдовали его примѣру. Послѣ того оспопрививаніе быстро распространилось въ Петербургѣ и вошло даже въ моду, такъ что тѣ, которые имѣли природную оспу, жалѣли, что не могутъ быть въ модѣ".

За оспой слѣдовало другое несчастіе — война.

Сказочныя побѣды нашихъ войскъ въ первую Екатерининскую войну съ Турціей — это цѣлая эпопея, озаглавленная славными именами Румянцова и графа Орлова-Чесменскаго.

Но въ длинномъ спискѣ тогдашнихъ героевъ мы не встрѣтимъ имени Григорья Григорьевича Орлова. Оставаясь, попрежнему, безотлучно при особѣ императрицы, Орловъ хотя и не принималъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, зато имѣлъ большое вліяніе на весь ходъ кампаніи до тѣхъ поръ, пока кредитъ его не былъ подорванъ соединенными усиліями нѣсколькихъ вельможъ, вовсе не раздѣлявшихъ политическихъ взглядовъ царскаго любимца.

Орловъ имѣлъ весьма опредѣленную, самостоятельную идею о нашей политикѣ на Востокѣ и по широтѣ замысловъ былъ достойнымъ предшественникомъ великолѣпнаго князя Тавриды. Еще задолго до войны, нѣкто Папа-Огли (онъ же Папазоли), ѳессалійскій грекъ, служившій капитаномъ въ нашей артиллеріи, привлекъ къ себѣ особенное вниманіе своего главнаго начальника. Заманчивые разсказы грека о своей родинѣ, о положеніи христіанъ на Востокѣ заняли Орлова и оживили въ немъ мысль объ освобожденіи христіанъ отъ ига мусульманскаго. Возстановленіе независимости единовѣрной Греціи представлялось Орлову наилучшимъ средствомъ къ исполненію этого великаго дѣла. Несмотря на то, что графъ Никита Панинъ не раздѣлялъ надеждъ относительно возможности отдѣленія Греціи отъ Турціи, да и сама императрица предпочитала сближеніе съ Венеціанскою республикою, какъ съ естественнымъ врагомъ Порты, Папа-Огли былъ отправленъ Орловымъ въ Грецію на три года, какъ будто для поправленія здоровья, но на самомъ дѣлѣ ему было поручено развѣдать о настроеніи умовъ греческаго населенія, а также славянъ, подвластныхъ Турціи, и завязать съ ними сношенія...

18 ноября 1768 года состоялся Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей.

Незадолго передъ тѣмъ, при дворѣ былъ учрежденъ особый Совѣтъ для соображенія всѣхъ подробностей плана военныхъ дѣйствій. Въ члены Совѣта, этого первообраза нынѣшняго Государственнаго Совѣта, былъ назначенъ между прочими и Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Въ первомъ же засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, Орловъ предложилъ собранію: „не можно ли послать, подъ видомъ вояжа, въ Средиземное море нѣсколько судовъ и оттуда учинить диверсію непріятелю, но чтобъ сіе сдѣлано было съ согласія Англійскаго двора".

Императрица одобрила это предложеніе, разрѣшивъ учредить морскую экспедицію и составить планъ ея дѣйствій. Орловъ въ слѣдующемъ засѣданіи представилъ „*свое мнѣніе объ экспедиціи въ Средиземное море*", при чемъ вѣроятно изъяснялъ и свои соображенія по вопросу объ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига, потому что вслѣдъ за нимъ вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ предложилъ записку, въ которой были означены разные народы, „желающіе, по единовѣрію, подъ Россійскій скипетръ"; а графъ З. Г. Чернышевъ подалъ даже мнѣніе объ учрежденіи греческаго легіона. Послѣдняя мысль понравилась императрицѣ, и она приказала развить ее въ особомъ докладѣ, вслѣдствіе чего графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, въ засѣданіи Совѣта 27 ноября, заявилъ, что „онъ имѣетъ нѣкоторую идею, которую онъ письменно представитъ, о нѣкоторомъ учрежденіи *освобожденія греческаго закона народовъ*, употребя на произведеніе сего въ дѣйство съ кладкою капитала, раздѣля на двѣ части, назвавъ оныя Егорьевскою и Николаевскою, и сіе поручить людямъ такимъ, которые бы имѣли къ себѣ довѣренность тамошнихъ народовъ, и ежели сіе желаемый успѣхъ получить можетъ, то въ то время, взявъ сіи народы подъ протекцію Россіи, сдѣлать разныхъ владѣльцевъ, оставя имъ въ выборѣ на волю". Въ томъ же засѣданіи Орловъ заявлялъ свое предложеніе „*Объ освобожденіи отъ турецкаго ига народовъ греческаго закона*".

Григорій Григорьевичъ Орловъ такъ настойчиво проводилъ свою мысль объ освобожденіи христіанъ Востока, что возбудилъ даже подозрѣнія въ преслѣдованіи какихъ-то личныхъ цѣлей. Злобствующіе враги не останавливались и предъ клеветой. Они разсказывали, что Орловъ мечтаетъ украсить свое чело короной, что сперва онъ составилъ будто бы проектъ учрежденія особаго королевства на берегахъ Каспійскаго моря, а потомъ задумалъ пересоздать въ свою пользу Грецію и для того-де обратилъ на Турцію всѣ усилія русской политики. Таковъ былъ шопотъ завистниковъ. Но этотъ шопотъ еще оставался только шопотомъ, и Орловъ продолжалъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ императрицы...

Если Орлову не довелось разсѣчь Гордіевъ узелъ, какимъ и въ наши дни затянутъ злополучный *восточный вопросъ*, зато онъ прославилъ свое имя въ другомъ событіи, ужаснувшемъ тогдашнюю Европу.

Въ 1770 г. Москву посѣтила страшная моровая язва. Она долго слѣдила за воюющими арміями, жадно захватывая въ свои объятія все, что было поражено мечомъ, и, какъ бы пресытившись военными жертвами, она потянулась на сѣверъ, всюду оставляя за собою слѣды ужаса и скорби и наконецъ водворилась въ многолюдной Москвѣ. Казалось, сама Турція не оказывала ей больше гостепріимства.

Съ открытіемъ весны (1771 г.) зараза стала распространяться съ ужасающею силою. Трупы оставались на улицахъ неподобранными: грабители бросались на нихъ и, сдирая одежды, сами заражались и тутъ же падали мертвыми. Безумное отчаяніе овладѣло всѣми. Извѣстный безстрашіемъ на поляхъ битвы, маститый главнокомандующій Москвы, фельдмаршалъ гр. П. С. Салтыковъ лишился обычной твердости духа и укрылся отъ народнаго бѣдствія въ своемъ подмосковномъ селѣ Марьинѣ. Вслѣдъ за главнокомандующимъ выѣхало изъ столицы все дворянство и чиновничество. Даже медики опустили руки, утверждая, что, до наступленія стужи, невозможно избавиться отъ чумы.

Народъ, предоставленный самому себѣ, сначала по цѣлымъ суткамъ толпился у Варварскихъ воротъ и предъ иконой Богоматери взывалъ о милосердіи; но когда архіепископъ Амвросій приказалъ перевести икону въ другое мѣсто, чтобъ устранить скопленіе народа на тѣсномъ пространствѣ, вся Москва, недовольная своимъ архипастыремъ (молдаваниномъ по происхожденію), мгновенно огласилась звуками набата. Разъяренный народъ съ крикомъ: „грабятъ Боголюбскую Богородицу!“ бросился къ Донскому монастырю и тамъ звѣрски умертвилъ архипастыря. Частный человѣкъ, Еропкинъ съ 130 солдатами и нѣсколькими пушками отважился выйти противъ разсвирѣпѣвшей черни, грозившей страшными бѣдами всей столицѣ и „потрясеніемъ разорительнымъ государству“. Нѣсколько залповъ картечью положили на мѣстѣ до тысячи мятежниковъ, а остальные въ ужасѣ разсыпались въ стороны. Такъ окончился памятный Софьинъ день 1771 года.

До Петербурга еще не долетѣла печальная вѣсть о послѣднихъ московскихъ происшествіяхъ, когда въ Совѣтѣ императрицы была уже объявлена Высочайшая воля послать въ Москву такую „довѣренную особу, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ отъ совершенной погибе-

ли". Совѣтъ тотчасъ же приступилъ къ разсужденіямъ „объ изыскавіи сей особы". Хотя изъ протокола и не видно, чѣмъ окончились эти разсужденія, однако въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ 21 сентября, Совѣтъ уже слушалъ и одобрилъ „заготовленную для дачи *посылаемому въ Москву* генералъ-фельдцейхмейстеру (т.-е. Орлову) полную мочь въ дѣланіи тамъ всего, что за нужное найдетъ къ избавленію оной отъ заразы". Такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ, была ли *предложена* Орлову поѣздка въ Москву, или же онъ самъ вызвался на нее. Но то, что не договорено въ офиціальномъ документѣ, раскрывается важнымъ указаніемъ самой императрицы въ ея письмѣ къ Вольтеру, въ которомъ читаемъ: „*Графъ Орловъ просилъ меня позволить ему отправиться въ Москву*", дабы разсмотрѣть на мѣстѣ, какія можно пристойнѣйшія мѣры взять къ прекращенію сего зла (т.-е. чумы). Я согласилась на сіе, сколько доброе, столько жъ ревностное съ его стороны, дѣло, и надобно сказать, *не безъ ощущенія сильной горести*, въ разсужденіи той опасности, которой онъ подвергался". О степени этой опасности можно судить изъ того, что по послѣднимъ извѣстіямъ отъ 12 сентября въ Москвѣ умирало уже болѣе 800 человѣкъ въ сутки!

Можно думать, что въ протоколѣ Совѣта завѣдомо умолчали о добровольномъ вызовѣ Орлова. Въ то время при дворѣ уже образовался цѣлый кружокъ, враждебный Орлову, всячески старавшійся остудить отношенія къ нему императрицы. Этотъ кружокъ собрался около Никиты Ивановича Панина, давнишняго недоброжелателя Орловыхъ. Помимо личной непріязни, Панинъ, какъ горячій сторонникъ мирныхъ отношеній къ Турціи, считалъ завоевательные планы Орлова гибельными для Россіи и всѣми силами старался не допускать къ осуществленію его „сумасбродныхъ мыслей". Но кромѣ того, долголѣтнее временщичество Орлова, имѣвшее вліяніе на всѣ дѣла внѣшней и внутренней политики государства, крайне стѣсняло Панина, отнимая у него значительную долю самостоятельности.

Опасная поѣздка Орлова въ чумный городъ, конечно, радовала его враговъ, подавая имъ, можетъ быть, нѣкоторую надежду уже не увидѣть болѣе ненавистнаго временщика.

Какъ бы то ни было, но современники оцѣнили истинно-гражданскій подвигъ Орлова. Достаточно привести здѣсь на-

путственное посланіе къ нему любимаго тогда поэта-москвича В. И. Майкова:

Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый.
Достойно симъ почтенъ отъ росской ты Минервы
За множество твоихъ къ отечеству заслугъ,
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ:
Не самую ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
Когда ты спасть Москву отъ бѣдствія желаешь;
Москва въ опасности . . . .
Она исполнена рыданія и стона,
Но ты летишь ее отъ бѣдствія спасти,
Пресѣчь въ ней смертный страхъ, спокойство принести,
Народъ отъ страшнаго унынія избавить,
Чудовище сразить и вѣкъ златый возставить.
Дерзай, прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
Возстанови покой межъ страждущихъ людей!
...Когда жъ потщишься ты Москву отъ бѣдъ избавить,
Ей должно образъ твой среди себя поставить,
И вырѣзать сіи на камени слова:
„Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва“.

Орловъ пріѣхалъ въ Москву 26 сентября. При немъ былъ искусный хирургъ Тодте (Todte), нѣсколько расторопныхъ гвардейскихъ офицеровъ (въ томъ числѣ знаменитый впослѣдствіи Архаровъ) и многочисленная свита.

Пріѣздъ въ столицу перваго любимца императрицы въ такое время когда она была покинута почти всѣми начальствующими лицами, безъ сомнѣнія, тронулъ многихъ москвичей.

Пожаръ Головинскаго дворца, мѣстопребыванія графа Орлова, случившійся на первыхъ же дняхъ по прибытіи его въ Москву и имѣвшій всѣ признаки поджога, не устрашилъ и не озлобилъ героя.

Орловъ немедленно приступилъ къ исполненію возложеннаго на него порученія. Вслѣдъ за объявленіемъ манифеста о своемъ полномочіи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся до учрежденія надлежащаго порядка, онъ собралъ двѣ коммиссіи, противочумную и слѣдственную объ умерщвленіи архіепископа Амвросія. Первой было предложено обратить особенное вниманіе на устраненіе главнѣйшей причины распространенія заразы, т.-е. народнаго отвращенія къ больницамъ и карантинамъ. Отвраще-

ніе это проистекало отъ крайней недобросовѣстности и должностныхъ лицъ, и врачей.

Подобно тому, какъ шестьдесятъ лѣтъ спустя императоръ Николай Павловичъ, геройскимъ духомъ побѣдивъ въ себѣ чувство самосохраненія, оживлялъ Москву своимъ присутствіемъ, Орловъ ободрялъ москвичей дѣятельною неустрашимостью: онъ самъ обходилъ больницы, строго наблюдалъ за пищей и лѣкарствами и заставлялъ при себѣ сожигать платье, бѣлье и постели умершихъ отъ чумы. Онъ смѣло является среди зачумленныхъ, добрымъ видомъ и ласкою утѣшая несчастныхъ...

Кто жизнію своею
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ.
Чтобъ ободрить угасшій взоръ...
Тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Орловъ имѣлъ великое нравственное вліяніе и на все остальное населеніе родного ему города, пораженное заразой. Оно ежедневно видѣло его среди себя, всегда веселаго, привѣтливаго, щедро разсыпающаго пособія. Въ короткое время обнаружились послѣдствія „безпрестанныхъ попеченій“ Орлова. Народъ охотно шелъ въ больницы и довѣрчиво подчинялся мѣрамъ предосторожности. Довольно сказать, что черезъ мѣсяцъ по прибытіи Орлова въ Москву умирало тамъ среднимъ числомъ только 353 человѣка, такъ что, въ засѣданіи Совѣта 31 октября, императрица нашла уже возможнымъ объявить, что такъ какъ Орловъ „уже сдѣлалъ все, что должно было истинному сыну отечества“, то она признаетъ нужнымъ вызвать его назадъ.

Около 16 ноября Орловъ выѣхалъ изъ Москвы. Архипастырское благословеніе Платона шло навстрѣчу героя. Будущій митрополитъ московскій, въ письмѣ своемъ, отъ 14 ноября, къ калязинскому архимандриту и ректору тверской семинаріи Арсенію, дѣлалъ между прочимъ слѣдующія распоряженія: „думаю, что скоро поѣдетъ черезъ Тверь его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Съѣздите къ нему съ отрочевскимъ архимандритомъ и экономомъ на поклонъ, принести отъ меня въ благословеніе образъ и хлѣбъ, на мой коштъ.

Если графъ нѣсколько времени побудетъ въ Твери, позовите его посѣтить Тресвятское и въ своихъ кельяхъ попотчевайте, сколько возможно лучше, употребивъ деньги мои у эконома надлежащее число".

Не сохранилось никакихъ свѣдѣній о пребываніи Орлова въ Твери; но такъ какъ онъ не спѣшилъ ѣздою, подчиняясь всѣмъ карантиннымъ правиламъ, то по всѣмъ вѣроятіямъ прожилъ въ томъ городѣ нѣсколько дней и воспользовался гостепріимствомъ тверскихъ иноковъ въ Тресвятскомъ.

Въ Торжкѣ Орлову предстояло выдержать установленный шестинедѣльный карантинъ, но онъ былъ освобожденъ отъ него слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ императрицы, отъ 3 декабря, присланнымъ къ нему съ шталмейстеромъ В. М. Ребиндеромъ: „Графъ Григорій Григорьевичъ! Заблагоразсудила я, видя необходимую нужду съ вами изъясниться по теперешнимъ обстоятельствамъ и не находя никакой опасности въ томъ, чтобы вы возвратились сюда, ибо съ вами нѣтъ ничего того, что съ вами было на Москвѣ, а вы сами и вся свита ваша, слава Богу, въ совершенномъ здравіи, и для того посылаю я къ вамъ съ симъ письмомъ г Ребиндера съ моими экипажами, дабы вы ѣхали сюда, не мѣшкавъ долѣе, изъ вашего карантина. Впрочемъ, остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина".

Въѣздъ Орлова въ Петербургъ по торжественности своей уподоблялся въѣзду полководца послѣ блистательнѣйшихъ побѣдъ надъ непріятелемъ. Въ подобныхъ случаяхъ зависть недоброжелателей какъ бы замираетъ отъ взрыва энтузіазма всего населенія. Гельбигъ повѣствуетъ, что Орловъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ притворною радостью. Конечно, здѣсь разумѣются враги Орлова, которые дѣйствительно не могли искренно ликовать, торжествуя при встрѣчѣ избавителя первопрестольной столицы: но они не могли показывать этого, такъ какъ сознавали силу временщика.

Въ Царскомъ Селѣ, на дорогѣ въ Гатчину, до сихъ поръ существуетъ памятникъ, свидѣтельствующій о подвигѣ Орлова. Это тріумфальныя ворота изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, построенныя по рисунку Ринальди, въ память пріѣзда Орлова изъ зачумленной Москвы. На воротахъ, со стороны Царскосельскаго парка, читаемъ слѣдующую надпись: „Когда въ 1771 году на Москвѣ былъ моръ на людей и народное не-

устройство, генералъ-фельдцейхмейстеръ Григорій Орловъ, *по его просьбѣ,* получивъ повелѣніе, туда поѣхалъ, установилъ порядокъ и послушаніе, сирымъ и неимущимъ доставилъ пропитаніе и исцѣленіе и свирѣпство язвы пресѣкъ добрыми своими учрежденіями".

Со стороны Гатчины, на воротахъ красуется стихъ В. И. Майкова:

„Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва".

Кромѣ тріумфальныхъ воротъ, въ честь Орлова была выбита золотая медаль, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ его портретъ, а на другой — Курцій, бросающійся въ пропасть, съ надписью: „И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ". По поводу этой прекрасной надписи извѣстный собиратель древностей И. Ѳ. Карабановъ передаетъ слѣдующій анекдотъ, ярко характеризующій душевное благородство Орлова. Первоначально медаль была отчеканена съ надписью: „Таковаго сына Россія имѣетъ". Когда императрица вручила изготовленныя медали Орлову, для раздачи, тотъ не принялъ ихъ и, ставъ на колѣни, сказалъ: „Я не противлюсь, но прикажи перемѣнить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества". Медали были вновь перечеканены и появились уже съ исправленною надписью.

5 декабря Орловъ представилъ Совѣту отчетъ о своей дѣятельности въ Москвѣ. Онъ объяснялъ, что нашелъ столицу въ отчаянномъ состояніи, несмотря на то, что къ истребленію заразы приняты были тамошними начальниками достаточныя мѣры; что попущенія частныхъ смотрителей и грабежъ ихъ въ зараженныхъ домахъ были главною причиною распространенія той смертной болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и послѣдовавшаго смятенія, что вольность и небреженіе, а потомъ и отчаяніе самихъ жителей умножили оную болѣе; что изданныя имъ наставленія и словесныя народу увѣщанія хотя много подѣйствовали къ искорененію зла, но въ случаѣ возобновленія язвы и онѣ останутся тщетными, пока всѣ жители прямо не почувствуютъ нужды исполненія предписанныхъ осторожностей... что умерло тамъ сначала язвы по ноябрь мѣсяцъ 50,000 человѣкъ; что теперь большая часть зараженныхъ выздоравливаетъ; что въ больницахъ и карантинахъ всегда хорошо содержаны они были; что по учрежденіи имъ магазейновъ и весь тотъ городъ не будетъ имѣть недостатка въ пропитаніи и пр. *Барсуковъ.*

Суворовъ.

Прежде всего и больше всего Суворовъ былъ чрезвычайно цѣльнымъ типомъ военнаго человѣка. Можно сказать, что военное дѣло и конечное его выраженіе — война были его страстью, они были его жизнью. Съ дѣтскихъ лѣтъ Суворова военное призваніе сдѣлалось преобладающимъ элементомъ его существованія, который надъ всѣми прочими господствовалъ и ими управлялъ. Внѣ военной профессіи для него не было дѣятельности, которая могла бы его сколько нибудь удовлетворить; когда въ 1798 г. ему показалось, что военное поприще его кончилось безповоротно, онъ пожелалъ итти въ монастырь, т.-е. отрѣшиться отъ міра и посвятить себя Богу. Строго логично было это рѣшеніе. Личныя качества Суворова, свойства, понятія, привычки, потребности — все это вырабатывалось, формировалось и направлялось къ одной конечной цѣли. Онъ былъ военнымъ будничнаго житья, но понимая военное призваніе и служеніе широко, онъ, наперекоръ понятіямъ времени, употребилъ всю силу характера, чтобы образовать свой умъ и обогатить его познаніями, притомъ отнюдь не спеціальными. Мало было въ ту эпоху такихъ образованныхъ и такъ хорошо подготовленныхъ къ своему поприщу генераловъ, какъ Суворовъ, и не только въ Россіи, но во всей Европѣ. Физическая природа Суворова также вполнѣ была приспособлена къ военному поприщу, и началъ онъ себя соотвѣтственнымъ образомъ воспитывать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, благодаря чему и дожилъ до 70-ти лѣтъ, несмотря на слабую комплекцію. Онъ былъ чрезвычайно умѣренъ въ своихъ потребностяхъ, безъ всякаго надъ собою насилія, и ненавидѣлъ роскошь, придавая ей растлѣвающее вліяніе. Не зналъ онъ даже комфорта, смѣшивая его съ роскошью, и удобства жизни понималъ въ самыхъ неприхотливыхъ формахъ: не то, чтобъ онъ могъ довольствоваться малымъ въ случаѣ надобности, но просто не видѣлъ потребности обставлять свою жизнь лучше лагернаго образца. Это весьма существенная его особенность; военные люди такого склада являются чрезвычайно рѣдко, и между генералами XVIII в. Суворовъ красуется въ этомъ отношеніи въ видѣ самородка. Онъ велъ жизнь солдатскую не изъ-за какой нибудь задней мысли, не вслѣдствіе какого нибудь ра-

счета, а только потому, что считалъ ее для военнаго человѣка единственно подходящею; на этомъ же основаніи не зналъ онъ шлафроковъ, перчатокъ, шубъ и пр. По его мнѣнію, военный человѣкъ обязанъ быть по своимъ физическимъ качествамъ всегда молодъ, а потому долженъ смотрѣть на старость какъ на болѣзнь, которой можно избѣжать предупредительнымъ средствомъ — суровою, строгою жизнью. Собственно поэтому онъ не любилъ въ старости зеркалъ, какъ назойливыхъ докладчиковъ о большомъ числѣ прожитыхъ лѣтъ; потому же самому онъ не ходилъ, а бѣгалъ, не ѣздилъ, а скакалъ, не обходилъ стоящій на пути стулъ, а перепрыгивалъ черезъ него, какъ удостовѣряя себя и другихъ, что обладаетъ легкостію и прыткостію молодого человѣка. Такой складъ мирной жизни Суворова дѣлалъ его человѣкомъ, для котораго труды, лишенія и всякія неудобства военнаго времени не представляли ничего неожиданнаго, новаго и непривычнаго. Онъ попадалъ тутъ въ знакомую среду, въ свою нормальную атмосферу и, какой бы постъ въ арміи ни занималъ, сразу дѣлался въ ней первымъ солдатомъ по своимъ военнымъ качествамъ, становился органическою частію коллективнаго цѣлаго, называемаго арміей. Чужого, пришлаго, заимствованнаго въ немъ не было ничего; знакомиться съ войсками, или знакомить ихъ съ собою не представлялось никакой надобности, и это не потому, что ему предшествовала слава: онъ былъ такимъ и въ то время, когда еще вовсе не пользовался извѣстностію.

Будучи преисполненъ страха Божія, Суворовъ отличался горячимъ благочестіемъ и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ уставовъ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, при всей независимости своего характера, былъ преданнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ подданнымъ. Въ немъ неизмѣнно пребывалъ животворящій элементъ — патріотизмъ: онъ горячо любилъ свое отечество, гордился именемъ русскаго, и напоминая часто солдатамъ, что они русскіе люди, дѣлалъ это для поддержанія въ нихъ нравственной силы и чувства національнаго достоинства. Солдата онъ любилъ и сердцемъ, и головой: во взысканіяхъ съ провинившихся онъ былъ строгъ, но въ оцѣнкѣ вины отличался снисходительностію; не доводилъ понятія о дисциплинѣ до трепета подчиненныхъ передъ начальникомъ; былъ отъявленнымъ врагомъ тиранства и мелочной требовательности. Образчикомъ

его взгляда на этотъ предметъ можетъ служить приказъ, отданный по войскамъ въ Италіи, гдѣ онъ проситъ офицеровъ не снимать шляпъ при его появленіи, а взамѣнъ того побольше заботиться о порядкѣ въ войскахъ. Всѣ эти военныя достоинства дополнялись огромною массою качествъ чисто боевыхъ. Начиная съ никогда неослабѣвавшей энергіи и ничѣмъ не парализуемой иниціативы, переходя къ упорству и устойчивости и кончая мужествомъ и личною храбростью, Суворовъ сосредоточилъ въ себѣ все, что формируетъ военнаго человѣка. По справедливому замѣчанію одного иностраннаго писателя, трудно указать на такое военное качество, котораго въ немъ не было, и мало кто можетъ быть въ этомъ отношеніи приравненъ Суворову. Имѣя предъ собою исторію всей его жизни, скажемъ больше. Не только изъ крупныхъ дѣятелей вообще, но даже изъ величайшихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ едва ли найдется кто-либо, который бы представлялъ собою такой цѣльный и полный типъ военнаго человѣка, какъ Суворовъ. За симъ онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ *тактикъ* на полѣ сраженія и какъ *военный наставникъ и учитель*. Воспитывая и обучая войска исключительно для войны, Суворовъ проводилъ эту задачу со строгою послѣдовательностію. Онъ не поддается никакимъ военно-мирнымъ искушеніямъ, а если дѣлаетъ уступки, то поневолѣ, въ силу дѣйствующей извнѣ необходимости, сводя ихъ, по возможности, къ минимуму; когда же принужденъ поступаться сущностію, то устраняется отъ дѣла и сходитъ съ поприща, которому посвятилъ всю жизнь. Въ силу такого метода, войска Суворова являются на поле сраженія не только съ чисто боевымъ воспитаніемъ и обученіемъ, какія только удободостижимы въ мирное время, но представляютъ собою дѣйствующую силу, гармонически отвѣчающую личнымъ боевымъ качествамъ предводителя, слѣдствіемъ чего является побѣда.

Тактика Суворова простая, живая и подвижная; она не скована почти никакими формами; все для другихъ безусловное, обращается у него въ условное; многое важное для доктринеровъ и схоластиковъ нисходитъ у него до степени пустяковъ, достойныхъ насмѣшки. Это потому, что признаваемое другими за невозможное или, по меньшей мѣрѣ, за исключительное, Суворовъ принимаетъ за возможное и исполняетъ заурядъ. Главными правилами боя у Соворова — глазомѣръ,

быстрота и натискъ; нормальнымъ дѣйствіемъ - наступленіе; преобладающею дѣйствующею силою - закаленная человѣческая душа. Все это, приведенное во взаимную связь, составляло полную систему, складывалось въ цѣльную военную теорію. Въ этой теоріи холодное оружіе получало преобладающее значеніе, но штыкъ былъ не столько дѣйствующимъ, сколько принципомъ боевого дѣйствія; требовался не собственно штыковой бой, а безхитростная, беззавѣтная готовность сойтись на штыкъ, т.-е. нравственная сила. Та же самая сила выражалась и въ отрицаніи пристрастія къ обходамъ, фланговымъ атакамъ, къ опасеніямъ за свой тылъ и т. п. Мы видимъ въ каждомъ сраженіи Суворова и фланговыя атаки, и ружейную оборону, и оберегаціе своего тыла; онъ никогда не считалъ все это не нужнымъ, но только не придавалъ ничему подобному особенной важности и при этомъ зорко оберегалъ свои войска отъ усвоенія такихъ растлѣвающихъ понятій. На практикѣ выходило часто иначѣ, т.-е. иногда употреблялась штыковая атака безъ существенной необходимости, пренебрегалось обходное движеніе, когда оно было полезно и возможно, и проч. Но надобно отличать принципъ отъ дѣйствія и помнить, что при приложеніи принциповъ къ дѣлу они никогда не сохраняются въ безусловной неприкосновенности. Суворовъ былъ очень горячъ и нетерпѣливъ, а потому запальчивъ и подъ вліяніемъ своего темперамента заходилъ часто дальше, чѣмъ самъ хотѣлъ. Кромѣ того, всякій предпочитаетъ употреблять тѣ способы, которыми лучше владѣетъ, хотя они въ данную минуту и не представлялись предпочтительными. Суворовъ владѣлъ солдатскими душами безгранично, и потому, любя кратчайшіе пути къ успѣху, требовалъ зачастую отъ войскъ такого высокаго проявленія духовной силы, къ которому другіе прибѣгаютъ лишь изрѣдка, какъ къ крайней мѣрѣ, или не прибѣгаютъ никогда.

Что Суворовъ пользовался необыкновеннымъ вліяніемъ на войска, — въ этомъ согласны всѣ, и поклонники, и порицатели. Причиною такого духовнаго владычества Суворова надъ войсками заключается въ указанной выше его особенности, замѣчательной полнотѣ его военнаго типа, необычайномъ богатствѣ его военной натуры. Если не всякій изъ его подчиненныхъ понималъ это, то всякій чувствовалъ. Побѣдный токъ (да позволено будетъ такъ выразиться) передавался отъ пред-

водителя десятками путей; на кого не дѣйствовалъ одинъ изъ нихъ, дѣйствовалъ другой. Глазомѣръ, приводящій въ изумленіе своею вѣрностію; иниціатива, никогда и ничѣмъ не парализуемая; быстрота рѣшенія и энергическое исполненіе, несмотря ни на какія препятствія; непонятная всякому простота дѣйствій; полное пренебреженіе численнымъ перевѣсомъ непріятеля, такъ какъ бьютъ умѣньемъ, а не числомъ: въ заключеніе, какъ вѣнецъ всего, неослабляемая никакими сомнѣніями вѣра въ самого себя и въ свои войска, т.-е. безусловное убѣжденіе въ успѣхѣ. — вотъ что передавалось отъ Суворова къ войскамъ и дѣлало ихъ побѣднымъ орудіемъ въ его рукахъ. Прибавимъ ко всему этому патріотизмъ, благочестіе, любовь къ солдату, близкое знакомство со всѣми мелочами его быта, со складомъ его понятій, съ процессомъ образованія его идей, умѣнье съ солдатомъ говорить и обращаться и пр. —, и тогда увидимъ, какая масса могучихъ нравственныхъ нитей связывала послѣдняго солдата Суворовской арміи съ вождемъ. Слѣдствіемъ были постоянныя побѣды. и эти неизмѣнныя побѣдныя свойства Суворова сдѣлались въ свою очередь причиною, что солдатъ сталъ его считать какимъ-то высшимъ существомъ. Говорили. что зналъ онъ человѣческую душу насквозь; не могъ на него прямо смотрѣть тотъ, у кого не чиста совѣсть, видѣлъ труса по лицу, ставилъ его впередъ — и дѣлался трусъ храбрецомъ. Богъ далъ ему змѣиную мудрость, вѣдалъ онъ „Божью плавицу", умѣлъ разрушать и волшебство. и козни дьявола именемъ Божіимъ. крестомъ да молитвой. Зналъ онъ все на свѣтѣ, проницалъ замыслы враговъ. чуялъ въ безводныхъ мѣстахъ ключи, не начиналъ сраженія прежде, чѣмъ отойдетъ обѣдня, что служатъ на небѣ ангелы Господу. Божій посланецъ оберегалъ его въ бою; и смѣло шли за вѣщимъ Суворовымъ войска. слѣпо довѣряясь своему вождю.

Личное присутствіе Суворова. даже одно его имя, производило на войска чарующее дѣйствіе. Въ Италіи въ какомъ то сраженіи, при одной частной неудачѣ, рота или какая-то небольшая часть, услышавъ сзади крикъ: „Суворовъ здѣсь", рванулась впередъ и легла чуть не поголовно подъ губительнымъ огнемъ непріятеля. На Треббіи Фуксъ былъ зрителемъ упорнаго боя, наблюдая его съ небольшого возвышенія вмѣстѣ съ Дерфельденомъ; онъ замѣтилъ, что какъ только появится

Суворовъ въ своей бѣлой рубашкѣ тамъ, гдѣ войска приходили отъ неудачи въ разстройство, порядокъ возстановлялся тотчасъ же. Дерфельденъ объяснилъ Фуксу, что насмотрѣлся на подобныя явленія въ продолженіе 35 лѣтъ, какъ знаетъ Суворова; что этотъ непонятный чудакъ есть какой то талисманъ, который довольно развозить по войскамъ и показывать, чтобы побѣда была обезпечена.

Это обаяніе громаднымъ образомъ увеличивало противъ другихъ рессурсы Суворова на полѣ сраженія; оно преимущественно и дѣлало его не похожимъ ни на кого, дозволяя не придавать большой цѣны многимъ тактическимъ правиламъ и формамъ, отступать отъ нихъ безбоязненно и вообще прибѣгать къ средствамъ необычнымъ. Такой способъ дѣйствія озадачивалъ и противниковъ Суворова на полѣ сраженія и поверхностныхъ критиковъ въ кабинетѣ; но хотя первые были постоянно биты, вторые не убѣждались непрерывною цѣпью фактовъ. Доктрина, рутина, схоластика, преданіе, форма были слишкомъ сильны, и Суворовъ оказался невѣждою въ военномъ дѣлѣ, незнакомымъ съ основными истинами тактики, варваромъ, одареннымъ инстинктомъ войны. Критики не замѣтили, что до этого „инстинкта" надо не спускаться, а подняться, и что такую военную теорію, какъ суворовская, можетъ создать и усвоить не всякій желающій, а только избранная, въ высокой степени даровитая военная натура. Весьма мѣтко выразился одинъ англичанинъ того времени, лордъ Клинтонъ, сказавъ, что Суворовъ въ тактикѣ есть то же самое, что Рембрантъ въ живописи.

Отличительныя качества Суворова - тактика остаются присущими и Суворову-стратегику, но въ искусствѣ стратегическихъ соображеній, въ умѣньѣ двигать большія арміи, распредѣлять свои силы наиболѣе выгодно по театру войны и вообще въ механизмѣ военныхъ дѣйствій, Суворовъ имѣетъ нѣсколько слабыхъ сторонъ, которыми и уступаетъ полководцамъ первой величины. Наполеонъ сказалъ, что Суворовъ обладалъ душой великаго полководца, но не имѣлъ его головы; въ этихъ словахъ большая доля правды. По словамъ того же Наполеона, въ полководцѣ должно быть равновѣсіе ума и воли, а такъ какъ подобное встрѣчается въ жизни весьма рѣдко, и перевѣсъ одного изъ этихъ элементовъ надъ другимъ неизбѣженъ, то внутреннему достоинству военачальника меньше вре-

дитъ преобладаніе воли надъ умомъ, чѣмъ наоборотъ. Этотъ перевѣсъ былъ характерною чертою Суворова, который имѣлъ умъ просвѣщенный и обширный, но въ то же время отличался такимъ запасомъ воли, что верхъ послѣдней надъ первымъ былъ очень ощутителенъ. Стратегическіе его принципы были вѣрны, но при практическомъ примѣненіи во многомъ нарушались. Напримѣръ, онъ всегда ратовалъ противъ раздробленія силъ и стоялъ за средоточенность ихъ, за нанесеніе главнаго удара массою; предписанія изъ Вѣны — объ осадѣ и блокадѣ многихъ крѣпостей и объ исполненіи иныхъ второстепенныхъ цѣлей одновременно нѣсколькими отрядами — приводили его въ негодованіе, а между тѣмъ онъ самъ погрѣшалъ въ томъ же смыслѣ. Одна изъ причинъ такой невоздержанности заключалась въ слишкомъ большой его чуткости къ молвѣ, а слѣдовательно и распускаемымъ непріятелемъ слухамъ, также къ его демонстраціямъ; это заставляло Суворова слишкомъ часто мѣнять свои планы, производить лишнія передвиженія войскъ, измѣнять маршруты, и проч. Это замѣчается не только въ итальянскую кампанію, но и отчасти въ послѣднюю польскую войну. Можетъ быть въ силу сознанія такого въ себѣ недостатка, Суворовъ не любилъ составлять стратегическіе планы иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ всякихъ даже крупныхъ подробностей, и въ свое оправданіе ссылался на Юлія Цезаря, котораго вообще ставилъ на первое мѣсто въ ряду величайшихъ полководцевъ. Будучи во всѣхъ военныхъ операціяхъ, крупныхъ и мелкихъ, безусловнымъ поклонникомъ простоты и врагомъ всякой сложности и хитросплетеній, Суворовъ и въ этомъ отношеніи не всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ. Такимъ образомъ онъ принялъ для Швейцарской кампаніи планъ сложный, гдѣ, кромѣ того, вовсе не были взяты въ расчетъ дѣятельность, искусство и энергія противника. При подобныхъ недостаткахъ Суворовъ обладалъ однако большими достоинствами, общими замѣчательнымъ полководцамъ. У него былъ расчетъ, предусмотрительность, осторожность: онъ не ограничивался отвагой, рѣшимостію и настойчивостію; не ломилъ напрямикъ, не глядя по сторонамъ, какъ утверждаютъ его хулители, не жертвовалъ массами людей, когда этого можно было избѣжать. Употреблялъ онъ и демонстраціи, и рекогносцировки, и обходныя движенія, издѣвался же надъ ними для того, чтобы отнять отъ вспо-

могательныхъ средствъ придаваемое имъ первостепенное значеніе. При этомъ клеймилась не наука, а схоластика, не искусство, а рутина. *Петрушевскій.*

Суворовъ въ народныхъ преданіяхъ.

Въ русской исторіи есть событія и имена, которыя запечатлѣлись въ народной памяти. Такія живыя страницы заключаютъ въ себѣ только то, что самъ народъ пережилъ, перечувствовалъ или выстрадалъ, и только тѣхъ, которые во всемъ этомъ принимали участіе. Суворовъ къ числу такихъ лицъ не принадлежитъ, такъ же какъ и другіе полководцы за рѣдкими исключеніями. Это потому, что политическія событія и войны въ такомъ случаѣ воспринимаются народнымъ сознаніемъ и глубоко въ него врѣзываются, когда они затрогиваютъ народные интересы и жизнь: тогда вмѣстѣ съ ними остаются въ народной памяти и имена дѣятелей. Суворовскія войны не имѣли такого значенія, какъ и самъ Суворовъ, а напримѣръ о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ пѣсни поются во множествѣ.

При всемъ томъ Суворовъ не былъ совершенно изъятъ изъ числа лицъ, удостоившихся народнаго вниманія. И при его жизни и первое время по смерти, пѣсни и преданія о немъ были довольно многочисленны, въ томъ числѣ не малая доля носила на себѣ баснословный характеръ. Передавалось, будто до рожденія его были видны на небѣ хвосты, ибо, по словамъ одного юродиваго, „рождался человѣкъ знаменитый и нехристямъ страшный"; говорилось, что никогда и никому не будетъ извѣстно мѣсто его рожденія (дѣйствительно, съ достовѣрностію неизвѣстно); объяснялось, что новорожденному дано было счастье святымъ перехожимъ или ангеломъ, котораго пріютили его родители. Существованіе такихъ преданій въ народѣ тѣмъ понятнѣе, что легендарные о Суворовѣ разсказы нашли себѣ мѣсто даже въ высшемъ русскомъ обществѣ и ходили не въ одной Россіи, а также въ Турціи, Польшѣ, Швейцаріи. Изъ числа генераловъ новаго времени, кромѣ Суворова, одинъ только Кутузовъ остался въ преданіяхъ русскаго народа: но о немъ упоминается несравненно рѣже и меньше, хотя 1812 годъ былъ для народа гораздо важнѣе и ближе всѣхъ войнъ, веденныхъ Суворовымъ. Причиной такого вниманія къ Суворову была необыкновенная цѣльность и оригинальность его личности,

громадное дарованіе, выражавшееся въ фактахъ поразительныхъ, и внутренняя связь его съ солдатомъ, а слѣдовательно, и съ народомъ, изъ котораго солдатъ вышелъ.

Не слѣдуетъ однакожъ заблуждаться, допуская непосредственное вліяніе личности Суворова на народное воображеніе въ значительныхъ размѣрахъ. Самая большая доля пѣсенъ и легендъ о немъ пущены въ народъ солдатами и ими же поддерживались и распространялись. Солдатскій оттѣнокъ виденъ въ большинствѣ ихъ сразу, особенно въ пѣсняхъ; въ легендахъ больше народной поэзіи, можетъ быть, потому, что онѣ по самой формѣ легче признаются и передѣлываются. Періодъ времени, въ продолженіе котораго преданія и пѣсни о Суворовѣ образовались въ народѣ въ замѣтномъ количествѣ, былъ очень не великъ, и затѣмъ запасъ ихъ сталъ быстро скудѣть. Къ послѣднимъ годамъ нашей эпохи, по замѣчаніямъ изыскателей, оставалось не много; по всей вѣроятности не далека и та пора, когда исчезнутъ послѣдніе ихъ слѣды. Будущее, однако, не отнимаетъ значенія отъ прошедшаго, и потому для полноты представленія о Суворовѣ нѣсколько словъ о народныхъ о немъ понятіяхъ не могутъ быть лишними.

Къ этой категоріи, кромѣ пѣсенъ и преданій, должны быть отнесены также народныя (лубочныя) картинки. Въ нихъ Суворовъ встрѣчается еще рѣже чѣмъ подъ другими видами народнаго творчества, однако, все-таки встрѣчается, а въ его время попадался навѣрное часто. Въ народныхъ картинкахъ мы находимъ, между прочимъ, портретъ Суворова; есть также изображеніе его и Багратіона, обоихъ на коняхъ лицомъ другъ къ другу. Картина содержаніемъ своимъ доказываетъ, что привязанность Суворова къ Багратіону была народу извѣстна, такъ же какъ и причина этой привязанности, заключавшаяся въ свойствахъ военнаго дарованія Багратіона, Суворовскаго ученика. Подъ картиною написано:

Еще при мнѣ бросать ты громы научился
И лавры смѣло пожиналъ,
Ко славѣ ревностно стремился,
И я наперсникомъ тебя избралъ.

Затѣмъ въ кантатѣ Багратіону говорится, что въ бояхъ парилъ надъ нимъ духъ Суворова, и онъ, Багратіонъ, приглашается быть новымъ Суворовымъ.

Пѣсни, въ которыхъ упоминается Суворовъ, относятся къ семилѣтней войнѣ, къ обѣимъ турецкимъ, къ штурму Измаила и Праги, отчасти къ итальянской кампаніи. Историческихъ фактовъ въ нихъ искать нельзя: тутъ все перепутано, перемѣшано и очень многое просто выдумано. Однако анахронизмы, извращенія и вымыслы имѣютъ одно общее свойство: характеристика Суворова въ нихъ выдержана съ замѣчательнымъ единствомъ. Тутъ онъ является любимымъ избраннымъ героемъ: къ нему не относится ни одного темнаго дѣла или сомнительнаго поступка; онъ чистъ отъ всего дурного; онъ одинъ ничего не боится и ни передъ чѣмъ не робѣетъ. Пѣсня подмѣтила и особенность Суворовскаго военнаго искусства, — предпочтеніе холоднаго оружія огнестрѣльному, что и высказывается при разныхъ случаяхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ отдаетъ приказаніе:

— Ступай наши на штыкахъ!

Вѣра въ Суворова такъ велика, что бороться съ нимъ представляется дѣломъ больше чѣмъ рискованнымъ. Поляки говорятъ:

Лучше скрозь землю пройтить,
Отъ Суворова уйтить.

Къ туркамъ дѣлается также обращеніе:

Ты, Гассанъ,
Попадай намъ въ руки самъ
И не дѣлай тамо споровъ,
Гдѣ Рымникскій графъ Суворовъ.

Суворовъ выхваляется за правдивость, за честную службу, за любовь къ солдату.

Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
Что ты правдою живешь,
Справедливо насъ солдатъ ведешь,
Ты военности не тужишь,
Радъ хоть въ воду и огонь,
Ты царицѣ вѣрно служишь.

Какъ бы вслѣдствіе такихъ добрыхъ качествъ являются въ одной пѣсни стихи:

Съ предводителемъ такимъ
Воевать всегда хотимъ.

Приведенные отрывки несомнѣнно взяты изъ пѣсень солдатскаго происхожденія; онѣ если вращались въ народѣ, то не могли пустить въ немъ корня. Другія имѣютъ меньше солдатскаго и больше народнаго оттѣнка. Екатерина II испугалась угрозъ внезапно поднявшагося надъ нами шведскаго короля.

Закричала государыня громкимъ голосомъ своимъ
„Охъ вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
Вы подите, приведите Суворова-графа ко мнѣ“.
Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ самой:
„Ужъ ты гой еси, государыня, не страшися ничего;
У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ потчевать его.

Пѣсня эта, впрочемъ, носитъ на себѣ печать искусственности, дѣланности; менѣе искусственна слѣдующая, замѣчательная еще проводимою въ ней параллелью между тремя полководцами Екатерининскаго времени:

Князь Румянцевъ-генералъ
Много силы потерялъ.
Воръ Потемкинъ-генералъ
Въ своемъ полку не бывалъ,
Всее силу растерялъ:
Кое пропилъ, промоталъ,
Кое въ карты проигралъ.
А Суворовъ-генералъ
Свою силу утверждалъ,
Мелки пушки заряжалъ,
Короля во полонъ бралъ.

Народный оттѣнокъ также осязателенъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Я леталъ, леталъ, полетывалъ,
По бѣлу свѣту погуливалъ
Вслѣдъ за арміей православною,
Я клевалъ, клевалъ, поклевывалъ
Тѣло вражье, бусурманское.
Я видѣлъ диво, диво дивное,
Диво дивное, чудо чудное:
Какъ нашъ батюшка Суворовъ-князь
Съ малой силой соколовъ своихъ
Разбивалъ полки тмучисленны,

Полонилъ пашей и визирей,
Бралъ Измаилъ, крѣпость сильную,
Крѣпость сильную, завѣтную.

Еще виднѣе онъ въ слѣдующихъ немногихъ строкахъ:

Какъ у насъ было за городомъ, за Бендерой,
Не двѣ тученьки, не двѣ грозныя онѣ выкатались,
Выкаталася сила-армія во чисто поле, —
Во чистомъ полѣ, въ широкое раздолье
Выходитъ тутъ самъ-отъ батюшка графъ Суворовъ,
Камышевой своей тросточкой онъ командуетъ:
„Становитесь вы, солдатушки, по правому флангу,
Вы берите, ребята, и не робѣйте,
Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте“.

То же самое можно сказать и объ обломкѣ народной пѣсни въ которомъ поется:

Что не сизый орелъ на лебедушекъ
Напускается изъ-за синихъ тучъ,
Напускается орломъ батюшка,
На поганыхъ, на турковъ-нехристей,
Самъ Суворовъ-свѣтъ батюшка.

Вмѣстѣ съ пѣснями о Суворовѣ вымираютъ или вымерли и легенды. Преданія о немъ были наиболѣе сосредоточены въ Новгородской губерніи, преимущественно въ Боровицкомъ уѣздѣ, гдѣ лежитъ село Кончанское, но и тутъ отъ нихъ остаются уже немногіе слѣды. Приведемъ въ заключеніе одну изъ таковыхъ легендъ.

Въ дремучемъ лѣсу среди болотъ лежитъ огромная каменная глыба, съ пещерою внутри, ходъ въ нее изъ-подъ болота. Дурная слава про это мѣсто: тамъ блуждаютъ синіе огоньки, носятся блѣдныя тѣни, слышатся тоскливые, жалобные стоны. Филинъ не пролетаетъ надъ сѣдымъ мшистымъ камнемъ, волкъ на немъ не воетъ; крестьянинъ, невзначай сюда пришедшій, обходитъ дикое мѣсто, кладя на себя крестное знаменіе. Всегда здѣсь тихо и мертво, только воронъ каркаетъ по временамъ надъ каменной глыбой, да вьется хищный орелъ, успокоивая клектомъ своимъ старца, почивающаго въ пещерѣ, внутри камня, непробуднымъ сномъ.

чрезъ малое отверстіе брезжитъ оттуда тусклый, слабый свѣтъ неугасимой лампады да доносится глухое замогильное поминовеніе князю, рабу Божію Александру. Въ глубинѣ скалы спитъ, какъ говорятъ люди, самъ дѣдушка, склонивъ сѣдую голову на уступъ камня. Давно онъ спитъ и долго спать будетъ. Только тогда, когда покроется Русская земля кровью боевому коню на щиколотку, проснется великій русскій воинъ, выйдетъ изъ своей усыпальницы и избавитъ отечество отъ лютой невзгоды. *Петрушевскій.*

Никита Ивановичъ Панинъ.

Никита Ивановичъ Панинъ (р. 1718, † 1783 г.), впослѣдствіи графъ и извѣстный Екатерининскій канцлеръ, въ 1760 году пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, гдѣ пробылъ посланникомъ двѣнадцать лѣтъ. Панинъ, осторожный и уклончивый отъ природы, вернулся въ Россію изъ серьезной политической школы и уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда убѣжденія человѣка складываются совершенно опредѣленно и устойчиво: ему въ то время шелъ 43-й годъ. Швеція была страной наиболѣе вліявшей на русскихъ государственныхъ людей XVIII вѣка своею политическою жизнію. Это вліяніе испытали на себѣ дѣятели начала XVIII вѣка — князь Я. Ѳ. Долгорукій и князь Д. М. Голицынъ; находился подъ вліяніемъ шведскихъ политическихъ порядковъ и Н. И. Панинъ, но нѣсколько иначе и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ названныя выше лица. Долгорукій и Голицынъ были люди „родословные“: ихъ привлекала политическая роль шведской аристократіи, и въ этой роли желали они видѣть осуществленіе собственныхъ своихъ политическихъ мечтаній, унаслѣдованныхъ ими отъ ихъ отцовъ и дѣдовъ XVII и XVI вѣковъ. Панинъ хотя и состоялъ въ родствѣ съ русскими аристократическими фамиліями XVIII в., но по происхожденію не принадлежалъ къ старинной московской знати и не могъ имѣть наслѣдственныхъ, перешедшихъ отъ предковъ, аристократическихъ воззрѣній. Панины не играли политической роли при царяхъ московскихъ и, производя себя отъ итальянскаго выходца въ московское государство въ XV вѣкѣ, произошли отъ шляхетства, выдвинутаго лишь реформой Петра Великаго. Отецъ Панина служилъ при Петрѣ генералъ-майоромъ, а при Аннѣ Іоанновнѣ достигъ сенаторства. Никита Ив.

Панинъ первоначальной своей карьерой обязанъ князьямъ Куракинымъ, съ которыми находился въ родствѣ. Первымъ руководителемъ Панина въ политической наукѣ былъ канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, хорошо знавшій Швецію, но также человѣкъ не родословный. Панинъ основательно изучилъ государственный строй Швеціи, и увлеченіе его шведской конституціей явилось результатомъ этого изученія, а не традиціоннымъ преклоненіемъ передъ ней родословныхъ людей. Едва онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ былъ назначенъ воспитателемъ шестилѣтняго сына наслѣдника престола — Павла Петровича. Панинъ увлекся мечтой воспитать великаго князя въ духѣ конституціонизма. Отношенія Панина къ великой княгинѣ Екатеринѣ были совершенно иныя, чѣмъ Орлова. Орловъ былъ прежде всего человѣкъ сердца, Панинъ былъ человѣкомъ теоретическаго ума. Екатерина оцѣнила въ Орловѣ то качество, котораго лишена была ея нравственная природа — чувство; къ Панину ее привязывалъ умъ, которымъ она сама обладала въ столь значительной степени. Орловъ сразу подчинился Екатеринѣ, Панина сумѣла подчинить себѣ Екатерина. Въ этихъ противоположностяхъ характеровъ Орлова и Панина лежитъ основная причина ихъ послѣдующей „нелюбки“: такія двѣ различныя натуры не могли сойтись.

Никита Ивановичъ Панинъ, никогда не высказывавшійся прямо относительно своихъ политическихъ плановъ, указывалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на необходимость важныхъ измѣненій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Начавъ съ образованія Императорскаго Совѣта по образцу Государственнаго Совѣта Швеціи, онъ намѣренъ былъ постепенно преобразовать русскія высшія правительственныя учрежденія по шведскому образцу и этимъ путемъ надѣялся достичь наилучшаго „упорядоченія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ. Реформаторскія идеи Панина видны изъ поданнаго имъ Екатеринѣ II въ сентябрѣ 1762 года „Проекта объ учрежденіи Императорскаго Совѣта“.

Желая прежде всего оградить правленіе отъ вліянія фаворитовъ, Панинъ рѣзко нападаетъ, во введеніи къ своему проекту, на бюрократическій и придворно-временщичій характеръ правленія при Елизаветѣ Петровнѣ. Остановимся на самыхъ характерныхъ мѣстахъ этого введенія.

„Ея величество (Елизавета Петровна) вспамятовала, — говоритъ Панинъ, — что у ея отца Петра Великаго былъ домовый Кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, — приказала у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю... Государь былъ отдаленъ отъ государства". Панинъ требуетъ, чтобы самодержавный государь дѣйствовалъ чрезъ органы, подверженные суду и отвѣту передъ публикою, и замѣчаетъ иронически: „Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилося слышать у престола государева, отъ людей его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (государственное) правило: была бы милость, всякаго на все станетъ". Далѣе Панинъ высказываетъ убѣжденіе, что императрица Екатерина II „Богомъ и народомъ врученное ей право самодержавства употребитъ съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ". Выраженіемъ такихъ формы и порядка является постоянный Императорскій Совѣтъ, который однако не можетъ „взять тотчасъ свою форму и приведенъ быть въ теченіе, ибо почти невозможно сомнѣваться, — говоритъ Панинъ, — чтобы при самомъ началѣ тѣ особы (т.-е. фавориты) не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего или, по послѣдней мѣрѣ, къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать".

Затѣмъ Панинъ говоритъ отъ имени Екатерины II объ учрежденіи Императорскаго Совѣта въ слѣдующихъ словахъ: „За долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто, при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т.-е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые

по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несомнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частью и въ томъ еще злоупотребленія, наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привесть на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе заключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало".

Императорскій Совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками; кромѣ того при немъ полагалось четыре статсъ-секретаря или министра для наблюденія надъ четырьмя важнѣйшими департаментами (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ и морскимъ). Въ проектѣ такъ опредѣляется назначеніе Совѣта: „Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то взносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежащія просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣетъ быть въ нашемъ Императорскомъ Совѣтѣ, яко у насъ собственно".

Весьма интересны замѣчанія нѣкоторыхъ государственныхъ людей на проектъ Панина, написанныя по вызову императрицы Екатерины. Для одного (имя его, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно) совершенно ясно представлялась генетическая

связь проектируемаго Императорскаго Совѣта съ бывшимъ уже въ Россіи Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, хотя во введеніи къ проекту онъ и порицается за потрясеніе самодержавной власти при воцареніи Анны Іоановны, а поэтому этотъ неизвѣстный сановникъ и предлагаетъ назвать новый совѣтъ прежнимъ именемъ Верховнаго тайнаго совѣта. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа выразился откровеннѣе и гораздо точнѣе: „Я не знаю, кто составитель проекта, — писалъ онъ, — но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ... Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“.

Проектъ Никиты Ивановича Панина не былъ утвержденъ Екатериной II, и возникшій въ 1768 году Государственный Совѣтъ не имѣлъ ничего общаго съ Панинскимъ Императорскимъ Совѣтомъ. *Корсаковъ.*

Державинъ-поэтъ.

Державинъ, какъ и Ломоносовъ, есть истинный представитель нашего нравственнаго могущества и той глубокой симпатіи ко всѣмъ великимъ истинамъ науки и искусства, которыя, вопреки всѣмъ азіатскимъ искушеніямъ, сохранили въ насъ способность къ нравственному перерожденію и къ европейскому образу существованія. Оба созданы новою эпохою, новыми потребностями Россіи и оба, на степени, указанной имъ судьбою, блистательно выполнили свое призваніе — быть родоначальниками идей и направленія, какія оказались для насъ неизбѣжными со времени преобразованія. Они нашли, такъ сказать, двери отворенными на поприще науки и искусства; для высокихъ инстинктовъ, таившихся въ ихъ благородной натурѣ, уже была, по крайней мѣрѣ, возможность проявленія и дѣятельности. Но это было и все, что дали имъ обстоятель-

ства и время. Удивительно ли, что они дѣйствовали орудіями и способностями, какія передала имъ чуждая образованность? Упреки, которые бы можно сдѣлать имъ за ихъ недостатки и за ошибки формъ, исчезаютъ въ изумленіи, которое невольно исторгаютъ у потомства ихъ заслуги. Эти недостатки и ошибки принадлежатъ ихъ положенію и вѣку, но сила животворной мысли, отъ которой зачерствѣлыя души впервые ощутили въ себѣ святыя человѣческія влеченія къ истинѣ и красотѣ, была ихъ собственностію; за нее они обязаны только русской природѣ и своему генію.

Державинъ, безспорно, принадлежитъ къ необыкновеннымъ явленіямъ человѣческой, слѣдовательно и нашей исторіи. Одаренный самобытными, великими стремленіями мысли и силою облекать ихъ въ поэтическіе образы, онъ блистательно защитилъ дѣло нравственнаго могущества и принциповъ предъ грубыми матеріальными интересами и впечатлѣніями. Онъ дважды завоевалъ свое мыслительное, поэтическое призваніе, одинъ разъ у судьбы, которая ни на минуту не улыбнулась его юности, когда таланту такъ нужна одобрительная улыбка, и въ другой разъ у общества, которое еще не понимало другого призванія, кромѣ чиновническаго. Посмотрите, какимъ скорбнымъ путемъ шелъ онъ къ своей цѣли, которой даже собственное благоразуміе не могло оправдать, а оправдывала развѣ одна страсть. Сперва школьникъ, лишенный возможности учиться, послѣ солдать, сочиняющій письма для женъ своихъ товарищей, въ стѣнахъ казармъ, которыя были его Парнасомъ и жилищемъ, копающій каналы и едва не замерзшій на часахъ, утѣсняемый полковымъ секретаремъ, — какими впечатлѣніями могъ онъ питать свою энергическую душу, жаждавшую великаго и прекраснаго? Не должно ли было все, что его окружало и что она испытывала, поработить сердце его одному желанію — улучшить матеріальный свой жребій, добиться чина, выгоднаго мѣста, жены и горшка щей съ домашняго очага? Державинъ въ терпѣніи стяжалъ свой геній въ такое время, когда подобное терпѣніе не имѣло даже смысла въ глазахъ общества и благороднѣйшая слава, какою только можетъ украситься человѣкъ, слава страданія за мысль, не могла воодушевлять его. Никто не понялъ бы, что можно любить истину, искусство, для нихъ самихъ, и жертвы, приносимыя умственнымъ цѣлямъ жизни, а не матеріальнымъ выгодамъ, сочли бы

скорѣе безуміемъ, достойнымъ дома сумасшедшихъ, чѣмъ правомъ на удивленіе и гражданскую почесть. Державинъ самъ долго не понималъ нравственнаго достоинства своей любви и крѣпости, съ какою сохранялъ онъ это драгоцѣнное перло своей души среди непріязненнаго порядка вещей. Онъ терпѣлъ тихо, безъ жалобъ и ропота, считая свою солдатскую жизнь *своимъ дѣломъ,* а поэзію забавою, утѣшеніемъ въ грустныя минуты и не дерзая признавать въ ней право на вниманіе и и снисхожденіе людей. Кто бы могъ подумать, что въ этомъ долголѣтнемъ солдатѣ, въ этомъ услужливомъ секретарѣ казарменныхъ дамъ, въ этомъ унтеръ-офицерскомъ остроуміи, осмѣявшемъ любовницу господина полковаго секретаря и зато подвергшемся опасности остаться надолго въ услуженіи своихъ воинственныхъ и дородныхъ красавицъ, — кто бы могъ подумать, что въ этомъ странномъ смѣшеніи разныхъ житейскихъ невзгодъ, въ этомъ химическомъ броженіи самыхъ грубыхъ веществъ, выработывается и зрѣетъ одно изъ блистательнѣйшихъ умственныхъ величій русскаго народа?...

Наконецъ Державинъ понятъ и оцѣненъ Екатериной Второй, которой величайшая историческая заслуга состоитъ въ томъ, что она умѣла понять и оцѣнить народъ свой и, довершая подвигъ Петра, стремилась возвысить въ немъ достоинство національное достоинствомъ человѣческимъ. Уважая его, она хотѣла дѣйствовать на него столько же идеями, сколько мѣрами, и въ Державинѣ видѣла одного изъ тѣхъ нравственныхъ дѣятелей, которые вносятъ въ умы животворное начало движенія и развитія. Несмотря на то, что, по духу времени, Державинъ не могъ посвятить себя исключительно искусству и долженъ былъ раздѣлять свои силы между заботами административными и начинаніями творчества, онъ однакожъ былъ уже въ состояніи санъ поэта предъявить обществу наравнѣ съ чиномъ по службѣ.

Для Державина поэзія была если не исключительною, то важнѣйшею задачею его жизни, потому что она составляла врожденную силу его души, способъ, какимъ онъ долженъ былъ осуществить свое нравственное назначеніе въ мірѣ. Если бъ онъ родился въ такое время, когда для подобнаго призванія не существовало бы вовсе спеціальнаго поприща, онъ выразилъ бы преобладающій въ немъ элементъ въ другой формѣ — онъ былъ бы лирикомъ въ жизни, въ поступкахъ, можетъ

быть, увлекался бы здѣсь неясными идеальными порывами и, разумѣется, къ собственному вреду. Такъ бываетъ всегда съ этими *чрезвычайными* организацiями души, въ которыхъ природа полагаетъ зародышъ особенныхъ нравственныхъ настроенiй и дѣятельности и которымъ отказываетъ въ соотвѣтственныхъ орудiяхъ и пособiяхъ, и бросаетъ ихъ на путь, гдѣ онѣ должны, вопреки самимъ себѣ, подвергнуться другому закону развитiя. Образованность, между прочимъ, и такъ важна, что она всякому истинному человѣческому призванiю даетъ сферу, способъ и побужденiя, и, слѣдовательно, такъ сказать, творитъ дѣятелей для всѣхъ потребностей великаго нравственнаго мiростроенiя, для всѣхъ видовъ исторiи. Бывъ однимъ изъ такихъ дѣятелей въ благороднѣйшей сферѣ, въ средѣ искусства, полный высокихъ вѣрованiй и стремленiй внутренней силы и воспрiимчивости, Державинъ естественно долженъ былъ войти въ живое сочувствiе съ жизнiю, со всѣми лучшими интересами человѣчества, не отвлеченнаго, но дѣйствительнаго, осязательнаго, скорбящаго и радующагося, способнаго къ величiю и обреченнаго на паденiе. Онъ не могъ быть только стихослагателемъ или исполнителемъ литературныхъ теорiй, формалистомъ, художникомъ, который думаетъ болѣе о слогѣ, завязкѣ и развязкѣ, чѣмъ объ идеяхъ и истинѣ. Этимъ однимъ уже онъ стоитъ высоко надъ современными ему писателями, изъ которыхъ не многiе видѣли въ литературѣ, въ поэзiи дѣло, силу общественную, и большая часть считала ее слaганiемъ изъ словъ красивыхъ и прiятныхъ вещицъ, годныхъ для забавы прiятелей или для развлеченiя покровителей. Формалистическо-художественное направленiе, состоящее въ одной обработкѣ внѣшней стороны произведенiя, по извѣстнымъ правиламъ теорiи, было общимъ въ тогдашней нашей литературѣ, слишкомъ юной, чтобы заниматься идеями. Были немногiя исключенiя изъ этого, впрочемъ, естественнаго, хода вещей, и Державинъ составляетъ блистательнѣйшее изъ нихъ. Правда, и онъ не вполнѣ избѣжалъ влiянiя времени; господствовавшiя понятiя школы нерѣдко опутывали и его смѣлый генiй, и у него встрѣчается реторическое убранство рѣчи, фигуральность, очевидно, проистекающая отъ ложныхъ понятiй объ украшенiяхъ поэтическаго языка, общiя мѣста, приводимыя единственно для округленiя пьесы, амплификацiи, сентенцiи и тому подобное. Но вспомните, съ какими многоразличными препятствiями

суждено было сражаться Державину и не укоряйте его, что онъ не изъ всѣхъ вышелъ побѣдителемъ: онъ торжествовалъ надъ сильнѣйшими и многими, и въ вѣнцѣ его много лавровъ перевитыхъ терніемъ, купленныхъ дорогою цѣною. Онъ героически превозмогъ свою эпоху въ такой битвѣ, которая была страшнѣе школъ и теорій, одолѣвающихъ умы, болѣе вооруженные пособіями внѣшними, болѣе покровительствуемые обстоятельствами, онъ — превозмогъ въ этой битвѣ духъ общества, полувраждебный всякой умственной заслугѣ, полупрозрѣвшій, полуготовый для священныхъ наитій искусства.

И это общество однакожъ было живою силою, въ которой надлежало искать стихій для своей мысли, чтобы она не была пустою игрою отвлеченностей; надлежало возвышенные интересы разума и эстетическаго чувства связать съ его нуждами, чтобы они сдѣлались и плодоносящими, и существенными. Державинъ не могъ быть поэтомъ грезъ, поэтомъ мечты, личныхъ впечатлѣній, жадныхъ къ зефирамъ, къ лунѣ, къ цвѣтамъ, дѣвамъ и жадность свою считающихъ заслугою, точно такъ же, какъ онъ не могъ быть только формалистомъ-писателемъ. Онъ былъ поэтомъ-мужемъ, дѣятелемъ нравственнаго порядка. *Никитенко.*

Державинъ — поэтъ Екатерининскаго времени.

Въ твореніяхъ Державина ярко отпечатлѣлся русскій XVIII вѣкъ. Но прежде нежели разсмотримъ мы, какъ и до какой степени отпечатлѣлся этотъ вѣкъ на Руси Екатерининской эпохи, и какъ тотъ же вѣкъ отразился на поэзіи Державина, скажемъ, что всѣ сочиненія Державина, вмѣстѣ взятыя, далеко не выражаютъ въ такой полнотѣ и такъ рельефно русскаго XVIII вѣка, какъ выраженъ онъ въ превосходномъ стихотвореніи Пушкина „Къ вельможѣ“. Этотъ портретъ вельможи стараго времени — дивная реставрація руины въ первобытный видъ зданія. Это могъ сдѣлать только Пушкинъ. Кромѣ его художнической способности переноситься всюду и во все по волѣ фантазіи своей, ему помогла и отдаленность его отъ того времени, представлявшагося ему въ перспективѣ. Прошедшее всегда и виднѣе и понятнѣе настоящаго. Отъ Державина, какъ современника, нельзя и требовать такой мастерской картины русскаго XVIII вѣка, который много разнился отъ европейскаго XVIII вѣка.

Лишенный всякаго образованія, не зная французскаго языка, Державинъ не былъ слишкомъ причастенъ ни нравственной порчѣ, ни истинному прогрессу того времени, и въ сущности нисколько не понималъ его. Хваля добро того времени, онъ не прозрѣвалъ связи его со зломъ и, нападая на зло, не провидѣлъ связи его съ добромъ.

Съ двухъ сторонъ отразился русскій XVIII вѣкъ въ поэзіи Державина: это со стороны наслажденія и пировъ, и со стороны трагическаго ужаса при мысли о смерти, которая махнетъ косою — и,

Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики.

Державинъ любилъ воспѣвать „умѣренность“; но его умѣренность очень похожа на гораціанскую, къ которой всегда примѣшивалось фалернское... Бросимъ взглядъ на его прекрасную оду „Приглашеніе къ обѣду“.

Шекснинская стерлядь золотая,
Кайманъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть,
Тебя стола вкругъ ожидая;
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.
Приди, мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!
Приди — и домъ хоть ненарядный,
Безъ рѣзьбы, злата и сребра,
Мой посѣти: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрятство,
И твердый мой, нельстивый нравъ.
Приди отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ!

Какъ все дышитъ въ этомъ стихотвореніи духомъ того времени — и пиръ для милостивца, и умѣренный столъ, безъ вред-

ныхъ здравію приправъ, но съ золотою шекснинскою стерлядью, съ винами, которыя „то льдомъ, то искрами манятъ", съ благовоніями, которыя льются съ курильницъ, съ плодами, которые смѣются въ корзинкахъ, и особенно — съ слугами, которые не смѣютъ и дохнуть!... Конечно, понятіе объ „умѣренности" есть относительное понятіе, — и въ этомъ смыслѣ самъ Лукуллъ былъ умѣренный человѣкъ. Нѣтъ, люди нашего времени искреннѣе: они любятъ и поѣсть и попить, и за столомъ любятъ поболтать не объ умѣренности, а о роскоши. Впрочемъ, эта „умѣренность" и для Державина существовала больше какъ „піитическое украшеніе для оды". Но вотъ, словно мимолетное облако печали, пробѣгаетъ въ веселой одѣ мысль о смерти:

И знаю я, что вѣкъ нашъ — тѣнь;
Что лишь младенчество проводимъ,
Уже ко старости приходимъ,
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ.

Эта мысль искренняя; но поэтъ въ ней же и находитъ способъ къ утѣшенію:

Увы! то такъ не умудриться,
Хоть разъ цвѣтами не увиться
И не оставить мрачный взоръ?

За тѣмъ опять грустное чувство:

Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда груститъ и царь;
Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь,
Хотя онъ громкой славой знатенъ.
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ.

Но не бойтесь: грустное чувство не овладѣваетъ ходомъ оды, не окончитъ ея элегическимъ аккордомъ, — что такъ любитъ наше время; поэтъ опять находитъ поводъ къ радости въ томъ, что на минуту повергло его въ унылое раздумье:

Итакъ, доколь еще ненастье
Не помрачаетъ красныхъ дней,
И приголубливаетъ счастье
И гладитъ насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы, —
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ! будемъ жизнью наслаждаться
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
По платью ноги протягать.

Заключеніе оды совершенно неожиданно, и въ немъ видна характеристическая черта того времени, непремѣнно требовавшаго, чтобы сочиненіе оканчивалось моралью. Поэтъ нашего времени кончилъ бы эту пьесу стихомъ: „по платью ноги протягать"; но Державинъ прибавляетъ:

А если ты иль кто другіе
Изъ званыхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать,
Извольте вы мой толкъ прослушать:
Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и въ спокойствѣ духа,
Умѣренность есть лучшій пиръ.

Ту же мысль находимъ мы во многимъ стихотвореніяхъ Державина; но съ особенною рѣзкостью высказалась она въ одѣ „Къ первому сосѣду", одномъ изъ лучшихъ произведеній Державина.

Кого роскошными пирами,
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвенныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей, —
Кого столь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь

Сокровища казны твоей?
Гремитъ музыка; слышны хоры,
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой —
И аліатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельтерской водой.
Въ вертепѣ мраморномъ, прохладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,
На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь нѣги, лѣни и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ младой, веселою, прекрасной
И съ нѣжной нимфой ты сидишь.
Она поетъ, — ты страстью таешь,
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Сколько въ этихъ стихахъ одушевленія и восторга, свидѣтельствующихъ о личномъ взглядѣ поэта на пиршественную жизнь такого рода! Въ этомъ виденъ духъ русскаго XVIII вѣка, когда великолѣпіе, роскошь, пиры, казалось, составляли цѣль и разгадку жизни. Со всѣми своими благоразумными толками объ „умѣренности" Державинъ невольно, можетъ быть, часто безсознательно, вдохновляется восторгомъ при изображеніи картинъ такой жизни, — и въ этихъ картинахъ гораздо больше искренности и задушевности, чѣмъ въ его философскихъ и нравственныхъ одахъ. Видно, что въ первыхъ говоритъ душа и сердце, а во вторыхъ — резонерствующій холодный разсудокъ. И это очень естественно: поэтъ только тогда и искрененъ, а слѣдовательно только тогда и вдохновененъ, когда выражаетъ непосредственно присущія душѣ его убѣжденія, корень которыхъ растетъ на почвѣ исторической общественности его времени. Но, какъ мы замѣтили прежде, пиршественная жизнь была только одною стороною того времени; на другой его сторонѣ вы всегда увидите грустное чувство отъ мысли,

что нельзя же вѣкъ пировать, что переворотъ колеса фортуны или безпощадная смерть положатъ же, рано или поздно, конецъ этой прекрасной жизни. И потому остальная половина этой прекрасной оды растворена грустнымъ чувствомъ, которое, однакоже, не только не вредитъ внутреннему единству оды, но въ себѣ-то именно и заключаетъ его причину, ибо оно, это грустное чувство, является необходимымъ слѣдствіемъ того веселовосторженнаго праздничнаго чувства, которое высказалось въ первой половинѣ оды.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что въ вѣкъ благополученъ ты;
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что парка дней твоихъ не коситъ;
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златой къ тебѣ лiется.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!
Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышатъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли,
Но вихремъ пораженны пали:
Теперь корнями въ верхъ лежатъ.
Непостоянство — доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса — счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать;

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужъ болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Въ твой парусъ, — береги себя!

Въ заключительныхъ стихахъ оды Державинъ особенно вѣренъ духу своего времени:

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя, —
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаявья за коимъ нѣтъ.

Чувство наслажденія жизнію принимало иногда у Державина характеръ необыкновенно пріятный и граціозный, — какъ въ этомъ прелестномъ стихотвореніи: „Гостю", дышущемъ, кромѣ того, боярскимъ бытомъ того времени:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу перловомъ
И въ зеркалахъ вокругъ усни:
Вздремни послѣ стола немножко;
Пріятно часикъ похрапѣть;
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть.
Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Присвится здѣсь тебѣ какой:
Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Златой посыплется рѣкой,
Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

Итакъ, вотъ созерцанье, составляющее основной элементъ поэзіи Державина; вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ отразился на русскомъ обществѣ XVIII вѣкъ; и вотъ гдѣ является Державинъ выразителемъ русскаго XVIII вѣка. И ни въ одномъ изъ его стихотвореній этотъ мотивъ не высказался съ такою полнотою

идеи, такою торжественностію тона, такою полетистостью и яркостію фантазіи и такимъ громкозвучіемъ слова, какъ въ его превосходной одѣ „На смерть князя Мещерскаго", которая вмѣстѣ съ „Водопадомъ" и „Фелицею", составляетъ ореолъ поэтическаго генія Державина, — лучшее изъ всего, написаннаго имъ. Несмотря на нѣкоторую напряженность, на нѣсколько реторическій тонъ, составлявшіе необходимое условіе и неизбѣжный недостатокъ поэзіи того времени, — сколько величія, силы, чувства, и сколько искренности и задушевности въ этой чудной одѣ! Да и какъ не быть искренности и задушевности, если эта ода — исповѣдь времени, вопль эпохи, символъ ея понятій и убѣжденій! Какъ колоссаленъ у нашего поэта страшный образъ этой безпощадной смерти, отъ роковыхъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь! Сколько отчаянія въ этой характеристикѣ вооруженнаго косою скелета: и монархъ и узникъ — снѣдь червей; злость стихій пожираетъ самыя гробницы; даже славу зіяетъ стеречь время: словно быстрыя воды льются въ море — льются дни и годы въ вѣчность; царства глотаетъ алчная смерть; мы стоимъ на краю бездны, въ которую должны стремглавъ низринуться; съ жизнію получаемъ и смерть свою — родимся для того, чтобъ умереть; все разитъ смерть безъ жалости:

И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ!

Отъ этого страшнаго міросозерцанія, потрясенный отчаяніемъ духъ поэта обращается уже собственно къ человѣку, о жалкой участи котораго онъ прежде слегка намекнулъ:

Не мнитъ лишь смертный умереть
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ, —
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
Ея и громы не быстрѣе
Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.

Что же навело поэта на созерцаніе этой страшной картины жалкой участи всего сущаго и человѣка въ особенности? —

Смерть знакомаго ему лица. Кто же было это лицо? — Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко, Бецкій или другой кто изъ историческихъ дѣйствователей того времени? Нѣтъ, то былъ —

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ.

О XVIII вѣкъ! о русскій XVIII вѣкъ!...

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

Вникните въ смыслъ этой строфы — и вы согласитесь, что это вопль, подавленный ужасомъ, души, крикъ нестерпимаго отчаянія... А между тѣмъ исходнымъ пунктомъ этого страшнаго созерцанія жалкой участи человѣка — не иное что, какъ смерть богача. Можно подумать, что бѣднякъ, умершій съ голоду, среди оборванной семьи, въ предсмертной агоніи просящій хлѣба, не возбудилъ бы въ поэтѣ такихъ горестныхъ чувствъ, такихъ безотрадныхъ воплей. Что дѣлать! у всякаго времени своя болѣзнь и свой недостатокъ. Время наше лучше прошлаго, а не мы лучше отцовъ нашихъ, если мотивы нашихъ страданій выше и благороднѣе, если ропотъ отчаянія вырывается изъ стѣсненной, сдавленной груди нашей не при видѣ богача, умершаго отъ индижести, а при видѣ непризнаннаго таланта, страждущаго достоинства, сраженнаго благороднаго стремленія, несбывшихся порывовъ къ великому и прекрасному.

Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали:
Гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались клики —
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

Здѣсь опять непосредственнымъ источникомъ отчаянія — противоположность между утѣхами, радостію, любовью и здравіемъ и между зрѣлищемъ смерти, между столомъ съ яствами и столомъ съ гробомъ, между кликами пиршествъ и воемъ надгробныхъ ликовъ... Дѣти пировали за столомъ — грянулъ громъ и обратилъ въ прахъ часть собесѣдниковъ: остальные въ ужасѣ и отчаяніи... И какъ не быть имъ въ ужасѣ, когда ихъ поразила ужасная мысль: къ чему же и пиры, если и ими нельзя спастись отъ смерти, — а безъ пировъ къ чему же и жизнь?... Да хотите, и мы жадно любимъ пиры, и многіе изъ насъ только и дѣлаютъ, что пируютъ; но счастливы ли они пирами своими? Увы, пиры никогда не прерывались и съ усердіемъ продолжаются и въ наше время, — это правда; но отчего же это уныніе, это чувство тяжести и утомленія отъ жизни, эти изнуренныя, блѣдныя лица, омраченныя тоскою и заботою, этотъ —

... Увядшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ?...

Нѣтъ, намъ жалки эти веселенькіе старички, упрекающіе насъ, что мы не умѣемъ веселиться, какъ веселились въ старые, давніе годы...

И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ...

Говоря о невѣрности и искренности жизни человѣка, поэтъ обращается къ себѣ самому, и его слова полны вдохновенной грусти:

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость;
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ.

Итакъ, вотъ новое обольщеніе на вечерней зарѣ дней поэта; но увы! его разочарованное чувство уже ничему не довѣряетъ, и онъ восклицаетъ въ порывѣ грустнаго негодованія:

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;

Богатствъ стяжевіе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастья прочь возможны!
Вы всѣ премѣнчивы и ложны;
Я въ дверяхъ вѣчности стою!

Казалось бы, что здѣсь и конецъ одѣ; но поэзія того времени страхъ какъ любила выводы и заключенія, словно послѣ порядковой хріи, гдѣ въ концѣ повторялось, другими словами, уже сказанное въ предложеніи и приступѣ. Итакъ, какой же выводъ сдѣлалъ поэтъ изъ всей своей оды? — посмотримъ:

Сей день иль завтра умереть,
Перфильевъ, должно намъ конечно:
Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?
Жизнь есть небесъ мгновенный даръ:
Устрой ее себѣ къ покою
И съ чистою твоей душою
Благословляй судебъ ударъ.

Видите ли, поэтъ остался вѣренъ духу своего времени и самому себѣ: оно, конечно, тяжело, а все-таки не худо подумать о томъ, чтобъ жизнь-то устроить себѣ къ покою...

Мысль о скоротечности и преходящности всего существующаго тяготила Державина. Она высказывается во многихъ его стихотвореніяхъ, и ее же силились выразить хладѣющіе персты умирающаго поэта, въ этихъ послѣднихъ стихахъ его:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется —
И общей не уйдетъ судьбы!

Мысль эта также принадлежала XVIII вѣку, когда не понимали, что проходятъ и мѣняются личности, а духъ человѣческій живетъ вѣчно. Идея о прогрессѣ еще только возникла; когда немногіе только умы понимали, что въ потокѣ времени тонутъ

формы, а не идеи, проходятъ и мѣняются личности человѣческія. И въ этой мысли о скоротечности и преходящности всего земного, такъ томившей Державина, неразлучно жившей съ его душою, мы видимъ отраженіе на русское общество XVIII вѣка. Но здѣсь и конецъ этому отраженію: Державинъ совершенно чуждъ всего прочаго, чѣмъ отличается этотъ чудный вѣкъ. Впрочемъ XVIII вѣкъ выразился на Руси еще въ другомъ писателѣ, не разсморѣвъ котораго нельзя судить о степени и характерѣ вліянія XVIII вѣка на русское общество, мы говоримъ о Фонвизинѣ. Конечно, и на немъ вѣкъ отразился довольно поверхностно и ограниченно, но въ другомъ характерѣ и другою стороною, чѣмъ на Державинѣ.

Чѣмъ разнообразнѣе произведенія поэта, тѣмъ болѣе критика должна заботиться объ опредѣленіи ихъ достоинства относительно однихъ къ другимъ. Въ этомъ случаѣ критика должна принимать съ соображеніе, какія изъ произведеній поэта особенно нравились его современникамъ, какія особенно уважались ими; равнымъ образомъ, какими изъ своихъ произведеній особенно дорожилъ самъ поэтъ, или на какихъ онъ особенно основывалъ заслуги свои передъ искусствомъ. Но критика должна принимать къ свѣдѣнію подобныя обстоятельства и основывать на нихъ свое сужденіе только тогда, когда они не противорѣчатъ высшему критеріуму достоинства всякихъ поэтическихъ произведеній, то-есть — искренности ихъ и задушевности. Случается иногда, что поэтъ, по духу своего времени, особенно дорожитъ самыми холодными и сухими своими произведеніями, въ которыхъ участвовалъ одинъ разсудокъ и нисколько не участвовали чувство и фантазія. То же случается и въ отношеніи къ современникамъ поэта. Въ эту ошибку обыкновенно вводитъ ихъ содержаніе или предметъ произведенія. Они не думаютъ о томъ, что предметъ стихотворенія можетъ быть важенъ, великъ, даже священенъ, а само стихотвореніе тѣмъ не менѣе можетъ быть очень плохо. Такъ, напримѣръ, никто не станетъ спорить, чтобъ содержаніе „Александроиды" г. Сѣчина не было неизмѣримо выше содержанія „Руслана и Людмилы" или „Графа Нулина" Пушкина, но никто также не станетъ спорить, что „Русланъ и Людмила" и „Графъ Нулинъ" Пушкина прекрасныя поэтическія произведенія, а „Александроида" — образецъ бездарности и ничтожности. Въ первомъ томѣ „Русской Бесѣды" напечатана большая ода Державина

„Слѣпой случай“, мысль которой несомнѣнность личнаго безсмертія, и тогда же нѣкоторые изъ господъ сочинителей какого-то плохого періодическаго изданія раскричались объ этой новонайденной одѣ, словно о новооткрытой Колумбомъ Америкѣ. Они увидѣли въ этой одѣ величайшее созданіе величайшаго поэта, не замѣтивъ, какъ люди безъ эстетическаго чувства, что дѣльная и высокая мысль этой оды высказана до крайности плохими стихами, и что, по своей поэтической отдѣлкѣ и самому расположенію мыслей, вся эта ода очень похожа на школьное реторическое упражненіе, холодное, сухое и общими мѣстами наполненное. Таковы почти всѣ Державинскія переложенія псалмовъ: мало сказать, что они ниже своего предмета, можно сказать, что они рѣшительно недостойны своего высокаго предмета, — и кто знакомъ съ прозаическимъ переложеніемъ псалмовъ, какъ на древне-церковномъ, такъ и на русскомъ языкѣ, тотъ въ переложеніяхъ Державина не узнаетъ высокихъ, боговдохновенныхъ гимновъ порфироноснаго пѣвца Божія. Исключеніе остается только за переложеніемъ 81-го псалма „Властителемъ и судіямъ“, въ которомъ талантъ Державина умѣлъ приблизиться къ высотѣ подлинника:

Возсталъ всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“, рекъ, „доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать;
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ: спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.
Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мглою очеса;
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Переложеніе псалмовъ и подражаніе имъ въ собраніяхъ сочиненій Державина обыкновенно помѣщаются вмѣстѣ съ его одами духовнаго и нравственнаго содержанія, и вмѣстѣ съ ними

образуютъ какъ бы особенный отдѣлъ Державинской поэзіи. Весь этотъ отдѣлъ, обыкновенно высоко цѣнимый критиками добраго стараго времени, отличается одними и тѣми же качествами: длиннотою, вялостію, водяностію и плохими стихами. Рѣдко, рѣдко вспыхиваютъ въ одахъ этого отдѣла искорки поэзіи.

Ода „Богъ" считалась лучшею не только изъ одъ духовнаго и нравственнаго содержанія, но и вообще лучшею изъ всѣхъ одъ Державина. Самъ поэтъ былъ такого же мнѣнія. Какимъ мистическимъ уваженіемъ пользовалась въ старину эта ода, можетъ служить доказательствомъ нелѣпая сказка, которую каждый изъ насъ слышалъ въ дѣтствѣ, будто ода „Богъ" переведена даже на китайскій языкъ и, вышитая шелками на щитѣ, поставлена надъ кроватью богдыхана. И дѣйствительно, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина, хотя у него есть много одъ и высшаго, сарвнительно съ нею, достоинства.

Изъ одъ Державина нравственно-философскаго содержанія особенно замѣчательны сатирическія оды — „Вельможа" и „На счастіе". При разсматриваніи первой должно забыть эстетическія требованія нашего времени и смотрѣть на нее, какъ на произведеніе своего времени: тогда эта ода будетъ прекраснымъ произведеніемъ, несмотря на ея реторическіе пріемы. Первыя восемь строфъ просто превосходны, особенно вотъ эти:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Немысленную чернь плѣняетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ,—
Се образъ ложныя молвы,
Се глыбы грязи позлащенной!
И вы безъ благости душевной
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

Не перлы перскія на васъ
И не бразильски звѣзды ясны:
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны,—
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула, твой конь въ сенатѣ

Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла!

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О, тщетно счастія рука,
Противъ естественнаго чина,
Безумца рядитъ въ господина,
Или въ шумиху дурака.
Какихъ не вымышляй пружинъ,

Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ, —
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ морокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій Богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!
Екатерина въ низкой долѣ,
И не царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.
И впрямь, коль самолюбья лесть

Не обуяла бъ умъ надменный, —
Чтó наше благородство, честь,
Коль не изящности душевны?
Я князь — коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Болляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.

Да, такіе стихи никогда не забудутся! Кромѣ замѣчательной силы мысли и выраженія, они обращаютъ на себя вниманіе

еще и какъ отголосокъ разумной и нравственной стороны прошедшаго вѣка. Остальная и большая часть оды отличается реторическими распространеніями и добродушнымъ морализмомъ, который объ истинахъ въ родѣ дважды два — четыре говоритъ, какъ о важныхъ открытіяхъ. Впрочемъ, 10, 11 и 12-я строфы, изображающія вельможескую жизнь людей XVIII вѣка, отличаются значительнымъ поэтическимъ достоинствомъ. Въ одѣ „На счастіе" виденъ русскій юморъ, слышится русская рѣчь. Кромѣ разныхъ современныхъ политическихъ намековъ, въ ней много рѣзкихъ и удачныхъ юмористическихъ выходокъ, свидѣтельствующихъ какое-то добродушіе, какъ напримѣръ, это обращеніе къ счастію:

Катаешь кубаремъ весь міръ:
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ сталъ бригадиръ.

Точно хваля Екатерину, поэтъ говоритъ:

Изволитъ царствовать правдиво,
Не жжетъ, не рубитъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ вельможи,
И такъ и сякъ, нахмуря рожи,
Тузятъ иного иногда.

Сатирически описывая свое прежнее счастіе, когда, бывало, все удавалось ему, и въ милости бояръ, и въ любви, и въ игрѣ, и въ поэзіи, поэтъ очень забавно и вмѣстѣ колко жалуется на безвременье преклонныхъ лѣтъ своихъ:

А нынѣ пятьдесятъ мнѣ было;
Полетъ свой счастье премѣнило;
Безъ латъ я горе-богатырь;
Прекрасный полъ лишь бѣситъ,
Амуръ безъ перьевъ нетопырь,
Едва вспорхнетъ и носъ повѣситъ.
Сокрылся и въ игрѣ мой кладъ:
Не страстны мной, какъ прежде музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ сталъ виноватъ.

Умоляя счастие снова осыпать его своими дарами, поэтъ остроумно подшучиваетъ надъ Горацiемъ, обѣщаясь писать школярнымъ слогомъ:

„*Беатусъ* — братъ мой, на волахъ
Собою самъ поля орющiй
Или стада свои пасущiй!“
Я буду восклицать въ пирахъ.

Къ числу такихъ же одъ принадлежитъ и „Мой истуканъ“. Въ ней особенно замѣчательны нѣкоторыя черты характера поэта и его образа мыслей. Таковы два превосходнѣйшихъ стиха:

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большого дѣлать не хочу.

Замѣчательна и слѣдующая строфа: поэтъ говоритъ, что ни за какiя дѣла не стоилъ бы онъ кумира —

Не стоилъ бы: всѣ знаки чести
Дозволены самимъ себѣ,
Плоды тщеславiя и лести,
Монархъ! постыдны и тебѣ.
Желаетъ хвалъ, благодаренья
Лишь низкая себѣ душа,
Живущая изъ награжденья:
По смерти слава хороша,
Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ,
Герои въ вѣчности сiяютъ.

Доселѣ говорили мы о Державинѣ, какъ о русскомъ поэтѣ, въ извѣстной степени и въ извѣстномъ характерѣ отразившемъ на себѣ XVIII вѣкъ, въ той степени, въ какой отразило его на себѣ тогдашнее русское общество. Теперь намъ слѣдуетъ показать Державина, какъ пѣвца Екатерины, какъ представителя цѣлой эпохи въ исторiи Россiи. Царствованiе Екатерины Великой, послѣ царствованiя Петра Великаго, было второю великою эпохою въ русской исторiи. Доселѣ для него еще не наставало потомства. Мы, люди настоящей эпохи, такъ близки къ временамъ Екатерины, что не можемъ судить о нихъ безпристрастно и вѣрно. Эта близость лишаетъ насъ возможности видѣть ясно и опредѣленно то, что обнаруживается только въ одной исторической перспективѣ, на достаточномъ отда-

леніи. И потому, мы, съ одной стороны, слишкомъ увлекаемся громомъ побѣдъ, блескомъ завоеваній, многосложностію преобразованій, множествомъ людей замѣчательныхъ, и не видимъ изъяна всего этого, внутренняго быта того времени. Съ другой стороны, справедливо гордясь нашимъ общественнымъ и гражданскимъ счастіемъ, мы, можетъ быть, слишкомъ строго судимъ лесть, низкопоклонство, патронатство, милостивцевъ и отцовъ-благодѣтелей, составлявшихъ характеристику быта того времени. Мы не можемъ живо представить себѣ тогдашняго историческаго положенія Россіи, того рѣзкаго контраста между тираннією Бирона и труднымъ, по безплодной, хотя и блистательной войнѣ съ Пруссіею, временемъ, — и между царствованіемъ Екатерины — этою эпохою блестящихъ и великихъ дѣлъ, мудрыхъ преобразованій, разумнаго и гуманнаго законодательства, котораго основою было: „лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго", — возникшаго просвѣщенія и возникавшей литературы, какъ плодовъ нравственнаго простора, смѣнившаго удушающую тѣсноту, какъ творенія мудрости и благости, воцарившейся на тронѣ. Близкіе къ тѣмъ временамъ, мы такъ далеки отъ нихъ усовершенствованіями всякаго рода, такъ горды и такъ счастливы великими успѣхами двухъ послѣднихъ царствованій, что не можемъ смотрѣть на наше прошедшее, не сравнивая его съ настоящимъ, а это сравненіе, разумѣется, выгоднѣе для настоящаго. И потому намъ теперь должно не столько судить объ эпохѣ Екатерины Великой, сколько изучать ее, чтобъ пріобрѣсти данныя для сужденія о ней. Къ числу такихъ данныхъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ свидѣтельства современниковъ, а всѣмъ извѣстно, какъ великъ былъ ихъ энтузіазмъ къ своему времени и творцу его — Екатеринѣ. Здѣсь мы говоримъ о царствованіи Екатерины только въ отношеніи къ поэзіи. Поэзія Державина — самое живое и самое вѣрное свидѣтельство того, до какой степени эта эпоха была благопріятна поэзіи и до какой степени могла она дать поэзіи разумное содержаніе. Въ этомъ отношеніи должно обращать вниманіе не на похвалы Екатеринѣ пѣвца ея, которыя, какъ похвалы современника, не могутъ имѣть той неподозрѣваемой довѣренности и искренности, какъ голосъ потомства; но здѣсь должно обращать вниманіе на ту свѣжесть, ту теплоту искренняго и задушевнаго чувства, которыми проникнуты гимны Державина Екате-

ринѣ, на тотъ смѣлый и благородный тонъ, которымъ онп отличаются. Итакъ, намъ остается только выбрать тѣ строфы изъ разныхъ одъ его, которыя представляютъ особенно характерпческія черты громко и торжественно воспѣтаго имъ царствованія.

Ода „Фелица" — одно изъ лучшихъ созданій Державина. Въ ней полнота чувства счастливо сочеталась съ оригинальностію формы, въ которой виденъ русскій умъ и слышится русская рѣчь. Несмотря на значительную величину, эта ода проникнута единствомъ мысли, отъ начала до конца выдержана на тонѣ.

Олицетворяя въ себѣ современное общество, поэтъ тонко хвалитъ Фелицу, сравнивая себя съ нею и сатирически изображая свои пороки. Исповѣдь его заключается стихами:

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ.

Не оставляя шуточнаго тона, необходимаго ему для того, чтобъ похвалы Фелицѣ не были рѣзки, поэтъ забываетъ себя и такъ рисуетъ для потомства образъ Фелицы:

Едина ты лишь не обидишь
Не оскорбляешь никого;
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь, —
Ты знаешь прямо цѣну ихъ:
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.
. . . .

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль, и небыль говорить;

Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О сколь счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ
И, казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ:
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не мараютъ рожъ.

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей:
Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
„Не дѣлай ничего худого
И самого сатира злого
Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь“.

Заключительная строфа оды дышитъ глубокимъ благоговѣйнымъ чувствомъ.

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки,
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ.

Оду эту Державинъ писалъ не думая, чтобъ она могла быть напечатана; всѣмъ извѣстно, что она случайно дошла до свѣдѣнія государыни. Итакъ, есть и внѣшнія доказательства искренности этихъ, полныхъ души, стиховъ:

Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство —
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Ода „Изображеніе Фелицы“ растянута и разведена водою реторики; но въ ней есть превосходныя строфы въ pendant къ одѣ „Фелица“, почему мы и выписываемъ ихъ здѣсь:

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ:
„Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ.
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

„Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,

Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать;

„Даю вамъ право собираться,
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать, и окончать.

„Не воспрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху, и лесть,
Халдеямъ, новымъ чудотворцамъ
Махать съ духами, пить и ѣсть;
Но я во всемъ, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолѣпно и спокойно
Мои благодѣянья лить".

. . . .

Рекла бъ! „Почто писать уставы,
Коль ихъ въ диванахъ не творятъ?
Развратные вельможей нравы —
Народа цѣлаго развратъ.

„Вашъ долгъ монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать:
Пристрастный судъ разбоя злѣе;
Судьи — враги, гдѣ спитъ законъ:
Предъ вами гражданина шея
Протянута безъ обороны".

. . . .

Представь, чтобъ всѣ царевна средства
Въ пособіе себѣ брала
Предупреждать народа бѣдства

И сохранять его отъ зла;
Чтобъ отворила всѣмъ дороги
Чрезъ почту письма къ ней писать;
Велѣла бы въ свои чертоги
Для объясненья допускать.

„Видѣніе Мурзы“ принадлежитъ къ лучшимъ одамъ Державина. Какъ всѣ оды къ Фелицѣ, она написана въ шуточномъ тонѣ; но этотъ шуточный тонъ есть истинно высокій лирическій тонъ — сочетаніе, свойственное только Державинской поэзіи и составляющее ея оригинальность. Какъ жаль, что Державинъ не зналъ или не могъ знать, въ чемъ особенно онъ силенъ и что составляло его истинное призваніе. Онъ самъ свои реторически-высокопарныя оды предпочиталъ этимъ шуточнымъ, въ которыхъ онъ былъ такъ оригиналенъ, такъ народенъ и такъ возвышенъ, — тогда какъ въ первыхъ онъ и надутъ, и натянутъ, и безцвѣтенъ. „Видѣніе Мурзы“ начинается превосходною картиною ночи, которую созерцалъ поэтъ въ комнатѣ своего дома; поэтическая ночь настроила его къ пѣснопѣнію, и онъ воспѣлъ тихое блаженство своей жизни:

Что карлой онъ и великаномъ
И дивомъ свѣта не рожденъ,
И что не созданъ истуканомъ,
И оныхъ чтить не принужденъ.

Далѣе заключается превосходный, поэтически и ловко выраженный намекъ на подарокъ, такъ неожиданно полученный имъ отъ монархини за оду „Фелица“.

Блаженъ и тотъ, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Изъ теремовъ своихъ янтарныхъ
И сребророзовыхъ свѣтлицъ,
Какъ будто изъ улусовъ дальнихъ,
Украдкой отъ придворныхъ лицъ,
За росказни, за растобары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Исподтишка драгіе дары
И въ доскавцахъ червонцы шлютъ.

Явленіе гнѣвной Фелицы, во всѣхъ атрибутахъ ея царственнаго величія, прерываетъ мечты поэта. Фелица укоряетъ его за лесть; она говоритъ ему:

. . . . Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ боговъ, кромѣ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, — не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта люди тѣ же,
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести имъ вредитъ не рѣже:
А гдѣ поэты не льстецы?

Отвѣтъ поэта на укоры исчезнувшаго видѣнія Фелицы дышитъ искренностію чувства, жаромъ поэзіи и заключаетъ въ себѣ и автобіографическія черты и черты того времени:

Возможно ль кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту
За кажду мысль, за каждый стихъ,
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиръ щититься злыхъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не дерутъ его усовъ;

Иному показалось больно,
Что онъ наспдкой не сидитъ;
Иному — очень своевольно
Съ тобой мурза твой говоритъ;
Иной вмѣнялъ мнѣ въ преступленье,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищеньи
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ — соленыхъ огурцовъ;
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣнценосна добродѣтель!
Не лесть я пѣлъ и не мечты,
А то, чему весь міръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.
Я пњлъ, пою и пњть ихъ буду,
И въ шуткахъ правду возвњщу;
Татарски пњсни изъ-подъ спуду,
Какъ лучъ, потомству сообщу;
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вњкамъ,
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Пророческое чувство поэта не обмануло его: поэзія Державина, въ тѣхъ немногихъ чертахъ, которыя мы представили здѣсь нашимъ читателямъ, есть прекрасный памятникъ славнаго царствованія Екатерины II и одно изъ главныхъ правъ пѣвца на поэтическое безсмертіе.

Другое значеніе имѣютъ теперь для насъ торжественныя оды Державина. Въ нихъ онъ является болѣе офиціальнымъ, чѣмъ истинно вдохновеннымъ поэтомъ. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзко отдѣляются отъ одъ, посвященныхъ Фелицѣ. И не мудрено: послѣднія имѣли корень свой въ дѣйствительности, а первыя были плодомъ похвальнаго обычая согласовать лирный звонъ

съ громомъ пушекъ и блескомъ плошекъ и шкаликовъ. Притомъ же, легче было чувствовать и понимать мудрость и благость монархини, чѣмъ провидѣть значеніе войнъ и побѣдъ ея, объясняющихся причинами чисто политическими. Политическіе вопросы тогда только могутъ служить содержаніемъ поэзіи, когда они вмѣстѣ и вопросы историческіе и нравственные. Такова была великая война 1812 года, когда обѣ изъ тяжущихся сторонъ — и колоссальное могущество Наполеона и національное существованіе Россіи — сошлись рѣшить вопросъ: быть или не быть? Побѣды надъ турками, какъ бы ни блистательны были онѣ, могутъ дать прекрасное содержаніе для реляцій, но не для одъ. Сверхъ того, торжественныя оды Державина еще и потому утратили теперь свою цѣну, что самыя событія, породившія ихъ, намъ уже не могутъ казаться такими, какими видѣли ихъ современники. Типомъ всѣхъ торжественныхъ одъ Державина можетъ служить ода „На взятіе Варшавы“. Она такъ всѣмъ извѣстна, что мы не почитаемъ за нужное дѣлать изъ нея выписки. Ее можно раздѣлить на три части: первая изъ нихъ есть экстатическое изліяніе чувства удивленія къ Суворову и Екатеринѣ II. Дѣйствительно, вступленіе оды восторженно; но этотъ восторгъ весь заключается не въ мысляхъ, а въ восклицаніяхъ, и въ немъ есть что-то напряженное. Мѣсто, начинающееся стихомъ „Черная туча, мрачныя крыла“, долго считалось въ нашихъ реторикахъ и піитикахъ образцомъ гиперболы, какъ выраженіе высочайшаго восторга; теперь эта гипербола можетъ служить образцомъ натянутаго восторга, стихотворнаго крика — не больше. Поэтъ чувствовалъ самъ пустоту всѣхъ этихъ громкихъ фразъ, и потому хотѣлъ, во второй части своей оды, занять умъ читателя какимъ-нибудь содержаніемъ. Что же онъ сдѣлалъ для этого? онъ показываетъ сонмъ русскихъ царей и вождей, сидящій въ „небесномъ вертоградѣ, на злачныхъ холмахъ, въ прохладѣ благоуханныхъ рощъ, въ прозрачныхъ и радужныхъ шатрахъ“: передъ ними поетъ нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ, и его хвала пронзаетъ ихъ грудь, какъ молнія; въ ихъ „пунцовыхъ“ устахъ „блистаетъ златъ медъ“, а на щекахъ играютъ зари; возлегши на „мягкихъ, зыблющихъ(ся)“ перловыхъ облакахъ, они внимаютъ тихострунный хоръ небесныхъ арфъ и поющихъ дѣвъ (что однакожъ не мѣшаетъ имъ внимать и лирѣ нашего звучнаго Пиндара — Ломоносова): что это за языческая

хвалгала для христіанскихъ царей и вождей? Для этого полуденнаго міра стихи Ломоносова, конечно, имѣютъ свое значеніе; но безпрестанно слушать ихъ и на томъ свѣтѣ — воля ваша, скучно. Далѣе поэтъ заставляетъ Петра Великаго проговорить рѣчь къ Пожарскому, и потомъ скрыться въ „сѣнь“. Все это — голая реторика, свидѣтельствующая о затруднительномъ положеніи поэта, задавшаго себѣ воспѣть предметъ, котораго идеи онъ не прочувствовалъ въ себѣ. Третья часть оды кончилась даже смѣшно, плохими четверостишіями съ припѣвомъ къ каждому:

Славься симъ, Екатерина,
О великая жена!

Въ первой части оды поэтъ называетъ своего героя, т.-е. Суворова, „Александромъ по бранямъ“: сравненіе крайне неудачное! Можно называть Наполеона Цезаремъ, ибо въ жизни и положеніяхъ обоихъ этихъ лицъ было много общаго; но что же общаго между дѣйствительно великимъ полководцемъ русской монархіи, превосходнымъ выполнителемъ ея политическихъ предначертаній и между монархомъ-завоевателемъ, героемъ древняго міра, связавшимъ Востокъ съ Европою?... Вообще, Державинъ не умѣлъ хвалить Суворова: онъ восхищается только его непобѣдимостію, забывая, что этимъ были славны и Тамерланы, и Аттилы, и что въ Суворовѣ было что-нибудь замѣчательное и кромѣ этого. Хваля Суворова, Державинъ долженъ былъ бы настроить лиру на тотъ чисто русскій ладъ, которымъ воспѣлъ онъ Фелицу; но онъ хотѣлъ видѣть своего героя въ реторической апоѳеозѣ, и потому въ его одахъ Суворовъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого сочувствія.

Оды „На взятіе Измаила“ и „Переходъ Альпійскихъ горъ“, по объему своему — цѣлыя поэмы, герой которыхъ — Суворовъ. О нихъ можно сказать то же, что и обо всѣхъ торжественныхъ одахъ Державина: онѣ исполнены вдохновенія, но реторическаго, и ихъ можно сравнить съ похвальными словами Ломоносова — много грома, много блеска, но мало души. Что корень ихъ былъ не въ жизни, не въ дѣйствительности, а въ піитикѣ и реторикѣ того времени, могутъ служить доказательствомъ эти стихи изъ оды „На взятіе Измаила“:

Злодѣйство что ни вымышляло,
Повергло́сь, Россы, все на васъ!
Зрю ядры, камни, варъ и бревна,

Какъ! неужели защищать отчаянно крѣпость всѣми на войнѣ употребляемыми средствами отъ осаждающихъ ее враговъ, отчаянно биться съ ними и честно умирать за свою вѣру и своего государя, есть злодѣйство?... О нѣтъ! Державинъ этого не думалъ, но это требовалось высокимъ пареніемъ оды, по піитикѣ того времени. Впрочемъ, эта ода не безъ замѣчательныхъ частностей, какъ, напримѣръ, слѣдующая строфа:

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить,
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь міръ себя заставить чтить.
Война, какъ сѣверно сіянье,
Лишь удивляетъ чернь одну:
Какъ свѣтлой радуги блистанье,
Всякъ мудрый любитъ тишину.

Державинъ былъ пѣвцомъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, которыми такъ богатъ былъ вѣкъ Екатерины; всѣхъ чаще и охотнѣе онъ пѣлъ Суворова — это былъ его любимый герой; но лучше всѣхъ воспѣлъ онъ Потемкина. И не мудрено: этотъ „кипящій замыслами умъ, не ходившій по пробитымъ дорогамъ, но прокладывавшій ихъ самъ“, былъ дивнымъ, поэтическимъ явленіемъ. Это не былъ любимецъ счастія, какъ привыкли величать его: счастье любитъ больше глупцовъ и дюжинныхъ людей, нежели геніевъ, — а Потемкинъ былъ геній, заставившій преклоняться передъ собою счастіе. Это была натура одного типа съ Наполеоновскою: Потемкинъ могъ жить только въ замыслахъ и замыслами, и отсюда его апатія въ бездѣйствіи. Видѣть невозможность дѣйствовать — приговоръ къ смерти для такихъ людей. Каждый изъ нихъ хотѣлъ бы покорить всю землю, и палъ бы отъ своего успѣха, если бы не нашелъ средства сдѣлать высадку на луну и взять ее приступомъ. Являясь во времена отживающаго историческаго міра и не предчувствуя новаго, они дѣлаютъ себя центромъ всей вселенной, и

падаютъ жертвами своего грандіознаго эгоизма. Такъ палъ и Наполеонъ. Нашъ русскій „сынъ судьбы“ не могъ быть понятъ своимъ временемъ; но въ самыхъ его странностяхъ было что-то таинственно-высокое, и всѣ смотрѣли на него со страхомъ и любопытствомъ. Поэтическая натура Державина глубже другихъ прозрѣла въ тайникъ этого великаго духа, хотя вполнѣ и не разгадала его — и „Водопадъ“ остался навсегда свидѣтелемъ этого поэтическаго полусознанія и одною изъ лучшихъ одъ Державина. — Державинъ былъ пѣвцомъ царствующаго дома въ Россіи, и нельзя съ удивленіемъ не остановиться на его пророческихъ одахъ на рожденіе царственныхъ младенцевъ, впослѣдствіи Александра Благословеннаго и нынѣ благополучно царствующаго императора Николая. Кому не извѣстна прекрасная ода „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока“; въ ней есть два стиха, невольно останавливающіе на себѣ вниманіе изумленнаго читателя:

Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ!

Другая пророческая ода Державина — „На крещеніе великаго князя Николая Павловича“; въ ней поражаютъ стихи:

Дитя равняется съ царями!
Родителямъ по крови,
По сану — исполинъ;
По благости, любови,
Полсвѣта властелинъ!
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ.

Державинъ пѣлъ воцареніе Александра и многія событія его царствованія, особенно 1812—1814 годовъ. Въ послѣднихъ слышны уже слабѣющіе звуки нѣкогда громкой лиры; но въ одахъ, которыми онъ привѣтствовалъ новое благотворное свѣтило Руси, мѣстами проблескиваютъ искры поэзіи. Таково, напримѣръ, начало оды „На восшествіе на престолъ императора Александра 1-го“:

Вѣкъ новый! Царь младой, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбылись, сбылись судьбой.

Въ одѣ „Царевичу Хлору" старикъ Державинъ настроилъ свою музу на прежній ладъ, которымъ хвалилъ Екатерину, и воспѣлъ Александра. Въ поэтическомъ отношеніи эта ода далеко не то, что „Фелица" и кажется подражаніемъ ей; но по мыслямъ, по содержанію, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ одъ Державина. Она лучше всякихъ разсужденій показываетъ, въ какой связи находится поэзія съ положеніемъ общества. Но это была пѣснь лебедя: знаменитый и прославленный въ царствованіе Александра болѣе, чѣмъ въ царствованіе Екатерины, Державинъ былъ человѣкомъ, отжившимъ свой вѣкъ. Явленіе Крылова, Карамзина, Дмитріева, потомъ Озерова и наконецъ Жуковскаго и Батюшкова показало, что въ обществѣ уже созрѣли новые элементы для поэзіи, и что, по мѣрѣ полноты этихъ элементовъ, являлись и пѣвцы разнообразные, а не поющіе, какъ прежде, всѣ на одинъ голосъ. Это былъ успѣхъ времени; не вина Державина, что онъ принадлежалъ къ другому вѣку и остался вѣренъ въ чуждомъ для него новомъ времени: онъ сдѣлалъ все, что могъ въ то время сдѣлать человѣкъ съ такимъ огромнымъ дарованіемъ. Не будь Екатерины, не было бы и Державина: цвѣты его поэзіи распустились отъ луча ея просвѣщеннаго вниманія. Этому вниманію онъ былъ обязанъ и своею славою: общество не нуждалось въ стихахъ Державина и не понимало ихъ, а имя его знало, дивясь, что за стихи даютъ и золотыя табакерки, и чины, и мѣста, дѣлаютъ вельможею бѣднаго и незнатнаго дворянина. Но таковъ ходъ идеи: она идетъ къ своей цѣли, даже и такими путями, которые, казалось бы, скорѣе отвели ее отъ цѣли, чѣмъ привели къ ней: простое любопытство многихъ незамѣтно познакомилось со стихами и пристрастило къ нимъ. И когда, чрезъ размноженіе училищъ и гимназій, основаніе новыхъ университетовъ, въ царствованіе Александра, распространилось просвѣщеніе, тогда Державина стали читать, и узнали его, какъ поэта, а не только какъ знатнаго человѣка.

Чтобъ вѣрно характеризовать и опредѣлить значеніе Державина, какъ поэта, должно обратить вниманіе на его собственный взглядъ на поэзію и поэта. Въ артистической душѣ Державина пребывало глубокое предчувствіе великости и искусства, и достоинства художника. Это доказывается многими истинно-вдохновленными мѣстами въ его произведеніяхъ и даже превосходными отдѣльными стихотвореніями. Мы непре-

мѣнно должны указать на нихъ, какъ на факты для сужденія о Державинѣ, какъ поэтѣ. Въ одѣ „Любителю художествъ“, неудачной и даже странной въ цѣломъ, вниманіе мыслящаго читателя не можетъ не остановиться на слѣдующихъ стихахъ:

Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбящаго музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство-грубый вкусъ,
Жажду злата и сребра.
Врагъ онъ общаго добра!
Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ:
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ,
Больше бъ собралъ серебра.
Врагъ онъ общаго добра!
Напротивъ того взираютъ
Боги на любимца музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный нѣжный вкусъ:
Всѣмъ душа его щедра.
Другъ онъ общаго добра!

Еслибъ эти стихи прозаичностью и шероховатостью выраженія не поражали нашего вкуса, избалованнаго изяществомъ новѣйшей поэзіи, ихъ можно было бы принять за переводъ изъ какой-нибудь пьесы Шиллера въ древнемъ вкусѣ. Сознаніе высокаго своего призванія Державинъ выразилъ особенно въ трехъ пьесахъ. Странная и невыдержанная въ цѣломъ пьеса „Лебедь“ есть какъ бы прелюдія къ превосходному стихотворенію „Памятникъ“:

Необычнымъ я пареньемъ
Отъ плѣна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь въ воздухъ поднимусь.
Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,
Не задержусь въ вратахъ мытарствъ;
Надъ завистью превознесенный,
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ
И самой смертью предпочтусь.
Но заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая пѣвица,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

Затѣмъ поэтъ воображаетъ, что его станъ обтягиваетъ пернатая кожа, на груди является пухъ, а спина становится крылата, и что онъ лоснится лебяжьею бѣлизною; въ видѣ лебедя паритъ онъ надъ Россіею, и всѣ племена, населяющія ее, указываютъ на него и говорятъ:

„Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ
И, проповѣдуя миръ міру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ!

Мысль изысканная и неловко выраженная; но послѣдній куплетъ очень замѣчателенъ:

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ музъ, не пой!
Супруга! облекись терпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой!

„Памятникъ“ такъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, что нѣтъ нужды выписывать его. Хотя мысль этого превосходнаго стихотворенія взята Державинымъ у Горація, но онъ умѣлъ выразить въ такой оригинальной, одному ему свойственной формѣ, такъ хорошо примѣнить ее къ себѣ, что честь этой мысли такъ же принадлежитъ ему, какъ и Горацію. Пушкинъ по-своему воспользовался, по примѣру Державина, примѣненіемъ къ себѣ этой мысли, въ особенной оригинальной формѣ. Въ стихотвореніи того и другого поэта рѣзко обозначился характеръ двухъ эпохъ, которымъ принадлежатъ они: Державинъ говоритъ о безсмертіи въ общихъ чертахъ, о безсмертіи книжномъ; Пушкинъ говоритъ о своемъ памятникѣ: „Къ нему не зарастетъ народная тропа“, и этимъ стихомъ олицетворяетъ ту живую славу для поэта, которой возможность настала только съ его времени.

Не менѣе „Памятника" замѣчательно стихотворное посвященіе Державина Екатеринѣ II къ собранію своихъ сочиненій: оно дышитъ и благоговѣйною любовію поэта къ великой монархинѣ. и пророческимъ сознаніемъ своего поэтическаго достоинства.

Что смѣлая рука поэзіи писала,
Какъ Бога истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Дерзаю къ твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою твоей,
Прими и освяти своимъ благоволеньемъ
И музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ,
Пройдетъ сквозь тьму временъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, твои хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межь гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

И однакожъ, въ стихотвореніяхъ того же Державина есть мѣста, доказывающія, что онъ часто невысоко цѣнилъ поэзію и свое поэтическое призваніе. Такъ, въ одѣ „Фелица" онъ говорилъ:

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

Въ одѣ „Мой истуканъ" онъ говоритъ:

. . . . . . Мои бездѣлки
Безумно столько уважать,

и если считаетъ себя достойнымъ мраморнаго бюста, то развѣ за то, что воспѣлъ Фелицу, а не за то, какъ воспѣвалъ ее, слѣдовательно, за предметъ, а не за талантъ пѣснопѣнія. Такихъ мѣстъ много можно найти въ его стихотвореніяхъ. Сверхъ того, извѣстно всѣмъ, — да и есть стихотвореніе, подтверждающее этотъ фактъ („Храповицкому"),— что Державинъ свое чиновническое поприще считалъ выше, т.-е. дѣльнѣе своего поэтическаго поприща.

Но что же все это доказываетъ? то ли, что Державинъ былъ измѣнчивъ въ своихъ мнѣніяхъ, или что онъ только въ стихахъ, а не на дѣлѣ высоко думалъ о стихотворствѣ? Ни то, ни другое! Въ этомъ видна нерѣшительность, неопредѣленность идеи поэзіи въ то время. Державинъ дѣйствительно въ разныя времена думалъ о ней розно: то приходитъ въ восторгъ отъ своего призванія, гордясь имъ въ свѣтломъ и вдохновенномъ сознаніи, то погружался въ уныніе при мыслѣ о немъ, стыдясь его, какъ пустой забавы. Въ первомъ случаѣ скрывалась его глубокая поэтическая натура: во второмъ высказывалось въ немъ общество нашего времени. Теперь всякій посредственный писака съ гордостью говоритъ о себѣ, что онъ литераторъ, или поэтъ, и находитъ добродушныхъ людей, которые, даже и подсмѣиваясь надъ нимъ, все-таки увиваются подлѣ него, чтобы при случаѣ похвастать своимъ знакомствомъ или пріязнію съ литераторомъ и поэтомъ. Истинный талантъ теперь вездѣ и всегда смѣло можетъ назвать себя по имени; а геній, въ области поэзіи, теперь — сила и власть въ сферѣ общественнаго мнѣнія. Но это сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Державинъ не имѣлъ враговъ своему таланту: ему не могли простить не таланта, котораго не понимали, а полученныхъ имъ знаковъ почестей. Среди невѣждъ и умному человѣку легко можетъ прійти въ голову мысль: ужъ не онъ ли глупъ, и не эти ли люди умны, ибо какъ же могутъ ошибаться всѣ и быть правъ одинъ?..

Вотъ откуда происходили противорѣчія Державина въ его понятіяхъ о поэзіи. Это можетъ служить ключомъ и ко множеству другихъ его противорѣчій. На иную прекрасную оду его можно насчитать нѣсколько плохихъ, какъ будто написанныхъ въ опроверженіе первой. Причина этого та, что не было общества, не было общественнаго мнѣнія, — были только умныя личности, изрѣдка сталкивавшіяся другъ съ другомъ

на необъятномъ пространствѣ. Всякая истинная поэзія есть идеальное зеркало дѣйствительности, а разумная сторона дѣйствительности того времени выражалась только въ нѣкоторыхъ людяхъ, близкихъ къ монархинѣ; но нѣсколько людей не составляютъ общества. Мы видѣли, что въ поэзіи Державина отразился XVIII вѣкъ, односторонне и слабо отразившійся на высшемъ кругѣ русскаго общества, — кругѣ, съ которымъ все остальное не имѣло ничего общаго, ничѣмъ не было связано: а этого было слишкомъ мало, чтобъ дать такое содержаніе поэзіи, которое упрочило бы за нею безсмертіе, сообщивъ ей неумирающій отъ перемѣны нравовъ и отношеній интересъ. Мы видѣли, что Державинъ понималъ великую монархиню и вѣрно изобразилъ въ нѣсколькихъ чертахъ; но онъ выразилъ свое понятіе о ней, а не понятіе цѣлаго общества, которое не умѣло понимать тѣхъ благъ, которыми пользовалось, — и потому мы дивимся образу Екатерины только въ немногихъ стихотвореніяхъ Державина, и именно только въ тѣхъ, гдѣ изображалъ онъ ее подъ именемъ Фелицы. Ода его „Фелица" превосходна и въ цѣломъ, и въ частностяхъ; такъ же прекрасно „Видѣніе мурзы", но въ „Изображеніи Фелицы" прекрасны только нѣкоторыя строфы. Торжественныя оды его потеряли весь свой интересъ для нашего времени. Такъ называемыя анакреонтическія оды Державина свидѣтельствуютъ о его артистической натурѣ; но ни содержаніе ихъ, всегда одностороннее и неглубокое, ни ихъ форма, всегда невыдержанная въ цѣломъ и плѣняющая только частностями, то же не могутъ быть предметомъ эстетическаго наслажденія въ наше время. Драматическіе опыты его не стоятъ и упоминовенія.

Бѣлинскій.

Отношеніе Державина къ современной эпохѣ.

Для исторіи литературы, имѣющей дѣло съ прошедшимъ, весьма важно обозначать то дѣйствіе, которое писатель производилъ на своихъ современниковъ. Многіе приговоры ихъ о достоинствѣ или недостаткахъ сочиненій нерѣдко отличаются замѣчательною вѣрностію и переходятъ въ позднѣйшую эпоху, какъ статья окончательно рѣшенная. Если новая критика не всегда видитъ въ нихъ сознательное, всестороннее обслѣдованіе факта, то, по крайней мѣрѣ, всегда обязана уважать ихъ, какъ свидѣтельство впечатлѣнія, произведеннаго фактомъ. Опи-

раясь на отзывы тѣхъ людей, которые непосредственно, подъ вліяніемъ животрепещущихъ интересовъ, внимали голосу современнаго имъ поэта, она только подробнѣе и основательнѣе раскрываетъ объемъ и содержаніе понятія, выраженнаго этими отзывами. Еще лучшимъ руководствомъ для оцѣнки поэтическаго творчества можетъ служить исповѣдь самого автора, какъ бы она ни была имъ выговорена — безсознательно ли, по одному инстинктивному чувству, или съ яснымъ представленіемъ своей особенности.

Такой способъ сужденія прилагается къ личности Державина, какъ поэта. Его называли и теперь называютъ „пѣвцомъ Екатерины". Пѣвцомъ Екатерины останется онъ и для нашего потомства. Онъ самъ смотрѣлъ на себя съ той же точки зрѣнія. Сознаніе своей поэтической дѣятельности внушило ему нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ указываетъ на ея главную заслугу. „Тобой безсмертенъ буду самъ", говоритъ онъ въ „Видѣніи мурзы" (1783), соединяя свою громкую известность съ величіемъ Екатерины. Пьеса: „Мой истуканъ" (1794) не находитъ въ гражданской дѣятельности автора ничего такого, что бы заслуживало ему честь — видѣть бюстъ свой изваянный рукою художника и выставленный на всенародное удивленіе. Хотя Державинъ и признаетъ ея достоинство, но не въ такой мѣрѣ, которая стоила бы кумира, потому что дѣятель былъ только органомъ благости, исходившей отъ престола. Но если, замѣчаетъ онъ, нѣтъ у меня дѣлъ, за чтобы слѣдовало изваять мой кумиръ,

Въ достоинство вмѣнить я смѣю,
Что зналъ достоинства я чтить;
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни днесь, ни впредь въ пространствѣ міра
Хвались, моя, хвались тѣмъ, лира!

Посвящая первое собраніе своихъ стихотвореній императрицѣ, Державинъ, въ „Приношеніи" (1795), называетъ свое безсмертіе отголоскомъ ея славы:

Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;

Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ „именемъ твоимъ“ громка она пребудетъ:
Ты „славою“ — твоимъ я „эхомъ“ буду жить.

Съ большой полнотой опредѣлено значеніе поэтической дѣятельности Державина въ „Памятникѣ“ (1796). Подражая одѣ Горація: „Къ Мельпоменѣ“, онъ объясняетъ свою всерусскую славу тѣмъ, что первый дерзнулъ

.... въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

Разсмотримъ содержаніе приведенныхъ отрывковъ. Всѣ они относятся къ эпохѣ совершенной зрѣлости таланта, который уже выказалъ свою силу цѣлымъ рядомъ замѣчательнѣйшихъ произведеній. Было уже довольно матеріаловъ, чтобы и оцѣнить свое право на памятникъ, и смѣлою рукою воздвигнуть его. Въ этой самооцѣнкѣ Державина видимо различается содержаніе его поэзіи отъ ея формы и тона. Богъ, добродѣтели Фелицы, истина: вотъ что воспѣвалъ поэтъ на своей лирѣ: забавный слогъ, сердечная простота, улыбка: вотъ какъ воспѣвались выбранные имъ предметы. Къ первому пункту поэтической исповѣди мы обратимся послѣ: положительные признаки, которыми онъ характеризуетъ Державина, будутъ намъ понятнѣе, когда мы познакомимся съ формою его стихотвореній. Что касается до второго пункта, то слова: „въ сердечной простотѣ“ должны быть названы поэтическою вольностью. Всего меньше могутъ они относиться къ одѣ „Богъ“ (1784), которая бесѣдуетъ о вѣчности, безконечности, всемогуществѣ и другихъ свойствахъ Творца, и которую, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ въ виду авторъ, когда писалъ „Памятникъ“. Легко найти въ ней величіе образовъ и силу лирическаго полета, но никакіе поиски не откроютъ сердечной простоты или наивности. Не изъ наивно-сердечнаго настроенія она вылилась. Нѣкоторыя строфы этой оды суть не что иное, какъ статьи христіанской догматики, переложенныя прекрасными стихами. Затѣмъ остаются: „забавный русскій слогъ“, которымъ поэтъ возглашалъ о дѣлахъ Екатерины, и „улыбка“, которою онъ сопровождалъ свои правдивыя наставленія ца-

рамъ. Характеристика вполнѣ вѣрная и точная. Она подтверждается многими другими пьесами Державина, равно какъ и присоединенными къ нимъ поясненіями. „Видѣніе мурзы“ говоритъ то же самое, только замѣняя улыбку шуткой, а истину правдой:

И въ шуткахъ правду возвѣщу:

а въ примѣчаніяхъ къ „Памятнику“ прямо указано, что „Державинъ былъ первый изъ русскихъ писателей, сочинившій лирическія пьесы въ забавномъ слогѣ“. Это сочетаніе двухъ противоположныхъ тоновъ, возвышеннаго и забавнаго, въ формѣ одъ, и составляетъ отличительный характеръ его лирики. Мѣстами оно пробивалось въ самыхъ первыхъ его пьесахъ, но со всею ясностью обнаружено „Фелицей“ (1782). Отсюда начинается „особый путь“, выбранный нашимъ поэтомъ по совѣту друзей — Капниста, Хемницера и преимущественно Н. Львова. До этого времени онъ подражалъ Ломоносову. „Я хотѣлъ парить“, говорилъ онъ, „и не могъ постоянно выдерживать красивымъ наборомъ словъ, свойственныхъ единственно россійскому Пиндару, великолѣпія и пышности“. Оды „Ключъ“, „На смерть кн. Мещерскаго“, „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока“ (всѣ три 1779 г.), стоятъ на переходѣ отъ прежняго, „подражательнаго“, направленія лирики Державина къ ея новому, „самобытному“, направленію. Оригинальность послѣдняго такъ пріятно поразила современниковъ, что они тотчасъ же ее замѣтили и оцѣнили по достоинству. Вскорѣ за появленіемъ „Фелицы“ напечатано было нѣсколько похвальныхъ стихотвореній ея автору. „Письмо къ Ломоносову“, Козодавлева, говоря о новомъ парнасскомъ пути, проложенномъ Державинымъ, прибавляетъ, что

.... кромѣ пышныхъ одъ,
Въ стихотворствѣ есть „иной хорошій родъ“.

Признаки „иного стихотворнаго рода“ указаны его противоположностью „пышнымъ одамъ“. „Оды“, замѣчаетъ одна статья „Собесѣдника“, въ первой книжкѣ котораго напечатана „Фелица“, „наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; „Фелица“ написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались“. Костровъ, въ „Письмѣ къ Державину“,

привѣтствовалъ поэта за обрѣтеніе имъ непротоптаннаго пути, за умѣнье безъ лиры Пегаса воспѣть Фелицины дѣла, за небывалое искусство въ одно и то же время „и важно пѣть, и играть на гудкѣ". Онъ признается, что нашъ слухъ почти оглохъ отъ громкихъ тоновъ; пора оставить облака, чтобы, летя съ высоты, не сломать себѣ рукъ и ногъ; пора заводить болѣе скромныя пѣсни, слѣдуя за Державинымъ, „установителемъ новаго вкуса" въ стихахъ.

Какимъ бы именемъ ни означали особенность той стихіи, которою отличается лирика Державина: забавнымъ ли тономъ, простотою ли слога, или шуткой, — фактъ остается неизмѣннымъ при всѣхъ возможныхъ эпитетахъ. Онъ первый поколебалъ у насъ господство лжеклассической оды, первый „исторгнулъ ее изъ тѣсныхъ предѣловъ учебно-систематическихъ сочиненій, наполняемыхъ общими реторическими мѣстами и располагаемыхъ единственно по обыкновеннымъ формамъ". Выступая съ трескотней и мишурнымъ блескомъ, обращая хвалебныя пѣснопѣнія то въ ученый трактатъ, то въ наставительную проповѣдь, послѣдователи Ломоносова думали держать рѣчь съ богами, по словамъ Буало. Надобно было низвести ихъ съ мнимо-олимпійской высоты, показавъ на дѣлѣ, что простота и естественность, которыхъ они чуждались, такъ же приличны одѣ, какъ и всѣмъ прочимъ родамъ и видамъ поэзіи. Державинъ то и сдѣлалъ. Внутреннею его настроенностью обусловливался характеръ его сочиненій, а характеромъ — внѣшнее выраженіе. Поэтому въ словахъ, которыми обозначаютъ новооткрытый имъ лирическій путь (забавный или шутливый тонъ, простота слога), нѣтъ ни существенныхъ различій, ни смѣшенія понятій. Всѣ три предмета отвѣчаютъ другъ другу: чувство поэта настроивало его пѣсни на особый ладъ, а этотъ особый ладъ требовалъ также особаго, свойственнаго ему слога. „Разъявъ анатомическимъ ножомъ слогъ Державина", говоритъ Гоголь, „увидишь необыкновенное соединеніе самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на что бы никто, кромѣ его, не отважился. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что нужно на землѣ:

И смерть, какъ гостью, ожидаетъ,
Крутя, задумавшись, усы.

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ?“ Въ сочетаніи противоположныхъ тоновъ, величественнаго и забавнаго, послѣдній нерѣдко восходитъ у Державина до строгаго обличенія и грозной кары. Отсюда являются особыя, двустихійныя стихотворенія, которыя могутъ быть названы „одами-сатирами“, или „сатирами-одами“. смотря по тому, на сторонѣ какой стихіи оказывается преимущество. Въ нихъ, рядомъ съ картиною важныхъ отступленій отъ нравственнаго идеала, представлена картина достоинствъ, въ большей или меньшей мѣрѣ идеальныхъ. Такъ „Вельможа“ (1794) изображаетъ черты истинной знатности, противополагая ее ложному барству; такъ и въ „Фелицѣ“ доблести киргизъ-кайсацкой царевны ярче выступаютъ въ сравненіи съ развратомъ окружающихъ ее особъ. Сатира Державина имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ нравы двора и высшаго общества. Она преслѣдуетъ эгоизмъ. сибаритство, безумную роскошь, кичливость древнимъ родомъ, темныя интриги, ласкательство, угодничество. Рѣзкость и смѣлость ея обличеній умѣряются поэтическими образами государственнаго величія, мужественнаго патріотизма и нравственной стойкости. Передъ лицомъ человѣка, который есть ложь и клевета на человѣчество, возвышается „прямой герой“, строгій къ самому себѣ, крѣпкій своею правдой, недвижимый ни страстями, ни несчастіями. Къ этимъ одамъ-сатирамъ, составляющимъ наилучшій отдѣлъ Державинской лирики, относятся, сверхъ „Вельможи“, стихотворенія: „На счастіе“ (1789), „Мой истуканъ“ (1794) и нѣкоторыя другія.

Обращаемся къ тѣмъ словамъ „Памятника“, которыя указываютъ предметъ и содержаніе поэзіи Державина. Онъ „возглашалъ о добродѣтеляхъ Фелицы“, т.-е. былъ пѣвцомъ Екатеринина царствованія: значитъ, въ его пѣсняхъ отразилась современная эпоха русской жизни, государственной и общественной. Отраженіе, дѣйствительно, яркое; *связь между дѣятельностію поэта и вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ, очевидная.* Никто не станетъ отрицать, что если исторія времени, когда являлись сочиненія Державина, служитъ необходимыхъ для нихъ комментаріемъ, то, съ другой стороны, эти самыя сочиненія во многомъ поясняютъ исторію своего времени. Но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, какого рода отношеніе

поэтической дѣятельности Державина къ современной ему эпохѣ?

Чтобы съ успѣхомъ воспроизводить дѣйствительность, необходимо понимать ея смыслъ и значеніе. *Можно изображать историческіе или общественные факты безъ глубокаго на нихъ взгляда, даже безъ разумнаго о нихъ понятія; и можно, изображая ихъ, раскрывать направленіе исторіи и общества, знакомить читателя съ идеями, которыя осуществляются рядомъ извѣстныхъ явленій.* Разумѣніе силы вещей, конечно, не замѣняетъ дара творчества; но творчество безъ разумѣнія, большею частію, схватываетъ въ вещахъ случайность и внѣшность: оно видитъ блескъ, отражаемый внутреннимъ огнемъ, а самого огня не замѣчаетъ; оно слышитъ шумъ, вырывающійся наружу, а работа и движеніе, отъ которыхъ шумъ происходитъ, остаются для него тайной. Просвѣщенное наблюденіе надъ окружающею насъ средою, анализъ ея началъ и сущности даютъ поэту способы и въ мелкомъ, повидимому, фактѣ подсмотрѣть крупное знаменіе; напротивъ, кто не на столько уменъ или образованъ, чтобы основное въ исторіи отдѣлять отъ случайнаго историческаго, тотъ и міровое событіе готовъ измѣрять по одному его внѣшнему пространству или количеству. Лирикъ больше или меньше долженъ быть человѣкомъ мыслящимъ, наравнѣ съ драматургомъ и романистомъ. Въ предметѣ, обратившемъ на себя его вниманіе, онъ останавливается не на томъ особенно, что̀ прежде всего бросилось ему въ глаза или что̀ поразило его неожиданно, а на томъ, что̀ наиболѣе способно поражать умъ и чувство. Такъ для художника-портретиста важны не части и черты лица, которое онъ переноситъ на полотно: для него важна физіономія, ими образуемая, какъ внѣшнее выраженіе внутренняго человѣка, почему лицо и называютъ зеркаломъ души. Потомъ и самое чувство, возбужденное предметомъ, должно выйти изъ своего непосредственнаго состоянія, подвергнуться мысли чувствующаго и выдать ей свое достоинство и значеніе. Объяснимъ сказанное примѣромъ. Мало ли было написано у насъ и за границею стихотвореній по поводу смерти Наполеона? Они славили его величіе или воспоминали его грозное тяготѣніе надъ Европой. Руссій поэтъ имѣлъ бы право (по крайней мѣрѣ, никто не сталъ бы у него оспаривать права) „возмутить укоромъ развѣнчанную тѣнь", признать въ Наполеонѣ

единственно тирана и хищника, даже уподобить его апокалипсическому звѣрю, какъ это дѣлали Державинъ и многіе другіе. Однакожъ мы читаемъ совершенно иное въ одѣ Пушкина (Наполеонъ): она не только произноситъ слово примиренья, но и даетъ знать о томъ, чего не знали многіе — о высокомъ жребіи, указанномъ русскому народу бывшимъ врагомъ его, о вѣчномъ освобожденіи, которое онъ завѣщалъ міру изъ мрака ссылки. Здѣсь видимъ разумную, на внутреннемъ смыслѣ факта утвержденную связь между этимъ фактомъ и поэтическимъ произведеніемъ, въ которомъ поэтъ выразилъ свои взглядъ на него, свое чувство, имъ возбужденное. *У Державина мы не находимъ такого отношенія къ современной ему дѣйствительности. Внѣшняя сторона исторіи производила на его впечатлительную натуру сильное дѣйствіе.* Онъ не то, что Фонвизинъ, котораго всегда занимало значеніе событій. Н. Полевой справедливо озаглавилъ „поэтическою лѣтописью“ весь отдѣлъ стихотвореній Державина, въ которыхъ изображается Екатерининъ вѣкъ. Именно лѣтопись, а не исторія: лѣтопись съ своимъ блистательнымъ пересказомъ блистательныхъ событій, всякому слышныхъ и для всякаго видныхъ; *но не исторія, раскрывающая судьбу общества въ данный моментъ.* Всѣмъ извѣстно, что капитальный вопросъ о воспитаніи общественномъ какъ будто не существовалъ для поэта. Замѣчательно также, что „Наказъ“ не внушилъ ему ни одной оды. Скажутъ, что Державинъ началъ писать уже послѣ того, какъ Наказъ былъ обнародованъ. Но идеи этого памятника надолго сдѣлались достояніемъ литературы. „Недоросль“, явившійся въ 1783 г., такъ тѣсно съ ними связанъ, что безъ нихъ не можетъ быть и объясненъ удовлетворительно. Отчего же „Фелица“, напечатанная въ томъ же 1783 году, касается ихъ едва нѣсколькими стихами? *„Изображеніе Фелицы“ (1789) давало Державину прекрасный случай представить на одной картинѣ существенныя черты ея характера и того новаго движенія, которымъ были обязаны ей просвѣщеніе, литература, гражданское устройство, политическая сила отечества.* Но изъ 58 строфъ оды только три „воспоминаютъ“, въ краткомъ перечетѣ, „вѣщанія“ (т.-е. уставы) императрицы „ея безчисленнымъ ордамъ“; въ остальныхъ же немногіе стихи, иногда смѣлыми оборотами, указываютъ духъ ея царствованія: все прочее устремлено на внѣш-

ность, отъ лица и осанки царевны до истукана Зороастрова, на который она облокотилась, и ея орла, сгибающаго ногою рога луны. Разнородные предметы собраны въ большомъ количествѣ, но безъ должной сортировки. Рафаэль не взялся бы уложить въ портретѣ такой громоздкій матеріалъ. По стихотворенію „Зима" (1805) можемъ судить о стимулѣ Державинской поэзіи. Въ разговорѣ съ своей музой поэтъ объясняетъ причину ея печальнаго безмолвія: нѣтъ уже болѣе ни Фелицы, ни Плѣниры, нѣтъ харитъ и друзей:

Звукъ торжественныя лиры
Посвятимъ кому твоей?
Посвятишь ли въ честь ты Хлору,
Иль Добрадѣ въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору.
Дни ихъ тихи, какъ листы.

Итакъ, трубные голоса — вотъ побужденіе его лиры, а не тихіе дни, въ которые совершается работа, болѣе дѣятельная и полезная, зрѣютъ сѣмена, болѣе плодородныя, отъ которыхъ потомъ „земля цвѣтетъ какъ кринъ". Не надобно забывать, что приведенные стихи написаны въ эпоху прогрессивныхъ мѣръ, задуманныхъ новымъ императоромъ, который вступая на престолъ, объявилъ, что онъ будетъ царствовать въ духѣ своей бабки. Что же значитъ сѣтованіе музы? или она не одобряла духа первыхъ реформъ Александра, находя въ нихъ нѣчто новое, несогласное съ дѣлами Фелицы, или не распознавала того же духа, что̀ дѣйствовалъ и въ прошломъ вѣкѣ, возбуждавшемъ ея громкія пѣсни. Противорѣчіе ли себѣ самой, отсталость ли отъ времени слышится въ ея „зимнемъ" голосѣ? Можетъ быть, и то и другое. *Вообще Державинъ, ни по свойствамъ характера, ни по степени образованія, не былъ способенъ къ анализу жизни.* Уровень его поэтическаго таланта стоялъ гораздо выше уровня его познаній и ума.

Не школъ витійственныхъ содомъ:
„Природа, нужда и враги".

„Объясненіе этихъ строкъ", писалъ Державинъ, „составитъ исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость". *Но оно въ то же время свидѣтельствуетъ объ отсутствіи прочной науки, развивающей и укрѣпляющей природныя спо-*

собности. Безъ началъ, данныхъ основательнымъ ученіемъ или выработанныхъ самостоятельною мыслію, исторія стихотворства, какъ и всякой другой дѣятельности, обыкновенно бываетъ или не тверда, т.-е. мѣняетъ свои направленія, или поверхностна, т.-е. своими явленіями не воспроизводитъ сущности историческихъ явленій. Даже серьезной начитанности, которою часто восполняется недостатокъ школы, не видно въ авторскихъ трудахъ Державина. „*Нужда и враги*", иначе житейская опытность, конечно, научили его многому, но не могли сообщить ему высоты воззрѣній. Характеръ поэта также мѣшалъ обстоятельному пониманію предметовъ. Въ стихотвореніи „Къ самому себѣ" (1798) Державинъ говоритъ, что онъ „горячъ и въ правдѣ чортъ". Горячій человѣкъ всего менѣе способенъ къ безошибочному различенію сущности отъ несущественнаго. Онъ легко заблуждается и безъ умысла творитъ иногда то же самое, чего холодный кривдолюбъ достигаетъ съ расчетомъ. Довѣрчивый и впечатлительный Державинъ легко поддавался разнороднымъ вліяніямъ. Первымъ чувствомъ, первою мелькнувшею въ головѣ мыслію рѣшались его слова, а иногда и дѣла. Не имѣлъ онъ силы противодѣйствія самому себѣ, которая дается повѣркою разума или косностью нрава, и потому-то, думая быть самостоятельнымъ, зависѣлъ отъ родныхъ и знакомыхъ, какъ это извѣстно изъ записокъ Храповицкаго; думая быть послѣдовательнымъ, впадалъ въ противорѣчія; думая быть вполнѣ справедливымъ, провинялся передъ правдой. Многія стихотворенія его совмѣщаютъ несовмѣстимыя вещи. Почти одновременно поэтъ являлся и наивно-вѣрующимъ, и скептикомъ. Онъ совершалъ быстрые переходы отъ гимновъ безстрастному герою-стоику къ благосклонному одобренію эпикуреизма, отъ практическаго взгляда на жизнь къ самой страной мистикѣ, и наоборотъ. Эпиграфы къ его сочиненіяхъ изъ Тацита и изъ Плиніева похвальнаго слова Траяну написаны тою же рукою, которая бросила камень въ книгу Радищева. Съ одной стороны насмѣшки надъ масонствомъ, а съ другой такія сочиненія, которыя служатъ торжествомъ для масоновъ и переводятся ими на разные языки. Въ лицѣ Потемкина прославляются достоинства истиннаго вельможи (Рѣшемыслу, 1783), и онъ же даетъ поводъ изобразить вельможу-эгоиста, преданнаго сибаритству, глухого къ слезамъ вдовы и просьбамъ инвалида. Историческое сужденіе запре-

щаетъ быть строгимъ къ похвальной лирикѣ; однако нельзя не замѣтить страннаго различія между одами Павлу и Александру, при восшествіи ихъ на престолъ. Горячее развитіе мысли иногда давало поводъ къ противорѣчію между началомъ пьесы и ея концомъ, какъ напр. въ „Приглашеніи къ обѣду" (1795). Первая строфа живописно исчисляетъ приготовленія къ обѣду:

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая,
То льдомъ, то искрами манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;

а послѣдніе стихи, будто забывая, что имъ предшествовало, выводятъ изъ него слѣдующій толкъ: „блаженство не во вкусѣ яствъ: умѣренность есть лучшій пиръ". Хотя понятіе объ умѣренности относительное, но все же трудно согласить его съ картиною приготовленнаго пира. Отъ забывчивости, вѣроятно, произошла и ошибка въ первомъ четырестишіи „Потопленія (1796).

Изъ-за облакъ *мѣсяцъ красный*
Всталъ и *смотрится въ рѣкѣ;*
Сквозь туманъ и *мракъ ужасный*
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

При лунномъ свѣтѣ, отражающемся въ водѣ, не можетъ быть „ужаснаго мрака". Въ стихѣ: „*шепнетъ* вслухъ страннику, вдали какъ тихій *громъ*" (Жизнь Званская) соединены предметы несоединяемые — „шопотъ" и „громъ". Мы не ставимъ этихъ разногласій въ нравственный укоръ музѣ Державина. Все это дѣлалось имъ столько же честно, сколько и безсознательно. По честности, по стремленію къ правдѣ, по чувству долга и законности, передъ которымъ молчали его личные интересы, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей своего времени. Онъ не хотѣлъ и не думалъ ошибаться, но ошибался. Онъ всегда старался поступать по крайнему разумѣнію, которое считалъ за истину, но которое, невѣдомо для него, иногда заключало въ себѣ неправду или противорѣчіе. Причины этой

внутренней несостоятельности указаны выше. Ими достаточно объясняется, почему онъ, какъ „пѣвецъ Екатерины", уступаетъ Фонвизину въ солидности и разумности отношенія своей поэзіи къ современной ему эпохѣ, равно какъ и то, почему его Записки, въ такой же мѣрѣ, уступаютъ „Чистосердечному признанію" Фонвизина. *Автобіографія Державина есть тоже лѣтописный указатель событій его жизни, не больше:* она знакомитъ насъ съ внѣшнею стороною его дѣятельности, не раскрывая стороны внутренней; въ ней нѣтъ анализа страстей и убѣжденій, нѣтъ картины психическаго развитія человѣка. Біографъ останавливается на томъ, что явлено, умалчивая о томъ, чѣмъ вызывались явленія, т.-е. о сокровенныхъ причинахъ и побужденіяхъ, зарождавшихся въ глубинѣ характера и приходившихъ въ столкновеніе съ дѣйствительнымъ міромъ. *Галаховъ.*

Міровоззрѣніе Державина.

Если Державинъ изображаетъ современную эпоху и событія своей жизни, какъ лѣтописецъ, не раскрывая идей, лежащихъ въ содержаніи того и другого, то, съ другой стороны, по всѣмъ его стихотвореніямъ проходитъ одна мысль, которая сообщаетъ имъ особую цѣнность, независимо отъ ихъ историческаго значенія. Эта мысль — достоинство человѣка, какъ человѣка, въ его отрѣшеніи отъ всѣхъ иныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, достоинствъ. Подобно Гамлету, который наилучшимъ образомъ оцѣнилъ своего отца, сказавъ, что онъ былъ „человѣкъ", Державинъ опредѣляетъ истинную цѣну каждаго лица не тѣми званіями, въ которыхъ оно находилось по волѣ судьбы, а единственно тѣмъ, сохранило ли оно на всякомъ мѣстѣ и во всякое время священное званіе человѣка, неподвластное никакимъ превратностямъ судьбы. Суета суетъ! часто восклицаетъ стихотворецъ: вся наша жизнь — пустое мечтаніе; главное дѣло — быть человѣкомъ, а все прочее тлѣнъ и прахъ. Восклицаніе естественное въ устахъ того, кто и вчужѣ видѣлъ и на себѣ испыталъ непрочность земныхъ благъ вообще, общественныхъ положеній въ частности. Передъ его глазами непрерывно вертѣлось колесо фортуны, представляя тщету величія и славы. Придворная жизнь, блескъ и пышность вельможъ, побѣдныя торжества и роскошные пиры, всѣ треволненія

политическія и общественныя устремляли его мысль отъ шума и грома къ тишинѣ, отъ превратности людской къ тому, что въ людяхъ должно оставаться несокрушимымъ и неприкосновеннымъ. Съ особенною силою возникаетъ эта мысль при какихъ-нибудь разительныхъ ударахъ судьбы: при опалѣ случайнаго лица, при разгромѣ обширныхъ замысловъ, при смерти вельможи, который сарданапаловски наслаждался жизнію, но и кончилъ ее гибельно, какъ Сарданапалъ. Тогда-то Державинъ ищетъ притона и спасенія „въ заливѣ совѣсти", которая должна сказать ему, не потемнился ли въ немъ человѣкъ. Уваженіемъ къ сану человѣка проникнуты всѣ его оды. Привѣтствуя появленіе въ свѣтъ „порфиророднаго отрока", онъ даетъ ему совѣтъ „быть на тронѣ человѣкомъ"; изображая Фелицу, заставляетъ ее сказать о себѣ: „я человѣкъ". Чувство человѣчности, сознаніе достоинства человѣка — преобладающіи мотивъ поэзіи Державина. Постоянною темою его стихотвореній служитъ торжество вѣчнаго и неизмѣннаго надъ преходящимъ и тлѣннымъ.

Въ чемъ же заключается главное достоинство человѣка? Гимнъ „Истинѣ" (1778) доказываетъ бытіе Бога міромъ физическимъ и духовнымъ существомъ нашимъ. Богъ въ истинѣ, говоритъ Державинъ; истина же является и внутри и внѣ человѣка: внутри какъ совѣсть, внѣ какъ правда. Отъ истины рождается добродѣтель; безъ правды рушатся царства. Слѣдовательно, истина, или правда (которыя иногда различаются поэтомъ, а иногда сливаются въ одномъ понятіи), и ея плодъ — добродѣтель — составляютъ главное достоинство человѣка, который есть образъ и подобіе Бога. Потому-то слова генія: „будь на тронѣ человѣкъ!" произнесены имъ въ то время, какъ онъ зарождалъ въ царственномъ отрокѣ „добродѣтель". Потому-то и главная обязанность каждаго человѣка — истина, правда. Поэтъ въ особенности долженъ быть глашатаемъ правды (Капнисту, 1797), ея поборникомъ и другомъ, твердымъ щитомъ и сподвижникомъ. Державинъ такъ и понималъ свое призваніе. Какъ поэтъ, онъ съ улыбкой говорилъ царямъ истину, въ шуткахъ возвѣщалъ правду, превозносилъ добродѣтели Фелицы. Проф. Шевыревъ справедливо сказалъ, что въ поэзіи Державина выражается „идея правды". Гимномъ къ правдѣ (или правосудію), безъ которой рушатся царства, служитъ „Введеніе Соломона въ судилище" (1798), сочиненное по слу-

чаю введенія императоромъ Павломъ великаго князя Александра въ присутствіе сената. И всѣ другія стихотворенія Державина проникнуты этою идеей; онъ постоянно учитъ одному и тому же: что лишь истина даетъ вѣнцы; что лишь праведника (человѣка, шедшаго стезею правды) святъ кумиръ; что великіе міра тогда только велики, когда любятъ правду, и настолько велики, насколько любятъ правду. Въ „Водопадѣ“ (1791) и „Памятникѣ герою“ (1791) начертавъ идеалъ правдиваго, честнаго мужа, рачителя общей пользы, котораго обелискъ крѣпокъ добродѣтелью, котораго сокровища — спокойный духъ и чистая совѣсть, для котораго долгъ — царь, а правда — богъ. Поэтъ и самъ стремится достигнуть идеальнаго совершенства („Мой истуканъ“, 1794):

Хочу я *человѣкомъ* быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь *правда* научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По *добродѣтели* священной.

Умъ и сердце человѣка были геніемъ Державина („Признаніе“, 1808). Вдохновляемый ими, онъ любилъ указывать человѣку существенные предметы его природы. Это указаніе составляетъ моральный элементъ его пѣсенъ, въ которыхъ, говоря словами Мерзлякова, смѣло и открыто гремитъ сильный голосъ правды, почему критика имѣла основаніе „нравственно-философическія“ оды почитать лучшими произведеніями Державина. Изъ одного примѣчанія къ одѣ: „На умѣренность“ (1792) видно, что лирикъ нашъ любилъ соединять поэзію съ нравоученіемъ. „Эпистола И. И. Шувалову“ (1777) прямо говоритъ о пользѣ наставленій въ стихотворствѣ:

Согласіе стиховъ безъ истины — Цирцея.
Божественный языкъ на похвалу людямъ,
Безъ наставленья имъ, есть вредный опміамъ.

Въ Запискахъ своихъ Державинъ замѣчаетъ, что духъ его всегда былъ склоненъ къ морали. Дѣйствительно, мораль видна

въ самыхъ первыхъ его стихотвореніяхъ („Всемилъ", 1770, и „Нинѣ", 1770). Поэзія, высшій даръ боговъ, должна быть обращена „не къ тлѣнной похвалѣ человѣковъ, а къ поученью ихъ путей" („Видѣніе мурзы", 1783). „Разсужденіе о лирической поэзіи" развиваетъ мысль полнѣе: „поэзія есть языкъ боговъ, голосъ истины, лирикъ — герольдъ неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходитъ; но правда пребываетъ и пребудетъ вовѣки. Посему-то, думаю я, болѣе, а не почему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ, а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія". Эти правила заставляютъ Державина искать счастія въ себѣ самомъ, а не въ коловратномъ свѣтѣ, цѣнить болѣе всего миръ совѣсти и тишину доброй жизни: „Блаженъ, кто доволенъ

Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ.

Дѣла и страсти прошлыхъ вѣковъ, изображаемыя исторіею, дѣла и страсти настоящаго времени, извѣданныя поэтомъ въ жизни придворной и столичной, даютъ ему сильнѣе чувствовать блаженство того, кто, „почивъ въ тихомъ заливѣ совѣсти,

Ума на якорѣ глубокомъ
Сталъ въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
На суету мірскую зритъ".

„Жизнь Званская" (1807), изображая идеалъ счастія, всегда носившійся въ душѣ поэта, проникнута элегическимъ чувствомъ, свойственнымъ опытному мужу, который, окончивъ службу и оканчивая поэтическое поприще, удалился въ уединеніе:

„Все суета суетъ!" я, воздыхая, мню;
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
„О, коль прекрасенъ міръ! Что жъ духъ мой бременю?
Творцомъ содержится вселенна...

Да будетъ на землѣ и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего,
И строится моя Имъ доля...

Онъ корни помысловъ, Онъ зритъ полетъ всѣхъ мечтъ
И поглумляется безумству человѣковъ;
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ, и грядущихъ вѣковъ".

Пріятности жизни и правила любомудрія, которыми, по словамъ Державина, блещутъ Гораціевы оды, были любимыми темами и нашего поэта, почему нравственно-философическія его стихотворенія назывались „горацiанскими". Даже сочетаніе двухъ тоновъ, важнаго и шутливаго, Мерзляковъ почиталъ свойствомъ римскаго сатирика. Державинъ часто подражалъ ему или переводилъ изъ него („Памятникъ", „Капнисту", „Похвала сельской жизни", „Лебедь", „Пирръ", „Весна" и многія другія пьесы). Въ посланіи „Рѣшемыслу" (1783) онъ называетъ свою музу „подругою Флакка". „Средь музъ съ Гораціемъ пою", говоритъ онъ въ одѣ: „На умѣренность" (1792). Та же ода прославляетъ завидное состояніе человѣка, выбравшаго златую средину, не восхищаемаго мечтаніемъ благъ и не ужасаемаго тьмою бѣдъ. Средняя стезя — самый надежный путь, средственная доля — самый счастливый удѣлъ. Устроить жизнь къ покою, не гоняясь за преходящимъ или ложнымъ счастіемъ, вкушать только тѣ удовольствія, которыя не ведутъ за собою раскаянья: вотъ постоянные совѣты его горацiанской философіи. Эта философія вовсе не пасмурна: она любитъ веселье и даже не прочь отъ эпикуреизма. „Часы веселья — кратки, а минуты скуки — цѣлый вѣкъ" („Стейнбоку", 1806): что же изъ этого слѣдуетъ? надобно умножить число веселыхъ часовъ и уменьшить число скучныхъ минутъ; надобно, если есть возможность, безпрерывно веселиться. Въ посланіи „Къ первому сосѣду" (1780) поэтъ приглашаетъ его пить, ѣсть и веселиться,

Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя...
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

„Живи и жить давай другимъ": такъ начинается ода на ро-

ждение царицы Гремиславы, т.-е. Екатерины (1796). Она посвящена Л. А. Нарышкину, известному остроумцу и весельчаку. Державинъ видитъ въ немъ истинно-счастливаго человѣка:

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился, какъ дитя?
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ,
Всегда жилъ весело, пріятно
И не гонялся за мечтой;
Жалѣлъ о тѣхъ, кто жилъ развратно,
Плясалъ и самъ подъ тонъ чужой:
Хвалю тебя, — ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ.

По отношенію къ эпикурейскому взгляду на жизнь замѣчательно стихотвореніе: „Аристиппова баня" (1811). Здѣсь изложено моральное ученіе Сократова ученика, Аристиппа, котораго главное правило состояло въ томъ, что человѣкъ долженъ владѣть удовольствіями, но что удовольствія не должны владѣть имъ. Кто, услаждая чувства, услаждаетъ съ ними и духъ, тотъ истинно мудръ и счастливъ. Пользованіе благами природы законно; беззаконенъ только излишекъ пользованія:

Жизнь мудраго — жизнь наслажденья
Всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ.
Не спать въ свой вѣкъ, — и съ попеченья
Не чахнуть, коль богатства нѣтъ;
Знать малымъ пробавляться скромно;
Жить съ беззаконными законно;
Чтить доблесть, не любить порокъ;
Со всѣми и всегда ужиться,
Но только съ добрыми дружиться:
Вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Изъ той же мысли, что „человѣкъ родится для жизни и что веселье — его стихія", вытекло сочувствіе Державина къ Анакреону, пѣвцу земныхъ радостей. Цѣлый отдѣлъ его стихотвореній названъ „Анакреонтическими пѣснями", которыя были

изданы отдѣльной книжкой (1804). Названіе не совсѣмъ точное, такъ какъ между ними есть подражанія Соломону („Пѣснь пѣсней"), Сафо, Платону, Діонисію Сиракузскому, Горацію, Петраркѣ. Все, что выходило изъ героическаго, нравственно-философическаго или сатирическаго тона, что выражало безпечное воззрѣніе на міръ и похвалу удовольствіямъ, или что по формѣ своей было небольшою, легкою пьесою, то Державинъ относилъ къ „золотымъ пѣснямъ Леля" (такъ называлъ онъ подражанія Анакреону). Въ числѣ ихъ помѣщена и ода „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока". Ясно, что, кромѣ „приличности содержанія", которымъ служитъ особое понятіе о жизни, авторъ принималъ въ расчетъ и внѣшнія отличія стихотвореній, особенно „легкій слогъ". Не зная греческаго языка, онъ пользовался нѣмецкими переложеніями Анакреона, а также и русскимъ его переводомъ Н. Львова (1794). Со времени изданія этого перевода начинаются собственно анакреонтическія пѣсни Державина. Число ихъ увеличивается въ 1797 г., когда на престолѣ уже не было Фелицы, когда „Задунайскій кончилъ свой вѣкъ, а Суворовъ скрылся тьмою (т.-е. жилъ въ деревнѣ), какъ неславный человѣкъ". Переладимъ же струны, говоритъ поэтъ; откажемся пѣть героевъ и начнемъ пѣть любовь („Къ лирѣ", 1797). Къ затишью героическихъ дѣлъ присоединились непріятности по службѣ. Если міръ не жалуетъ тѣхъ, кто идетъ прямою стезей, то нѣтъ надобности предаваться суетѣ и нести бремя должностей („Къ самому себѣ", 1795):

Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій богъ Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть, и пить, и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.

И вотъ Державинъ идетъ по слѣдамъ „тіискаго пѣвца", онъ хочетъ забавлять свѣтъ и мѣняетъ лиру на балалайку; Пиндомъ его будетъ Званка („Тишина", 1801). Чѣмъ же „тіискій пѣвецъ" нравился нашему поэту? Тѣмъ, что онъ чинамъ и богатству предпочиталъ свободу, покой и любовь. „Вѣнецъ безсмертія" (1802), пріобрѣтенный Анакреономъ, увѣнчаетъ и его подражателя: онъ сплетется русскими красавицами.

которыя будуть слушать пѣсни любви у камелька, въ морозъ. На другой годъ по выходѣ изъ службы (1803) Державинъ издалъ анакреонтическія стихотворенія. Въ предисловіи къ нимъ, между прочимъ, сказано: „Въ Аѳинахъ запрещалось упражняться въ издѣвочныхъ сочиненіяхъ только ареопагитамъ; но какъ я уже свободенъ отъ должности, то и осмѣлился предать ихъ тисненію“. Здѣсь же объяснены и другія побужденія, заставившія русскаго стихотворца подражать Анакреону, независимо отъ сочувствія къ тому взгляду на жизнь, выраженіемъ котораго служили пѣсни греческаго поэта. „По любви къ отечественному слову“, говоритъ Державинъ, „желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятся. Доказательствомъ его изобилія и мягкости служатъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ буквы *р* совсѣмъ не употреблено“ („Анакреонъ въ собраніи“, „Желаніе“ и др.). *Галаховъ.*

Виды Державинской оды.

Лирическія творенія Державина представляютъ намъ образцы во всѣхъ трехъ видахъ оды: религіозной, героической и философской. Изъ гимновъ Державина, по общему сознанію, единственная, превосходнѣйшая ода — „Богъ“. Дѣйствительно, она прекрасна, исполнена разнообразныхъ высокихъ мыслей; ходъ ея правильный, простой, естественный; въ ней всѣ достоинства возвышенной, вдохновенной поэзіи. Упрекаютъ поэта только въ томъ, что онъ, воспѣвая свойства предвѣчнаго Существа, слишкомъ много говоритъ о предметахъ метафизическихъ — пространствѣ, вѣчности довременной. Казалось бы, главнѣйшимъ предметомъ поэта, воспѣвающаго Бога, должны быть качества, самою природою указанныя: всемогущество, премудрость, благость; они понятны по отношенію къ намъ самимъ — близки къ сердцу человѣка. Лучшія строфы въ этомъ гимнѣ:

А я передъ Тобой — ничто.
Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,

Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь — конечно есть и Ты.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Твоей то̀ правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну проходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.

Въ другомъ родѣ прекрасенъ гимнъ „Кротость“, обращенный къ августѣйшему лицу государя императора. Сюда же принадлежитъ „Гимнъ солнцу“ и стихи „На безсмертіе души“, въ которыхъ поэтъ нѣсколько уклонился отъ способа поэтическаго въ утонченныя размышленія. Съ какимъ умиленіемъ читаетъ каждый русскій слѣдующее пророческое стихотвореніе:

Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ небесъ
Прими и веселися,
Сугубымъ блескомъ освѣтися!
Се нынѣ духъ Господень
На острова сошелъ
Прекрасенъ, благороденъ,

И какъ заря расцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучами.
Дитя равняется съ царями!
Родителямъ по крови
По сану — исполинъ,
По благости — любовь,
Полсвѣта властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатеринѣ равенъ!

Наблюдая ходъ и расположеніе въ твореніяхъ Державина, встрѣчаемъ неровность тона почти вездѣ и порядокъ, рѣдко опредѣленный въ отношеніи къ цѣлому. Отчего это происходитъ? Оттого, что онъ болѣе увлекается воображеніемъ, какъ господствующею способностью, нежели чувствомъ. Стихотворенія его оправдываютъ и другое замѣчаніе наше — онъ не былъ напитанъ нужнѣйшими правилами искусства. Живое, богатое его воображеніе воспламенялось при первомъ взглядѣ на предметъ; первая его минута была драгоцѣнна, и если она неудачна, онъ не дѣлалъ себѣ не малѣйшаго принужденія.

Лучшія оды героическія Державина „Къ Калліопѣ“ — вся въ очаровательныхъ картинахъ; „На Шведскій міръ“, — дышащая любовью ко благу человѣчества; „На взятіе Измаила“ — богатая разительными изображеніями, сильнымъ выраженіемъ, къ сожалѣнію растянутая и неровная въ своемъ ходѣ. За этими одами слѣдуетъ живописная ода *Осень при Очаковѣ*, „На взятіе Варшавы“ и „На пріобрѣтеніе Крыма“, — всѣ исполненныя быстрыхъ переходовъ.

Самое драгоцѣнное, нетлѣнное сокровище нашей поэзіи, безъ сомнѣнія, составляютъ философскія оды Державина. Это собственный родъ нашего безсмертнаго поэта. Сила, благородство, возвышенныя чувствованія — все отличаетъ его здѣсь предъ другими пѣснопѣвцами. Самый слогъ въ этихъ одахъ болѣе правиленъ, ровенъ и выдержанъ. Достаточно указать на „Изображеніе Фелицы“, „Видѣніе Мурзы“, „На смерть Мещерскаго“, „Вельможу“, „Водопадъ“, чтобы убѣдительно доказать, что нашъ поэтъ не подражатель Горація, а соперникъ его сильный и блистательный.

Ода на возвращеніе графа Зубова изъ Персіи - есть перлъ въ сокровищахъ изящнаго. Здѣсь Державинъ поэтически раз-

виваетъ простую мысль: истинное счастье состоитъ въ спокойствіи души. Изобразивъ въ картинахъ различные пути жизни, по которымъ люди ищутъ счастья, поэтъ говоритъ, что оно въ спокойствіи духа. Герой, къ которому относится эта ода, служитъ краснорѣчивѣйшимъ этому доказательствомъ. Какъ живописецъ, Державинъ съ неподражаемымъ искусствомъ описываетъ Кавказъ со всѣми его ужасами и прелестями, вспоминаетъ герою его подвиги воинскіе, славу, его вѣнчавшую, и, наконецъ, перемѣну судьбы въ настоящее время, когда сіяніе вокругъ померкло, и онъ остался одинъ съ своимъ великодушіемъ и мудростію. Восхваливъ въ героѣ своемъ величіе духа, онъ указываетъ ему на Суворова, и въ ясный день и въ бури всегда великаго. Тутъ возвращается къ главной мысли — быть мужественнымъ на пути къ счастью. Во всей одѣ ходъ ровный, отступленіе одно, весьма естественное, описаніе Кавказа; порывъ одинъ — внезапный переходъ къ Суворову.

Давыдовъ.

Ода „Богъ" Державина.

Въ вѣкъ Державина духовная поэзія была въ большомъ ходу по всей Европѣ. Почти у каждаго поэта XVIII-го столѣтія можно найти одно или нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ прославленію Бога. Даже Вольтеръ написалъ въ молодости оду Le vrai Dieu. Этому направленію послѣдовали и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова и Сумарокова. Съ тѣхъ поръ, какъ Державинъ сталъ участвовать въ журналахъ, на страницахъ ихъ нерѣдко являлись стихи подобнаго содержанія. Такъ въ *Утреннемъ свѣтѣ* напечатана была чья-то ода *Богъ;* въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* — *Стансы Богу*, Княжнина, перепечатанные потомъ въ *Собесѣдникѣ;* въ *Вечерней Зарѣ* — *Пѣснь Всемогущему;* въ *Академическихъ Извѣстіяхъ* — оригинальная ода *Вѣчность*. Сверхъ того являлись и прозаическіе переводы подобныхъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ; напр., въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* Брайко перевелъ такимъ образомъ *Вѣчность* Галлера, а въ *Утреннемъ Свѣтѣ* Прянишниковъ — французское сочиненіе *О величіи Божіемъ*. Въ этомъ же журналѣ помѣщались переводы въ прозѣ изъ Юнговыхъ *Ночей*.

Нѣмецкіе поэты, которыхъ читалъ Державинъ, именно: Галлеръ, Гагедорнъ, Геллертъ, Клейстъ, Мендельсонъ и особенно

Клопштокъ, богаты подобными стихотвореніями: у Гагедорна мы находимъ *Размышленія о нѣкоторыхъ свойствахъ Божіихъ*, у Геллерта — *Похвалу Творцу*, у Клейста — *Гимнъ Богу* и рапсодію *Похвала Божеству*, у Мендельсона — *Во славу Божію* и пр.

Естественно, что Державинъ, увлекаемый общимъ направленіемъ, пытался создать что-нибудь замѣчательное въ томъ же родѣ.

Оду *Богъ* началъ онъ еще въ 1870 году по возвращеніи отъ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенія; но должностныя занятія и столичныя развлеченія долго не давали ему кончить ее. Наконецъ, весною 1784 г., онъ, оставивъ службу по неудовольствіямъ съ княземъ Вяземскимъ, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ давно занимавшую его оду. Она явилась въ XIII ч. *Собесѣдника*; впослѣдствіи эта ода была напечатана отдѣльно.

Изъ всѣхъ стихотвореній этого рода ни одно нигдѣ не имѣло такого шумнаго успѣха, какъ ода *Богъ*. Она пріобрѣла европейскую извѣстность и переведена на языки: нѣмецкій, французскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій.

Послѣ оды *Богъ* явилось у насъ въ разное время много другихъ стихотвореній на тотъ же предметъ, какъ-то: *Гимнъ Богу* Дмитріева, *Пѣснь Божеству* Карамзина, *Пѣснь Высочайшему Существу* В. Пр., *Пѣснь Богу* Вл. Измайлова, *Гимнъ Непостижимому* Мерзлякова, *Гимнъ* Жуковскаго (изъ Томсона), ода *Богъ* Пнина, *Гимнъ Богу* Передникова, *Гимнъ Богу* А. Глаголева, и пр. Графъ Хвостовъ также сочинилъ оду *Богъ*.

Ода *Богъ* представляетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ предшествовавшими ей въ иностранныхъ литературахъ произведеніями того же содержанія.

Сравненіе оды Державина съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться на однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того, въ частностяхъ ода Богъ представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ, особливо изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя такъ называемыя реминисценціи, большею частью, безсознательны, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэ-

товъ и не могутъ почитаться заимствованіями. Нѣкоторыя произведенія германской литературы были знакомы Державину не только въ подлинникахъ, но и въ русскихъ переводахъ. Такъ *Вѣчность* Галлера, переведенная въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1778 г., до такой степени обращала на себя вниманіе нашего поэта, что онъ, какъ видно изъ его рукописей, самъ пытался перевести ее стихами.

Безпристрастная критика не можетъ не признать за этой одой неотъемлемыхъ достоинствъ: кромѣ блестящихъ картинъ природы и возвышенныхъ мыслей, она замѣчательна лирическимъ воодушевленіемъ и искренностью, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ большей части произведеній этого рода на другихъ языкахъ. Въ ней ничего нѣтъ лишняго: поэтъ прямо стремится къ своей цѣли, и поэтому эта ода поражаетъ быстротою движенія, страстію и выдержанностью, чего именно недостаетъ стихотвореніямъ того же рода. *Гротъ.*

Весь составъ сей оды можно разложить на три слѣдующія основныя мысли: а) поэтъ-философъ, обращаясь къ своему предмету, излагаетъ свойства Божества и воспѣваетъ непостижимое Его величіе; в) доказываетъ бытіе Божіе изъ разсматриванія міра и въ особенности человѣка, живописуя вмѣстѣ ничтожность и величіе сего послѣдняго; с) наконецъ, изливаетъ передъ Богомъ свою душу въ чувствѣ благоговѣйнаго умиленія и благодарныхъ слезъ.

Теперь посмотримъ, какъ поэтъ простыя истины холоднаго разума животворитъ небеснымъ огнемъ, полагаетъ на нихъ печать высшаго свѣта и силою творческой фантазіи облекаетъ оныя въ языкъ поэзіи, въ сію прелестную одежду истины.

Когда все, такъ сказать, существо поэта преисполнилось жаромъ вдохновенія; когда душа вознеслась къ небесамъ, умъ погрузился въ созерцаніе, воображеніе воспламенилось, чувство расширилось, и когда онъ забылъ все и какъ бы самого себя, тогда всего естественнѣе онъ долженъ былъ обратиться къ Божеству, какъ единственному предмету, проникнувшему его душу. Ему некогда было обращать свое вниманіе на что-нибудь земное: въ самомъ небѣ — онъ хочетъ созерцать только Бога. Ибо таково свойство истинной страсти и растроганнаго воображенія: они въ своемъ полетѣ пробѣгаютъ

мимо все постороннее и прямо устремляются къ своей цѣли. Посему-то поэтъ начинаетъ:

„О Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ — въ трехъ лицахъ Божества".

Какое завлекательное начало! какой сильный восторгъ! какое пареніе! какою смѣлою кистію изображаетъ поэтъ безпредѣльность Бога, переливая, такъ сказать, вѣчную, непостижимую жизнь Его въ предѣлы пространства, въ движеніе самаго вещества.

„Живый въ движеньи вещества!"

Но сего мало: поэтъ проникнулъ, такъ сказать, во внутреннее святилище Божества, изложивъ въ одномъ стихѣ сущность откровеннаго ученія о Троицѣ, по которому христіанскій міръ исповѣдуетъ Бога единымъ по существу, но троичнымъ въ лицахъ:

„Безъ лицъ*) — въ трехъ лицахъ Божества!"

Слѣдуя далѣе за пареніемъ поэта, мы будемъ восхищены, даже ослѣплены блескомъ лучей философіи и поэзіи; онъ продолжаетъ:

„Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!"

Хотя въ стихѣ:

„Кто все собою наполняетъ"

выраженіе — *собою наполняетъ* — едва ли можно согласить мыслію: *Кому нѣтъ мѣста* (ибо слово *наполнять* прилагается обыкновенно къ вещамъ, существующимъ въ простран-

---

*) Поэтъ безъ сомнѣнія подъ словомъ: безъ лицъ — разумѣлъ и хотѣлъ сказать: Единъ въ трехъ лицахъ Божества, — иначе будетъ противорѣчіе въ мысли.

ствѣ и наполняющимъ собою пространство); однако плавность, легкость и звучность сихъ стиховъ удивительны, особенно потому, что здѣсь идетъ рѣчь о предметахъ глубокой метафизики; послѣдній стихъ —

„Кого мы называемъ Богъ!“ —

въ связи съ предыдущими, заключаетъ въ себѣ глубокую мысль и чувство, сколь ни представляется обыкновеннымъ съ перваго взгляда. Поэтъ въ восторгѣ благоговѣнія къ Божеству хотѣлъ, кажется, приступить къ самому престолу Его величества; но видя, что Оно недоступно ограниченному земному оку, изъ области безконечнаго, куда вознеслась его мысль, съ быстротою той же мысли вдругъ низлетаетъ въ область ограниченнаго, и чувствуя, что мысль человѣческая не досягаетъ до желаемой ему высоты, изъ пророка дѣлается, такъ сказать, младенцемъ, и однимъ словомъ: Богъ, сколько для всѣхъ понятнымъ, столько же неопредѣленно выражающимъ неопредѣленное и непостижимое, замыкаетъ всю полноту мыслей о свойствахъ Божества, которыя хотѣлъ бы онъ разлить подобно рѣкѣ или морю, которыя изсякаютъ отъ лучей славы и величія Божія. Посему поэтъ продолжаетъ:

„Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ“.

Какъ вѣрно, какъ естественно въ двухъ стихахъ схвачены черты высокаго ума человѣческаго! въ самомъ дѣлѣ, какой былъ бы высокій умъ, который могъ бы

„Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ!“

Но сколь ни неизмѣрима глубина океана, сколь ни безчисленны песчинки песка на берегу моря и лучи свѣта, разливаемаго планетами, все это пѣвецъ почитаетъ нѣкоторымъ образомъ измѣримымъ, исчислимымъ; совершенствамъ единаго Бога нѣтъ числа и мѣры:

„Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!“

Отъ ума человѣческаго поэтъ восходитъ къ высочайшимъ

разумнымъ существамъ, къ безплотнымъ силамъ, окружающимъ престолъ Царя небеснаго, и съ трепетомъ и любовію готовымъ всюду летѣть по Его мановенію, для исполненія Его всемогущихъ и благихъ повелѣній:

„Не могутъ духи просвѣщенны,
Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ“.

Такъ высоко и божественно происхожденіе сихъ духовъ! они рождены отъ свѣта Божія; ихъ око вѣчно обращено къ созерцанію славы и величества Божія; но и они не могутъ изслѣдовать судебъ Іеговы.

Такимъ образомъ, не найдя ни на землѣ, ни на небѣ ни одного созданія, которое могло бы постигнуть Бога, пѣвецъ восклицаетъ:

„Лишь мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ“.

Сомнѣваюсь, можетъ ли быть сравненіе выше и прекраснѣе сего. Ибо, что значитъ одинъ мигъ въ сравненіи съ вѣчностію, въ которой тонутъ безчисленные вѣка?

За симъ поэтъ живописуетъ самобытность Божества въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ.

„Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ самомъ Ты основалъ;
Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ!
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!“

Въ сей строфѣ первые семь стиховъ особенно замѣтны по живости, изобрѣтательности, счастливому обороту и глубинѣ мыслей. Вѣчность представляетъ поэтъ собраніемъ безднъ, въ глубинѣ коихъ сокрывался зародышъ довременной бытности

хаоса, а основаніе самой вѣчности полагаетъ въ лонѣ того же Божества.

„Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность прежде вѣкъ рожденну
Въ Себѣ самомъ Ты основалъ“.

Сіи и три слѣдующія стиха:

„Себя Собою составляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ!“

суть драгоцѣнные алмазы въ вѣнцѣ оды; но два послѣдніе стиха:

„Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ“,

едва ли отвѣчаютъ быстротѣ, силѣ и пламенности генія. Кромѣ нѣкоторой вялости языка, стихъ:

„Въ твореньи простираясь новомъ“, —

теменъ, и не видно, что сочинитель разумѣетъ подъ новымъ твореніемъ: постепенность ли шестидневнаго созданія міра, или Провидѣніе Божіе, которое философы называютъ непрерывнымъ твореніемъ.

Изобразивъ безначальность и безконечность Божества, поэтъ раскрываетъ и тѣ Его свойства, которые имѣютъ отношеніе къ міру.

„Ты цѣпь существъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь“.

Въ послѣднемъ стихѣ глаголъ *даришь* употребленъ не у мѣста, и едва ли выражаетъ отношеніе между понятіями о жизни и смерти. Жизнь есть высочайшее благо, а смерть — высочайшее зло, по обыкновенному объ ней понятію. По сему спрашивается: можно ли дарить или вознаграждать жизнь смертію, и кто бы захотѣлъ желать такого дара или вознагражденія, принимая слово смерть въ собственномъ его смыслѣ? Поэтъ

могъ бы выразить свою мысль правильнѣе и естественнѣе, замѣнивъ глаголъ *даришь* глаголомъ *вершишь* или какимъ-нибудь другимъ. Если же онъ непремѣнно хотѣлъ удержать глаголъ *даришь*, то гораздо естественнѣе могъ бы дать своей мысли слѣдующій оборотъ:

„И смерть безсмертіемъ даришь".

Кромѣ того въ стихѣ:

„Ее содержишь и живишь",

часто повторяемое созвучіе слоговъ — зритъ, зри, вишь, непріятно для уха. Но сіи замѣченные недостатки совершенно искупаются красотами мыслей и языка въ слѣдующихъ стихахъ.

„Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой".

Здѣсь геній поэта является во всемъ своемъ блескѣ. Смѣло можно сказать, что въ сихъ стихахъ сколько словъ, столько высокихъ мыслей и красотъ поэзія. Сравненіе рождающихся солнцъ съ сыплющимися искрами, и звѣздъ — съ сверкающими. зыблющими пылинками инея въ мразный зимній день очаровательно по своей новости, оригинальности, изобрѣтательности воображенія. — Сколько мыслей сокрыто въ сихъ двухъ сравненіяхъ! какое должно быть необъятное пространство, какой неизмѣримый океанъ свѣта тамъ, гдѣ родились и разсыпались оныя солнцы въ безчисленномъ множествѣ искръ! какъ высокъ престолъ Создателя! звѣзды въ безднахъ подъ нимъ

...сверкаютъ,
„Вратятся, зыблются, сіяютъ,

и едва примѣтно. подобно пылинкамъ зимняго инея; и ежели сіи послѣднія въ мразные зимніе дни представляютъ собою прелестную и величественную для насъ картину, то какой долженъ быть видъ отъ рождающихся и сыплющихся солнцъ, отъ сверкающихъ, вратящихся, зыблющихся и сіяющихъ звѣздъ!

Вмѣстѣ съ тѣмъ какая живость, благородство, роскошь и возвышенность поэтическаго языка въ сихъ стихахъ! кажется, будто видишь въ самомъ дѣлѣ рожденіе, круговращеніе и сіяніе сихъ звѣздъ и солнцъ; кажется, будто слышишь съ Пиѳагоромъ небесную музыку отъ ихъ круговращенія. Но довольно! высокая красота сихъ стиховъ невыразима, и поэтъ, по моему мнѣнію, превзошелъ здѣсь самъ себя.

Высокая красота предыдущихъ стиховъ разливается и на слѣдующую строфу, гдѣ поэтъ продолжаетъ описывать небесныя свѣтила:

„Свѣтилъ возженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ".

Здѣсь пиитическое чувство и теченіе самаго языка становится нѣсколько тише, медленнѣе; и это весьма естественно. Медленность чувства и языка какъ бы соразмѣрена потомъ съ безчисленными отношеніями движущихся небесныхъ тѣлъ, изъ коихъ одно другимъ болѣе или менѣе удерживается въ быстромъ своемъ теченіи силою притяженія. Послѣдніе два стиха:

„Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ",

пріобрѣтаютъ новую прелесть и живость отъ того, что поэтъ вливаетъ въ оныя свѣтила нѣкоторое *чувство* жизни, по которому они *творятъ законы Творца* и

„Лучи животворящи льютъ".

Прилагательное *животворящи* здѣсь весьма много способствуютъ живости и плавности стиховъ. Но въ слѣдующихъ стихахъ живость чувства, полетъ воображенія и быстрота языка опять примѣтнымъ образомъ постепенно возрастаютъ. Поэтъ, обращаясь къ Богу, созерцаетъ небесные міры по отношенію ихъ къ непостижимому Его величеству; хочетъ показать, сколь малы и ничтожны всѣ сіи міры въ сравненіи съ ихъ Творцомъ; а потому и представляетъ ихъ во всемъ блескѣ и великолѣпіи:

„Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры,
Передъ Тобой какъ нощь предъ днемъ!“
„Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна,
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа милліономъ,
Стократъ другихъ міровъ, — и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будешь точкою одною,
А я передъ Тобой — ничто!“

Сколько здѣсь картинъ! какое неистощимое богатство воображенія, какая естественность и глубина мыслей въ сравненіяхъ, или, лучше, сколько свѣта на одной картинѣ міровъ безпредѣльныхъ! Небеса, освѣщенные безчисленнымъ множествомъ огненныхъ лампадъ и свѣтлѣющіе какъ кристалъ покоящагося моря; сонмы кипящихъ золотыхъ волнъ, горящіе эѳиры, и всѣ вмѣстѣ взятые свѣтящіеся міры, — какая неприступная свѣтлость! но какъ она темна передъ свѣтомъ Божіимъ! это ночь предъ днемъ. Неизмѣримость всѣхъ возможныхъ небесныхъ міровъ, въ сравненіи съ Богомъ, то же, что капля въ морѣ или одна точка на безпредѣльности неизмѣримаго пространства.

Сія картина яркостію цвѣтовъ и смѣлостію поэтической кисти много сходствуетъ съ поэтическою картиною безсмертнаго Ломоносова, который, изображая величество Божіе, говоритъ:

„Тамъ огненны валы стремятся,
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ“.

Не принимая на себя смѣлости рѣшить вопросъ: кому изъ

сихъ двухъ геніевъ преимущественно принадлежитъ лавръ поэзіи, осмѣливаюсь сказать, что творецъ разбираемой оды, кажется, имѣлъ въ виду приведенную картину Ломоносова и, можетъ быть, подражалъ ему. Если и такъ, то подражаніе не только весьма достойно подлинника, но и превосходнѣе онаго по разнообразію, живости и роскоши описанія.

Отъ величества Божія, усматриваемаго во вселенной и отъ ея ничтожества въ сравненіи съ Творцомъ неба и земли, поэтъ переходитъ къ человѣку — къ самому себѣ.

Нѣкто изъ великихъ умовъ сказалъ: „стоя у столѣтняго высокаго дуба, человѣку нельзя не ощущать своего ничтожества“. Если такъ, то, что̀ долженъ человѣкъ подумать о себѣ, сравнивъ себя съ безпредѣльностію всей вселенной? и если всѣ небесные міры и милліоны другихъ возможныхъ міровъ въ сравненіи съ ихъ Творцомъ то же, что ночь предъ днемъ или капля въ морѣ; то что̀ будетъ значить человѣкъ, сіе слабое созданіе и чадо праха? конечно менѣе, нежели капля въ морѣ — ничто!

„А я передъ Тобой — ничто!“

Сказавъ, что человѣкъ въ сравненіи съ Богомъ значитъ менѣе, нежели капля въ морѣ — ничто, — поэтъ изъ праха ничтожества вдругъ опять возносится къ престолу не столько уже величества, сколько благости Божіей, и симъ неожиданнымъ оборотомъ мысли и чувства, потрясая душу, изумляетъ и восхищаетъ.

Осудивъ, такъ сказать, человѣка на ничтожество, поэтъ вдругъ усматриваетъ въ немъ какъ бы непримѣтные дотолѣ лучи божественной доброты, и изъ ничего, такъ сказать, творитъ все, разливая высокое понятіе о человѣкѣ. Какое радостное чувство возбуждаетъ въ душѣ сей внезапный оборотъ мысли и слѣдующіе прекрасные стихи:

„Ничто! — но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ Солнце въ малой каплѣ водъ;
Ничто! — но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты.

Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь, — конечно, есть и Ты!"

Человѣкъ вдругъ является здѣсь во всей своей первородной красотѣ и величіи; на немъ горитъ нѣкій божественный лучъ, сіяетъ печать образа Божія; сынъ праха — вдругъ представляется чадомъ неба. Но какъ живо, естественно и вмѣстѣ возвышенно выражаетъ поэтъ господствующую мысль, достоинство человѣка! Сравненіе Божества съ солнцемъ, а человѣка — съ малою каплею водъ, въ которой онъ себя изображаетъ, — превосходно. Можно ли изобразить живѣе, естественнѣе и возвышеннѣе отношеніе Бога къ человѣку, непостижимаго первообраза къ Его образу и подобію! Кто не видитъ, что въ семъ сравненіи изображено одно изъ обыкновенныхъ, но вмѣстѣ и дивныхъ явленій природы, со всею поразительною его прелестію и величіемъ! Вмѣстѣ съ симъ кто можетъ изъяснить, какимъ образомъ солнце, сей неистощимый океанъ свѣта, вмѣщаетъ безчисленное множество своихъ лучей, отражаемыхъ въ одной каплѣ воды, и какимъ образомъ одна сія капля служитъ, такъ сказать, вмѣстилищемъ цѣлаго солнца! Явленіе сіе почти безпрестанно намъ встрѣчается; но едва ли кто изъ всѣхъ поэтовъ-философовъ воспользовался онымъ такъ счастливо, какъ разбираемый нами поэтъ-философъ.

Развивая далѣе идею о достоинствѣ человѣка и изображая дѣйствіе безсмертнаго духа человѣческаго, поэтъ продолжаетъ:

„Ничто! — но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты".

Здѣсь поэтъ въ двухъ стихахъ изобразилъ неограниченность желаній души человѣческой — предметъ, достойный всѣхъ красотъ искусства ораторскаго. Какъ сильно и естественно употреблено здѣсь прилагательное *несытый*. Симъ словомъ выражена вся безпредѣльность желаній души.

Можетъ быть, критики замѣтятъ здѣсь нѣкоторую несообразную съ свойствомъ русскаго языка тождественность въ выраженіи: *летать пареньемъ*. Таковая сугубость *выраженія* часто встрѣчается въ еврейскихъ священныхъ книгахъ: тамъ напр. говорится: *желаніемъ возжелѣлъ, смертію умрети, наказуя*

наказа и проч., и восточные писатели обыкновенно выражались такъ для того, чтобы дать болѣе силы извѣстной мысли, или съ таковою сугубостію выраженія соединяли вдругъ двѣ мысли объ одномъ и томъ же предметѣ. Сія сугубость или тождественость выраженія, можетъ быть, не совсѣмъ сообразна съ настоящимъ образованіемъ русскаго языка; но она весьма сообразна съ свойствомъ и духомъ языка славянскаго. Впрочемъ, должно сказать, что Державинъ образовалъ нѣкоторый особенный, его только поэзіи свойственный языкъ, которому доселѣ не находимъ подобнаго; и встрѣчающіяся въ твореніяхъ его уклоненія отъ свойства языка мало у него примѣтны, тогда какъ подобныя уклоненія у другихъ писателей были бы гораздо замѣтнѣе и даже непростительны.

Коснувшись слегка достоинства человѣка, поэтъ изъ собственнаго своего бытія выводитъ и доказываетъ бытіе Божіе и потомъ опять возвращается къ изображенію себя самого и въ лицѣ своемъ человѣка:

> **Тебя душа моя быть чаетъ,**
> **Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:**
> **Я есмь, — конечно, есть и Ты.**

Душа наша есть образъ безконечнаго духа; а потому бытіе ея гораздо ближе и яснѣе указываетъ на бытіе Творца, нежели бытіе всѣхъ прочихъ созданій; напримѣръ: Богъ вездѣсущъ, и душа наша нѣкоторымъ образомъ также вездѣсуща, по крайней мѣрѣ, многоприсуща. Облеченная одеждою тѣла, находящагося въ одномъ извѣстномъ пространствѣ, на одномъ извѣстномъ мѣстѣ, она переносится въ прошедшее, объемлетъ будущее, созерцаетъ настоящее, пробѣгаетъ въ минуту небо и землю, перелетаетъ отъ востока къ западу и мѣряетъ бездны водъ, исчисляетъ лучи планетъ; и когда она, входя сама въ себя, углубляется въ созерцаніе вѣчныхъ истинъ, то, кажется, для нея нѣтъ ни неба, ни земли, ничего сотвореннаго; она довольствуется сама собою и въ глубокомъ созерцаніи сихъ истинъ находитъ для себя пищу, которая всегда ее питаетъ и никогда не насыщаетъ. Сіи чудныя дѣйствія нашей души, столь ясно доказывающія ея безтѣлесность, могутъ ли не возбуждать въ ней ежели не самыя ясныя созерцанія, то, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторыя темныя чувства о бытіи Того, кто на время связалъ ее закономъ тѣлесности, далъ ей вмѣстѣ власть болѣе

или менѣе разрывать связующія ее оковы плоти и изъ тѣсныхъ предѣловъ пространства и времени воспарять къ вѣчному и небесному. Богъ благій и правосудный вселилъ въ нашу душу чувствованія благости и справедливости; внушилъ ей глубокое благоговѣніе къ добродѣтели, котораго самое величайшее забвеніе нашихъ обязанностей заглушить не можетъ. Для чего жъ бы Богъ убралъ нашу душу столь высокими свойствами, если бы отказалъ ей въ утѣшительной и радостной для нея бесѣдѣ съ Самимъ Собою, при созерцаніи столь чудныхъ даровъ, коими Его премудрость и благость благоволила столь щедро ее украсить?

„Тебя душа моя *быть чаетъ*,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ;
Я есмь, — конечно, есть и Ты!

Итакъ, собственное бытіе человѣка есть неоспоримое доказательство бытія Божія. Но поэтъ, недовольный созерцаніемъ одного человѣка, доказываетъ сію истину изъ бытія цѣлаго міра, а потомъ изъ бытія Божія выводитъ достоинство самого человѣка.

Ты есть! — природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то;
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть! и я ужъ не ничто.

Сіи стихи дышатъ нѣкоторою нѣжностію и чувствительностію растроганнаго сердца, и красота ихъ состоитъ въ неожиданномъ оборотѣ и переходѣ мысли. Сказавъ:

„Я есмь, — конечно, есть и Ты!“

Поэтъ вдругъ отъ нѣкотораго темнаго предчувствія бытія Божія переходитъ къ самому ясному созерцанію сей истины:

„Ты есть! — природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есть! и я уже не ничто“.

Что же такое человѣкъ?

„Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества:
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю;
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ!

Сіе описаніе человѣка дышитъ глубокою философіею. Въ немъ развивается мысль древнихъ мудрецовъ, что человѣкъ есть *малый міръ,* или *сокращеніе цѣлаго міра.* Онъ составляетъ среднюю черту и, такъ сказать, *живую* связь между тѣлеснымъ, или видимымъ, и духовнымъ, или невидимымъ, міромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль сія сама въ себѣ весьма возвышенна. Но должно признаться, что поэтъ-философъ въ развитіи оной руководствовался однимъ холоднымъ разумомъ. Здѣсь весьма мало или почти вовсе непримѣтно поэтическаго восторга и огня. Ежели снять съ сихъ стиховъ ихъ наружную оболочку, то-есть, уничтожить размѣръ, стопы, риѳмы, и переложить ихъ въ прозаическую рѣчь, то выйдетъ чистая проза, и мы увидимъ тутъ не пѣвца вдохновеннаго, но холоднаго, хотя и возвышеннаго, философа. Впрочемъ, въ послѣднихъ четырехъ стихахъ лучи поэзіи примѣтнымъ образомъ какъ бы пробиваются и согрѣваютъ хладъ философіи.

Сказавъ, что человѣкъ есть

„Черта начальна Божества“ —

поэтъ снова воспламеняется:

„Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!“

Какая быстрота мысли! какой полетъ воображенія! Отъ праха, въ которомъ тлѣетъ бренное тѣло человѣка, пѣвецъ вдругъ перелетаетъ мыслію въ обитель небесъ и тамъ находитъ престолъ разума человѣческаго, повелѣвающаго громами и

отводящаго разрушительные ихъ перуны помощію простыхъ физическихъ орудій. Такимъ образомъ онъ видитъ въ человѣкѣ царя природы, которому все покорно. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ малъ и ничтоженъ сей царь и повелитель видимаго міра! Онъ связанъ какъ цѣпями — законами собственной своей природы; его слабости, привычки, предубѣжденія, порочныя страсти невольно увлекаетъ его за собою и держатъ, какъ невольника, въ своихъ оковахъ; созданный для неба, онъ часто, какъ червь, пресмыкается въ земномъ прахѣ; самое легкое дыханіе вѣтерка, малѣйшее насѣкомое, малѣйшій атомъ обезображиваютъ, разрушаютъ благородный, дышащій красотою составъ его, и онъ дѣлается, наконецъ, пищею могильнаго червя:

„Я царь, я рабъ, я червь...“

Какое грустное чувство возбуждается въ насъ при чтеніи сего послѣдняго стиха, когда мы видимъ человѣка, царя видимой природы, столь глубоко низвергающагося съ высоты его величія! мы не узнаемъ здѣсь нашей человѣческой природы, и нѣкоторый тайный трепетъ пробѣгаетъ по жиламъ нашимъ; мы теряемъ, такъ сказать, сознаніе о нашей высшей, истинно человѣческой природѣ, и какъ бы погружаемся въ ничтожество. Но одно слово — *я Богъ!* — коимъ заключается оный стихъ, вдругъ какъ бы электрическимъ ударомъ потрясаетъ внутреннее бытіе наше; мы какъ будто просыпаемся отъ глубокаго сна, въ которомъ послѣ мрачныхъ и ужасныхъ привидѣній, явился намъ нѣкоторый свѣтлый, утѣшительный, радостный образъ; мы находимся въ нѣкоторомъ непонятномъ для насъ состояніи и недоумѣваемъ, какимъ образомъ человѣкъ, сей царь, дѣлающійся вдругъ рабомъ и червемъ, въ то же время является Богомъ. Непостижимое превращеніе изъ царя въ раба, изъ червя въ Бога! чудная сила творческаго генія, умѣвшаго такъ быстро и такъ вѣрно изобразить дивную природу человѣка! безпредѣльная лѣствица существъ, которую мысль и воображеніе должны пробѣжать въ одинъ мигъ, чтобы вмѣстѣ съ поэтомъ вознестись отъ червя къ Богу!

„Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!“

Открывъ столь чудныя свойства въ человѣкѣ, въ одно и то же время принимающемъ на себя столько превращеній, поэтъ-

философъ самъ какъ бы приходитъ въ недоумѣніе; какъ будто ищетъ начала его бытія въ себѣ самомъ; ищетъ — и самъ въ себѣ теряется.

„Но будучи я столь чудесенъ,
Откуда происшелъ? — безвѣстенъ;
А самъ собой я быть не могъ“.

Но въ слѣдующей строфѣ недоумѣніе поэта вдругъ исчезаетъ; мракъ, облегавшій его мысли, разсыпается, и новый свѣтъ озаряетъ его; онъ нашелъ источникъ бытія своего — въ Богѣ:

„Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ безсмертіе твое!

Сей новый неожиданный оборотъ мысли сильно трогаетъ душу. Это внезапный переходъ отъ тьмы къ свѣту, отъ невѣдѣнія къ ясному, утѣшительному созерцанію. Кромѣ того, вся сія строфа дышитъ какимъ-то нѣжнымъ чувствомъ религіозной любви, кротости и умиленія. Въ глубокомъ чувствѣ смиреннаго благоговѣнія, признавая себя созданіемъ творческой десницы, поэтъ обращается къ Богу, источнику своего бытія, исповѣдуетъ правоту судебъ Божіихъ и, какъ сынъ предъ нѣжнымъ отцомъ, изливаетъ чувство покорнаго сердца.

„Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе!“

Какая высокая и вмѣстѣ свѣжая картина по новости красокъ! земное, смертное бытіе человѣка представляетъ поэтъ - живописецъ безднoю, которую необходимо долженъ пройти духъ его, чтобы возлетѣть къ своему началу, въ обитель вѣчнаго свѣта жизни; онъ долженъ облещись тлѣніемъ земной персти, чтобы путемъ смерти возвратиться въ первобытное безсмертіе:

„Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе твое!“

Какое гармоническое сліяніе свѣта и тѣни въ сей картинѣ! Она живо представляетъ борьбу смерти съ безсмертіемъ; и мы видимъ въ ней радостное торжество послѣдняго надъ первою.

Въ слѣдующей и послѣдней строфѣ голосъ пѣвца примѣтно показываетъ, что онъ хочетъ замолчать и положить свою лиру.

„Неизъяснимый, Непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей.
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться,
И благодарны слезы лить!“

Вотъ самое естественное заключеніе, къ которому нельзя ничего прибавить! Предположимъ, что поэтъ продолжилъ бы еще свою пѣснь хотя въ весьма немногихъ звукахъ и увеличилъ бы свою оду хотя одной строфой; тогда онъ много погрѣшилъ бы противъ правилъ искусства и собственнаго своего чувства. Сею именно строфою надлежало ему заключить свою оду, или — если бы она распространена была еще въ нѣсколькихъ строфахъ, то непремѣнно должна бы она была заключиться сею же строфою; ибо тамъ, гдѣ текутъ и говорятъ слезы, уже нечего ждать болѣе.

(Изъ Вѣстника Европы 1812 г.)

Въ первой строфѣ поэтъ исчисляетъ по богословію всѣ свойства Бога: безконечность, вѣчность, единичность въ трехъ лицахъ, вездѣсущность, непостижимость, всемогущество, творчество, промыслъ. Въ слѣдующихъ строфахъ эти свойства разсматриваются подробнѣе. поэтъ хотѣлъ бы представить Бога посредствомъ числа и мѣры, но сообразивъ, какой высокій умъ нужно имѣть, чтобы вымѣрить глубокій океанъ, счесть

вески и лучи планетъ, признается, что Богу нѣтъ числа и мѣры. Непостижимость Бога выражается немощью просвѣщенныхъ духовъ, рожденныхъ отъ свѣта Божія, изслѣдовать его судьбы. Какъ исчезаетъ мигъ въ вѣчности, такъ исчезаетъ мысль человѣка въ величіи Бога, лишь только дерзнетъ устремиться къ нему. Эта мысль напоминаетъ стихъ Ломоносова изъ „Вечерняго размышленія“:

Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ.

Въ третьей строфѣ, желая представить вѣчность Бога, авторъ подбираетъ сжатыя и удачныя выраженія, которыми останется доволенъ каждый богословъ; но они не представляютъ никакой картины.

Въ четвертой строфѣ поэтъ прибѣгаетъ къ метафорамъ и сравненіямъ для изображенія всемогущества и творчества Создателя: всѣ существа въ мірѣ ему представляются звеньями одной цѣпи, концы которой соединяются въ Богѣ; Онъ содержитъ и оживляетъ ее, и черезъ смерть снова даетъ жизнь; отъ Него родятся солнцы, какъ сыплются искры изъ пламени, звѣзды подъ нимъ какъ пылинки инея въ ясный зимній день.

Въ пятой строфѣ представляется величіе Божіе посредствомъ сопоставленія Бога со всѣмъ блестящимъ въ мірѣ: всѣ эти свѣты и блески, взятые вмѣстѣ, передъ Богомъ все же будутъ какъ ночь передъ днемъ. Здѣсь, какъ и во второй строфѣ, поэтъ представляетъ намъ силы Бога посредствомъ отрицанія подобныхъ же силъ въ Его созданіяхъ; отсюда воображеніе теряется во множествѣ неясно очерченныхъ образовъ и не въ состояніи представить себѣ одинъ живой, опредѣленный образъ; въ немъ остается слишкомъ много отвлеченнаго, слѣдовательно выходящаго изъ области поэзіи.

Далѣе въ шестой строфѣ поэтъ прибѣгаетъ даже къ математическому исчисленію, чтобы доказать ничтожество человѣка передъ Богомъ. Передъ нимъ вся тварь какъ капля въ морѣ; если взять изъ этого воздушнаго океана всѣ міры и число ихъ умножить на сто милліоновъ, то произведеніе изъ всего будетъ являться передъ Богомъ одною точкою. Опять изображеніе слишкомъ отвлеченное для поэтической картины. Громадностью цыфры поражается умъ; но воображенію здѣсь дѣлать нечего;

точно такъ же ему недоступно слово *ничто*, которое относится къ человѣку сравнительно съ милліонами міровъ и съ Богомъ.

Признавъ физическое ничтожество человѣка передъ величіемъ Божіемъ, авторъ въ седьмой строфѣ замѣчаетъ въ томъ же человѣкѣ другую сторону: въ немъ сіяетъ величество Божіихъ добротъ, въ немъ изображается образъ Божій, какъ солнце въ малой водяной каплѣ; въ немъ есть жизнь; духъ его, не удовлетворяясь ничѣмъ, всегда стремится въ высшія сферы, душа его вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ и, наконецъ, сознавъ себя, сознаетъ, что есть и творецъ ея, чего не сознаетъ никакое другое творенье на землѣ. Этимъ поэтъ возвышаетъ человѣка изъ ничтожества и въ слѣдующей строфѣ отрицаетъ первое свое опредѣленіе, выразившееся въ словѣ *ничто*. Сознаніе въ человѣкѣ бытія Божія доказывается вѣчнымъ порядкомъ въ природѣ, голосомъ сердца и выводами ума — доказательствами, которыя обыкновенно употребляютъ богословы. Послѣ этого поэтъ старается опредѣлить, какое мѣсто долженъ человѣкъ занять въ срединѣ естества, между всѣми твореніями. Найдя въ немъ двѣ стороны — физическую, или животную, и духовную, онъ ставитъ человѣка какъ частицу цѣлой вселенной на границѣ между міромъ тѣлесныхъ тварей и міромъ небесныхъ духовъ: человѣкъ является звеномъ, связывающимъ цѣпь всѣхъ существъ.

Отсюда вытекаютъ всѣ выраженія девятой строфы, которыя въ первыхъ четырехъ стихахъ своею отвлеченностью не даютъ никакого живого образа. Слѣдующіе стихи прекрасно представляютъ обѣ стороны человѣческаго существа — физическое ничтожество и нравственное, или духовное, величіе: „Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю, умомъ громамъ повелѣваю". Это послѣднее выраженіе указываетъ на изобрѣтенный въ то время громоотводъ, который служилъ доказательствомъ силы человѣческаго ума. Изъ всего этого дѣлается логическій выводъ: если человѣкъ сознаетъ, что самъ собою онъ быть не могъ, то слѣдственно долженъ быть кто-нибудь, кто создалъ такое чудесное существо.

И далѣе въ десятой строфѣ высказывается полное сознаніе поэта, кто создатель его, какъ человѣка, и оправданіе Творца въ томъ, что онъ создалъ человѣка смертнымъ. Но здѣсь отвлеченныя выраженія снова берутъ верхъ надъ картинностью и опять обезсиливаютъ воображеніе. Хотя поэтъ здѣсь остро-

умно играетъ двумя противоположными словами *смерть* и *безсмертіе*, но поэтическое изображеніе черезъ это нисколько не выигрываетъ.

Въ послѣдней строфѣ выражается сознаніе безсилія своего воображенія представить даже тѣнь Божества, не только его полный образъ, и въ заключеніе указывается средство, какъ смертный можетъ почтить своего Творца: возвышаться къ нему, сравнивать себя съ нимъ, теряться въ этой безмѣрной разности и лить благодарныя слезы.

Содержаніе всей оды раскрывается въ слѣдующихъ частяхъ: 1) Общее исчисленіе Божіихъ свойствъ; 2) стремленіе представить Бога отдѣльно въ каждомъ его свойствѣ; 3) отношеніе человѣка къ Богу и ко всей его твари; 4) сознаніе поэта, кто творецъ его и стремленіе оправдать Бога въ своей земной смертности; 5) сознаніе своего безсилія представить Бога, и отсюда отвѣтъ на вопросъ, какимъ же образомъ при такомъ безсиліи можно словословить и почтить его.

Такъ какъ ода отличается особеннымъ выборомъ выраженій, которыя въ звучномъ стихѣ преимущественно и привлекаютъ вниманіе многихъ, то ихъ и слѣдуетъ замѣтить: авторъ искусно употребляетъ выраженія изъ церковно-славянскаго языка, къ которому ухо русскаго человѣка привыкло, когда рѣчь идетъ о религіозныхъ предметахъ; духъ всюду сущій и единый; мысль къ тебѣ взнестись дерзаетъ; хаоса бытность довременну воззвалъ изъ безднъ вѣчности; въ мразный день, вкупѣ всѣ свѣтящи міры, какъ нощь предъ днемъ; мной зримая вселенна; природы чинъ вѣщаетъ; я связь міровъ повсюду сущихъ, и проч. Онъ не пренебрегаетъ даже старинными формами, какъ напр. *живыи* вмѣсто живущій *создавый* вмѣсто создавшій.

Для опредѣленія Божества онъ прибѣгаетъ къ богословскимъ эпитетамъ, которые болѣе восхваляютъ, чѣмъ представляютъ опредѣленный образъ: безконечный пространствомъ, живый въ движеньи вещества, теченьемъ времени превѣчный; твоей премудрости я тварь, источникъ жизни, благъ податель, душа души моей и царь, неизъяснимый, непостижимый. Такъ какъ Божество у него не изображается въ опредѣленномъ образѣ, то онъ не затрудняется въ отвлеченныхъ словахъ и выраженіяхъ, чтобы болѣе приблизиться къ библейскому представленію: безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества; кому нѣтъ мѣста

и причины; конецъ съ началомъ сопрягаешь; свѣтилъ возженныхъ милліоны въ *неизмѣримости* текутъ; сіяешь *величествомъ* твоихъ добротъ; летаю *пареньемъ* въ высоты; поставленъ въ *срединѣ естество, крайня степень вещества, средоточіе* живущихъ, въ *безмѣрной разности* теряться. Иногда авторъ соединяетъ въ звучную фразу слова однозначащія: *вѣчность* прежде *вѣкъ* рождевну; *себя собою* составляя, *собою изъ себя* сіяя, ты *свѣтъ*, откуда *свѣтъ* истекъ; или два противоположныя по значенію слова въ одномъ общемъ соединеніи: *смертію животъ* даришь, я *царь* — я *рабъ*, я *червь* — я *Богъ*; чтобъ *смертну* бездну преходило мое *безсмертно* бытіе, чтобъ духъ мой въ *смертность* облачился, и чтобъ чрезъ *смерть* я возвратился въ *безсмертіе* твое. Наконецъ, слѣдуетъ указать на выраженіе: *тебя душа моя быть чаетъ*, не согласное съ синтаксисомъ русскаго языка. *Стоюнинъ.*

Безсмертіе души человѣческой, какъ предметъ одъ Державина.

Въ одномъ изъ русскихъ трудовъ по исторіи русской литературы Анастасію Братановскому*) отдается преимущество передъ Платономъ и высказывается предположеніе, что самъ Державинъ подражалъ Анастасію. Почтенный авторъ говоритъ: „По внѣшней отдѣлкѣ церковное слово Анастасія Братановскаго выше проповѣдей Платона. Оно представляетъ въ замѣтной степени художественный элементъ; воображеніе и чувство оратора высказываются въ немъ многими мѣстами". Ода Державина „Безсмертіе души" и посвящена доказательствамъ безсмертія и опроверженію противной тому мысли: рядъ вопросовъ, наполняющихъ нѣсколько строфъ этого духовнаго стихотворенія, имѣютъ сходство съ рѣчью Братановскаго на погребеніе Бецкаго. Можетъ статься, Державинъ и подражалъ проповѣднику, который въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ. Подражательность еще болѣе замѣтна въ „Тлѣніи и нетлѣніи" — пьесѣ, служащей какъ бы дополненіемъ оды на смерть Кутузова. Державинъ употребляетъ тотъ же оборотъ, которымъ пользовался упомянутый духовный ораторъ: онъ не можетъ помирить заслугъ героя съ мыслью

*) Проповѣдникъ времени Екатерины II.

о тлѣніи, какъ Братановскій изъ необходимости увѣнчать подвиги добродѣтели вывелъ необходимость нетлѣнія или безсмертія[1]. Увлекательное слово проповѣдника тѣмъ скорѣе могло подѣйствовать на воспріимчивое чувство поэта, что имъ не разъ приходилось быть свидѣтелями однихъ и тѣхъ же событій и говорить о тѣхъ же самыхъ предметахъ. Впрочемъ, сходство между проповѣдями Анастасія и одами Державина, представляющееся довольно близкимъ при первомъ впечатлѣніи, значительно сглаживается при сравненіи какъ подробностей, такъ и основныхъ мыслей, на которыхъ построены доказательства у того и у другого писателя. Безсмертіе души человѣческой Анастасій доказываетъ неотъемлемыми свойствами Божества, его благостью и правдою, каторыя облагораживаются въ наградѣ, ожидающей добродѣтельнаго человѣка въ вѣчности. Онъ говоритъ: „Для сего ли всемогущая благость призываетъ человѣка во страну сію отцовъ и матерей, дабы только родиться и умереть? Что жъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельскомъ, или предъ мравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и его закона, остаться безъ воздаянія есть то же, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такія степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Гдѣ же твоя, о добродѣтель, награда на землѣ? Ужели благость Божія ограничивается только вѣдѣніемъ твоея истины и вмѣстѣ твоихъ бѣдствованій, твоея непорочности и вмѣстѣ твоихъ страданій... Ужели мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра къ престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства, и на землѣ для служенія ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая въ едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣка и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается съ прахомъ? Ужели тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя, исчезнуть, какъ дымъ, какъ мечта?“ Такого же рода вопросы встрѣчаются и въ одѣ Державина „Безсмертіе души“:

Духъ мудрый, тонкій, сильный, сущій
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій,
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь;
Неосязаемый, незримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ;...
Могущій время скоротечность,
Прошедше съ будущимъ вязать...
Сей духъ возможенъ ли косою
Пресѣчься смерти и не жить?
Но если нѣтъ души безсмертной,
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умретъ душа моя?

Державинъ ищетъ доказательствъ безсмертія преимущественно въ самомъ человѣкѣ, въ духовныхъ особенностяхъ его природы. Человѣкъ вѣчно стремится къ чему то лучшему, замѣчаетъ поэтъ, добро дѣйствуетъ на душу живительно, а зло подавляетъ ее; если нѣтъ безсмертія, то нѣтъ и нравственнаго закона; нравственное начало въ человѣкѣ, заставляющее его бороться со зломъ и не страшиться сильныхъ міра, есть проявленіе безсмертной души:

Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить.

Въ числѣ доказательствъ безсмертія Державинъ указываетъ на дѣятельность духа, не прерывающуюся и во время сна:

Безсмертенъ я! — и увѣряетъ
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ,

Сравнимъ ли и прошедши годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ;
Не всѣ ли виды вамъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ время не жилъ я?
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя.

Подобное сравненіе и съ подобною же цѣлью находимъ въ одномъ изъ писемъ геніальнаго Эйлера, заключающемъ въ себѣ домыслы его о состояніи души по смерти тѣла. Письмами Эйлера, которыя такъ высоко цѣнились и цѣнятся въ Европѣ, пользовались и русскіе писатели восьмнадцатаго столѣтія. Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о такомъ отвлеченномъ предметѣ, какъ существованіе духа по смерти тѣла, Эйлеръ прибѣгаетъ къ возможно болѣе наглядному уподобленію. „По смерти человѣка, — говоритъ онъ, — душа его, лишась содѣйствія чувствъ, не знаетъ болѣе, что происходитъ въ мірѣ внѣшнемъ; она приходитъ почти въ такое же состояніе, въ которомъ бы находился человѣкъ, мгновенно ослѣпшій, оглохшій, онѣмѣвшій и потерявшій употребленіе всѣхъ другихъ чувствъ. Въ сознаніи этого человѣка удержалось бы все то, что онъ пріобрѣлъ посредствомъ чувствъ; мыслительная способность дѣйствовала бы въ немъ попрежнему и собственныя его дѣйствія послужили бы для нея богатымъ матеріаломъ. Сонъ представляетъ прекрасный образецъ подобнаго состоянія, ибо во время сна въ весьма сильной степени разрывается связь души съ тѣломъ, но душа все-таки не перестаетъ дѣйствовать, занимаясь мечтами и грезами. По смерти мы будемъ въ состояніи совершеннѣйшаго сна, котораго ничто не можетъ нарушить; но сознаніе и мышленіе удержатъ всю свою силу“ и т. д. *Сухомлиновъ.*

Нравственно-философскія оды Державина.

Нравственно-философскія оды Державина составляютъ новый родъ лирической поэзіи, имъ самимъ созданный. Къ такого рода одамъ принадлежитъ: „Вельможа“. Державинъ въ этой одѣ говоритъ:

Вельможу должны составлять:
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны быть: польза, слава, честь.

Размышляя о достоинствахъ истиннаго вельможи, онъ внезапно поражается противоположными качествами и восклицаетъ:

А ты, второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
Чтобъ пурпуръ, злато, всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ ослѣпляли,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?!

Обращеніе есть одно изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, къ которымъ всего чаще прибѣгаютъ стихотворцы; оно одушевляетъ изображеніе, если поэтъ употребляетъ его кстати. Приведенные предъ симъ стихи могутъ служить доказательствомъ, если бы поэтъ, вмѣсто обращенія къ богачу-эгоисту, сказалъ такъ:

Но вы, роскошные вельможи!
Къ чему стремите мыслей бѣгъ? и проч.

Вся красота была бы потеряна, обращеніе сдѣлалось бы холоднымъ и открыло равнодушнаго писателя, а не поэта вдохновеннаго, который, изобразивъ бѣдность и нищету толпящихся у воротъ сатрапа, между тѣмъ какъ онъ покоится въ чертогахъ роскоши, восклицаетъ:

Проснися, сибаритъ!... ты спишь?
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:
„Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки;

Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей умѣть пить рѣки,
Лишь вѣтромъ плыть — гнесть чернь ярмомъ —
Стыдъ, совѣсть — слабыхъ душъ тревога;
Нѣтъ добродѣтели! нѣтъ Бога!"
Злодѣй, увы! — и грянулъ громъ!

Послѣ сего разительнаго изображенія заблужденій, поэтъ, какъ бы успокоившись, обращается къ истиннымъ достоинствамъ и въ тихомъ тонѣ мудреца продолжаетъ:

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣтей;
Въ единодушіи — блаженство;
Въ правосудіи — равенство;
Свободу — во уздѣ страстей!

Блаженъ народъ — гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужого не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отымаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ:
Повелѣваетъ же — сама.

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ,
Вельможи! — славы, торжества,
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ;
Какъ блюсть народъ, царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить!

Ода сія, какъ и многія другія оды Державина, отличается богатствомъ мыслей, пламенною любовью къ общему благу и благородною, искреннею смѣлостью.

Въ одѣ „Къ сосѣду", начинающейся стихомъ: „Кого роскошными пирами?" поэтъ является снисходительнымъ философомъ. Онъ говоритъ:

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей;
Но рѣдкому пловцу случится,
Безбѣдно плавать средь морей...
Непостоянство — доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ;
Прейдутъ, прейдутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ
Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать...
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ!..

Лучшею нравственно-философическою одою Державина можно почесть оду его „На смерть князя Мещерскаго"; она исполнена мыслей, картинъ и чувствованій.

Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ...
Не мнитъ лишь смертный умирать,
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ;
Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ.

Ж. Ж. Руссо въ одномъ изъ псалмовъ, имъ переложенныхъ, выражаетъ мысль сію такъ:

L'homme en sa propre force a mis sa confiance;
Ivre de ses grandeurs et de son opulence,
L'éclat de sa fortune enfle sa vanité.
Mais, ô moment terrible! ô jour épouvantable!

Ou la mort soisira ce fortuné coupable,
Tout chorgé de liens de son iniquité!

Т.-е. человѣкъ, упоенный величіемъ и роскошью, надѣется на свои силы; блескъ счастья умножаетъ его суетность: но страшенъ часъ, ужасенъ день, когда смерть похититъ сего преступнаго счастливца, обремененнаго беззаконіями.

Кто не видитъ преимущества нашего лирика? Съ чѣмъ сравнить слѣдующее описаніе дома печали?

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.

Горацій въ одѣ своей: *Къ Сестію на возвращеніе весны*, изображаетъ смерть такъ — Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas regumque turres — т.-е. *блѣдная смерть безъ различія стучитъ въ двери пастушьей хижины и царскихъ чертоговъ.*

Сіе изображеніе весьма разительно; но Державинъ умѣлъ съ выгодою состязатися съ Гораціемъ, представивъ смерть въ слѣдующемъ, гораздо ужаснѣйшемъ видѣ

Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы;
Глядитъ на разумъ возвышенный;
Глядитъ на силы дерзновенны —
И точитъ лезвее косы!

Послѣ сего поэтъ, какъ бы пораженный ужасною картиною, восклицаетъ:

Смерть — трепетъ естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна!
Сегодня — богъ, а завтра прахъ!
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты человѣкъ?
Едва часы протечь успѣли,
Хаоса въ бездну улетѣли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ!

Сколько мыслей и чувствованій рождаютъ сіи стихи въ душѣ читателя! — Растроганный Державинъ обращается потомъ къ самому себѣ:

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость,
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Зоветъ, я слышу, славы шумъ...
Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатствъ стяжаніе минетъ,
И въ сердцѣ всѣхъ страстей волненье
Прейдетъ, прейдетъ въ чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны:
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Въ каждомъ стихѣ приведенныхъ строфъ видно опытное познаніе человѣка и глубокое чувство горести. *Цертелевъ.*

Оды сатирическаго направленія.

Въ одахъ „сатирическаго направленія“, изъ которыхъ большая часть посвящена „Фелицѣ“, т.-е. Екатеринѣ II, поэтическій талантъ Державина является болѣе самобытнымъ и оригинальнымъ. Существенное отличіе этихъ одъ отъ прочихъ произведеній Державина заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ внѣшней формѣ, въ слогѣ и въ выраженіи, въ которомъ языкъ и тонъ торжественной лирики соединяется съ „забавнымъ слогомъ“, — по выраженію самого Державина, — и, наконецъ, въ томъ, что здѣсь къ высокимъ предметамъ торжественныхъ воспѣваній поэта присоединена сатира на пороки и недостатки современной и вельможной жизни. Такое нововведеніе, т.-е. сочетаніе реторическаго языка торжественной лирики съ забавнымъ слогомъ и съ сатирой привело въ восторгъ современниковъ Державина, которымъ давно прискучило громозвучіе и однообразіе классической ломоносовской

оды. Тѣмъ болѣе, что бездарные подражатели Ломоносова довели одописаніе до крайнихъ предѣловъ искусственности и бездушнаго реторизма. Ложный восторгъ, пышный наборъ громкихъ фразъ безъ внутренняго значенія и смысла, постоянное употребленіе однѣхъ и тѣхъ же школьныхъ формъ и размѣровъ стиха, а особенно совершенная бездарность большей части современныхъ одописцевъ превратили ложноклассическую оду въ самый скучный родъ реторической поэзіи и сдѣлали ее предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ журнальной критики, современной Державину. По собственному признанію поэта о несовершенствѣ его первыхъ стихотворныхъ произведеній онъ рѣшился избрать *особый путь* въ поэзіи, руководимый наставленіями Батте и совѣтами друзей Львова, Хемницера и Капниста. Этотъ „особый путь“ и состоялъ собственно въ соединеніи величественнаго тона съ шутливымъ, реторическаго направленія съ сатирическимъ, которыхъ нельзя отдѣлить въ лучшихъ, оригинальныхъ стихотвореніяхъ Державина, т.-е. тамъ, гдѣ онъ не шелъ рабски по слѣдамъ Ломоносова, относительно внѣшней формы своимъ стихотвореній. „Фелица“ была первымъ произведеніемъ Державина въ этомъ родѣ, который современная критика приняла за „новый родъ стихотворства“. Самъ Державинъ думалъ то же самое, и въ примѣчаніи къ своему „Памятнику“ говоритъ: „авторъ изъ всѣхъ россійскихъ писателей былъ первый, который въ простомъ забавномъ легкомъ слогѣ писалъ лирическія пѣсни и шутя прославлялъ императрицу, чѣмъ и сталъ извѣстенъ. За „Фелицей“ слѣдовали: „Видѣніе мурзы“, „Изображеніе Фелицы“, „На счастіе“ и „Вельможа“ — два лучшія сатирическія стихотворенія Державина — и нѣсколько другихъ.

Ода „Фелица“ вся написана въ шутливомъ тонѣ. Назвавъ Фелицу „богоподобною царевной“ и спрашивая у нея совѣта и наставленія какъ „честно и правдиво жить“, поэтъ тонко восхваляетъ ея доблести: ея человѣчность и доброту сердца, ея любовь къ просвѣщенію, ея уваженіе къ законамъ и правосудію и ея мудрую снисходительность. И для того, чтобы эти доблести Фелицы выступали въ болѣе яркомъ свѣтѣ, онъ говоритъ сатирически о своихъ собственныхъ порокахъ, подъ видомъ которыхъ изображаетъ праздный и порочный образъ жизни „мурзъ“ киргизъ-кайсацкой царевны. И здѣсь-то Державинъ дѣлаетъ намеки на нравы, прихоти и образъ жизни

Потемкина, Ал. Орлова, Вяземскаго, Нарышкина и вообще придворныхъ вельможъ, окружавшихъ Екатерину. Вотъ почему Державинъ пришелъ въ большое безпокойство, узнавъ, что кн. Дашкова напечатала его оду въ „Собесѣдникѣ“. Но „Фелица“, какъ мы знаемъ, была весьма благосклонно принята государыней, и поэту нечего было опасаться вельможъ и сановныхъ лицъ. Екатерина собственноручно подчеркнула карандашемъ мѣста въ одѣ Державина, относившіяся къ тому или другому изъ ея вельможъ, и къ каждому изъ нихъ разослала подчеркнутые экземпляры Фелицы. Взысканный царскими милостями, обласканный императрицей, Державинъ, съ появленія „Фелицы“, дѣлается исключительно придворнымъ поэтомъ, пѣвцомъ Екатерины II и ея царствованія. Въ этомъ самъ поэтъ видѣлъ свое назначеніе и свою заслугу и въ этомъ признавалъ онъ свое право на безсмертіе въ памяти потомства. Въ одѣ: „Видѣніе мурзы“, которая появилась вслѣдъ за Фелицей, по поводу впечатлѣнія и толковъ, произведенныхъ ею въ публикѣ, поэтъ, обращаясь къ Екатеринѣ, восклицаетъ:

Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Въ „Приношеніи“ своихъ стиховъ Екатеринѣ II онъ выражается о своей лирѣ:

Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ.
Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.

То же самое повторено въ стихотвореніяхъ: „Мой истуканъ“, „Памятникъ“ и въ другихъ, гдѣ поэтъ называетъ себя „пѣвцомъ Фелицы“, и ея „добродѣтелей“.

Карауловъ.

Есть въ Державинѣ сторона, съ которой онъ имѣетъ глубокое значеніе и всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду нашихъ великихъ поэтовъ. Эта сторона есть сатирическое направленіе, послужившее основой стихотвореній: „Фелица“, „Вельможа“, „На счастіе“, „Изображеніе Фелицы,“ „Видѣніе мурзы“ и нѣсколькихъ другихъ, которыя состав-

ляютъ драгоцѣннѣйшіе перлы нашей поэзіи и даютъ пѣвцу ихъ право на безсмертіе. Эти пьесы, которыя можно назвать сатирическими одами, составляютъ единственное украшеніе поэтическаго вѣнка Державина. Въ нихъ мы узнаемъ того великаго поэта, который былъ представителемъ славнаго вѣка мудрой Екатерины, котораго голосъ сдѣлался оракуломъ современниковъ, породилъ ему толпы враговъ и покровителя въ лицѣ монархини, — узнаемъ поэта не съ принужденнымъ восторгомъ, но съ истиннымъ глубокимъ чувствомъ, проникнутаго одушевленіемъ и достойнаго благоговѣнія потомства. Духъ этихъ произведеній сатирическій, но эта сатира нисколько не похожа на сатиру Кантемира и Сумарокова. У тѣхъ она, несмотря на самобытный источникъ, сжата въ подражательной однообразной формѣ и лишена поэзіи. Въ сатирѣ Державина, напротивъ, видимъ тоже самобытное проявленіе духа, но въ самыхъ поэтическихъ идеяхъ и совершенно оригинальной формѣ. Она такъ разнообразна въ тонѣ и неуловима въ переходахъ, что кажется совершеннымъ протеемъ, оригинальнымъ и поэтическимъ въ каждомъ новомъ измѣненіи. Напрасно стараетесь схватить тонъ и настроеніе души поэта: онъ неуловимъ. Его сатира является то грозною филиппикою и гремитъ на порокъ проклятіемъ раздраженной и негодующей души; то слезою тронутаго сердца, оплакивающаго заблужденіе; то ядовитою насмѣшкою ума, оскорбленнаго глупостями вседневной жизни; то шуткой добродушнаго характера, рожденнаго въ веселую минуту; то, послѣ грознаго проклятія порокамъ, гремящаго подобно страшному перуну, переходитъ въ радостную пѣсню добродѣтели или въ гимнъ той монархинѣ, которой ободряющій голосъ далъ силы поэту сознать свое существенное назначеніе. Но этотъ гимнъ не похожъ на тѣ возгласы, наполненные ничего не выражающими сравненіями и гиперболами, которые разсыпали щедрою рукою наши пиндары, воспѣватели фейерверковъ и каруселей. Державинъ въ одахъ, посвященныхъ Екатеринѣ, является вполнѣ достойнымъ ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понимающимъ истинное значеніе поэта. Онъ первый замѣнилъ въ нихъ духъ напыщенной лести благороднымъ духомъ истиннаго уваженія къ особѣ государя, первый рѣшился не воспѣвать небывалыя божества, но высказать чувства глубоко-благодарной души къ той, которая, сочувствуя великой идеѣ Петра, была продолжательницею его подвига. И Екатерина

поняла Державина и плакала отъ радости, читая обращеніе поэта къ Фелицѣ:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и въявь и подъ рукой
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

Онъ зналъ ее вполнѣ, воспѣвалъ не по правиламъ піитики, а по внушенію преданнаго сердца, — и ея образъ мышленія у него во всемъ величіи, озаренный самой высокой поэзіей.

Доблести Фелицы служатъ поэту идеаломъ: изображая великую монархиню, ея любовь къ законамъ и правосудію, уваженіе къ человѣческому достоинству и покровительство наукамъ и просвѣщенію, онъ тѣмъ самымъ поражаетъ минувшія времена стѣсненія и невѣжества и показываетъ обществу на то, чѣмъ оно было, и чѣмъ можетъ быть, продолжая итти по пути къ развитію. *Милюковъ.*

Происхожденіе и характеръ оды Державина „Фелица".

Въ 1781 году была напечатана, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, написанная Екатериною для пятилѣтняго внука ея, великаго князя Александра Павловича, *Сказка о царевѣ*

Хлоръ. Хлоръ былъ сынъ князя или *царя* кіевскаго, во время отсутствія отца похищенный ханомъ *киргизскимъ*. Желая повѣрить молву о способностяхъ мальчика, ханъ ему приказалъ отыскать *розу безъ шиповъ*. Царевичъ отправился съ этимъ порученіемъ. Дорогой попалась ему навстрѣчу дочь хана, веселая и любезная *Фелица*. Она хотѣла итти провожать царевича, но ей помѣшалъ въ томъ суровый мужъ ея, султанъ *Брюзга*, и тогда она выслала къ ребенку своего сына, *Разсудокъ*. Продолжая путь, Хлоръ подвергся разнымъ искушеніямъ, и, между прочимъ, его зазвалъ въ избу свою мурза *Лѣнтягъ*, который соблазнами роскоши старался отклонить царевича отъ предпріятія слишкомъ труднаго. Но *Разсудокъ* насильно увлекъ его далѣе. Наконецъ они увидѣли передъ собой крутую каменистую гору, на которой растетъ *роза безъ шиповъ*, или, какъ одинъ юноша объяснилъ Хлору, *добродѣтель*. Съ трудомъ взобравшись на гору, царевичъ сорвалъ цвѣтокъ и поспѣшилъ къ хану. Ханъ отослалъ его вмѣстѣ съ розой кіевскому князю. „Сей обрадовался столько пріѣзду царевича и его успѣхамъ, что забылъ всю тоску и печаль... Здѣсь сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ".

Эта сказка подала Державину мысль написать оду къ *Фелицѣ* (богинѣ блаженства, по его объясненію этого имени); такъ какъ императрица любила забавныя шутки, говоритъ онъ, то ода эта и была написана во вкусѣ ея, насчетъ ея приближенныхъ *).

---

*) Какъ внѣшнимъ поводомъ къ „Фелицѣ послужила сказка о царевичѣ Хлорѣ, такъ, въ параллель этой одѣ, стихи въ честь Потемкина были въ связи со сказкою о царевичѣ *Февеѣ* (подъ именемъ котораго опять разумѣлся великій князь Александръ), гдѣ описывается мудрое воспитаніе и успѣшное развитіе въ разумѣ и смиренномудріи молодого Февея отъ дѣтства до женитьбы. Въ этой сказкѣ Потемкинъ является подъ именемъ Рѣшемысла, чѣмъ Державинъ и воспользовался для новой своей оды. Сказка о Февеѣ написана подъ вліяніемъ того вниманія, которое въ тогдашней литературѣ вообще обращалось на Китай. Рѣшемыслъ былъ ближній вельможа происходившаго оттуда сибирскаго царя Тао-ау, супруга котораго ѣзжала на златорогихъ оленяхъ и одѣвалась соболиными одѣялами. Какъ вообще въ своихъ литературныхъ трудахъ, такъ и здѣсь императрица почерпаетъ многія черты

Но Державинъ боялся дать ходъ этимъ стихамъ, въ чемъ съ нимъ согласны были и друзья его, Н. А. Львовъ и В. В. Капнистъ. Ода сдѣлалась извѣстною по нескромности О. П. Козодавлева, который, живя въ одномъ домѣ съ поэтомъ, однажды случайно увидѣлъ ее и выпросилъ на короткое время. Вскорѣ послѣ того княгиня Е. Р. Дашкова, въ качествѣ директора Академіи наукъ предприняла изданіе *Собесѣдника любителей россійскаго слова* и открыла одою Державина І-ую книжку этого журнала. Тамъ эта ода напечатана была безъ всякой подписи, подъ заглавіемъ: Ода къ премудрой киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ. Переведена съ арабскаго языка 1782. Къ словамъ: *съ арабскаго языка* сдѣлана редакціею вы-

---

изъ своихъ собственныхъ воспоминаній; въ бытѣ изнѣженной китайской царицы она представила образъ жизни покойной своей тетки Елизаветы Петровны, какъ видно изъ сравненія сказки съ нѣкоторыми подробностями въ запискахъ Екатерины II. Въ сказкѣ о Февеѣ бояринъ Рѣшемыслъ привелъ къ своей хворой царицѣ врача, по совѣту котораго она перемѣнила образъ жизни и такъ поправилась въ здоровьѣ, что у нея даже родился сынъ, прозванный *Февеемъ*, т.-е. краснымъ солнышкомъ (по имени Феба). Всѣми этими чертами ловко воспользовался Державинъ, чтобы въ шуточномъ тонѣ изобразить идеалъ вельможи въ лицѣ Рѣшемысла:

„Великаго вельможи смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать къ полудню не ложится“.

Нарисовавъ образъ справедливаго, благотворительнаго и мужественнаго сановника въ общихъ чертахъ, Державинъ явно намекаетъ на Потемкина двумя стихами:

„Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шлетъ коты да шубы“,

а затѣмъ въ послѣдней строфѣ оговаривается:

„Но, Муза! вижу ты лукава“ и т. д.

носка: „Хотя имя сочинителя намъ и не извѣстно, но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ". Прибавимъ, что она написана въ исходѣ 1782 года.

Въ *объясненіяхъ* своихъ поэтъ замѣчаетъ, что онъ назвалъ Екатерину киргизъ-кайсацкою царевною еще и потому, что у него были деревни въ тогдашней Оренбургской области, по сосѣдству съ киргизскою ордою, подвластною императрицѣ. Нынѣ эти имѣнія находятся въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи.

Ода къ *Фелицѣ* доставила Державину богатый подарокъ отъ императрицы (золотую табакерку съ 500 червонцами) и честь представленія ей въ Зимнемъ дворцѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудила противъ него гоненіе тогдашняго начальника его, генералъ-прокурора кн. Вяземскаго. Вообще это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу поэта.

Новая ода произвела много шуму при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ. Екатерина разсылала ее (конечно въ отдѣльныхъ оттискахъ) къ своимъ приближеннымъ и въ каждомъ экземплярѣ подчеркивала то, что прямѣе относилось къ лицу, которому онъ былъ назначенъ. Слава Державина утвердилась; она откликнулась и въ *Собесѣдникѣ*, гдѣ съ тѣхъ поръ заговорили о немъ и въ прозаическихъ статьяхъ, и въ стихахъ, называя его *мурзою, арабскимъ переводчикомъ* и т. п. Въ слѣдующихъ книжкахъ журнала явилось четыре обращенныя къ нему стихотворенія, между которыми три посланія. В. Жукова, Сонетъ къ сочинителю оды къ Фелицѣ (ч. III, стр. 46); М. Сушковой, Письмо китайца къ татарскому мурзѣ (ч. V, стр. 5—8); О. Козодавлева, Письмо къ татарскому мурзѣ (ч. VIII, стр. 1—8); Е. Кострова, Письмо къ творцу оды, сочиненной въ похвалу Фелицы (ч. X, 25—30). „Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, не отличающихся особеннымъ достоинствомъ, хвалятъ Державина не столько за хорошіе стихи, сколько за то, что онъ писалъ безъ лести". Сверхъ того, о Фелицѣ и сочинителѣ ея съ похвалою упоминается въ стихотвореніяхъ *Собесѣдника: Княгинѣ Е. Р. Дашковой* (ч. VI, стр. 20) и *Къ другу моему* (ч. VII, стр. 40).

По поводу похвальныхъ стиховъ Державину, появившихся вслѣдъ за *Фелицею,* Галаховъ такъ опредѣляетъ значеніе этой оды въ нашей литературѣ: „Стихотвореніе, подписанное бук-

вами О. К. (Осипъ Козодавлевъ), говоритъ, что Державинъ проложилъ *новый путь* на Парнасъ, что

.... кромѣ пышныхъ одъ,
Во стихотворствѣ есть „иной, хорошій родъ".

„Признаки этого *новаго стихотворнаго рода* указаны ею противоположностью *пышнымъ одамъ. Оды,* замѣчаетъ *Собесѣдникъ* въ одной статьѣ, *наполненныя именами баснословныхъ боговъ, наскучили и служатъ пищею мышамъ и крысамъ; Фелица написана совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писались.* Въ другомъ стихотвореніи, Кострова, также признается за Державинымъ слава обрѣтенія *новаго непротоптаннаго пути:* ибо въ то время, какъ *слухъ нашъ оглохъ отъ громкихъ тоновъ, Державинъ сумѣлъ безъ лиры и Пегаса воспѣть простымъ слогомъ дѣянія Фелицы; ему дана были способность и важно пѣть, и играть на гудкѣ...* Назвавъ Державина *пѣвцомъ Фелицы,* современники его дали знать, что способность его, какъ поэта, ярко выступила въ этой пьесѣ. Справедливое проименованіе до сихъ поръ не потеряло своей силы: для насъ Державинъ тоже *пѣвецъ Фелицы;* пѣвцомъ Фелицы останется онъ и для дальнѣйшаго времени".

Въ разныхъ мѣстахъ Собесѣдника, и въ прозѣ, и въ стихахъ, говорится, что передъ ея появленіемъ бездарные стихотворцы совершенно уронили торжественныя оды, что онѣ всѣмъ наскучили своею сухостью и напыщеннымъ тономъ. Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ сотрудниковъ Дашковой, Княжнинъ, выразилъ тогдашній взглядъ лучшихъ писателей на этотъ родъ поэзіи:

„Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Всегда способны докучать:
Онѣ всегда Екатерину,
За рифмой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску крину,
И въ чинъ пророковъ становясь,
Вѣщая съ Богомъ, будто съ братомъ,
Безъ опасенія перомъ —
Въ своемъ взаймы восторгѣ взятомъ —
Вселенну становя вверхъ дномъ,
Отсель въ страны богаты златомъ
Пускали свой бумажный громъ" и т. д.

Истинному поэту, каковъ былъ Державинъ, естественно было пытаться обновить оду, приблизивъ ее къ дѣйствительности, замѣнивъ пустой наборъ громкихъ словъ вещественнымъ содержаніемъ и высокопарный тонъ просторѣчіемъ. Начало этой мысли кроется уже въ легкой формѣ двухъ прежнихъ одъ Державина, помѣщенныхъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ,*— въ стихахъ: На рожденіе порфиророднаго отрока и На отсутствіе государыни въ Бѣлоруссію. Полное развитіе эта идея получила въ *Фелицѣ,* гдѣ къ новымъ элементамъ тѣхъ двухъ одъ присоединились еще сатира и шутка, сдѣлавшіяся одною изъ принадлежностей цѣлаго ряда державинскихъ одъ. Вообще съ этихъ поръ ода, подъ перомъ нашего лирика, получаетъ болѣе жизненное содержаніе; онъ можетъ быть названъ преобразователемъ оды: въ немъ совершился переходъ отъ старой ломоносовской поэзіи къ эпохѣ Карамзина и Дмитріева. На этой переходной ступени являются и другіе поэты, напр. Капнистъ и Княжнинъ; у нихъ языкъ правильнѣе и чище, нежели у Державина, но послѣдній, по своему таланту, по своеобразію въ языкѣ и пріемахъ, стоитъ неизмѣримо выше ихъ и остается единственнымъ въ своемъ родѣ. При всѣхъ неровностяхъ и шероховатостяхъ своего стиха, онъ представляетъ мѣстами и какъ бы невзначай образцы той звучной и свободно-стройной строфы, которую окончательно развить могъ только русскій поэтъ 19-го вѣка. *Гротъ.*

Содержаніе „Фелицы".

Киргизъ-кайсацкая царевна Фелица въ самомъ началѣ оды вводится поэтомъ въ божественную сферу эпитетомъ *богоподобная. Несравненная мудрость* даетъ ей право на божественность. Все дальнѣйшее описаніе есть намекъ на сказку Екатерины о царевичѣ Хлорѣ. Поэтъ проситъ у Фелицы совѣта, какъ найти добродѣтель, которая плѣняетъ его умъ и духъ; проситъ наставить его, какъ соединить въ себѣ то, что очень трудно соединяется и что такъ прекрасно умѣетъ соединять Фелица: жить и пышно и правдиво въ одно и то же время, укрощать въ себѣ волненіе страстей и быть счастливымъ. Стремиться къ этому возбуждаетъ поэта голосъ Фелицы, дорогу указываетъ сынъ ея (разсудокъ), но онъ чувствуетъ въ себѣ безсиліе итти за ними, потому что въ немъ самомъ

являются безпрестанныя противорѣчія, онъ не можетъ сладить съ собою: мятясь житейской суетою,

> Сегодня властвую собою,
> А завтра прихотямъ я рабъ.

Здѣсь кстати онъ сравниваетъ себя съ Фелицею и въ общихъ чертахъ обрисовываетъ жизнь обоихъ. Взявъ въ Фелицѣ образъ восточной царевны, поэтъ сохраняетъ и нѣкоторую внѣшнюю обстановку ея восточную, хотя имѣется въ виду представить русскую вельможескую жизнь временъ Екатерины II и ея собственныя стремленія. Такъ приближенные Фелицы называются *мурзами*, но ея жизнь не похожа на ихъ. Далѣе авторъ сводитъ всѣ мелочи жизни, изъ которыхъ и составляется идеалъ *богоподобной* царевны. Нельзя впрочемъ не замѣтить несоотвѣтствія съ эпитетомъ *богоподобной* тѣхъ качествъ, за которыя онъ хочетъ возвысить свою царевну: она часто ходитъ пѣшкомъ, употребляетъ самую простую пищу, не слишкомъ любитъ маскарады, не посѣщаетъ клубовъ, не пишетъ стиховъ, не принадлежитъ къ масонскому обществу, не увлекается разными мечтаніями; всѣ эти болѣе отрицательныя качества никакъ не могутъ уподобить божеству восхваляемое лицо. Изъ нихъ выдаются только двѣ существенныя черты, очень важныя для представленія идеала: Фелица проливаетъ изъ своего пера *блаженство* всѣмъ смертнымъ (намекъ на Наказъ и другіе уставы и указы Екатерины) и, ходя стезею *кротости, благотворящею* душою проводитъ токъ *полезныхъ* дней.

Вслѣдъ за этимъ поэтъ снова относится къ себѣ сатирически, указывая на тѣ увлеченія, которыя мѣшаютъ ему послѣдовать за Фелицею. Рисуя извѣстныя личности, здѣсь онъ въ яркихъ, живыхъ краскахъ изображаетъ вельможескую, сибаритскую жизнь; но опять нужно сказать, что всѣ исчисленныя имъ удовольствія жизни и увлеченія не представляютъ той темной стороны, которая вносила зло въ общественную жизнь. Страсть къ музыкѣ, къ пѣвцамъ, къ пляскѣ, къ охотѣ и къ разнымъ невиннымъ утѣхамъ, хотя и не можетъ принести людямъ пользы, но въ то же время и совершенно безвредна, слѣдственно не оказывается и той противоположности, которую Державинъ хотѣлъ представить между *богоподобною* царевною и мнимымъ собственнымъ *развратомъ*. Болѣе колкую сатиру мы находимъ въ выраженіи: „въ книгахъ рыться я

люблю, мой умъ и сердце просвѣщаю, Полкана и Бову читаю, за библіей зѣвая сплю", но и здѣсь авторъ нападаетъ на умственную неразвитость, которую нельзя же считать за развратъ. Послѣ всего этого страннымъ кажется восклицаніе: таковъ, Фелица, я *развратенъ*, но на меня весь свѣтъ похожъ! Если бы въ этомъ заключался развратъ свѣта, то Фелицѣ, при ея стремленіяхъ проливать блаженство смертнымъ, очень легко было бы устроить общее благоденствіе.

Слѣдующіе стихи нужно отвести къ числу неясныхъ, которыхъ у Державина встрѣчается не мало: кто сколько мудростью не знатенъ,

Но всякій человѣкъ есть ложь.

Смыслъ тотъ, что никакая человѣческая мудрость не выводитъ человѣка изъ лжи; а между тѣмъ всѣ подвиги, которые поэтъ приписываетъ своей Фелицѣ, вытекаютъ изъ человѣческой сферы; ея мудрость — человѣческая, за что и восхваляетъ ее поэтъ, не называя *ложью*. Она только отличается отъ своихъ приближенныхъ тѣмъ, что ходитъ *путями свѣта*, не бѣжитъ за *мечтами разврата*, а тѣ дѣлаютъ и то и другое; но ихъ и нельзя назвать *знатными мудростью*. Только о людяхъ безъ этой мудрости и можно сказать, что если они *между тщеславья и порокомъ* найдутъ путь *прямой добродѣтели*, то развѣ нечаянно *(ненарокомъ)*. Далѣе поэтъ какъ будто хочетъ оправдать *заблужденіе слабыхъ смертныхъ*, у которыхъ спотыкается разсудокъ (конечно по недостатку *мудрости)* и идетъ вслѣдъ за страстями. Притомъ же и обстановка для пути прямой добродѣтели самая неблагопріятная: шарлатаны, прикрываясь маскою учености *(ученые невѣжды*, какъ напр. Каліостро), пускаютъ пыль въ глаза и застилаютъ дорогу, *какъ мгла у путниковъ;* вездѣ соблазнъ, лесть, роскошь. Все, это конечно, можетъ отдалить человѣка отъ прямого пути, но только такого, который не знатенъ мудростью. Съ другой стороны, надо сказать и то, что добродѣтель потеряла бы много цѣны, если бы путь къ ней былъ усыпанъ розами, безъ всякихъ препятствій и затрудненій. Значитъ, оправданіе автора обнаруживаетъ еще болѣе слабость этихъ смертныхъ, которые, всѣмъ увлекаясь на своей дорогѣ, ни съ чѣмъ не въ состояніи бороться. Гдѣ жъ добродѣтель обитаетъ, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ? восклицаетъ авторъ, дѣлая опять намекъ на сказку Екатерины.

Это восклицаніе есть искусственный переходъ къ новымъ похваламъ Фелицѣ. И здѣсь поэтъ уже вводитъ ее дѣйствительно въ божескую сферу: у нея представляются такія силы, которыя уподобляютъ ее божеству, но зато выводятъ ее, какъ гиперболическій образъ, изъ сферы естественнаго бытія: она творитъ свѣтъ изъ тьмы; она хаосъ приводитъ въ порядокъ и созданнымъ изъ него мірамъ даетъ единство общимъ ихъ союзомъ; она можетъ создать изъ разногласія согласье, и счастье изъ свирѣпыхъ страстей. Послѣ такихъ божескихъ дѣлъ уже кажется слишкомъ слабымъ сравненіе Фелицы съ кормщикомъ, который умѣетъ управлять судномъ, ловя подъ парусъ ревущій вѣтеръ.

Далѣе выставляются въ Фелицѣ качества, которыя составляютъ прекрасный идеалъ человѣка, развившійся на европейской почвѣ. отличительныя его стороны — уваженіе къ человѣческой личности, сознаніе законныхъ правъ человѣка; отсюда развивается и идеалъ монарха, который ставится въ болѣе правильное и естественное отношеніе къ народу. Здѣсь же, между прочимъ, высказывается и легкомысленный взглядъ того времени на поэзію и вообще на литературу. Поэзія есть не что иное, какъ *забава ума*, она пріятна, сладостна, полезна, но не болѣе какъ вкусный лимонадъ, хотя и можетъ составить честь и славу добрыхъ калифовъ. Такой взглядъ на поэзію развился даже въ средѣ писателей, что можно видѣть и у Фонвизина въ его Челобитной россійской Минервѣ. Не удивительно, что люди, нисколько не причастные къ литературѣ, не усвоили себѣ и такого взгляда, а смотрѣли на нее и на писателей враждебно, что ясно представляется въ той же Челобитной Фонвизина.

Здѣсь же представляются намеки на нѣкоторые факты изъ жизни Екатерины: она не приняла въ свой титулъ эпитета *мудрой* и *великой*, который подносили ей сословія; у поэта Фелица въ славѣ такъ *великодушна*, что отреклась и *мудрой* слыть. Екатерина очень часто не обращала вниманія на злорѣчіе, которое относилось къ ея лицу; у поэта Фелица не запрещаетъ говорить о себѣ и быль и небыль и проч. Послѣ всего этого описанія поэтъ самъ приходитъ въ умиленіе передъ образомъ своей Фелицы: „Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки изъ глубины души моей“, восклицаетъ онъ. и ему уже кажется, что онъ видитъ кроткаго, мирнаго ангела, ниспослан-

ваго съ небесъ носить скиптръ; подъ такимъ правленіемъ, говоритъ онъ, люди должны быть счастливы своей судьбой. Въ подтвержденіе этому онъ намекаетъ на прежнія царствованія, особенно Анны Ивановны, когда каждый ничтожный поступокъ могли перетолковать въ умышленное оскорбленіе величества, когда личность человѣка унижалась на каждомъ шагу для потѣхи сильныхъ: Фелица же вѣдаетъ права и человѣка и царей; просвѣщая нравы, она не дурачитъ людей. Вотъ чѣмъ авторъ отличаетъ ее отъ прежнихъ властителей. Она учитъ и Хлора не дѣлать ничего худого, такъ чтобы обезоружить самаго злого сатирика, который бы оказался презрѣннымъ лжецомъ, если бы вздумалъ коснуться его своею сатирою.

Представивъ благость Фелицы, поэтъ находитъ въ этой чертѣ ея свойства божескія: она велика благостью какъ Богъ, и слѣдственно ея слава — слава Бога. Далѣе всѣ заботы Екатерины о благосостояніи народа, всѣ ея полезныя учрежденія онъ относитъ уже къ дѣйствіямъ божескимъ, и такимъ образомъ какъ бы сливаетъ въ одно два существа. Съ этимъ вмѣстѣ онъ представляетъ условія счастливой жизни народа, судьба котораго зависитъ отъ благоразумнаго правленія: милосердіе, справедливость, одинакіе для всѣхъ законы, покровительство труду, законная свобода дѣйствій, свободные промыслы, несвязанные какъ руки, такъ и умъ; при этихъ условіяхъ каждый можетъ дома находить счастье.

Находя все это въ стремленіяхъ Фелицы, поэтъ снова переходитъ къ вопросу о добродѣтели, которая уже опредѣлилась предыдущими подробностями. „Гдѣ же сіяютъ добродѣтели? спрашиваетъ онъ, и отвѣтъ также вытекаетъ изъ всего предыдущаго: „у трона развѣ твоего!“

Но гдѣ искать этого трона? Поэтъ не хочетъ прямо опредѣлить мѣсто. Его и самъ какъ будто бы не знаетъ онъ. Оно гдѣ-то далеко на востокѣ: въ Багдадѣ, Смирнѣ, Кашмирѣ. Оно по описанію вышло слишкомъ идеально, чтобъ можно было прямо указать на него. Поэтъ заботится только объ одномъ: онъ боится, чтобы Фелица не приняла его хвалы за слѣдствіе корыстныхъ стремленій: „не мни, чтобъ шапки иль бешметя за нихъ я отъ тебя желалъ“. Здѣсь онъ продолжаетъ держаться восточной обстановки жизни, указывая на почетныя награды, которыя получаются отъ восточныхъ владыкъ. Всѣ похвалы поэта есть слѣдствіе другого чувства — чувства добра,

благодарности; передъ этимъ душевнымъ богатствомъ ничто всѣ Крезовы сокровища.

Ода оканчивается молитвою къ великому пророку (Магомету — поэтъ удерживаетъ и религію, господствующую на Востокѣ), чтобъ онъ исполнилъ его желаніе увидѣть Фелицу во плоти такъ, какъ онъ представляетъ ее идеально, и наконецъ молитъ всѣ небесныя силы сохранить ее отъ всѣхъ золъ, которыя могутъ вредить существу, облеченному въ плоть, чтобы ничто не помѣшало блестѣть въ потомствѣ ея дѣламъ, какъ въ небѣ блестятъ звѣзды. Въ этомъ послѣднемъ желаніи Державинъ неудачно приравнялъ звуки къ звѣздамъ, отчего вышло неестественное изображеніе: *звуки* дѣлъ *возблестятъ* какъ *звѣзды*.

Все произведеніе Державина представляетъ соединеніе хвалебной оды съ сатирою; цѣль его — развить идеалъ мудраго правителя народа, идеалъ, который онъ ищетъ въ дѣйствительности въ образѣ Фелицы, пользуясь аллегоріей сказки Екатерины, давшей ему поводъ приравнять къ ней Фелицу. Сближеніе личности съ божествомъ есть обыкновенный пріемъ для похвалъ, откуда и вытекаютъ гиперболическія представленія. Сатира относится къ настоящему и прошедшему; она ставитъ идеалъ въ сферу дѣйствительности, окружая его фактами изъ жизни, и служитъ также для его возвышенія. Народъ, его правительница и вельможи — вотъ предметы настоящаго произведенія — цѣль жизни царя и вельможъ — народное благо; дѣла на общую пользу и счастіе составляютъ славу, которая возводитъ человѣка въ высшую, божественную сферу; въ этомъ поэтъ и ищетъ героизма для своихъ героевъ; это же составляетъ и источникъ его сатиры. *Стоюнинъ.*

Значеніе одъ: Благодарность Фелицы и Видѣніе мурзы.

Послѣ оды къ Фелицѣ первымъ новымъ стихотвореніемъ Державина въ *Собесѣдникѣ* была *Благодарность Фелицѣ*, замѣчательная поэтическими картинами природы. Здѣсь онъ какъ будто отвѣчаетъ тѣмъ, которые упрекали его, зачѣмъ онъ не продолжаетъ писать въ похвалу Екатерины. Любопытенъ взглядъ самого Державина на новую его оду. „Авторъ думаетъ", говоритъ онъ, „что не первая ли она въ россійской поэзіи, гдѣ

натура не токмо въ картинахъ, но и въ ся колоритахъ изображена, какъ-то: бѣлый ковыль, подобный льну пушистому, колеблется въ степяхъ и волнуется, какъ море; небо въ жаркій день блещетъ подобно янтарю; вьются попутнымъ вѣтромъ флаги и за кораблемъ протягается серебряная гряда" и т. п. Что же касается до того изложенія, гдѣ авторъ говоритъ: „когда отъ бремя дѣлъ случится свободный часъ имѣть, тогда онъ будетъ воспѣвать свою героиню", сіе относится единственно къ тому, что князь Вяземскій почиталъ лѣнивыми и неспособными заниматься своею должностью тѣхъ, кои упражнялись въ поэзіи, въ чемъ отъ него даже императрица предубѣждена была, ибо хотя любила авторство, но не писала и не могла писать стиховъ. А потому-то авторъ, служа въ статской службѣ, употребилъ всѣ свои усилія въ доказательство, что несправедливо такое заключеніе: ибо, имѣя истинныя способности, можно въ томъ и другомъ предуспѣть, если кто только захочетъ пожертвовать симъ трудомъ, и, напротивъ, кажется, голова поэта болѣе удобна на изобрѣтеніе какихъ-либо новыхъ постановленій".

Но гораздо болѣе значенія имѣла другая ода, написанная Державинымъ съ цѣлью выразить государынѣ свою благодарность и вмѣстѣ отвѣтить на толки, которые распространяли о немъ люди, имъ задѣтые въ *Фелицѣ*, и вообще его недоброжелатели или завистники. Державинъ подъ впечатлѣніемъ этой минуты тогда же набросалъ нѣсколько стиховъ, но отказался отъ продолженія ихъ и 9-го мая началъ свое *Видѣніе мурзы*. Для характеристики тогдашняго настроенія поэта и взгляда его на собственное свое отношеніе къ Екатеринѣ и къ обществу, драгоцѣненъ сохранившійся въ его бумагахъ первоначальный эскизъ этой оды, написанный имъ, сперва стихами, а потомъ прозой, въ сильномъ увлеченіи. Здѣсь онъ особенно оправдывается отъ упрека въ лести. Повидимому, до Державина дошло, что его передъ самою государыней обвиняли въ неискренности похвалъ. Екатерина, явившись передъ нимъ въ томъ самомъ образѣ, въ какомъ она представлена на знаменитой картинѣ Левицкаго, говоритъ ему между прочимъ:

„Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда

Сей даръ — боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, — не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта — люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?...“

Для полнаго уразумѣнія этой оды необходимо припомнить о слухахъ, доходившихъ до автора относительно пріема Екатериною *Фелицы:* императрица въ глазахъ двора подавала видъ, что ее не трогали похвалы поэта, какъ будто отзывавшіяся лестью. Тревожное чувство, возбужденное въ Державинѣ такими слухами, и внушило ему помянутый эскизъ, тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ написанъ съ полною искренностью самымъ безыскусственнымъ, даже простонароднымъ языкомъ. Эта исповѣдь Державина показываетъ намъ, что онъ вовсе не безотчетно воспѣвалъ Екатерину и нѣкоторыхъ изъ дѣятелей ея царствованія, что онъ серіозно вдумывался въ то, что дѣлалъ, какъ поэтъ. Здѣсь онъ опредѣлительно высказываетъ, что именно самъ разумѣетъ подъ лестью, и отдаетъ отчетъ въ томъ невольномъ восторгѣ, въ какой его давно приводили дѣла Екатерины. „Твой просвѣщенный умъ и великое сердце“, говоритъ онъ, „снимаютъ съ насъ узы рабства, возвышаютъ наши души, даютъ намъ понимать драгоцѣнность свободы, толь свойственной существу разумному, каковъ есть человѣкъ, на что мы, уповая, чувствуемъ свое счастіе и въ удовольствіи сердца своего мыслимъ, дѣлаемъ и говоримъ смѣло про себя и про тебя все то, что хотимъ, что пристойно гражданину, сообразующему волю свою съ законами. Мы нынѣ, напримѣръ, смѣемъ говорить, что хотимъ или не хотимъ ѣхать на комедію, на балъ и въ маскарадъ[1]), будемъ и не будемъ тамъ до утра, можемъ не плясать и плясать, играть и не играть, пить и не пить для твоего удовольствія. Ты не желаешь также, чтобъ мы щелкали другъ друга по носамъ, для того чтобъ тебя потѣшить, чтобъ тебя пове-

*) Намекъ на то, что въ царствованіе Елисаветы Петровны въ театръ являлись по приказанію, подъ опасеніемъ строгаго взысканія за отсутствіе.

селить". Любопытны далѣе слѣдующія строки этого эскиза: „Ты меня и въ глаза еще не знала и про имя мое слыхомъ не слыхала, когда я, плѣненный твоими добродѣтелями, какъ дуракъ какой, при напоминаніи имени твоего, отъ удовольствія душевнаго плакалъ и, будучи приведенъ въ восторгъ, въ похвалу твою разные маралъ стихи, которыхъ бы, можетъ быть, были достаточныя уже стопы на завертку въ щепетильномъ ряду товаровъ, ежели бъ я ихъ недралъ и не сжигалъ въ печи... Судьба бросила въ мѣшечекъ два жребія и стала мѣшечекъ трясть: одинъ жребій выдался тебѣ, богоподобная царевна, чтобъ царствовать и удивлять вселенную, а другой мнѣ, чтобъ воспѣвать тебя и дѣла твои шуточными моими татарскими пѣснями. А какъ въ противность судебъ ничего не дѣлается, то, слѣдуя моему жребію, и сталъ я нечувствительно пѣвцомъ твоимъ. Но, правду сказать, ежели бъ не для тебя, то не хотѣлось бы мнѣ быть и нынѣ въ числѣ шайки стихотворцевъ, которыхъ я, а особливо похвальныхъ одъ подносителей, почитаю подобными нищимъ, сидящимъ съ простертыми руками и ковшичьами на мостахъ и воспѣвающихъ богатырей, которыхъ они мало или вовсе не знаютъ".

Прозаическая часть эскиза не вошла однакожъ въ *Видѣніе мурзы*. Поэтъ удовольствовался одпѣми самыми крупными чертами своего первоначальнаго плана. Ода эта долго лежала въ его портфелѣ: большая часть ея была написана въ 1783 году, послѣдніе же стихи только черезъ много лѣтъ, передъ напечатаніемъ оды. Она явилась въ первый разъ въ 1-й книжкѣ *Московскаго Журнала* Карамзина на 1791 годъ. И. И. Дмитріевъ, который незадолго передъ тѣмъ познакомился съ Державинымъ, говоритъ, что она тогда (1790 г.) еще не была кончена. Какъ высоко ее цѣнили, доказывается тѣмъ, что она въ томъ же году была перепечатана Дашковою въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ;* а въ 1792 г. была издана отдѣльно. *Гротъ.*

Стихотворенія Державина, изображающія современные нравы.

Фортуна была главнымъ божествомъ, которому поклонялись и служили образованные люди всѣхъ классовъ второй половины XVIII в. Стремленія ухватиться за ея колесо и подняться, сколько возможно, выше, добиться крупнаго чина, высокаго

и богатаго положенія, которое давало бы возможность проводить все время въ пирахъ и наслажденіяхъ и удовлетворять всѣмъ своимъ страстямъ, были главными стремленіями, для которыхъ жертвовали всѣми высшими, умственными и нравственными интересами. Общую характеристику этой эпохи Державинъ сдѣлалъ въ одѣ „На счастіе", составляющей подражаніе частію одѣ Горація Ad fortunam, частію одѣ Жанъ-Батиста Руссо: A la fortune. Обращаясь здѣсь къ богинѣ счастія, онъ говоритъ, что взываетъ къ ней во дни ея полнаго и всесильнаго господства,

„Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ,
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ трантелево гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги пьяны,
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;
Въ тѣ дни, какъ всюду ериховцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюютъ;
Какъ вкусъ, и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились,
По свѣту свѣтятъ фонари;
Витійствуютъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари".

Сама Екатерина любила жить широко, весело и свободно. Любимымъ ея изреченіемъ было: „Живи и жить давай другимъ". Но широкая и роскошная жизнь не только не давала жить другимъ, но и неизбѣжно происходила на счетъ другихъ, сопровождалась притѣсненіями и разореніями слабыхъ и бѣдныхъ со стороны сильныхъ и богатыхъ. Поэтому Державинъ въ посланіи къ Л. А. Нарышкину „На рожденіе царицы Гремиславы", т.-е. Екатерины, говоритъ:

„Живи и жить давай другимъ,
Но только не на счетъ другого;
Всегда доволенъ будь своимъ,
Не трогай ничего чужого:
Вотъ правило, стезя прямая
Для счастья каждаго и всѣхъ".

Пышной придворной жизни подражалъ каждый богатый и и знатный вельможа, который въ столицѣ или въ своемъ помѣстьѣ устраивалъ своего рода дворецъ, окружалъ его великолѣпіемъ и роскошью, заводилъ театръ, хоры пѣвчихъ, устраивалъ праздники и пиры. Пріемамъ и церемоніямъ столичныхъ властей подражали намѣстники и губернаторы въ провинціяхъ, а намѣстникамъ и губернаторамъ другія власти. Особенно и и въ столицѣ, и въ провинціяхъ богатые и знатные люди любили щеголять гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ. О Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ разсказываютъ, что каждый дворянинъ хорошаго поведенія, каждый заслуженный офицеръ имѣлъ право быть представленнымъ ему и послѣ могъ хоть ежедневно обѣдать и ужинать въ его домѣ. Литераторовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, остряковъ, людей даровитыхъ, отличныхъ музыкантовъ, художниковъ Нарышкинъ самъ отыскивалъ, чтобы украсить ими свое общество. Въ 9 часовъ утра можно было узнать отъ швейцара, обѣдаетъ ли Л. А., и что будетъ вечеромъ, и послѣ того безъ приглашенія явиться къ нему... Ежедневно столъ накрывался на 50 и болѣе особъ. Являлись гости, изъ числа которыхъ хозяинъ многихъ не зналъ по фамиліи, а всѣ принимаемы были съ одинаковымъ радушіемъ. То же самое разсказываютъ и о графѣ А. С. Строгановѣ. Любили задавать роскошные пиры и угощенія князь Мещерскій и другъ его Перфильевъ, графъ Безбородко и др. Картины этой жизни нарисованы во многихъ стихотвореніяхъ, но преимущественно въ одахъ: „На счастье", „На знатность", „Вельможа", „Приглашеніе къ обѣду", „Къ первому и второму сосѣду". Вотъ одна изъ такихъ картинъ въ одѣ „Вельможа".

„А ты, второй Сарданапалъ,
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?

Чтобъ пурпуръ, злато всюду взоръ
Въ твоихъ чертогахъ восхищали,
Картины въ зеркалахъ дышали,
Мусія, мраморъ и фарфоръ?
  На то ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ — съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно?
  Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ
И, съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ.
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радостей казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ"?

Въ противоположность такой изнѣженной, роскошной и суетливой жизни, посреди праздниковъ, пировъ, обѣдовъ и ужиновъ, Державинъ рисуетъ плѣнительный идеалъ благочестивой семейной жизни въ одѣ „Счастливое семейство", составляющей подражаніе 127 псалму.

  „Блаженъ, кто Господа боится
И по путямъ Его идетъ!
Своимъ достаткомъ насладится
И въ благоденствѣ поживетъ.
  Въ дому его нѣтъ ссоръ, разврата,
Но миръ, покой и тишина:
Какъ маслина плодомъ богата,
Красой и нравами — жена.
  Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вкругъ трапезы съ нимъ".

Въ одѣ „Похвала сельской жизни", по подражанію Горацію, онъ рисуетъ идеалъ простой семейной жизни, или въ одѣ „На

умѣренность" идеалъ вообще скромной умѣренности и золотой средины во всякомъ состояніи:

„Завиденъ тотъ лишь состояньемъ,
Кто среднею стезей идетъ,
Ни благъ не восхищенъ мечтаньемъ,
Ни тьмой не ужасаемъ бѣдъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чертогѣ,
Равенъ въ покоѣ и тревогѣ;
Собрать не алчетъ милліоновъ,
Не скалится на жирный столъ,
Не требуетъ ни чьихъ поклоновъ
И не лощитъ ни чей самъ полъ;
Не вьется въ душу къ царску другу,
Не ловитъ таинствъ и не льститъ,
Готовъ на трудъ и на услугу,
И добродѣтель токмо чтитъ.
Хотя и царь его ласкаетъ,
Онъ носа вверхъ не поднимаетъ".

Но чаще всего Державинъ, при изображеніи современной жизни, любилъ указывать на тлѣнность земныхъ благъ, на скоропроходимость и обманъ земныхъ наслажденій и удовольствій, на краткость жизни и неизбѣжность смерти, вообще, отъ временнаго и тлѣннаго міра переноситъ мысль современниковъ къ вѣчной жизни, указывая, что можетъ приготовить человѣка къ этой жизни. Мы видѣли, какую поразительнную картину противоположности между великолѣпіемъ и пышностью человѣка при жизни и его бѣдностію и ничтожествомъ по смерти онъ нарисовалъ въ „Водопадѣ", по случаю внезапной смерти Потемкина.

„Гдѣ слава? гдѣ великолѣпье?
Гдѣ ты, о сильный человѣкъ?
Маѳусаила долголѣтье
Лишь было бъ сонъ, лишь тѣнь нашъ вѣкъ;
Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое.
Иль нѣтъ! — тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи

Отвсюду безпрестанно бьютъ
И, ахъ! зефиры легки рвутъ".

Въ одѣ на смерть князя Мещерскаго, который любилъ давать роскошные пиры и скончался такъ неожиданно, онъ говоритъ

„Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
. . . .
Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали,.
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ:
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И точетъ лезвее косы".

Нажившій огромное состояніе управитель Потемкина, Гарновскій, подлѣ дома Державина, построилъ великолѣпный домъ, похожій на дворецъ. Державинъ, въ одѣ „Къ второму сосѣду", указываетъ ему на непрочность земного счастья и человѣческихъ замысловъ.

„Кто вѣсть, что рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначены тобой царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратятъ.
. . . .
Надежнѣй гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ отверстъ и бѣднымъ,
И царь и рабъ въ него придетъ;
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ

Свой постоялый строишь дворъ?

. . . .

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны домы:
Они подобно небесамъ
Стоятъ и презираютъ громы.
Зри, хижина Петра доднесь
Какъ храмъ нетлѣнный средь столицы!
Святъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Матвѣеву принесъ".

Изображая непрочность всего пышнаго, шумнаго, Державинъ указываетъ на то, что составляетъ прочную славу человѣка, на тѣ дѣла, которыя, дѣйствительно, возвышаютъ человѣка, и рисуетъ идеалъ истиннаго величія и достоинства человѣческаго. Изображая въ одѣ „Памятникъ герою" достоинства князя Репина, онъ рисуетъ образъ истиннаго героя вообще, на какомъ бы поприщѣ онъ ни дѣйствовалъ:

„Вѣсами ль гдѣ, мечомъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ,
Его царь — долгъ, его богъ — правда,
Вѣдь имъ онъ жертвуетъ собою".

Въ одѣ „Вельможа", въ противоположность гордости, чванству, лѣности, изнѣженности вельможъ, онъ рисуетъ идеалъ истиннаго величія и истинной знатности:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь смущаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ:
Се образъ ложныя молвы,
Се глыбы грязи позлащенной!
И вы, безъ благости душевной,
Не всѣ ль, вельможи, таковы?

. . . .

Оставя скипетръ, тронъ, чертогъ,
Бывъ странникомъ, въ пыли и въ потѣ,
Великій Петръ, какъ нѣкій богъ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ:
Почтенъ и въ рубищѣ герой!

Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой.
. . . .
Что наше благородство, честь,
Какъ не изящности душевны?
Я князь — коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю;
Бояринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ.
  Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Подпора царственнаго зданья.
Вся мысль его, слова, дѣянья
Должны быть — польза, слава, честь".

Отъ этого идеала истинной знатности поэтъ обращается къ современнымъ вельможамъ и изображаетъ ихъ гордость, чванство, лѣность, изнѣженную и распущенную жизнь, ихъ жестокость и грубость къ окружающимъ ихъ людямъ. Вельможѣ, который нѣжится на постелѣ, онъ говоритъ.

  „А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!
  А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.,
А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами, —
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами".

Такимъ образомъ, какое бы положеніе ни занималъ человѣкъ въ обществѣ, какого бы чина, званія и состоянія ни былъ, онъ прежде всего долженъ быть истиннымъ человѣкомъ, всегда и вездѣ блюсти человѣческое достоинство и быть поборникомъ истины и правды. Въ пьесѣ „На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока (1779 г.), т.-е. в. кн. Александра Павловича, онъ говоритъ:

„Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ".

По случаю введенія въ Сенатъ Александра Павловича въ 1799 г. онъ переложилъ въ стихи 71 псаломъ: Боже, судъ твой цареви даждь и правду твою сыну цареву... Идея правды — основная идея, которую Державинъ постоянно проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ, и которой онъ хотѣлъ слѣдовать въ своей жизни. Въ пьесѣ „Мой истуканъ", перебирая разные роды славы, онъ отказывается отъ всякой громкой славы и говоритъ:

„Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни месть, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
Но добродѣтели священной".

На взятіе Варшавы.

Всѣ знаменитые древнихъ и новыхъ вѣковъ писатели чувствовали и доказали, сколь многихъ талантовъ соединенныхъ, и сколь великихъ трудовъ цѣлой жизни стоило имъ достигнуть той степени совершенства, на которой основали они свое безсмертіе. Вольтеръ говорилъ о себѣ, что онъ одному языку французскому учится шестьдесятъ лѣтъ. — Но у насъ нѣкоторые въ разсужденіи сего думаютъ иначе. Не теряя напрасно труда убѣждать ихъ доказательствами, посмотримъ, напримѣръ, такъ ли легко рождается ода Гораціева, ода Ломоносова или пѣснь Державина. Плодъ ли она единаго токмо энтузіазма, которое живописуетъ все, что видитъ предъ собою безъ выбору, безъ сохраненія отношеній, безъ плана; или имѣетъ планъ постоянный и вѣрный, въ которомъ все связано, все подкрѣпляетъ другое, все споспѣшествуетъ къ усиленію того чувства, которое хочетъ возбудить стихотворецъ въ своемъ слушателѣ? — Случай или глубокій и осторожный разумъ произвелъ и сложилъ, напримѣръ, слѣдующую оду, которая по пылкости своей, кажется, единственнымъ слѣдствіемъ вдохновенія? Я разберу ея ходъ и планъ, дабы показать недоброжелателямъ ученія, что тайна искусства стихотворнаго открыта только для посвященныхъ, а не для профановъ, не для модныхъ писцовъ, сочиняющихъ по навыку, такъ, какъ не знающіе нотъ поютъ съ голоса. Сей разборъ покажетъ намъ, между прочимъ, и таланты стихотворца, и его способы пріобрѣтенные. Предлагаемая мною ода всѣмъ извѣстна; но, для лучшаго соображенія между частями, почелъ я нужнымъ помѣстить ее здѣсь. Вотъ она:

Пошелъ, — и гдѣ Тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады — стали гробы:
Шагнулъ — и царство покорилъ!
О Россъ! о подвигъ исполина!
О всемогущая жена, —
Бесмертная Екатерина!
Куда? — и что еще? — уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.
Какъ ночью звѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблестить,

И мудрыхъ удивитъ.
Ужъ ваши имена,
Тріумфъ, побѣды, трудъ, не скроютъ времена,
Какъ молньи быстрыя, вкругъ міра будутъ течь.
Полсвѣта очертилъ блистающій вашъ мечъ;
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ!
По бранямъ Алексадръ, по доблести стоикъ.
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обоихъ великъ.
Черная туча, мрачныя крыла,
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла,
Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль;
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы, — горы трещатъ;
Ляжетъ на воды, — воды кипятъ;
Граду коснется, — градъ упадетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ;
Слабыя трости щадятся лишь имъ.
Ты ль, Геркулесъ нашъ, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный,
Твой ли, Суворовъ, се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, — корона у ногъ,
Царь въ полону! — ужасъ ты злобнымъ,
Кто былъ царицѣ твоей непокорнымъ.

И се въ небесномъ вертоградѣ,
На злачныхъ вижу я холмахъ,

Благоуханныхъ рощъ въ прохладѣ,
Въ прозрачныхъ радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, царей.
Нашъ звучный Пиндаръ. Ломоносовъ,
Сидитъ — и лирою своею
Безплотный слухъ имъ утѣшаетъ;
Поетъ бесмертныя дѣла.
Уже, какъ молнія, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ, зыблющихъ, перловыхъ,
Они возлегли облакахъ,
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющій тихострунный хоръ.
Въ безмолвьи сладко утопаютъ,
И склабя восхищенный взоръ,
Взираютъ съ высоты небесной
На храбрый, вѣрный свой народъ,
Что доблестью, другимъ безвѣстной,
Еще себѣ вѣнцы беретъ,
Еще на высоту восходитъ,
Всевышняго водимъ рукою. —
Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ;
И въ ревности своей святой,
Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ,
Герой героямъ говоритъ:

„О вы, сѣдящи въ сѣни райской!
Одѣньтесь въ свѣтлы днесь зари!
Возстань, великій мужъ Пожарскій!
И на Россію посмотри:
Ты усмирилъ ея крамолу,
Избралъ преемника престолу,
Разсадникъ славы насадилъ;
И се рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укоснилъ!
Она нашъ домъ распространила,
И славой всѣхъ насъ превзошла,

Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была".
Прорекъ монархъ и скрылся въ сѣнь.
Герои росски всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ.
Лежитъ измѣнница и, взоры
Потупя, обращаетъ вкругъ;
Терзаютъ грудь ея укоры,
Что раздражала кроткій духъ,
Склонилась на совѣтъ змѣиный,
Отвергла щитъ Екатерины,
Не могши дружбы къ ней сберечь.
И се днесь надъ сарматомъ плѣннымъ,
Навѣсясь шлемомъ оперенкымъ,
Всесильный россъ занесъ свой мечъ.
Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной;
Подите, отнимите львы!
Стремися съ фуріей сонмъ грозный!
Герой, отъ Лены до Невы,
Возлегши на лавровомъ полѣ,
Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитомъ небеснымъ осѣняясь,
На вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ оттолкнетъ ногой.
О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
Быть россу другомъ и робѣть!
Пожаръ тушить стараться зѣльный,
И бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнить защищать монарши правы,
И за корысть лишь воевать;
Желать себѣ безсмертной славы,
И не сражаясь отступать;
Слыть недругомъ коварству злому,
И чтить его внутрь сердца ядъ!
Но ты, народъ, подобно грому,
Котораго мечи вдали звучатъ!
Доколѣ твердъ, единодушенъ,
Умѣешь смерть и скорби презирать,

Царю единому послушенъ,
И съ нимъ по вѣрѣ поборать
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! твой Богъ съ тобою!
На что тебѣ союзъ! о россъ!
Шагни, — и вся твоя вселенна.
О ты, жена благословенна,
У коей сынъ такой колоссъ!
Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
Странамъ, владѣемыхъ тобой,
Со звукомъ, громомъ и со звономъ
Еще одну его рукой
Пріими корону принесенну
И грудь во браняхъ утомленну
Спѣши спокойствомъ врачевать,
Твое ему едино слово
Отраду, духъ, геройство ново
И счастье можетъ даровать!
  А ты, кому и музы внемлютъ,
Младой наперсникъ, чашникъ Кронъ,
Предъ кѣмъ орелъ и громы дремлютъ
И вседробящій молній огнь!
Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
Звѣздами, перлами кипящъ,
Да нектаръ твой небесный, сильный,
На лоно нѣжныхъ музъ клонящъ,
На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
Воспѣть меня возбудитъ миръ.
  И се уже въ странахъ кристальныхъ
Несусь, оставя дальній міръ;
Огнистый солнца конь крылатый
Летитъ по воздуху и ржетъ.
Съ ноздрей дымъ пышетъ синеватый,
Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ,
Струями искры сыплютъ взоры;
Какъ овны, убѣгаютъ въ горы; —
И въ божескомъ восторгѣ семъ
Я вижу въ тишинѣ полсвѣта!
  Живи, цвѣти несмѣтны лѣта
О Царствующая на немъ!

Кто лучшій столькихъ странъ владѣтель
Какъ не въ коронѣ добродѣтель?
Пошелъ — и царство покорилъ.

Это есть изложеніе цѣлой оды, музыкальный речитативъ, въ которомъ коротко и сильно показано все ея содержаніе: показана причина отечественной радости и торжества. Такъ началъ Моисей свой благодарственный гимнъ Богу по прехожденіи чрезъ Чермное море, единственный и несравненный, какой токмо оставила намъ древность. Онъ начинается: *Поимъ Господеви* и пр. Я не останавливаюсь на словахъ: *пошелъ, шагнулъ — и царство покорилъ.* Въ стихахъ сихъ нѣсколько смущается соображеніе близостью словъ неравно высокихъ: *шагнулъ* и *покорилъ.* Когда Гомеръ представляетъ разъяреннаго Нептуна, сдѣлавшаго только четыре шага до Иліона: я постигаю быстроту движенія, но *шагнуть* и *покорить царство*: это не такъ удачно связывается, и не такъ, какъ въ прекрасныхъ словахъ Юлія Цезаря: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ,* гдѣ быстрая постепенность очевидна: ибо въ словѣ покорять заключается уже продолженіе времени. Впрочемъ, краткость и сила періода замѣняетъ съ обольщающимъ избыткомъ сію маленькую неточность. Спокойный, холодный прозаистъ сталъ бы насъ медленно вводить въ сію сцену. Онъ бы объявилъ: *кто* пошелъ, *какъ* пошелъ. Стихотворецъ восторженный вдругъ видитъ себя посреди сцены, посреди ужасовъ боя, посреди торжества побѣды, и, обнимая все сіе очами воображенія, страсти, не можетъ думать, чтобъ и всѣ его слушатели не созерцали же того, что онъ созерцаетъ, и не чувствовали того, что онъ чувствуетъ. Такъ сестра, восхищенная нечаяннымъ возвращеніемъ брата, или другъ, обрадованный прибытіемъ друга, вбѣгаетъ въ комнату своихъ родителей, и не въ силахъ произнести его имени, говоритъ только: онъ пріѣхалъ, онъ пріѣхалъ, онъ! онъ! какъ будто всѣ должны знать, кто долженъ быть онъ, этотъ любезнѣйшій. Восторгъ естественно и просто выраженный, производящій полное свое дѣйствіе! Столь же естественъ переходъ отъ сего изложенія или речитатива къ слѣдующему, какъ будто нѣкоторой аріи, изъявляющей вмѣстѣ радость и удивленіе:

О Россъ! о подвигъ исполина — царицѣ твоей и покорнымъ.
Въ вопросахъ: *куда* и *что еще* заключается особенная сила.

Державинъ представляетъ не какъ живописецъ, но какъ поэтъ. лица свои въ дѣйствіи. Симъ, едва вѣроятнымъ, подвигомъ царица и водимый ею побѣдитель не утомились; преодоленіе величайшей трудности не останавливаетъ ихъ: они готовы, они стремятся далѣе къ новымъ подвигамъ. Изображеніе опочившаго среди тріумфовъ героя было бы не столь пріятно, не столь возвышенно. *Уже полна великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.* Просто и прекрасно. Не распространяюсь о блистательномъ сравненіи: *какъ ночью звѣздъ стезя — и мудрыхъ удивитъ;* оно, конечно, скорѣе восхититъ молодыхъ поэтовъ, но, кажется мнѣ, нѣсколько выисканнымъ для сердца восторженнаго, особливо сія *блестящая цѣпь дѣяній.* Я замѣчу здѣсь съ большимъ удовольствіемъ тонкую, благородную черту, заключающуюся въ одномъ словѣ: *вашихъ,* которое умышленно стихотворцемъ повторено нѣсколько разъ. Державинъ, какъ патріотъ и поэтъ, не *славитъ* одну токмо государыню: онъ сливаетъ труды ея съ трудами подданнаго, ея славу съ его славой, ея имя съ его именемъ. Какъ сладостно должно быть такое чувство и для *Екатерины,* и для *ея* достойнаго росса! Счастливы монархи, которыхъ слава и при жизни и въ самое позднее время не отдѣляется отъ славы народа! *И мудрыхъ удивитъ.* Въ словѣ *мудрыхъ* заключается сила: она, *цѣпь* и пр. изумитъ самую мудрость, коя видитъ далѣе, судитъ строго. Грамматика охотно прощаетъ стихотворцу, что онъ, вмѣсто *именъ,* поставилъ *имена;* очень вѣроятно, что и реторика извинитъ эту непостепенность: *тріумфъ, побѣды, трудъ,* и свѣтила, названныя *молніями,* ибо молнія освѣщаетъ вдругъ, а не *течетъ вокругъ міра.* Прекрасная мысль! дѣла, имена Екатерины и росса будутъ новыми свѣтилами, озаряющими нравственный міръ! Но каковъ этотъ мечъ, который очертилъ полвселенны! — какова рука, которая должна управлять имъ! — Кажется, я вижу вождя небесныхъ силъ, Михаила, изъ селеній горнихъ устремляющагося на мятежниковъ ада! кажется вижу его, копіе, простирающееся отъ востока до запада! Таковы должны быть стихотворные образы! — они возвышаютъ и поражаютъ душу какимъ-то яркимъ свѣтомъ!

И славы громъ — Суворовъ. Картина для слуха и для взора! — но, кажется, есть въ ней подробности, не столь разительныя для читателя опытнаго, какъ предыдущія. Можемъ ли мы услаждаться игрою словъ, смотрѣть *на холмъ и дебри,* какъ

слухъ *прокатится,* и тутъ же пройдетъ и тутъ же промчится: и тутъ же *прозвучитъ изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,* смотрѣть при этомъ ужасномъ мечѣ, при сіяніи свѣтилъ, обтекающихъ вселенную, при этой стезѣ звѣздъ по небесамъ, столь велелѣпно ихъ препоясавшей лучезарною, огненною полосою! Мысль не успѣваетъ за Державинымъ. Захочетъ ли потомство узнать характеръ Суворова? Онъ живописуется весь въ одномъ стихѣ:

По бранямъ Александръ, по доблести стоикъ,
. . . . и въ обоихъ великъ.

Но стихотворецъ не доволенъ симъ опредѣленіемъ; онъ видитъ героя своего въ буряхъ:

Черная туча, мрачныя крыла — кто былъ царицѣ твоей непокорнымъ.

Это, безъ всякаго сомнѣнія, прекрасное мѣсто показываетъ впрочемъ, какъ трудно быть безпрерывно возвышеннымъ безъ натяжки, или безъ утомленія. Одинъ изъ древнихъ поэтовъ представилъ Энцелада, который ставилъ горы на горы для того, чтобы взойти на небо. Онъ поднялъ на плечи свои Оссу, чтобъ вознести ее на Пеліонъ, и въ ту самую минуту полилась по хребту его цѣлая рѣка, проистекающая изъ сей горы: вотъ смѣшная черта, которая испортила всю картину, столько возвышенную! Мнѣ кажется также, не придаютъ ничего великолѣпной картинѣ Державина стихи такіе, какъ *башни рукою за облакъ бросаетъ;* это слишкомъ игриво для бурнаго вѣтра; также: *градъ упадаетъ,* когда *коснулась* буря; градъ въ семъ смыслѣ можетъ разрушиться, а не упасть; также: *кѣмъ ты бывалъ когда побѣждаемъ, все ты всегда вездѣ превозмогъ* и пр.

Душа наша въ своихъ наслажденіяхъ чрезвычайно нѣжна и раздражительна: одинъ звукъ неровный, вышедшій изъ тона, или не столь сильный, тотчасъ разрушаетъ ея очарованіе. Но Державинъ опять уже на высотѣ паренія своего. Что можетъ быть сильнѣе слѣдующихъ краткихъ словъ: *Тронъ подъ тобой, корона у ногъ, царь въ полону!* Можно ли послѣ сихъ выраженій критиковать: *ужасъ ты злобнымъ, кто* и пр.?

Покореніе Варшавы тѣмъ было для насъ пріятнѣе, что оно заключало въ себѣ праведное мщеніе за безчисленныя обиды, нѣкогда причиненныя поляками нашимъ предкамъ. Это была

война за отечественную славу, нѣкогда оскорбленную; это тріумфъ, посвященный потомками предкамъ. Надобно, чтобы они соединили съ нами свою радость, чтобы утѣшились въ горестяхъ, нѣкогда ими претерпѣнныхъ. Посмотрите: поэтъ отверзаетъ вамъ небеса, и вы ихъ видите подобно вамъ торжествующихъ: они слышатъ васъ — сіи любезнѣйшія тѣни раздѣляютъ съ вами ваши удовольствія! онѣ благословляютъ васъ:

И се въ небесномъ вертоградѣ — чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ. Нельзя сказать, что болѣе высокое благоразуміе или воображеніе изобрѣло и украсило эту картину. Вы видите по связи, что она не родилась сама собою, но приготовлена, и непремѣнно должна быть прежде обдумана, измѣрена и расположена! Нельзя изобрѣсть ничего приличнѣе, натуральнѣе! Сколько прекраснѣйшихъ мѣстъ, на которыхъ такъ пріятно покоится наше воображеніе! Я люблю видѣть сихъ вождей и царей, которые и *тамъ,* на небесахъ, обитаютъ посреди прежнихъ своихъ любимыхъ подданныхъ, посреди прежнихъ товарищей своихъ на битвѣ, вмѣстѣ нѣкогда страдавшихъ за вѣру и отечество, и теперь вмѣстѣ веселятся съ тѣмъ же семействомъ, тѣмъ же обществомъ! Люблю видѣть Ломоносова вмѣстѣ съ Державинымъ: одинъ поетъ на небѣ, другой показываетъ намъ поющаго! Два великихъ генія стоятъ на ряду! Люблю видѣть нѣкоторыя черты старинныхъ нашихъ обычаевъ, старинныхъ пиршествъ! Этотъ русскій нектаръ, *златый медъ въ устахъ* пунцовыхъ, эти перловыя, мягкія облака, сіи небесные ковры, сіи небесныя дѣвы и арфы: какая небесная роскошь! Теперь пусть говорятъ, что отъ оды невозможно требовать плана! Онъ долженъ быть и есть въ твореніяхъ великихъ писателей; тѣмъ труднѣе сохранить его, что онъ скрытъ, и имѣетъ всѣ наружные признаки безпорядка, столь свойственнаго изступленному воображенію и пламеннымъ чувствамъ. Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это несправедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная: ее-то долженъ открыть и исполнить стихотворецъ. Но... вспомнимъ,

что мы въ сѣни райской, гдѣ объ системахъ не спорятъ... Не чувствуете ли вы сладкаго благоговѣнія, потрясающаго вашу душу? Преклонитесь: это Петръ, обновитель, образователь своего отечества! Онъ учреждаетъ торжества небесъ, онъ судитъ подвиги *Екатерины*, побѣды Суворова! и съ кѣмъ судитъ? съ *Пожарскимъ*, бичомъ поляковъ, спасителемъ трона, независимости россійской! Сколько идей возбуждается сими великими именами! Открывается бездна несчастій, въ которую ввержена была Россія, и скрежещетъ еще лютость варваровъ, и слышны еще стенанія изможденной Москвы, — но се процвѣла ея свобода, — образованіе отечества, утвержденіе Россіи между политическими державами, огражденіе предѣловъ, внутреннее устройство, — рядъ великихъ государей, слѣдующихъ единому великому плану *Петра* Перваго, и наконецъ *Екатерина*, совершающая то, что предположили ея предшественники, сіи благотворители отечества: рой мыслей сладостныхъ, утѣшительныхъ! Кто прежде былъ страшенъ, тотъ лежитъ теперь попранный, окованный узами униженія! Что мы прежде были и что теперь, усмиривъ столь сильнаго, столь безпокойнаго непріятеля!!! Можно ли хвалить вмѣстѣ такъ пріятно и такъ нѣжно! Петръ Первый говоритъ:

Она намъ распространила,
И славой всѣхъ васъ превзошла;
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была...

Изрекъ Монархъ и скрылся въ сѣнь! Непріятно разставаться съ особою, предъ которой благоговѣешь, и которую любишь; въ семъ отношеніи черта: *скрылся въ сѣнь*, не имѣетъ полнаго своего эстетическаго дѣйствія; но она гораздо пріятнѣе *ангеловъ, смотрящихъ сквозь хрустальную дверь небесъ на торжествующихъ смертныхъ*. Здѣсь величіе героя не унижено. Въ этомъ замѣчаніи виноватъ самъ живописецъ: для чего онъ такъ прелестно пишетъ? Для чего показавъ картину очаровательную, отнимаетъ ее такъ скоро? Слѣдующая картина вознаграждаетъ васъ за вашу патріотическую ревность! Радость о низложеніи непріятельницы пролетѣла въ сонмахъ блаженныхъ героевъ. Они восколебались, чтобы узрѣть ея плѣненіе. Прекрасно! Но нужно ли представлять ихъ, *приподнимающихъ чела свои?* они смотрятъ съ высоты небесъ. Впрочемъ это

показываетъ, можетъ быть, святое нетерпѣніе праведниковъ увидѣть скорѣе славу отечественную! Все прекрасно!

Что еще сказать выше и болѣе въ похвалу монархини? Но геній обрѣтаетъ новое средство, и обрѣтаетъ его въ глубинѣ сердца человѣческаго. Велика побѣда надъ сильнымъ, ожесточеннымъ непріятелемъ: но гораздо большая — заставить его самого раскаиваться въ своихъ несправедливостяхъ, заставить его оправдывать свою побѣдительницу, удивляться ей, благоговѣть предъ нею: вотъ вѣнецъ, драгоцѣннѣйшій для всѣхъ завоевателей! Искусство красворѣчія торжествуетъ.

Лежитъ измѣнница — одной васъ оттолкнетъ ногой. Стихотворное изображеніе! Но въ сихъ двухъ строфахъ заключаются двѣ картины, которыя, будучи обѣ мастерскія, не могутъ, кажется, слѣдовать одна за другой. *Лежитъ измѣнница и, взоры потупя, обращаетъ вкругъ* и пр. Потомъ непосредственно *плѣнный сарматъ*, надъ которымъ *всесильный россъ занесъ свой мечъ* (плѣннаго не сѣкутъ, не рубятъ): и потомъ *орелъ, гнѣздящій на злобной гидрѣ*, при защищеніи *львовъ*, вѣроятно тогдашнихъ крамольныхъ ея защитниковъ, отражаемыхъ героемъ, *простершимся отъ Лены до Невы*. Трудно все это помѣстить въ одной рамѣ. Измѣнница, сарматъ, гидра — все та же Польша; все говорится объ одномъ и только подъ разными образами, изъ которыхъ, еще повторяю, каждый очень хорошъ; но всѣ вмѣстѣ мѣшаютъ другъ другу. И какъ гидру защищать, или отнимать львамъ? Когда представляемъ мы въ аллегоріи звѣрей, то, кажется, непремѣнно должны сохранять ихъ естественныя между собою отношенія; между гидрой и львами нѣтъ отношеній и связей. Потомъ, употребивъ аллегорію, должно ее выдержать. Пѣснопѣвецъ вышелъ уже изъ нея, говоря объ россѣ, занесшимъ ужасный мечъ; еще болѣе отъ нея удалился, перемѣнивъ совершенно сцену представленіемъ героя, возлежащаго отъ Лены до Невы и *толкающаго* львовъ ногою! Замѣтимъ и здѣсь искусство пѣснопѣвца; онъ представляетъ низверженную измѣнницу въ состояніи раскаянія; грудь ея *терзаютъ укоры* за то, что *раздражила кроткій духъ Екатерины*, что отвергла ея покровительство, и за то единственно теперь наказывается! Самая кара становится не мщеніе, но исправленіе, дѣйствіе божественнаго правосудія. Какъ блистательно явлены дѣла благотворительной побѣдительницы! Усомнясь нѣсколько въ столь близкомъ соединеніи

разнородныхъ картинъ, еще не могу умолчать о красотѣ одной изъ нихъ, *разсматриваемои отдѣльно,* о семъ холодномъ мужествѣ росса, который, будучи управляемъ мудрою главою, осѣненный щитомъ небеснымъ, опершись на вѣру и вѣрность, безъ всякой посторонней помощи съ презрѣніемъ женетъ отъ себя враговъ своихъ. Вся эта картина понравится всегда патріотическому сердцу, кромѣ, можетъ быть, послѣдняго стиха, который не въ тонѣ оды.

Теперь стихотворецъ, какъ лицо, участвующее во всѣхъ прежде представленныхъ сценахъ, говоритъ самъ отъ себя вѣроломному народу, и послѣ побѣдителямъ-россіянамъ. Таковъ священный санъ барда; театръ его вселенная и вѣки, ему внимаютъ цари и народы. *О стыдъ, о срамъ неимовѣрный. О Ты въ женахъ* и пр. Но мы должны прежде замѣтить удивительный переходъ, который сдѣлалъ Державинъ отъ первыхъ картинъ къ послѣднимъ. Всего пріятнѣе для души нашей, когда она возвышается и чувствуетъ свое возвышеніе. Итакъ, перенося ее въ небо, стихотворецъ исполнялъ ее съ величественнымъ удовольствіемъ; но какимъ образомъ спустилъ онъ ее съ небесъ, на сію бренную землю, не давъ ей почувствовать неудовольствія, проистекавшаго отъ разлуки съ пріятнѣйшими мечтами? Должно признаться, что это самый труднѣйшій подвигъ. Превосходнѣйшіе писатели рѣдко совершали его удачно. Обыкновенно въ такомъ мѣстѣ ставили точку: *конецъ.* Державинъ очаровалъ насъ и не далъ намъ примѣтить перехода. Гдѣ же онъ насъ низводитъ? Тамъ, гдѣ *Герои росски всколебались — лежитъ измѣнница и, взоры потупи, обращаетъ вкругъ.* Вы обращаетесь на предметъ самый для васъ торжественный; ибо на *униженную* непріятельницу пріятно обратиться. Вы, или взоры ваши, спускалися не одни, но вмѣстѣ со взорами блаженныхъ героевъ — прадѣдовъ. Не пріятно ли быть вмѣстѣ съ ними?.. Небеса не закрылись: вы отъ нихъ не отдѣлены; и сцена въ воображеніи осталась вся та же, какая была прежде: отверстое небо, на облакахъ герои, а на земля россы торжествующіе. Если бъ не было этого перехода, то пьеса должна или кончится, или все прочее не относилось бы къ главному предмету: другими словами, нарушилось бы единство. Самое лучшее средство для всѣхъ писателей одъ стараться всегда изъ своихъ мыслей, чувствованій и картинъ представлять драматическую сцену съ актерами

и зрѣлищемъ. Дайте всему пристойное положеніе, а сами будьте на время зрителями: тотчасъ откроется, что̀ прилично, что̀ въ своемъ мѣстѣ, и что нѣтъ. Итакъ, натурально, что при настоящемъ торжествѣ обитателей небесныхъ, возлежащихъ на облакахъ, и жителей земныхъ, ликующихъ о столь знаменитыхъ завоеваніяхъ предъ очами скованной плѣнницы, терзающей себя въ отчаяніи, предсталъ священный пророкъ, или вдохновенный бардъ къ народамъ. Такимъ образомъ утверждена связь между предыдущею и слѣдующею строфою, и доказано, что стихотворецъ нимало не унизился въ ходѣ своей оды, начавъ говорить отъ своего лица: *О стыдъ! о срамъ неимовѣрный — и чтить его внутрь сердца нѣтъ*. Что можетъ быть натуральнѣе, какъ послѣ путешествія по морю, вышедши на берегъ, воспоминать о прошедшихъ опасностяхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, которыхъ пловцы избѣжали? Что пріятнѣе для воина, какъ воспоминать прошедшія бури брани, всѣ ужасы, напасти, измѣны, вѣроломства друзей, и когда при всемъ этомъ война кончилась счастливо? Чувство сея радости и чувство патріотическаго негодованія къ невѣрнымъ союзникамъ, которые повергли опасностямъ нашихъ братій и друзей, начертало сію строфу. Въ связи ли она съ предыдущими? Конечно. Это не что иное, какъ новый способъ возвысить важность побѣды, 1) тѣмъ, что она окончена была покореніемъ цѣлаго царства; 2) тѣмъ, что отмщены предки; 3) тѣмъ, что пріобрѣтена собственными силами безъ всякой помощи, и притомъ при коварныхъ умыслахъ союзниковъ, которыхъ усилія остались тщетными. Вы изволили примѣтить, что стихотворецъ обращается около своего предмета безпрестанно въ то время, когда, повидимому, онъ будто бы покинулъ его, и говоритъ безъ всякаго намѣренія о союзникахъ, кои не держатъ своего слова: новое искусство закрыть планъ! *Но какая тебѣ нужда въ нихъ, о Россъ! Ты мощенъ самъ собой — и вся твоя вселенна!* Особенно пріятно встрѣчать въ самыхъ торжественныхъ одахъ Державина черты нравоучительныя. Похваляя росса, онъ напоминаетъ, какъ патріотъ, при всякомъ случаѣ и тѣ доброты, которыми россъ возвысился, и тѣ силы вспомогательныя, на которыхъ основано его величіе и благоденствіе: твердость, единодушіе, презрѣніе скорби и смерти, повиновеніе власти, правду, вѣру и Бога! съ сими неизмѣнными друзьями, конечно, *мигни — и вся твоя вселенна!*

Обращеніе къ великой императрицѣ также очень трогательно... Примѣтно нѣкоторое утомленіе поэта, но не паденіе, не слабость... Да не подумаютъ почтеннѣйшіе мои слушатели, чтобы чрезъ это утомленіе разумѣлъ я недостатокъ; напротивъ того, во многихъ знаменитѣйшихъ писателяхъ въ концѣ оды сей оттѣнокъ есть искуственный. Ибо что такое пѣвецъ?— Тоже, что пиѳія, сѣдящая на треножникѣ и дающая отвѣты Она ожидаетъ бога Аполлона, который исполняетъ ее своимъ духомъ. Сіи вдохновенія бываютъ и должны быть кратковременны; сіи усилія превозмогаютъ слабую природу человѣческую. Поэтъ совершилъ свое откровеніе, и долженъ казаться утомленнымъ; ибо былъ обителью силы сверхъестественной, обителью бога. Въ противномъ случаѣ онъ вышелъ бы изъ предѣловъ вѣроятія! Горацій всегда, Державинъ во многихъ случаяхъ сохраняютъ сіе правило, почерпнутое ими конечно не изъ книгъ, но въ самомъ своемъ сердцѣ. Поручивъ побѣдоносваго росса храненію и врачеванію благодѣтельной монархини матери, поэтъ обращается къ *Ганимеду. А ты — возбудишь пить миръ*. И могъ ли небесный виночерпій отказать генію Державина! Ему принадлежитъ амврозія, или безсмертіе, — пламень вдохновенія, вино стихотворнаго пророчества! Писатель разумѣлъ, безъ сомнѣнія, сей небесный даръ, потребный для прославленія мира, котораго онъ желалъ, какъ сынъ отечества, и который близокъ былъ по обстоятельствамъ. Пусть было бы это одно желаніе: оно уже драгоцѣнно! И въ какомъ приличномъ, по сердцу писателя, мѣстѣ! Услышана молитва Державина. *и се уже въ странахъ эфирныхъ. Я вижу въ тишинѣ полсвѣта.*

Теперь очевидно, что онъ нимало не ослабѣлъ въ своемъ пареніи. Обращеніе къ государынѣ столь простое, не украшенное, потому натурально, что оно изображаетъ чувство благоговѣнія и нѣкоторой боязни, рождающейся въ насъ, при воззрѣніи на лицо великаго, могущественнаго человѣка! Державинъ кончилъ столь же высоко, какъ началъ, хотя въ серединѣ иногда и казался ниже обыкновеннаго своего паренія. Довольно, что онъ достигнулъ своей цѣли. Прекрасно сравниваетъ Кастельветро Пиндара съ кораблемъ, вынесеннымъ изъ гавани бурею. Сперва онъ былъ видимъ во всемъ своемъ блескѣ; буря усилилась: онъ является то на поверхности воды, то подъ водою, то въ пламени, то во мракѣ. Стоящіе на бе-

регу почитали его уже погибшимъ, потонувшимъ: но вдругъ небо просіяло, море утихло, и корабль стоитъ на берегу. — Сравненіе хорошо для оды; но оно же показываетъ и излишнія отступленія Пиндара отъ своего предмета, многія темноты, которыя чувствовали даже его современники, излишнюю свободу въ порядкѣ и ходѣ, — прочитанная мною теперь ода *Державина*, при всѣхъ своихъ порывахъ, свободна и отъ сего излишества. Онъ ни на минуту не скрывался отъ взоровъ. Во всей одѣ одна сцена: небо и земля, вмѣстѣ ликующія. Въ послѣднихъ стихахъ чувствителенъ пламень обѣтовъ усердныхъ подданаго къ императрицѣ, сына къ матери; — и какъ можно лучше кончить? — *Живи добродѣтель.* Прекрасную пѣснь сію разбиралъ я только въ одномъ планѣ и ходѣ, для того наиболѣе, чтобы опровергнуть мнѣнія о стихотворствѣ тѣхъ, которые думаютъ, что оно состоитъ въ одномъ механическомъ устройствѣ стопъ и въ риѳмахъ! Чувствую, что мнѣ говорить объ этомъ стыдно при почтеннѣйшихъ слушателяхъ и слушательницахъ; но я говорю противъ вреднаго мнѣнія, и долженъ былъ позволить себѣ ненужныя нѣкоторыя подробности. Пусть знаютъ, что быть стихотворцемъ, не только требуется великаго отъ природы дарованія, но, сверхъ того, многотруднаго изученія правилъ, искусства, природы и человѣка, великихъ пособій изъ другихъ наукъ, — короче, пусть молодые поэты знаютъ, что духъ философа, стихотворца, политика одинъ и тотъ же духъ. Что въ разсужденіи искусства замѣтили вы въ сей одѣ, то самое есть и въ хорошей баснѣ, и въ хорошей пѣснѣ, и во всякой стихотворной бездѣлкѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ стиховъ, которую правильно написать такъ же трудно, какъ и большое сочиненіе. Я часто слыхалъ, какъ хвалятъ нашихъ лучшихъ сочинителей: какъ громко пишетъ Ломоносовъ! какъ гладко изъясняется Державинъ! какъ плавны стихи Дмитріева! какъ нѣжно пишетъ Сумароковъ! какъ чисто пишетъ Карамзинъ! какъ *легко* это переведено, или сочинено! Милостивые государи! вы не хвалите, а оскорбляете вашихъ любезныхъ поэтовъ. У насъ теперь, благодаря времени и привычкѣ, всѣ уже почти пишутъ гладко и чисто: но какъ же отличите первыхъ *писателей* отъ посредственныхъ? *Гладкость, плавность, чистота, легкость, громкость, точность:* все это вмѣстѣ не что иное, какъ только начала ихъ искусства. Ищите далѣе своихъ наслажденій, и вы найдете ихъ въ тѣхъ же самыхъ

поэтахъ, если рѣшитесь испытать и науку, и собственныя ваши чувства. На вопросъ мой: какова комедія? отвѣчаютъ мнѣ съ восторгомъ: чисто написано! какова трагедія? отвѣчаютъ: прекрасные стихи, и тотчасъ прочтутъ ихъ: но красота трагедіи и комедіи состоитъ не въ однихъ только прекрасныхъ стихахъ. Какова сатира? отвѣчаютъ: *ну, ужъ пѣко;* всѣхъ перебрала! Но это не все еще для сатиры. Надъ чѣмъ стихотворецъ болѣе трудится, что болѣе всего обнаруживаетъ его таланты: планъ, характеры, дѣйствія, сохраненіе, измѣненіе тоновъ, — объ этомъ никто не говоритъ ни слова, какъ о такомъ дѣлѣ, которое ничего не значитъ. Теперь и питомецъ музъ, не самозванецъ, скажетъ: для кого жъ я тружусь!.. И вотъ причина, отъ чего театръ нашъ наполненъ по большей части эпическими трагедіями и комедіями безъ характеровъ и дѣйствія: апплодируютъ слову, не думая объ томъ, прилично ли оно, и на своемъ ли мѣстѣ! Я видѣлъ въ одной русской драмѣ, пріобрѣтшей благоволеніе публики, какъ любовникъ, услышавъ внезапно, что любовница его бросилась въ прудъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать избавить ее, или утонуть вмѣстѣ съ нею, со всею набожностью становится на колѣни и читаетъ продолжительную молитву о сохраненіи жизни ея. И многіе безъ памяти радовались, можетъ быть, впрочемъ, и хорошей сей рѣчи, произнесенной со всѣми движеніями страстнаго человѣка! Публика школа писателя! Ахъ, въ какой школѣ учились Расинъ и Корнель! Уважимъ самихъ себя, уважимъ науку и талантъ стихотворца изъ любви къ самимъ себѣ, и очистимъ чрезъ то собственныя наши удовольствія!

Мерзляковъ.

Содержаніе и значеніе оды „Водопадъ".

Въ „*Водопадѣ*" Державинъ представляетъ добродѣтельнаго, счастливаго спокойствіемъ духа и умѣренностью желаній. Эту мысль поэтъ выражаетъ не отъ себя, а отъ воина, сидящаго при водопадѣ, погруженнаго въ глубокую думу и сравнивающаго съ водопадомъ жизнь человѣческую. Ночь застигаетъ въ этой думѣ воина, и онъ засыпаетъ. Здѣсь разсказывается чудный сонъ и *геройскія мечты.* Крылатая вѣкая жена, одѣтая въ черныя ризы, съ распущенными власами, на шлемѣ у которой орелъ, съ косой въ рукахъ и съ трубой, является передъ воиномъ. Проснись! раздался голосъ привидѣнія. Воинъ про-

буждается, обливается слезами и чувствуетъ великую утрату: умеръ славный вождь, оно вѣщаетъ. Тутъ выливается господствующая мысль поэта: „да будетъ благословенъ въ позднихъ вѣкахъ другъ человѣчества“. Погруженный въ размышленіе воинъ видитъ тѣнь, возносящуюся въ горныя селенія небесныя. Въ ней узнаетъ онъ своего сподвижника, наперсника у трона, совѣтодателя въ войнѣ и мирѣ, того, кому созидались торжественныя врата, сплетались побѣдоносные лавровые вѣнки, кому вослѣдъ шли счастіе и слава. Такъ наша жизнь — одно мечтанье. Лишь истина даетъ вѣнцы заслугамъ; ее выслѣживаютъ поэты; одного праведника святъ кумиръ. Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ водопаду и желаніе, да увеселяетъ онъ и духъ и взглядъ свѣтлымъ и звучнымъ стремленіемъ, и заживетъ красотой своей въ памяти поздняго потомства.

Воинъ, сидящій въ пустынѣ, на утломъ пнѣ и такъ размышляющій, есть герой Румянцевъ-Задунайскій. Жена, одѣтая въ черныя ризы съ орломъ на шлемѣ, — Россія. Вождь — внезапно умершій Потемкинъ-Таврическій.

Таково содержаніе и значеніе этой оды, обильной въ мысляхъ, роскошной въ картинахъ природы, вѣрно изображающей и страну, и подвиги двухъ героевъ — Румянцева и Потемкина, но неправильной въ ходѣ своемъ и расположеніи.

Давыдовъ.

На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока.

Ода состоитъ изъ пяти частей: 1) изображеніе сѣверной зимы, 2) рожденіе необыкновеннаго отрока, 3) дары, полученные имъ при рожденіи, 4) отношеніе къ нему Россіи, 5) обращеніе къ отроку. Первую часть можно подраздѣлить еще на двѣ части: 1) изображеніе Борея и 2) вліяніе его на все живущее. Автору нужно было представить самую суровую сѣверную зиму, которая была въ Петербургѣ въ началѣ декабря, въ годъ рожденія великаго князя Александра Павловича. Для этого, по обычаю поэтовъ того времени, онъ беретъ образъ изъ классической миѳологіи, гдѣ Борей представлялъ бога сѣвернаго, холоднаго вѣтра. Такимъ образомъ авторъ здѣсь олицетворяетъ зиму, перерабатывая заимствованный образъ такъ, чтобы онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ явленію природы. Такъ какъ сѣверная зима отличается бѣлизною снѣга и инея, то отсюда и Борей является съ бѣлыми воло-

сами и съ сѣдою бородою: онъ потрясаетъ небесами, сжимаетъ облака, сыплетъ пушистый иней, воздымаетъ мятели, оковываетъ быстрыя воды льдистыми цѣпями, словомъ, образъ является могучимъ, громаднымъ, ужаснымъ — это лихой старикъ, отъ котораго содрогается вся природа — до чего онъ ни дотронется, все превращается въ камень. Все живущее бѣжитъ отъ него и скрывается: звѣри въ норы, рыбы въ глубину водъ, пчелы въ дупла, птицы замолкаютъ. При этомъ поэтъ снова обращается къ классической миѳологіи и беретъ отсюда нимфъ для изображенія ручейковъ и источниковъ, которые перестали журчать между камышей, и сатировъ для изображенія лѣсовъ; у него нимфы со скуки засыпали среди пещеръ и камышей, а сатиры собирались грѣться вокругъ огней. Сравнивъ этотъ гиперболическій образъ съ явленіями русской сѣверной зимы, нужно сказать, что онъ довольно вѣрно и живописно изображаетъ ее. Въ это-то холодное время въ сѣверномъ царствѣ рождается порфирородный отрокъ и все кругомъ перемѣняется: за страшными холодами наступаетъ оттепель. Автору нужно показать, что назначеніе родившагося младенца необыкновенное, что онъ выходитъ изъ ряда прочихъ; для этого онъ пользуется простымъ случаемъ перемѣны погоды и приписываетъ ее дѣйствію рожденія младенца: оно укротило Борея; отъ дыханія новорожденнаго явился зефиръ и удалилъ съ полей зиму. Другое обыкновенное явленіе природы, поворотъ солнца по эклиптикѣ въ половинѣ декабря, также даетъ возможность поэту указать на таинственныя силы въ младенцѣ: онъ воззрѣлъ, и солнце красно обратилося къ веснѣ. Все это должно конечно назвать крайними натяжками, и слѣд. погрѣшностями въ поэтическихъ изображеніяхъ, которыя требуютъ возможнаго въ естественной сферѣ; но подобныя натяжки допускались поэтами прошедшаго столѣтія. Дальнѣйшее изображеніе слѣдствій рожденія отрока естественно въ царственной сферѣ: поэтическія похвалы и пророчества, порфира, пушечные выстрѣлы, возвѣщающіе о рожденіи. Затѣмъ въ третьей части фантазія поэта опять представляетъ сверхъестественную картину: онъ увидалъ растворенный чертогъ судебъ, и по этому знаку заключилъ, что родился нѣкій *Богъ*. Здѣсь употребляется пріемъ обыкновенный въ классической одѣ для восхваленія: лицо выводится изъ сферы человѣческой и вводится въ сферу героическую и даже божескую; согласно съ этимъ

сно и производитъ то, что недоступно обыкновеннымъ людямъ. Далѣе слѣдуетъ новое олицетвореніе: всѣ лучшія качества, которыя даютъ человѣку природа и образованіе, представляются въ образѣ крылатыхъ геніевъ. Они слетаютъ съ небесъ въ свѣтломъ облакѣ къ колыбели младенца, и каждый приноситъ ему свой даръ — всѣ таланты и совершенства, *составляющіе царя*. Послѣдній даръ, добродѣтель, сопровождался словами генія: „будь страстей своихъ владѣтель, будь на тронѣ человѣкъ". Слова эти были встрѣчены общимъ плескомъ геніевъ, которые назвали такой даръ *божественнымъ*, полезнымъ всему міру, вѣнцомъ всѣмъ добротамъ; съ нимъ царь будетъ отецъ подданнымъ, образецъ монархамъ, утѣшеніемъ сердецъ. Ясно, что поэтъ подобралъ всю эту картину для того, чтобы представить идеалъ истиннаго царя, въ которомъ прежде всего долженъ заключаться идеалъ человѣка; а въ немъ добродѣтель главная черта, по представленію Державина: такой идеалъ человѣка онъ стремится представить во всѣхъ своихъ произведеніяхъ: только добродѣтельный человѣкъ заслуживаетъ похвалы и памяти въ потомствѣ. Въ слѣдующей части опять олицетвореніе. Россія представляется въ образѣ любящей женщины; она слезами выражаетъ свою радость, колѣнопреклоненіемъ свою покорность, поцѣлуями свою любовь, и вотъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ даровъ, заботъ и прореканій въ младенцѣ возрастаютъ и *геройство*, и красота; а съ тѣмъ вмѣстѣ распространяется и общая любовь къ нему. Поэтъ заключаетъ оду обращеніемъ къ прекрасному дитяти-*полубогу*, желая ему возрастать и уподобляться своимъ родителямъ и ихъ матери (Екатеринѣ II), и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ сравниться съ *божествомъ*.

Изъ всего этого видно, что Державинъ воспользовался рожденіемъ младенца, которому въ будущемъ предназначался престолъ, и въ его лицѣ хотѣлъ представить идеалъ истиннаго царя, который можетъ осчастливить свой народъ. Пріемы въ описаніи употреблены имъ классическіе: возведеніе личности въ сферу божества, гиперболическія изображенія, олицетворенія.

Стоюнинъ.

Анакреонтическая ода Державина „Мечта".

Исторія, передавая намъ имена великихъ людей древности, не забыла объ Анакреонѣ. Мы съ дѣтства привыкаемъ повто-

рять это имя, упоминая о Солонѣ, Пиндарѣ, Аристидѣ, Софоклѣ и проч. Можно спросить: что общаго между Анакреономъ и сими людьми? Пусть полководцы и законодатели сіяютъ въ лѣтописяхъ государствъ: они защищаютъ и поддерживаютъ бытіе народовъ. Пусть провозвѣстники геройской славы, пробудители высокихъ чувствованій, поэты возвышенные украшаютъ своими именами разсказъ историческій. Они имѣютъ на то двоякое право: при жизни своей они поучали народъ, а по смерти прославляютъ его. Но кто былъ Анакреонъ? Если бы этотъ вопросъ не мы сами предложили себѣ, то въ отвѣтъ привели бы только стихи Державина, въ которыхъ онъ такъ живо изображаетъ сего поэта:

Цари къ себѣ его просили
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата подносили,
Хотѣли съ нимъ друзьями быть;
Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочелъ;
Средь игръ, веселій, хороводу,
Съ красавицами вѣкъ провелъ;
Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Для наблюденій критики Анакреонъ представляетъ собою прекрасный и поучительный предметъ. Можетъ быть, произведенія поэзіи никогда еще не сокрывали подъ самыми нѣжными цвѣтами столько философіи, сколько находится оной въ Анакреоновыхъ одахъ. По душѣ своей онъ былъ любезный мудрецъ. На природу и человѣка смотрѣлъ онъ такъ, какъ можетъ смотрѣть глубокомысленный наблюдатель. Самыя сокровенныя тайны сердца нашего и вѣчное дѣйствіе физической природы на душу человѣка для него не были загадкою. Но этотъ умъ, самъ по себѣ обширный и свѣтлый, соединенъ былъ съ живымъ, цвѣтущимъ, роскошнымъ воображеніемъ и удивительною чувствительностью сердца. Характеръ его, отпечатокъ главнѣйшихъ тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ, выражалъ какую-то младенческую безпечность, веселость юношества и неизмѣнную наклонность къ тихимъ удовольствіямъ. Сіи глав-

ныя черты, даже слишкомъ легко брошенныя, даютъ возможность изъяснить, во-первыхъ, отчего исторія включила Анакреона въ число великихъ людей, во-вторыхъ, отчего избралъ онъ въ словесности такой путь, который съ перваго взгляда легко покажется предосудительнымъ для нравственности.

Всѣ отрасли наукъ и художествъ составляютъ одинъ кругъ, въ которомъ заключаются послѣдствія опытовъ и умозрѣній, плоды человѣческой мудрости. Люди, способствовавшіе видимымъ образомъ распространенію сего круга, вездѣ пользовались уваженіемъ и любовью народовъ. Строгая философія стоиковъ и привлекательная мудрость Платона шли рядомъ, не препятствуя одна другой и не лишая права на безсмертіе въ народной памяти тѣхъ великихъ людей, изъ которыхъ каждый мыслилъ по-своему. Гомеръ, повидимому, обнявшій всѣ красоты поэзіи, не помѣшалъ Пиндару или Софоклу занять блистательныя мѣста въ исторіи словесности, потому что они открыли новыя удовольствія ума и вкуса. Анакреонъ сдѣлалъ то же. Нѣжная, чистая и образованная душа понимаетъ всю цѣну того состоянія, когда она, въ нѣкоторомъ утомленіи отъ требованій и пожертвованій гражданской жизни, предается природѣ, отдыхаетъ на волѣ и оживляется привѣтливою улыбкою любви и дружбы. Изъ этого состоянія души Анакреонъ заимствовалъ большую часть предметовъ для своихъ одъ. Предаваясь разсматриванію его поэзіи, чувствуешь, что она, при всей маловажности содержанія, имѣетъ свое преимущество передъ другими родами. Чтобы раздѣлить восторги Пиндара, надобно прежде пріобрѣсть гражданскую образованность и понять благодѣтельныя условія жизни въ государствѣ; но тихія радости души, изображаемыя Анакреономъ, доступны каждому человѣку, въ какомъ бы онъ ни родился состояніи. Такимъ образомъ эта прекрасная область поэзіи до него была неизвѣстна. Греки, строгіе, но вмѣстѣ и нѣжные цѣнители всего изящнаго, почувствовали цѣну его генія, и Анакреонъ столько же у нихъ былъ уважаемъ, а, можетъ быть, и болѣе, сколько впослѣдствіи времени Лафонтенъ во Франціи.

Поэзія есть языкъ сердца. Въ ней отражаются чувствованія, производимыя въ насъ внѣшними предметами. Характеръ поэзіи зависитъ отъ характера человѣка, подобно какъ цвѣтное стекло, сквозь которое мы смотримъ, наводитъ свой цвѣтъ на всѣ предметы. Въ глазахъ Анакреона все должно было полу-

чать улыбающійся видъ, нѣкоторую игривость, нѣкоторую безпечность и нѣгу, потому что таковъ былъ его характеръ. Съ понятіемъ юности въ его воображеніи рисовались разныя утѣхи и радости, въ которыхъ свѣтится невинное сердце. Представляя старость, онъ начиналъ чувствовать сладостное успокоеніе отъ заботъ жизни, счастливую лѣнь, какъ награду за долголѣтніе труды. Общество друзей для него было братскимъ соединеніемъ, гдѣ видѣлъ онъ одну душу, равное желаніе веселья и счастія. Однимъ словомъ, не было предмета, который бы воображеніе Анакреона не осыпало розами. Итакъ, можно ли предположить, чтобы этотъ человѣкъ скрывалъ тайное намѣреніе ослѣпить умы и опутать невинность сѣтями разврата?

Одно испорченное сердце каждую веселую шутку обращаетъ въ дурную сторону. Приведемъ слова одного изъ классическихъ писателей, о которомъ Батюшковъ сказалъ, что *въ его видѣ, казалось, посѣтилъ землю одинъ изъ сихъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики, для развитія практической и умозрительной мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ*. Муравьевъ, изучившій и постигнувшій надлежащимъ образомъ древнихъ писателей и ближе всѣхъ у насъ подходящій къ нимъ какъ невостію мыслей, такъ простотою слога и обширностію познаніи, говоря о Гомерѣ, Виргиліи и Анакреонѣ, вотъ что наконецъ прибавляетъ: „Природа сіяла тогда собственными красотами и не обременялася украшеніями, которыя думаютъ нынѣ придать ей люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея и не гнушались тѣмъ, что представляла имъ съ младенчества любящая ихъ воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ изнѣженъ. Красоты природныя преимуществовали надъ красотами условными. Роскошь не налагала насильственныхъ и странныхъ своихъ законовъ. Благопристойностію были только единая драгоцѣнная стыдливость, вдохновенная природою, тѣмъ болье наблюдаемая и не нарушаемая, что предписанія ея не отягчалися хитрыми толкованіями ложнаго стыда. Всѣ таинства природы выражены у древнихъ съ симъ восхитительнымъ чистосердечіемъ, которое не мыслитъ худого. *Не есть то безстыдство, но нѣжная прелесть цѣломудрія, не имѣющаго причины таиться*. Любовь имѣла только одну простоту и без-

злобие покрываломъ. Сие покрывало есть такое одѣяніе, которое наиболѣе ее ограждаетъ отъ очей непросвѣщенныхъ. Нѣтъ ни одной черты величественнаго и чудеснаго стихотворства, которая не была бы въ сокровищницѣ древнихъ. Если должно, наконецъ, испытать себя въ ономъ, то надобно нѣкоторымъ образомъ покуситься жить съ древними и возвратить назадъ время своей жизни".

Разсматривая подобнымъ образомъ Анакреона, можно изъяснить, отчего ни онъ, ни греки, ни поздніе времена (гдѣ только образованность ума равнялась чистотѣ нравовъ и вѣрности вкуса) нисколько не находили предосудительными сихъ плѣнительныхъ одъ. Въ самомъ дѣлѣ, развращенный человѣкъ обыкновенно все прекрасное въ какой-нибудь страсти доводитъ до низкаго, между тѣмъ какъ невинная душа все облагораживаетъ. Кто въ веселомъ кругу друзей съ удовольствіемъ говоритъ о любви, о дарахъ Вакха, тотъ никогда не унизится до постыднаго сладострастія или до презрительнаго самозабвенія. Онъ, какъ истинный поэтъ, смотритъ на одну прекрасную сторону, и никогда грація при словахъ его (говоря стихотворчески) не закроется рукою. Въ порочныхъ чувствованіяхъ столько отвратительнаго, что самые закоренѣлые преступники стараются скрывать оныя.

Приступая къ разсматриванію анакреонтической оды Державина, мы съ намѣреніемъ занялись изслѣдованіемъ характера изобрѣтателя сего рода стихотвореній. Одно имя Державина не только знаменитаго поэта, но и знаменитаго гражданина, оправдало бы выборъ нашего разбора; но мы желали запастись общими истинами, чтобы легче дать отчетъ въ его прекраснѣйшемъ произведеніи.

Державинъ, творецъ такихъ одъ, для которыхъ нѣтъ другого названія, кромѣ *державинскихъ*, живѣе всѣхъ нашихъ лириковъ чувствовалъ, что составляетъ сущность пиндарической, гораціанской и анакреонтической оды. Онъ со славою прошелъ все это блистательное поприще. Мы замѣтили выше, что если бы Анакреонъ не увлекаемъ былъ чувствительностію и воображеніемъ, то онъ сдѣлался бы философомъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ изслѣдовать, — какая философская мысль заключена въ разсматриваемомъ стихотвореніи Державина, потому что онъ не измѣнилъ истиннаго характера анакреоновыхъ одъ. Онъ хотѣлъ объяснить, что любовь есть

такое чувство, которое въ извѣстномъ возрастѣ невольно начинаетъ тревожить сердце человѣка. Сама природа разоблачаетъ тайну, и душа узнаетъ ее.

Но одна философическая мысль не составляетъ поэзіи, потому что поэзія, какъ всякое изящное искусство, должна дѣйствовать болѣе на чувства наши, нежели на умъ. Воображеніе съ своимъ вымысломъ приходитъ на помощь нашему поэту. Отвлеченное понятіе любви превращается въ прекраснаго мальчика, который изъ кремня высѣкаетъ искры. Эта картина принадлежитъ собственно Державину. Если бы онъ изобразилъ любовь съ колчанами и стрѣлами, то мы нашли бы тутъ одинъ списокъ съ того, что уже нѣсколько разъ изображаемо было древними и новѣйшими поэтами. Человѣкъ, или вѣрнѣе сказать, сердце его, преслѣдуемое первымъ чувствомъ любви, является въ видѣ пастушки, входящей въ свой шалашъ. Сія плѣнительная простота вымысла есть первое совершенство анакреонтическаго стихотворенія.

Вошедъ въ шалашъ мой торопливо,
Я вижу: мальчикъ въ немъ сидитъ,
И въ уголку кремнемъ въ огниво
Мнѣ чудилось, звучитъ.

Мягкость звуковъ, тонкость выраженій, расположеніе картины и вѣрность описанія такъ совершенны, что самая строгая критика не найдетъ тутъ ни одной ошибки противъ искусства. Живописцу, по прочтеніи этой строфы, остается только взять кисть и положить стихи на полотно.

Рѣкою искры упадали
Изъ рукъ его, во тьмѣ горя,
И розы по лицу блистали,
Какъ утрення заря.

Можно подумать, что стихотворецъ готовилъ свое произведеніе именно для живописи. Его дѣйствующія лица, какъ на картинѣ, остаются въ неподвижномъ положеніи; между тѣмъ дѣйствіе не останавливается. Онъ помогаетъ художнику, изображая сіяющія искры и цвѣтущее лицо мальчика. Мы находимъ только, что употребленная здѣсь гипербола *рѣкою искры упадали* тяжела въ сравненіи съ другими частями оды. Слово

рѣка не соотвѣтствуетъ тому понятію, которое рождается въ воображеніи при сыплющихся изъ кремня искрахъ.

Одна тутъ искра отдѣлилась
И на мою упала грудь,
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть.

Стихотворецъ начинаетъ раскрывать свою аллегорію. Величайшее достоинство аллегорическихъ произведеній состоитъ въ томъ, когда они не утомляютъ вниманія, въ чемъ можно упрекнуть многихъ изъ новѣйшихъ писателей, а особенно нѣмецкихъ. Древніе были осторожны въ подобныхъ случаяхъ. Они не облекали своихъ отвлеченныхъ понятій въ непроницаемый покровъ, но накидывали на нихъ только прозрачную сѣть. Державинъ чувствовалъ эту истину и поспѣшилъ изъяснить свою аллегорію. Каждый, прочитавши стихъ:

Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась,

пойметъ его настоящую мысль.

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла:
Не то ль зовутъ — любить?

Если бы подобное состояніе души изображалъ не истинный поэтъ, онъ наполнилъ бы эту строфу описаніемъ внутреннихъ чувствованій, томленіемъ, непонятнымъ желаніемъ и тому подобное. Но поэтъ-живописецъ схватываетъ въ своемъ предметѣ только тѣ черты, которыя, такъ сказать, осязательны. Онъ знаетъ, что художникъ долженъ давать отчетъ о внутреннемъ состояніи души посредствомъ наружныхъ дѣйствій. Въ этой строфѣ третій стихъ:

Уйти хотѣла, не умѣла

есть самый музыкальный изъ всей оды; но намъ показалось, что онъ не точенъ. Мы думаемъ, что авторъ желалъ сказать: *она хотѣла уйти, и не могла.*

Люблю! Кого? Сама не знаю:
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю.
Какъ искру бросилъ онъ.

Тоскуетъ сердце. Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты.

Обѣ сіи строфы можно назвать отголоскомъ истинно лирической души Державина. Не многіе осмѣлились бы прибавить ихъ къ предыдущимъ строфамъ. По крайней мѣрѣ мы предполагаемъ, что ни одинъ французскій лирикъ или воспитанникъ французской школы не рѣшился бы окончить повѣствовательное начало стихотворенія такимъ драматическимъ монологомъ. Критики, руководствующіеся въ сужденіяхъ своихъ о лирической поэзіи одними холодными соображеніями ума и не раздѣляющіе сердцемъ своимъ восторговъ поэта, осуждаютъ тѣ мѣста, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, пресѣкается естественный ходъ мыслей. Такимъ образомъ одинъ изъ французскихъ переводчиковъ вставлялъ свои мысли въ одѣ: *На смерть Мещерскаго,* лучшемъ произведеніи Державина, чтобы связать его строфы. Но въ сихъ-то смѣлыхъ переходахъ и заключается истинно лирическое достоинство. Послѣднія здѣсь строфы придаютъ необыкновенную живость всей одѣ. Онѣ доказываютъ, что стихотворецъ точно увлеченъ былъ сердцемъ, а не одною счастливою мыслію, когда писалъ свое сочиненіе. Въ первой изъ сихъ строфъ, кажется, неудачно повтореніе: *съ тѣхъ поръ,* а во второй слово: *мечты.* Одно не усиливаетъ мысли, а другое не выражаетъ истиннаго чувства души, пылающей любовію, которое совсѣмъ не походитъ на мечту.

Замѣченные нами недостатки въ выраженіяхъ, впрочемъ, слишкомъ маловажные и довольно обыкновенные у Державина, нисколько не отнимаютъ достоинства у сего прелестнаго произведенія. Оно всегда будетъ стоять на ряду съ тѣми неподражаемыми одами, которыя содѣлали для насъ драгоцѣннымъ имя пѣвца Фелицы. Оно послужитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что важныя музы не чуждаются веселыхъ грацій. Истинный вкусъ не предписываетъ поэту, въ какомъ онъ родѣ писать долженъ, но требуетъ отъ него только совершеннаго.

Плетневъ.

Языкъ Державина.

При всей неправильности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина, сочиненія его и со сто-

ровы языка заслуживаютъ изученія, представляя замѣчательный моментъ въ исторіи развитія нашей литературной рѣчи. Когда Державинъ началъ писать, единственнымъ образномъ въ этомъ отношеніи могъ служить ему Ломоносовъ. Извѣстно, что этотъ послѣдній, принимая три разряда слога по роду сочиненій, хотя и отдѣлилъ собственно-русскую стихію отъ церковно-славянской, по употребленію словъ, относившихся, по тогдашнимъ понятіямъ, къ просторѣчію, отвелъ весьма тѣсную область, допустивъ ихъ только въ сочиненія, которыя пишутся низкимъ слогомъ, т.-е. въ басни, комедіи и частныя письма. Державинъ, пробуя себя въ разныхъ родахъ, скоро нашелъ установленныя Ломоносовымъ рамки слишкомъ тѣсными и уничтожилъ рѣзкія границы, отдѣлявшія высокій слогъ отъ средняго, а этотъ отъ низкаго. Правда, что онъ и позднѣе иногда возвращался къ торжественному слогу ломоносовской лирики: но, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ отдѣлѣ одъ мы встрѣчаемъ у него сближеніе различныхъ элементовъ языка: церковно-славянскія слова и формы являются у него рядомъ съ простонародными и притомъ въ такомъ оригинальномъ соединеніи, которое нисколько не оскорбляетъ слуха и сообщаетъ рѣчи совершенно своеобразный характеръ. Таковы, напр., его оды: *Фелица*, *Къ первому* и *Ко второму сосѣду*, *Видѣніе Мурзы*, *Рѣшемыслу*, *На счастіе*, *На смерть гр. Румянцевой*, *Осень во время осады Очакова*, *Приглашеніе къ обѣду*, *Вельможа*, *На рожденіе царицы Гремиславы*. По простотѣ языка выдаются также многія стихотворенія Державина въ другомъ родѣ, какъ-то: *Кружка*, *Пикники*, *Философы пьяный и трезвый*, посланіе къ *Атаману и войску Донскому*. Всѣ эти пьесы, наравнѣ съ тѣми, въ которыхъ выразилось высшее лирическое настроеніе, каковы, напр., *На смерть кн. Мещерскаго*, *Властителямъ и судіямъ*, *Богъ*, *Водопадъ*, *Ласточка*, *Мечта*, *Приношеніе Монархинѣ*, *Памятникъ*, могутъ быть названы самыми удачными по языку произведеніями Державина.

Въ отношеніи къ языку творчество его представляетъ намъ одну весьма замѣчательную черту, доказывающую, какую великую силу въ искусствѣ составляетъ одушевленіе. Когда онъ пишетъ прозою или остается холоденъ при сочиненіи стиховъ на обязательную тему, у него является тяжелая, неправильная, запутанная фразеологія; но какъ скоро онъ увлеченъ какою-нибудь высокою или даже просто счастливою мыслью,

или вращается въ наиболѣе сродной ему области изображенія картинъ природы и житейскаго быта, слово становится въ рукахъ его послушнымъ и гибкимъ орудіемъ. Тогда онъ обнаруживаетъ глубокое пониманіе духа языка, удивительное знаніе народной рѣчи и народной жизни съ ея повѣрьями и преданьями; тогда онъ въ иныя минуты какъ будто предугадываетъ уже то совершенство русскаго стиха, которое окончательно могло выработаться только въ позднѣйшемъ поколѣніи поэтовъ. Естественно, впрочемъ, что и въ лучшихъ стихотвореніяхъ своихъ Державинъ не избѣгаетъ неровностей языка: онъ не умѣетъ отдавать себѣ строгаго отчета въ его употребленіи. Но современники его еще не могли въ такой же степени, какъ мы, чувствовать въ стихахъ его отсутствіе той правильности и точности выраженія, какими стали отличаться сперва Карамзинъ и Дмитріевъ, а потомъ еще болѣе Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ. Не успѣвъ пріобрѣсти литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ, для выраженія своей поэтической мысли, обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ яркій и рѣзкій образъ, и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ, при всемъ видимомъ своемъ своенравіи, есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи; еще при первомъ появленіи стиховъ Державина, Дмитріевъ, не зная, кто ихъ авторъ, былъ пораженъ его „благородною смѣлостью и рѣзкостью въ выраженіяхъ“.

Ни по своему стремительному характеру, ни по внѣшнимъ превратностямъ своей жизни, Державинъ не могъ имѣть достаточнаго спокойствія и досуга, чтобы придавать стихамъ своимъ ту оконченность, какой они, при тогдашнемъ состояніи нашего литературнаго языка, могли бы достигать подъ перомъ другого писателя. Кромѣ того, очевидно, что Державинъ, особливо въ позднѣйшее время (такъ же, какъ и Крыловъ), сознательно чуждался той гладкости и плавности рѣчи, какими дорожили Карамзинъ и его послѣдователи. Не надо забывать, что Державинъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Карамзину, принадлежалъ къ другой школѣ писателей; онъ остался въ ла-

герѣ Шишкова, и особенно послѣ знаменитаго *Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ* у Державина замѣтно умышленное употребленіе извѣстныхъ словъ и оборотовъ, — стремленіе писать языкомъ полновѣснымъ и сильнымъ, не щеголяя легкостью и изяществомъ въ новомъ вкусѣ.

Изученіе языка какого-нибудь писателя должно, конечно, имѣть предметомъ знаніе особенностей, съ которыми является у него языкъ, возможность видѣть, какимъ образомъ онъ рѣшаетъ затрудненія, представляющіяся пишущему въ примѣненіи законовъ этого языка. Поучительно, напр., знать, въ какомъ, отличномъ отъ обыкновеннаго, значеніи онъ употребляетъ нѣкоторыя слова, которой изъ двухъ или нѣсколькихъ формъ онъ отдаетъ предпочтеніе, какія у него попадаются замѣчательные обороты и сочетанія словъ, какъ онъ поступаетъ при образованіи извѣстнаго рода предложеній, при согласованіи и управленіи словъ, какія у него можно найти отступленія отъ общепринятыхъ правилъ, наконецъ, нѣтъ ли у него исключительно ему принадлежащихъ словъ и выраженій.

Чтобы дать возможность отвѣчать на подобные вопросы въ примѣненіи къ языку Державина, я выбиралъ изъ него слова и къ каждому приписывалъ тѣ стихи или части стиховъ, которые могутъ дать понятіе объ употребленіи поэтомъ слова въ томъ или другомъ изъ сказанныхъ отношеній. Но чтобы при этомъ не выйти изъ предѣловъ соразмѣрнаго всему изданію объема, я рѣшился ограничиться двумя первыми томами сочиненій Державина, какъ содержащими наиболѣе замѣчательныя произведенія его; пусть этотъ словарь послужитъ на первый случай опытомъ подобнаго труда; если методъ его составленія окажется правильнымъ, то словарь къ Державину впослѣдствіи легко можетъ быть дополненъ.

Въ составъ языка нашего поэта входятъ три главные элемента: церковно-славянскій, русскій общеупотребительный (разговорный) и русскій простонародный, изъ которыхъ у него каждый находитъ себѣ выраженіе не только въ самыхъ словахъ, но также въ формахъ ихъ и въ синтаксическомъ строѣ предложеній. Но выдѣлить слова каждаго элемента въ особую группу чрезвычайно трудно, потому что часто церковно-славянское слово является у Державина въ народной формѣ и, наоборотъ, народное облечено въ форму церковно-славянскую.

Вотъ нѣсколько примѣровъ его заимствованій изъ просто-

народнаго языка. Въ пьесѣ *Кружка* мы находимъ между прочимъ слѣдующія выраженія: „Вѣдь пьянымъ по колѣни море. — И жены съ нами куликаютъ. — На карты намъ плевать пора“ I. 47—48. Но тутъ же встрѣчаются и такія слова, какъ *дщерь*, *сихъ* (утѣхъ), *престать*, *пребудь*.

Въ одѣ *На счастье* есть много стиховъ въ простонародномъ тонѣ, напр., „Ихъ денегъ куры не клюютъ. — Весь міръ сталъ полосатый шутъ. — Ни въ сказкахъ складно разсказать, ни написать перомъ красиво. — Въ грошъ не ставлю никого. — Бояре понадули пузы“ 1, 248—254.

На нѣкоторыя особенности языка Державина всего удобнѣе указать по разрядамъ словъ или, такъ называемымъ, частямъ рѣчи.

Въ глаголахъ онъ также любитъ народныя формы, напр., *нужать*, *пущать*. Въ повелит. накл. онъ пишетъ: *исполнь*, *наполнь*, *напой*, *обезсмерть*, *помысль* или употребляетъ это накл. въ томъ особомъ его примѣненіи, которое видно изъ слѣдующаго примѣра: „*Случись* Анакреону Марію посѣщать“ (*Анакреонъ у печки*, *682*). Въ дѣеприч. наст. онъ охотно, хотя и не исключительно, употребляетъ окончаніе *учи*: *блистаючи*, *побуждаючи*, *являючи*, *улыбаючись*. Вмѣсто *чертя* поставлено однажды *чертяще*: „Средь сада храмъ жезломъ чертяще“ (II, 635).

При употребленіи дѣепричастія, онъ, слѣдуя старинному складу рѣчи, обыкновенно приставляетъ къ этому обстоятельственному слову подлежащее *главнаго* предложенія, которое такимъ образомъ какъ бы сливается съ *придаточнымъ* въ одно:

Оставя короли престолы,
И ханы у тебя гостятъ. *Рожд. Гремиславы*. 735.
И простря Европа длани,
Пусть тебѣ на мѣсто дани
Благодарность принесетъ. *На отсут. въ Бѣлор*. 99.

Иногда онъ относитъ дѣепр. къ безличному глаголу.

Имѣя сердце, руки бѣлы.
Мнѣ стыдно льстить, стыднѣе лгать. *Изобр. Фел*. 296

Попадается у него и такое неправильное употребленіе дѣепричастія.

Ставъ хоть обувью твоею,
Жала бъ ты меня ногой. II, 432,

гдѣ ставъ не имѣетъ никакой связи съ подлежащимъ *ты* главнаго предложенія, а, напротивъ, относится къ мѣстоим. *меня;* это выраженіе слѣдуетъ понимать такъ: „Чтобы, когда бъ я сталъ обувью твоею, ты жала меня своей ногой".

Дѣепрпч. прош. употребляетъ онъ иногда въ сокращенной формѣ, напр. *наклоншись, сшедъ.* Но особенно любитъ онъ употреблять прошедшее дѣепр. въ формѣ настоящаго отъ предложнаго глагола соверш. вида на *ить: взмостясь, настроя, нахмуря, оставя, полюбя, прослезясь, распустя, согласся, назнача, сверша* (походы).

Сотворя Зевесъ вселенну. II, 118.

Этимъ же способомъ образуетъ онъ иногда дѣеприч. отъ глаголовъ ц. слав.: *разлiясь, осклабясь,* — и даже отъ предложныхъ глаголовъ другого разряда, напр. *низвержась,* собственно не допускающихъ этой формы. Такимъ же образомъ поступилъ онъ въ одномъ мѣстѣ и съ глаголомъ *затѣять:*

А тутъ затѣя хороводъ. II, 97.

Управленіе глаголовъ бываетъ у него часто своеобразно. Такъ, при глаголахъ *алкать* и *уважать* ставитъ онъ кое-гдѣ дополненіе въ твор. падежѣ (чѣмъ), при *наслаждаться* — въ родительномъ (чего), при *сравнять, наложить, насмѣхаться, ужасаться* — въ дательномъ:

Въ благополучіи кого сравню себѣ? *Невѣстѣ,* 60.

Нѣкоторымъ глаголамъ придается архаическое значеніе, и притомъ въ сочетаніи съ винительнымъ падежомъ, напр.

. . . . . Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нѣжномъ, звонкомъ кинѣ. *Пам. Герою,* 431.

Произвольно образованный глаголъ *воохновлять* (отъ причастія *воохновенный)* въ то время еще не былъ въ употребленіи.

Глаголъ *внимать* встрѣчается у Державина, какъ и у позднѣйшихъ поэтовъ, то съ вин., то съ дат. п. Такимъ же двоякимъ образомъ ставитъ онъ дополненіе при гл. *внушить,* когда употребляетъ его въ ц. — слав. значеніи *услышать:*

„Внуши сердечное прошеніе". II. 542. — „И сирыхъ гласу не внушишь". *Ков.* 324.

Слѣдующіе глаголы являются у него иногда переходящими (требующими вин. п.):

Вредить: Меня ничто вредить не можетъ. *Смерть ір. Рум.*221.
Вѣять: Зефиры вѣяли власы. *Изобр. Фел.* 274.
Дождить (что и кого): Божество, которое дождитъ блаженства. *Пріобр. Кр.* 183.
Цари блаженствами дождятъ благихъ. *Провид.* 569
Звенѣть: Гусли звенятъ ихъ гласы, II, 57.
Ликовать: Мы ликуемъ славы звуки. *Пот. праздн.* 397.
Отмстить: Отмстить крестовые походы. *Вз. Изм.* 357.
Перить: Началъ Лель перить въ щитъ стрѣлы. *Бой* 784.
Управлять: Премудрость царства управляетъ. *Вз. Изм.* 360.
Усѣсть: Музы.... все мое усядутъ ложе. *Сч.* 253.

При нѣкоторыхъ переходящихъ глаголахъ ставитъ онъ, вмѣсто вин., родительный п., когда дѣйствіе, ими означаемое, простирается на объектъ не вполнѣ или только временно:

Вкусить покоя и добра. *Шв. миръ.* 311.
Вкусившаго воды твоей. *Ключъ.* 80.
Испытывалъ своихъ я силъ. *Ав. вит.* 764.
Посмотримъ въ немъ (зеркалѣ) твоихъ путей *Ков.* 319.
Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ свѣту. *Рожд. Грем.* 733.
Приди моей сей пѣсни *слушать.* *Мерк.* 560.

При глаголахъ, означающихъ желаніе, стремленіе, опускается глаголъ, который долженъ бы служить имъ дополненіемъ (итти подняться):

Дерзайте вашихъ вслѣдъ отцовъ. *Ос. Оч.* 227.
На свѣтлу крутизну калпфы многіе желали. *Из. Фел.* 295.
Вы съ кѣмъ и на кого хотите? *Вз. Изм.* 357.

Такимъ же образомъ и нѣкоторое глаголы другихъ значеній, обыкновенно употребляемые съ дополненіями, у него являются безъ таковыхъ: „Когда судьбы благоволили". *См. Рум.* 221. — „Разумъ.... вникаетъ". *Бог.* 220. — „Скрежещетъ (зубами) и кричитъ, ярясь". *Пріобр. Кр.* 185.

Бываетъ и противоположное: „Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки". II, 32. — „Мальчикъ кремнемъ въ огниво звучитъ".

Мечта. 588 „Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ годы". *Ласт.* 572.

Иногда вмѣсто надлежащихъ по смыслу глагола предлоговъ ставятся другіе: „Забаву столицы ты къ себѣ вмѣстилъ" *Рожд. Грем.* 737. — „И взоръ вперя къ водамъ". *Вод.* 463. — „Къ тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрятъ". *Вел. Бож.* 241

Иногда два дополненія, одинаково относящіяся къ глаголу, поставлены при немъ въ двухъ разныхъ падежахъ:

Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ. *Вид. Мурзы.* 159.

Замѣчательно употребленіе неопред наклоненія для означенія обстоятельства цѣли при такихъ глаголахъ, которые обыкновенно не терпятъ подобнаго управленія.

Зіяетъ время славу стерть. *См. Мещ.* 90.

Съ неопред же накл. Державинъ употребляетъ гл.: *мнить, мыслить, чаять, мужаться, помрачнуть, предызбрать, презирать, прельстить, пустить, собирать, сражаться, суетиться, ускорять* (въ зн. спѣшить).

Одинъ изъ любимыхъ пріемовъ Державина состоитъ въ употребленіи возвратныхъ глаголовъ въ значеніи страдательныхъ съ творит. пад. въ такихъ формахъ, въ которыхъ такое употребленіе обыкновенно не допускается:

Такъ свирѣпыми волнами
Сколько съ нею ни дѣлюсь (т.-е. сколько съ нею ни раздѣленъ). *Препят. къ свид. съ супругою* 67.
Благословись, Рѣпнинъ, потомствомъ. *Пам. герою* 435.
И лирой возгласишься ты. *Благод. Фел.* 156.
То ею въ головѣ ищуся. *Фел.* 139.
И солнцы ею потушатся. *См. Мещ.* 91.
Левъ упорствомъ разсердился. *Бой* 784.
Красою мужество сражалось (т.-е. было сражаемо). *Поб. Кр.* 757.

Часто такимъ же образомъ, т.-е. съ творительныхъ падежемъ, употребляются и глаголы непереходящіе:

Тобой (Богомъ) они и померцаютъ. *Изъ Фел.* 284.
И блѣдная луна тобой... сіяетъ. Тамъ же 239.
Человѣчество Тобою, Истина и совѣсть въ судъ

Въ велѣніи грядутъ. *Отсут. въ Бѣлор.* 97.

Безбурно корабли имъ (мудрымъ мужемъ) въ пристань прилетаютъ. *Эпист. Шув.* 54.

Такого же рода творит. падежъ сопровождаетъ иногда и прилагательныя: „Хотя имъ (царемъ) вся покойна тварь". *Прил. къ об.* 668.

У возвратныхъ причастій отбрасывается окончаніе *ся*, когда они въ полномъ составѣ не укладываются въ стихъ „Едва по зыблющимъ грядамъ". *Вельм.* 630. — „Оставшій прахъ костей моихъ". *Принош.* 716. — „На пресмыкающихъ гадовъ". *Побѣд.* 234. — „По развѣвающимъ знаменамъ". *Ос. Оч.* 226. — „Цѣлуя раскраснѣвши щеки. *Љв.* 516.

При глаголахъ *быть, стать, становиться, дѣлаться, казаться, зрѣться* и т. п. сказуемое ставится у Державина то въ именительномъ, то въ твор. падежѣ, смотря по требованіямъ размѣра, рифмы, или ясности смысла, напр.

Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ.
Будетъ — и судьбы гласили:
Онъ монархамъ *образецъ!* —
Лѣсъ и горы повторили:
Утѣшеніемъ сердецъ.

Смѣсь церковно-славянскаго элемента съ народнымъ весьма замѣтно проявляется и въ существительныхъ именахъ. Вотъ примѣры перваго: а) въ самыхъ словахъ или формахъ ихъ: *вои, воскликновеніе, животъ* (жизнь), *зерцало, зракъ, класъ, надзрѣніе, нощь, тысяща, свѣща, отроча, соборъ* (собраніе), *стязаніе, тристаты;* б) во флексіяхъ: *зарь, сокровищьми, ушьми, творче, очеса, супостатъ* (вм. супостатовъ), *зубъ* (вм. зубовъ), *крылъ.* Сюда же слѣдуетъ отнести многіе архаизмы русскаго языка, введенные Ломоносовымъ и послѣ него державшіеся вообще у стихотворцевъ 18-го столѣтія. *доброты* (мн. ч. въ значеніи достоинства) *остуда, отличность, позоръ* (въ зн. зрѣлище), *продерзость, прохлада* (въ зн. наслажденіе, нѣга), *нравы* (въ зн. законы), *заразы* (соблазны), *событіе* (совершеніе), *приношеніе* (посвященіе), *случай* (сила при дворѣ), *пріятности* (граціи), *чинъ* (порядокъ), *чувствіе, величество* (величіе), *пріятство, препятство, самодержавство, свирѣпство.*

Съ другой стороны, *народный* элементъ также выступаетъ: 1) въ словахъ и формахъ, напр., *ведро, издевка, растабары, номочь, пошва* (вм. почва); 2) во флексіяхъ: имена *бремя, время, пламя* и т. п. остаются въ род. п. ед. ч. безъ измѣненія, а въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ склоняются какъ имена на о: „Сынъ время, случая, судьбины". *Сч.* — „Когда отъ бремя дѣлъ случится..." *Благ. Фел.* 155. — „Въ водахъ и въ пламѣ". *Ос. Оч.* 227.

Въ склоненіи именъ допускаются и другія неправильности, напр. въ род. множ.: *зданіевъ, стихіевъ, витіевъ, кикиморовъ, славяновъ* (форма, которую позволили себѣ также Дмитріевъ и Пушкинъ), *кристалей, на пузырей;* окончаніе *іи* изрѣдка обращается въ *ій*, напр. *опасностій, Россій, Швецій.* — Вм. *люди* часто употребляется *человѣки; человѣчество* встрѣчается въ значеніи „человѣколюбіе" (по нынѣшнему *гуманность);* вм. *воображеніе — вображеніе.* Нѣкоторыя названія умственныхъ предметовъ, противъ обыкновенія, употребляются во множ. ч., напр. „Воображенія безсильны" (*Бог,* 202). „Подите, счастья, прочь, возможны" (*См. Мещ.* 94). Иногда словамъ даются неправильныя ударенія: *драгіе дары* (*Вид. М.* 161), *страны́* (см. стра́ны). „Предусмотря свою *выго́ду*" (*Ков.* 318), *судьи́* (вм. су́дьи), *слѣ́ды* (вм. слѣды́), *рая́* (вм. ра́я). По примѣру Ломоносова имя *музыка* всегда носитъ у Державина (какъ послѣ и у Пушкина) удареніе на среднемъ слогѣ. Встрѣчаются слова съ неяснымъ значеніемъ, напр. *рында (Вз. Изм.)* и *рай* (въ стихѣ *Водопадъ):* „Рая вечерняя предъ границей".

Нѣкоторыя словосоставленія принадлежатъ самому Державину: *горорытство* (вм. рудокопство), *прямовидность* (вм. перспектива), *цвѣточная вязь* или *цвѣнь, пленица, плетеница* (вм. гирлянда).

Иностранныхъ словъ онъ вообще избѣгалъ, особенно въ последнемъ періодѣ своей жизни. Къ небольшому числу встрѣчающихся у него иноземныхъ словъ относятся: или вполнѣ усвоенныя языку имена, какъ напр. *ароматъ, глянецъ, діэтъ* (м. р.), *клобъ, маскарадъ, монументъ, обелискъ, элементъ, эхо, эфиръ,* или менѣе извѣстныя греческія слова, заимствованныя изъ священнаго писанія: *кассія, мѵро,* или, наконецъ, такія слова, которыя онъ узналъ изъ сношеній съ уроженцами разныхъ мѣстностей въ Россіи, напр. *бешметъ, салма, пловъ, каймакъ.* Имена: *аэръ, Бельтъ, Петрополь* взяты у Ломоно-

сова: вмѣсто слова *бюстъ* Державинъ постоянно употребляетъ *истуканъ* или *кумиръ*. Нѣкоторыя названія встрѣчаются у него въ искаженномъ видѣ, напр. въ одѣ *На счастіе* мы находимъ *уранги* вм. *орангъ-утанги*. Названіе *глазумея*, для означенія высшаго сорта чая, едва ли было имъ гдѣ-либо встрѣчено въ этомъ самомъ видѣ.

Изъ оригинальныхъ способовъ управленія, съ какимъ у него являются сущ. имена, приведемъ два примѣра: *Сей свѣтъ училище — терпѣть* и *Отсутствіе* (куда?) *въ Бѣлоруссію*.

Въ употребленіи прилагательныхъ, а наравнѣ съ ними и причастій дѣйст. наст. и страдательныхъ обоихъ временъ, Державинъ позволяетъ себѣ большую свободу, ставя ихъ безразлично, по требованію стиха, то въ членной формѣ, то въ безчленной, то въ стяженной, не обращая вниманія на то, служатъ ли они опредѣлительными или сказуемыми.

Вотъ примѣры прилагательныхъ:

Края азійски. *Вз. Изм.* 352. — Служила вышню божеству. *Вид. М.* 163. — Глядить на силы дерзновенны. *См. Мещ.* 93. — Лѣтня дня. 279. — Надѣвъ сорочку бѣлоснѣжну. *Новоселье.* 667.

Примѣры причастій:

Ходящи съ громомъ грады. *Пот. празд.* 406. — И вихремъ всадники несомы. *Изобр. Фел.* 280. — Изступленну взору. *Из. Фел.* 299. — Слезами зрѣлась окропленна. Тамъ же, 280. — Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ. *Ос. Оч.* 225. — Какъ угль, ихъ взоры раскаленны (сказуем.). *Вз. Изм.* 345.

Иногда употребляетъ онъ причастія и въ ц.-сл. формѣ, напр.: *творяй, создавый, сѣдящъ, ядущій, ядомыя, нешвенны, покровенну,* или неправильно образуетъ слова этого разряда, напр. говоря о счастіи,— *обоженно* вм. обожаемо. Въ примѣръ образованія прилагательныхъ по ц.-слав. образцу можно привести выраженія: „чашникъ *Кронь*“ (вм. Кроновъ). *Вз. Варш.* 647, или: „Чтобъ мужу *бую* умудриться“. *Вельм.* 626.

И во флексіяхъ онъ нерѣдко даетъ какъ прилагательнымъ, такъ и причастіямъ ц.-сл. окончанія; это бываетъ особенно въ род. ед. жен. р.: „Въ часъ *ясныя* погоды. *Прог.* 423. — Для жены моей *младыя*. *Препят. къ св.* 67. — Капусты *сочныя* кочанъ. II, 170, 13. Или: *Благая* снидутъ вся тому“. *Сч. Сем.* 105.

Опредѣлительными въ краткой формѣ служатъ Державину часто и относительныя прилагательныя, которыхъ нынѣшній языкъ въ такой формѣ не допускаетъ: „Въ дальнѣйшіе *земны*

концы. *Правд. судья* 267. Сiялъ при персяхъ поясъ *златъ. Вод. м.* 162. — И затрещалъ ливанъ *кремнистъ. Вз. Изм.* 347. — *Свинцова* грифеля чертами. *Из. Фел.* 286. - Гласъ слышанъ *соловьинъ*". *Проч.* 427. — Само собою разумѣется, что такимъ же образомъ онъ употребляетъ и прилагательныя качественныя: „кровъ — воздухъ *синь*". *Водп.* 474.

Когда прилагательное въ общеупотребительной, даже и краткой формѣ, не вмѣщается въ стихъ, то Державинъ еще сокращаетъ ее: „То *чернъ*, то *блѣднъ*, то рдянъ Эвксинъ". *Ос. Оч.* 226.

Нѣкоторымъ прилагательнымъ придаются дополненія, не согласныя съ общимъ употребленіемъ: „Алчны *къ* трону вѣжды. *Вод.* 465. Не быстръ ко славѣ. *Пам. гер.* 434. Я не завидливъ *на* богатство". *Ум.* 490.

Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ. *Сч.* 254.

Нѣкоторыя прилагательныя сохраняютъ у Державина архаическое значеніе: „Сiи нелестныя (т.-е. нельстивыя) слова. *См. Биб.* 25. Нелестный другъ своихъ друзей". *Петру В.* 33. Прилагательное *русскiй* допускается только въ простомъ слогѣ; въ возвышенномъ употребляется *россiйскiй* и *росскiй*.

Въ образованiи и употребленiи сравнительной степени языкъ Державина мало отличается отъ нынѣшняго. Вотъ примѣры сочетанiя съ нею родит. падежа: „Пристрастный судъ разбоя злѣе. *Из. Фел.* 282. — Ея (смерти) и громы не быстрѣе". *См. Мещ.* 91.

Краткая форма служитъ обыкновенно, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, сказуемыхъ, но иногда встрѣчается и въ роли опредѣлительнаго: „Приличнѣй (вм. приличнѣйшiя) жертвы посвящаетъ". *Конч. благотв.* 706.

Форма съ окончанiемъ *шiй* то служитъ превосходною степенью: „Не по достоинству изящнѣйшаго слова" (*Принош.* 715), то сохраняетъ значенiе сравнительной, и тогда ставится также съ родит. падежемъ:

....Живые монументы
Краснѣйши памятниковъ сихъ. *Конч. благот.* 704.
Уже хитонъ бѣлѣйшiй снѣга. *Провид.* 567.

Иногда сравнительная степень въ краткой формѣ употребляется и съ союзомъ *чѣмъ*: „Прiятнѣй чѣмъ вселенна". *Шв. миръ*, 312.

Мнѣ миръ покоя моего
Пріятнѣй чѣмъ въ исторьи вѣки. *Вельм.* 632.

При сравн. степени съ отрицаніемъ ставится союзъ *какъ:*

Нѣтъ блаженнѣе той части,
Какъ быть въ плѣнѣ милой власти. II, 249.

Изрѣдка встрѣчается, послѣ шипящихъ, старинное окончаніе краткой сравнит. степени на *ае:* „Къ себѣ строжае, чѣмъ къ другому. *Рѣш.* 183. — Громчай въ потомствѣ возгласилъ". *Из. Фел.* 288.

Изъ составляемыхъ Державинымъ сложныхъ прилагательныхъ приведу для примѣра слѣдующія: *бѣлорумяные* персты, *веселонравная* подруга, *веселорѣзвая* Эрато, *домотканныя* одежды, *желѣзнокаменное* царство, *златобисерное* небо, *златордяная* броня, *искрометный* сокъ, *краезлатыя* тучи *лазурносине-бирюзовые* круги, *милосизая* птичка, *огнезвѣздный* океанъ, *огнескачущія* волны, *разноперистыя* птички, *сладкопѣвные* соловьи, *твердокаменная* грудь, *темнобагровая* буря, *тьмозвѣздная* дебрь.

Изъ личныхъ мѣстоименій остановимся только на мѣст. 3-го лица и замѣтимъ, что послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ Державинъ ставитъ его безъ призвука *н* впереди: межъ *ихъ*, между *ихъ*, сквозь *ихъ*, близъ *его*, вокругъ *его*. Притяжательное того же лица употребляетъ онъ иногда и тамъ, гдѣ мы поставили бы возвратное *свой:*

Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крылы. *Фел.* 149
Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ. *Изобр. Фел.* 276.

Такъ точно въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ нерѣдко встрѣчается *мой, твой, нашъ, вашъ* вмѣсто *свой:*

Обнимешь ты семерыхъ *твоихъ* сыновъ. *Ос. Оч.* 228
Не дорожа *твоимъ* покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ. *Фел.* 133.

Указательнымъ мѣстоименіемъ для означенія ближайшаго предмета служитъ Державину постоянно *сей*. *Этотъ* попадается крайне рѣдко: „Это ты, Петрово племя, *это* вы, княжны

младыя. *Гран.* 523. — Слыхалъ, слыхалъ я тайну *эту*". *Прил. къ об.* 668.

Вмѣсто *тотъ*, отвѣчающаго мѣстоимѣнію *кто*, употреблено въ слѣдующемъ мѣстѣ *оный*: „Кто мыслитъ хорошо... Отъ онаго страна всего да ожидаетъ". *Эп. Шув.* 54.

Мѣстоим. *который*, полное или въ стяженной формѣ, встрѣчается очень часто (см. это слово). Иногда оно замѣняется болѣе краткими: *кой, кто, что, чей*: „Святъ домъ, подъ *кой* народъ гробницы Матвѣеву принесъ. *Вт. Сос.* 443. Духъ... *кому* нѣтъ мѣста и причины". *Богъ* 196.

...глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры. *См. Мещ.* 92
О Ты, трясетъ чей землю взглядъ. *Вел. Бож.* 242.

Вопросительное *который* служитъ замѣною мѣст. *какой* въ стихѣ: „*Который* богъ, *который* ангелъ, *который* человѣковъ другъ..." *Пріобр. Кр.* 183. Когда указательному мн. ч. *тѣ* отвѣчаетъ *кто*, тогда, согласно съ духомъ языка (какъ и у Крылова), сказуемое при относительномъ мѣст. ставится въ единств.:

А слава тѣхъ не умираетъ, кто за отечество умретъ.
Вз. Изм. 361.

Но какъ умѣренность полезна
И тѣмъ, кто славою плѣненъ. *Ум.* 498.

Отъ этого отступаетъ однакожъ выраженіе:

Выпьемъ... за тѣхъ, кто намъ злодѣи. *Другу.* 675.

Вмѣсто *кто-нибудь, что-нибудь* и т. п. ставится часто только первая часть этихъ мѣстоимѣній:

Хотя бъ чрезъ шашни
Фортуны сталъ *кто* впереди. *Ум.* 497
Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснится здѣсь тебѣ *какой*. *Гостю.* 672.

Это же замѣчаніе относится и къ нарѣчіямъ *гдѣ* и *когда*:

Но если бъ царь *гдѣ* добрый, рѣдкій... *Ум.* 495.
А ежели *когда* и скучно
Меня изволилъ онъ принять. *Тамъ же.*

Въ слѣдующемъ примѣрѣ мѣстоим. *какая* неправильно отнесено къ слову *жизнь:*

И словомъ, жизнь твоя согласна будетъ чину.
Какая знатному прилична господину. *Эп. Шув.* 52.

Особенное употребленіе мѣстоименія *кто,* вм. одинъ, другой иной и т. д. (подобное чему представляетъ и итальянскій языкъ) находимъ въ стихахъ:

Кто въ браняхъ лилъ потоки крови, кто грады въ нихъ преобращалъ, —
Ты, милосердья полнъ, любови, спасалъ, хранилъ, училъ, питалъ;
Кто блескъ любилъ, — ты устранялся... *Конч. благотв.* 706.

Изъ опредѣлительныхъ мѣстоименій вниманія заслуживаетъ согласное съ народнымъ языкомъ употребленіе мѣстоим. таковъ: „Таковъ, Фелица, я развратенъ. *Фел.* 139. — Такъ ты, такъ ты таковъ-то лютъ“. *Пени.* 11.

Очень часто встрѣчается форма *всякъ.* Въ ряду неопредѣленныхъ мѣстоименій укажемъ на *нѣкій* и *нѣкакій:* „Но *нѣкій* твердый духъ. *Вт. Сос.* 438. - Иль мужа *нѣка* тѣнь сѣдая“ (*Вз. Изм.* 355), гдѣ *нѣка* является неправильнымъ сокращеніемъ формы *нѣкоего.*

Церковно-славянскую форму отрицательнаго мѣстоим. находимъ въ стихѣ: „*Никая* тварь не убѣгаетъ“. *См. Мещ.* 90.

Изрѣдка попадаются устарѣвшія *коликій* и *толикій:* „Причина подвиговъ *толикихъ. Всем.* 6. — *Коликихъ* счастья былъ творецъ“. *Конч. благотв.* 704.

Въ склоненіи мѣстоим. *весь* отмѣтимъ народную форму винит. падежа женск. р. *всеё:* „И просвѣтитъ всее, какъ свѣта богъ Россію“. *Пророч. Сим.* 444.

Относительно числительныхъ замѣтимъ не совсѣмъ согласное съ общимъ обычаемъ употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ выраженіяхъ: „*На сорокъ-двухъ* столпахъ. *Изобр. Фел.* 274. — Были тысячи вы *стомъ. Пот. празд.* 398. — *Четыремя* скалами“. *Вод.* 457. При подлежащемъ *сто лѣтъ* обращаетъ на себя вниманіе сказуемое во множ. числѣ: „сто лѣтъ прошли — и непримѣтны“. *Конч. благотв.* 702.

Число 1000 чаще употребляется въ ц.-слав. формѣ *тысяща:* „Пребудутъ въ *тысящь* вѣкахъ“. *Нов. годъ.* 7. Но встрѣчается

и русская форма: „Съ тысячьми и тьмами мы низложили. *Ев. Изм.* 349 (*Тьма* употреблено здѣсь въ значеніи числительнаго).

Въ употребленіи нарѣчій мы находимъ у Державина много частью архаическихъ, частью народныхъ или діалектическихъ ѳормъ. Таковы: 1) неупотребительныя уже въ наше время: *коль, толь, поколь, потоль, токмо, паки, паче, купно, вкупь, внезапу, днесь, поднесь, тамо, противу;* 2) *ненарокомъ, туды, сюды, всюды, позадь, встрѣчу* (вм. навстрѣчу), *теперя, издалече, нѣту.*

Согласно съ ц.-сл. Державинъ, подобно Ломоносову, употребляетъ почти постоянно *внутрь* вм. *внутри:*

Велитъ внутрь горъ ключемъ имъ бить. *Вел. Бож.* 238.

Указательное *вотъ* встрѣчается только въ немногихъ случаяхъ; въ торжественныхъ же одахъ замѣняется частицею *се.* Однакожъ въ одѣ „*Успокоенное невѣріе*" находимъ оба слова.

Вниманія заслуживаетъ, что нарѣчіе *подобно* почти всегда употребляется съ прибавленіемъ словъ *какъ* или *такъ:*

Но вы какъ я подобно страстны...
И вы подобно такъ умрете... *Власт. и суд.* 113.

Отрицаніе при дѣйствит. глаголѣ не всегда влечетъ за собою переходъ винит. падежа въ родительный „*Въ Водопадѣ*" (464), сказавъ:

Не зримъ ли всякій день *гробовъ,*
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной,

поэтъ продолжаетъ:

Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери *скрыпъ* подземный?

Въ одѣ *Къ первому* сосѣду (106) онъ говоритъ:

Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать.

Въ *Эпистолѣ Шувалову* (52) есть стихъ:

Каковъ ты прежде былъ, не взлюбишь *тщетный шумъ.*

Иногда же по причинѣ отрицанія ставится родительный падежъ, хотя оно выражено не въ глаголѣ и не частицею *не:*

Я знаю, что души моей
Воображенія безсильвы
И *тѣни* начертать *Твоей*. *Богъ*. 203

или:

На завтра *крѣпостей* съ судьбины
Безсильны сами взять царя. Ум. 498

(гдѣ *завтра* употреблено въ значеніи существительнаго). Въ обоихъ случаяхъ не было собственно основанія поставить имена *тѣнь* и *крѣпость* въ родит. падежѣ при прилагательномъ *безсильный*. Неправильно также употребленіе родит. падежа въ слѣдующемъ выраженіи

(Невидимыя силы) претятъ...
О камень *ногъ твоихъ* предкнуть. *Побѣд*. 234.

Теперь нѣсколько словъ о союзахъ. *Что*, какъ въ народномъ языкѣ, служитъ у Державина иногда для означенія обстоятельства причины:

А *что* сія ума забава —
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
Снисходишь ты на мирный ладъ. *Фел*. 141.
Онъ вѣрно любитъ добродѣтель,
Что пишетъ ей свои стихи. *См. Биб*. 20.

Союзъ *чѣмъ* употребляется не только при прилагательныхъ сравнит. степени, но и въ значеніи: *вмѣсто того, чтобы:*

Чѣмъ столько поступать неправо,
Сперва изслѣдуйте вы здраво. *Вз. Изм*. 356.

Союзъ *чтобъ* ставится иногда и тамъ, гдѣ онъ собственно излишенъ: „И всею волею стараться, *чтобъ* только поступать по немъ" (по закону Божію). *Ист. оч*. 269. И наоборотъ, этотъ союзъ часто опускается Державинымъ тамъ, гдѣ общій обычай языка требовалъ бы его: „Изъ дебрей... звѣрямъ.. посылаешь рѣки Повсюду жажду утолить". *Вел. Бож*. 238.

Вмѣсто *чтобъ* часто является одна частица *бы*, чему много примѣровъ въ одѣ *Изображеніе Фелицы:*

...и взоръ бы озарился
Величествомъ ея души.

Хаосъ на сферы бъ раздѣлился,
Ея рукою — напиши (278).

Союзу *хотя* въ главномъ предложеніи обыкновенно отвѣчаетъ *но:*

Хотя вы въ Стиксъ не погружались,
Но вы безсмертны по дѣламъ. *Ос. Оч.* 227.

Наконецъ о предлогахъ. Предлоги *въ* и *во, къ* и *ко, съ* и *со* употребляются по требованію стиха безразлично, независимо отъ слѣдующихъ за ними начальныхъ звуковъ управляемаго слова: „*Во* страсти новой погружаешь. *Пени,* 9. — Сошла *со* облаковъ жена. *Вид. м.* 161. — *Со* колчаномъ вьется мальчикъ". *Анакр. въ собр.* 421.

При страд. причастіи, вмѣсто творительнаго падежа, ставится иногда родительный съ предлогомъ *отъ:* (счастье) „вожделѣнное отъ всѣхъ". *Сч.* 244.

Для чего, согласно со стариннымъ употребленіемъ, ставится вмѣсто *почему:*

Остался живъ! и *для чего?*
Что возлюбилъ его душою. *Побѣд.* 233.

Предлогъ *по* является со всѣми падежами, какихъ онъ въ разныхъ случаяхъ, смотря по своему значенію, требуетъ; но иногда ставится при немъ ненадлежащій падежъ, напр. въ стихахъ:

И Петръ не назвался бъ великимъ,
Когда бъ *по подвигамъ толикимъ*
Онъ свой народъ не просвѣтилъ. *Ковар.* 327.

Слѣдовало сказать: *по подвигахъ толикихъ* (т.-е. послѣ стольких подвиговъ). Неправильно также: „Не тужи по снамъ прелестнымъ" (II, 37) вмѣсто: *по снахъ прелестныхъ.* Равнымъ образомъ: „*По печалямъ* (вм. по печаляхъ) радость

Цвѣтетъ пріятнѣе сердцамъ". II, 660.

Встрѣчается архаическое сочетаніе *по* съ винит. падежемъ вмѣсто болѣе употребительнаго нынѣ *за* съ творит.

Скачу къ портному по кафтанъ. *Фел.* 135.

Для означенія движенія по поверхности или согласованія съ чѣмъ-нибудь, предлогъ *по* требуетъ дат. падежа; но когда

управляемая часть рѣчи есть личное мѣстоименіе, то этотъ падежъ обыкновенно замѣняется предложнымъ. Въ этомъ отношеніи и Державинъ, большею частью, вѣренъ духу языка. Выше былъ уже приведенъ стихъ: „Чтобъ только поступать по *немъ*“ (а не по нему, т.-е. по закону). Такимъ же образомъ мы читаемъ у Крылова:

Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ (т.-е. по мосту) пройти не смѣетъ.

Въ просторѣчіи мы также говоримъ: по *насъ*, по *васъ* (т.-е. по нашему, вашему мнѣнію или нраву). Впрочемъ, эта особенность относится собственно только къ первому лицу мн. числа, къ 3-му лицу муж. и средн. рода ед. числа и къ 3-му же лицу множ. (по нихъ, вм. по нимъ). Такъ и Державинъ говоритъ:

Богатая Сибирь, наклонщись надъ столами,
Разсыпала по *нихъ* и злато и сребро. *Пот. праздн.* 417.

Однакожъ здѣсь можно бы сказать и „по нимъ“. Два раза предлогъ *по* вовсе опущенъ при существит. въ дательн. падежѣ:

День за днемъ течетъ его уставу (вм. по его уставу).
Доказ. твор. бытія. 749.
Родителямъ (вм. по родителямъ), по крови.
По сану исполинъ. *Крещ. Ник. Павл.* 745.

Между, межъ употребляется безразлично то съ творит., то съ родит. падежемъ:

Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между *тщеславья* и порокомъ. *Фел.* 140.

Чрезъ, вопреки закону языка, управляетъ родит. падежемъ въ стихѣ:

Онъ гребетъ чрезъ *волнъ* и тьму. *Потопл.* 751.

Нѣкоторымъ предлогамъ дается мѣсто позади существительнаго:

Леталъ божокъ крылатый
Красавицы *вокругъ*. *Анакр. у печки* 682
Тебя стола *вкругъ* ожидая. *Приглаш.* 666
А я всѣхъ *мимо* по паркету. *Сч.* 232.

Какъ въ народномъ языкѣ, *кромѣ* переноситъ ударенiе на послѣднiй слогъ: „*Кромѣ* ревущiя волны. *Водоп. Кромѣ* души великой ихъ“. *Изобр. Фел.* 192.

Нѣкоторые предлоги обращаются въ нарѣчiя:

. . . . . Кулибинскiй фонарь,
Что свѣтелъ издали, *близъ* теменъ. *Ав. вит.* 772.
Пошелъ — и кто возмогъ *противъ? Вз. Изм.* 352

Изъ помѣщенныхъ здѣсь частныхъ замѣчанiй объ обращенiи Державина съ различными разрядами словъ можно уже судить о нѣкоторыхъ особенностяхъ его синтаксиса. При разсмотрѣнiи его языка вообще надо помнить, что многое имѣющее для насъ характеръ архаизмовъ, не казалось устарѣвшимъ въ его время. Равнымъ образомъ и неправильности его языка не могли тогда производить на читателей того впечатлѣнiя, какое испытываютъ потомки его, избалованные совершенствомъ языка и стиха у позднѣйшихъ поэтовъ. Въ стихахъ Державина встрѣчаются однакожъ и такiя выраженiя, которыя уже и для его современниковъ были архаизмами, напр. дательный самостоятельный, впрочемъ весьма рѣдкiй у него. Такъ переведенное изъ Шиллера стихотворенiе *Дѣва за арфою* начинается стихомъ:

Владѣющимъ твоимъ перстомъ...
Я будто истуканъ стою. II, 540.

Обороты языка Державина, если исключить нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ его стихотворенiй, представляютъ вполнѣ русскiй складъ и даже, по большей части, складъ народной рѣчи. Фразу его всего болѣе портитъ часто не знающая границъ свобода въ словорасположенiи. Такъ онъ между прочимъ. 1) отдѣляетъ опредѣлительное отъ опредѣляемаго то мѣстоименiемъ, то союзомъ, то даже сказуемымъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ:

Какъ по челу власы ты разсыпаешь черны.
И понтъ какъ голубой пронзаетъ звѣздный лучъ. *Невѣстѣ.* 60.
Когда тебѣ въ нелицемѣрномъ
Угодна слогѣ простота. *Благод. Фел.* 155

2) ставитъ подлежащее между частями сказуемаго или дополненiя: „Согрѣвать сатиры руки Собирались“. *Рожд. порф.*

стр. 83; 3) даетъ не надлежащее мѣсто дополненію: „Я не мечтаю на воздухѣ о городахъ" (т.-е. о городахъ на воздухѣ, — о воздушныхъ зáмкахъ). *Ум.* 443.

Иногда словорасположеніе у Державина такъ запутано, что затемняетъ или искажаетъ смыслъ, напр.

Сія гробница скрыла
Затмившаго мать лунный свѣтъ. *См. Рум.* 27—28

(.....скрыла мать затмившаго).

И всяко сѣмя роду сродно
Какъ своему приноситъ плодъ. II, 9.

(какъ всякое семя приноситъ плодъ сродно своему роду).

Судьба... къ отрадѣ домъ дала и садъ
Сей жизни скучной, развлеченной. II, 112.

(къ отрадѣ жизни... судьба дала домъ и садъ).

Кого ужасный гласъ отъ сна
На брань трубы не возбуждаетъ. II, 167.

(кого ужасный гласъ трубы отъ сна не возбуждаетъ на брань).

Ужасный звѣрь (китъ) Стремитъ въ свои водъ рѣки трубы.
II, 467.

(стремитъ рѣки водъ въ свои трубы).

Особенно сбивчивостью въ этомъ отношеніи отличается начало оды *Лоинейскому витязю* (763).

Замѣтимъ, что въ двухъ мѣстахъ у Державина темнота смысла происходитъ отъ логической неправильности выраженія въ стихахъ:

Отдаетъ Арману Петръ полтрона,
Чтобъ править научилъ другой (*Мой истк.* 620),

при прилагательномъ *другой* приходится подразумѣвать невыраженное существит. *половиной*, извлекши его изъ понятія *полтрона*. Притомъ рѣчь идетъ не о тронѣ, а о государствѣ.

Въ примѣч. къ одѣ *Вельможа* (633) уже указано мною на неправильность выраженія въ слѣдующихъ четырехъ стихахъ:

Глава не ждетъ отъ ногъ ума
И силъ у рукъ не отнимаетъ;
Ей взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

Другого рода ошибочность замѣчается въ одномъ предложеніи оды *На освѣщеніе инвалиднаго дома* (64):

> И процвѣтетъ какъ вѣтвь Эдема
> Въ минувшій годъ она плодомъ.

Здѣсь смыслъ такой: „Да процвѣтетъ она плодомъ, какъ процвѣла въ минувшій годъ, подобно вѣтви Эдема". Капнистъ предлагалъ поставить „грядущій" вм. минувшій, но Державинъ не захотѣлъ отказаться отъ прежней редакціи, такъ какъ въ ней, при нѣкоторой неясности, былъ и намекъ на прошлое.

Въ отношеніи къ согласованію надо отмѣтить встрѣчающуюся у Державина нѣсколько разъ особенность, что когда подлежащимъ служитъ собирательное имя, то, по примѣру ц.-сл., сказуемое ставится во множ. числѣ: „Хоръ музъ... *Вѣнчаютъ* лаврами тебя. *Вызд. Мец.* 124. — Здѣсь *тонутъ* зодчихъ тьма". II, 160.

> *Связаны* цвѣтовъ цѣпями
> Нѣжномилая чета. *Побѣда Крас.* 759.

Другую особенность въ этомъ же отношеніи представляетъ согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ не по грамматическому, а по дѣйствительному роду его:

> Отроча порфирородно
> Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ. *Рожд. порф. отр.* 83.

или:

> Сталъ прекрасное дитя. *Спящ. Эротъ.* 669, 1.

Во внутреннемъ расположеніи одъ Державина, вообще отличающемся естественностію, укажемъ на одинъ любимый имъ искусственный пріемъ, состоящій въ томъ, что послѣднее слово или одно изъ послѣднихъ словъ стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго, особенно при переходѣ отъ одной строфы къ другой:

> Молитва взыдетъ *предъ Творца,*
> *Предъ Творца* и т. д. *Освящ. инв. д.* 63.
> *Нашелъ* кто развѣ ненарокомъ
> Путь добродѣтели прямой —
> *Нашелъ;* но льзя ль не заблуждаться. *Фел.* 140.
> Не стоилъ бы и тутъ кумира.
> *Не стоилъ бы:* всѣ знаки чести и т. д. *Мой ист.* 615.

Къ числу уже указанныхъ выше поэтическихъ вольностей Державина относятся также неполныя рифмы (полурифмы), весьма часто у него встрѣчаемыя, напр.: 1) мужскія: днемъ — холмъ (II, 62); огонь — волнъ (II, 81, 162); душей — своей (II, 83); непобѣдимъ — властелинъ (II, 416); 2) женскія: народный — виновны (I, 53); Богомъ — восторгомъ (I, 61); полдневный — зеленый (I, 100); оны — незлобный (I, 108); свирѣли — древле (I, 172); должно — невозможно (I, 203); птичьи — листьи (I, 224); несмѣтны — смертный (I, 233); прійдетъ — почіетъ (тамъ же); разгулье — правосудье (II, 248); любимцамъ — крыльцамъ (I, 255); ангелъ — Павелъ (II, 202); возгласъ — образъ (II, 555).

Самый стихъ Державина, въ отношеніи къ внѣшней формѣ, — по большей части правильный, плавный; но изрѣдка попадаются у него и такіе стихи, которые могутъ служить образчиками какофоніи, напр.:

Полякъ, Туркъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ и Шведы. *Из. Фел.* 353.

или

Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ, II, 169.

Изложенными здѣсь замѣчаніями, конечно, не исчерпывается все то, что можно сказать о языкѣ и слогѣ Державина; но я позволяю себѣ думать, что ихъ достаточно для того, чтобы съ помощію слѣдующаго за нимъ словаря облегчить всякому дальнѣйшія наблюденія надъ этою стороной поэзіи Державина.

Гротъ.

Источники и значеніе Державинской иллюстраціи.

Въ началѣ XVIII вѣка сборники символовъ и эмблемъ были перенесены съ Запада и въ нашу литературу. Голландскій сборникъ, изданный въ Амстердамѣ въ 1705 году, по повелѣнію Петра Великаго, съ присовокупленіемъ славянскихъ девизовъ, послужилъ оригиналомъ собственно русскимъ позднѣйшимъ изданіямъ. Такъ какъ эти сборники могли быть ближайшимъ источникомъ для Державинской иллюстраціи, то о нихъ будетъ сказано потомъ; а теперь я укажу на другія русскія изданія тоже XVIII столѣтія.

Къ сборникамъ христіанскихъ эмблемъ принадлежитъ *Царскій путь креста Господня*, книга переведенная съ латинскаго и напечатанная въ Черниговѣ въ 1709 г. съ хорошими копіями отличныхъ голландскихъ оригиналовъ антверпенскаго изданія 1635 г. Рисунки замѣчательны по своей крайней наивности, въ духѣ мечтательнаго и сантиментальнаго мистицизма. Общій всѣмъ имъ смыслъ тотъ, что всякій человѣкъ, слѣдуя Христу, долженъ нести свой крестъ, что земная жизнь есть не иное что, какъ путь креста. Но эта мысль выражена въ самыхъ дѣтскихъ формахъ, говорю *дѣтскихъ*, между прочимъ и потому, что люди, подвизающіеся съ крестомъ, представлены на рисункахъ въ видѣ дѣтей и, какъ дѣти, будто забавляются этимъ священнымъ орудіемъ страстей. И самъ Христосъ вездѣ изображается въ видѣ дитяти, забавляющагося вмѣстѣ съ другими этою странною игрой. Тамъ мальчикъ ѣдетъ на колесницѣ, у которой вмѣсто рессоры крестъ; Христосъ правитъ. Тамъ дѣти пашутъ землю крестомъ; тамъ крестами бьютъ желѣзо на наковальнѣ, строятъ дома и т. п. Христосъ-дитя съ ангельчикомъ даже распинаютъ на крестѣ мальчика.

Въ систематическомъ же видѣ изданы нравственныя эмблемы въ книгѣ, напечатанной въ Кіевопечерской лаврѣ въ 1712 г., подъ заглавіемъ: *Нѳіка ієрополітіка или философія нравоучительная символами и пріуподобленіи изъясненна*. Для примѣра вотъ нѣсколько изображеній. Вѣра: корабль плыветъ по морю; отъ скалы низвергаются громадные камни. Любовь: ангелъ, прикованный на цѣпи къ шару съ крестомъ, возносится къ небу, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой пылающее сердце. Надежда: на якорѣ шлемъ, о который сокрушаются стрѣлы. Терпѣніе: сердце съ двумя руками и съ устами. Встрѣчаются и миѳологическія фигуры, напримѣръ для пьянства — обнаженный и увитый плющемъ Бахусъ на бочкѣ съ сосудомъ вина.

Между лубочными изданіями первой половины XVIII столѣтія встрѣчается *Эмблематъ духовный ко обученію христіанскія вѣры со утѣшительными фигурами и полезными словами*. Изображенія неостроумны по сочиненію и плохо рисованы; текстъ самый безтолковый и пошлый. Напримѣръ, на листѣ подъ заглавіемъ: „Нужная всѣхъ христіанъ музыка“, изображены четыре голоса: басъ, теноръ, альтъ и дискантъ, въ четырехъ тетрадяхъ съ надписями для каждаго голоса, въ слѣ-

дующемъ видѣ: посреди картинки жертвенникъ съ водруженнымъ на немъ распятіемъ, при которомъ въ тетради басъ. Вверху въ облакахъ тетрадь съ альтомъ, на которой возсѣдаетъ голубь съ палочкою въ лапкѣ. По одну сторону на столѣ двѣ дымящіяся кадильницы и двѣ жмущія одна другую руки; позади ихъ тетрадь съ дискантомъ. Наконецъ, по другую сторону въ сіяніи сердце, надъ которымъ тетрадь съ теноромъ, посреди нея голова въ сіяніи, а кругомъ сердца разбросаны отрубленныя руки и ноги. Вся эта чепуха объясняется такимъ назиданіемъ: „Аще Богъ Духъ Святый сердца наша самъ управляетъ и якобы съ высоты альтъ вкупѣ играетъ. Егда же онъ и тактъ подаетъ по своему Божію слову, тогда ничто пріятнѣе сея музыки не бываетъ. Егда же истинная вѣра въ человѣкѣ возгорится, подобно сильному басу, отъ него же все основаніе зависитъ, который непотребныхъ нотъ вмѣщати въ себя отнюдь не терпитъ: тогда что́ можетъ быти сильнѣе сея музыки? И егда впрочемъ молитва подобна дисканту (sic!) въ высоту востаетъ и всегда себе басу вѣры согласна являетъ, обаче же въ самой великой нуждѣ чиста и ясна пребываетъ: тогда что можетъ пріятнѣе быти музыки сея? Аще же напослѣдокъ теноръ, си есть животъ безпорочный внегда всѣ суставы по Божію слову исполняютъ, послѣдуя святынѣ, кромѣ всякаго лицемѣрства: тогда что можетъ быти святѣйше сея музыки?“

Теперь обратимся къ сборнику, который могъ служить непосредственнымъ источникомъ для иллюстраціи Державинской. Эта знаменитая книга, напечатанная въ Амстердамѣ въ 1705 г., подъ заглавіемъ: *Символы и эмблемата,* съ отличнѣйшими гравюрами и съ девизами на восьми языкахъ, сверхъ славяно-русскаго. Иллюминаторы стихотвореній Державина изъ этихъ рисунковъ могли заимствовать и *Подсолнечникъ* (№№ 21, 261, 525), и *Крылатое сердце* (№ 646), и *Любострастіе Фавна* (№ 26), и *античный мотивъ молчанія Амура* (№ 526), и наконецъ могли пріучить свой глазъ къ этимъ безконечнымъ амурчикамъ, которые въ этомъ сборникѣ играютъ едва ли не главную роль. Въ немъ можно было навести справку и о другихъ лицахъ античной миѳологіи, напримѣръ о Діанѣ и Актеонѣ, Аполлонѣ и Дафнѣ, о Парисѣ, какъ онъ судилъ о красотѣ трехъ богинь (№№ 715, 717, 729).

Впрочемъ, рѣдкое амстердамское изданіе не могло распро-

страниться у насъ въ общемъ употребленіи. Потребовалась перепечатка, которую и сдѣлалъ въ 1788 г. въ Петербургѣ *Несторъ Максимовичъ Амбодикъ*, съ обширнымъ систематическимъ введеніемъ о символахъ и эмблемахъ. Изъ этого введенія привожу нѣсколько выдержекъ для объясненія Державинской иллюстраціи.

Богъ изображается на крыльяхъ вѣтреныхъ, ветхій деньми, превознесенный выше небесъ, носимый на облакахъ ангелами. держащій въ рукахъ державу... или благословляющій десницею. частію покрытый возвѣваемою ризою... или представляется въ видѣ великаго сіянія свѣта немерцающаго. Замѣчательно, что въ общее обозрѣніе изображеній Амбодикъ не вводитъ ни Христа, ни Богоматери, которыхъ, какъ увидимъ, нѣтъ и въ Державинской иллюстраціи.

Вѣра христіанская представляется въ видѣ скрижали, евангелія, креста и потира, сіяніемъ окруженнаго. Или въ образѣ сидящей жены, держащей въ рукѣ крестъ, на колѣняхъ Новый Завѣтъ...

Побѣда представляется младою дѣвою, держащею въ одной рукѣ пальмовую вѣтвь, а въ другой лавровый вѣнецъ; или крылатою женою съ рогомъ изобилія и пальмовою вѣтвію, или стоящею на шарѣ... иногда въ видѣ Паллады... иногда въ видѣ орла, держащаго викторію.

Правосудіе представляется въ человѣческомъ образѣ съ завязанными очами, съ вѣсами и шпагою въ рукахъ и звѣздою на головѣ: иногда сидящею женою, держащею въ одной рукѣ скипетръ, а въ другой потиръ, — возлѣ нея пукъ батоговъ и топоръ.

Слава представляется въ образѣ прекрасной жены, въ пребогатой одеждѣ, держащей въ рукахъ златые и лавровые вѣнцы... иногда въ развѣваемомъ одѣяніи, съ крыльями и трубою, одною или двумя.

Смѣлость изображается въ видѣ Марса или Геркулеса съ палицею и львиною кожею.

Фортуна, или счастіе, изображается иногда стоящею на шарѣ или колесѣ, иногда сидящею на колесѣ, иногда съ открытыми, иногда съ завязанными очами, съ крыльями у обѣихъ ногъ.

Человѣколюбіе изображается въ видѣ стоящей или сидящей жены, держащей въ рукахъ двухъ младенцевъ и пылающее

сердце; у ногъ ея покоящееся третье дитя; возлѣ нея горящіе уголья и странники представляются.

Рисовальное искусство изображается въ видѣ генія, держащаго въ рукѣ рисовальное перо; а передъ нимъ стоятъ старинныя изваянія: Аполлонъ, Венерина глава и пр.

Вода вообще изображается въ видѣ младой и прекрасной дѣвы, съ распущенными длинными серебряными власами, увѣнчанной вѣнкомъ изъ тростника, съ сосудомъ въ рукахъ, откуда льется вода, и съ лежащимъ у ногъ ея дельфиномъ.... *Океанъ* означается китомъ или старикомъ, сидящимъ на морскихъ волнахъ, съ копьемъ въ рукахъ и сосудомъ, изъ коего льется вода.... *Рѣка* изображается въ видѣ старика съ длинными власами и густою брадою, увѣнчаннаго вѣнкомъ изъ тростника, лежащаго въ камышѣ, и облокотившагося на урну или сосудъ, изъ коего течетъ вода.

Вѣтръ представляется въ образѣ человѣка или генія, крылатаго, безпокойнаго и летающаго... *Аквилонъ* восточный и *Борей* сѣверный вѣтры изображаются младымъ человѣкомъ, закрывающимъ лицо свое епанчей, съ крыльями...

Солнце представляется въ видѣ младого бѣлокураго юноши, окруженнаго сіяніемъ, сидящаго на колесницѣ, влекомой четырьмя бѣлыми конями, проѣзжающаго зодіакъ съ бичомъ въ рукахъ...

Время вообще представляется въ образѣ старика, отъ древности лѣтъ изсохшаго, съ крыльями, сѣдыми власами и брадою, держащаго въ рукахъ косу...

Въ краткомъ истолкованіи эмблематическихъ изображеній объясняется условный смыслъ разныхъ произведеній природы и искусства, каковы агнецъ, бабочка, змѣя, песъ, пѣтухъ, сова, лавръ, масличная вѣтвь, пальма, вѣсы, пирамида, рогъ изобилія, треугольникъ, якорь, а также баснословныя существа: Пегасъ, Саламандра, сирена, сфинксъ, фениксъ, и аттрибуты античныхъ боговъ: „*петасъ*, или шапка съ крыльями, знакъ Меркурія и времени“; „*тирсъ*, копье или дротикъ, обвитый плющевыми листьями, знакъ Вакха“; „*эгидъ*, или щитъ божковъ, а особливо Паллады, съ вырѣзанною на немъ главою Медузы, окруженною змѣями, знакъ страха, ужаса и защиты“.

Когда будемъ разсматривать иллюстрацію Державинскую, увидимъ, что и содержаніе ея, и общій стиль главнѣйшимъ образомъ опредѣляется результатами, которые въ книгѣ Амбо-

дика выведены изъ сборниковъ этой обширной литературы символовъ и эмблемъ.

Бросивъ бѣглый историческій взглядъ на иллюстрацію въ ея связи съ литературой, мы замѣтили, что не пустая роскошь вызвала живописцевъ украшать тексты рисунками, а разумная психологическая потребность дать общей, отвлеченной мысли конкретный образъ. Картину, излагаемую на словахъ, каждый изъ читателей или слушателей представляетъ въ воображеніи по-своему. Слово обозначаетъ предметъ вообще, не приковывая воображенія къ извѣстному конкретному представленію. Поэзія, живописуя идеалъ общими очертаніями словъ и выраженій, оставляетъ фантазіи полную свободу дорисовывать эти очертанія индивидуальными красками. Сверхъ того, поэзія воспроизводитъ событіе во всей полнотѣ послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга моментовъ. Иллюстрація изъ ряда этихъ моментовъ беретъ одинъ и даетъ ему самыя точныя, конкретныя очертанія, съ которыми должно уже согласоваться воображеніе всѣхъ и каждаго. Неопредѣленное устанавливается въ опредѣленныя формы, и вообще низводится въ индивидуальный образъ. Художники въ катакомбахъ только еще намекаютъ на идею объ искупленіи и на страсти Господни въ символическомъ представленіи приносимаго въ жертву Исаака или Даніила во рву со львами, и намекаютъ такъ неопредѣленно, что вѣрующій напрасно сталъ бы открывать въ этихъ изображеніяхъ подробности намекаемыхъ евангельскихъ событій. До безконечности видоизмѣняются они въ произведеніяхъ западнаго искусства, въ средніе вѣка и позднѣе, и наконецъ становятся типическими и неизмѣнными въ предписаніяхъ греко-русскаго подлинника — такъ, а не иначе изображать то или другое праздниство, ту или другую священную личность.

Какъ въ раннюю эпоху христіанскаго искусства миніатюра служила истолкованіемъ священнаго текста, напримѣръ, въ рукописяхъ Псалтыри; такъ и вообще она служитъ къ точнѣйшему уразумѣнію литературнаго произведенія, и особенно когда близко относится къ нему по времени. Для эстетической критики имѣетъ высокій интересъ современное поэту живописное изображеніе изложеннаго въ его стихахъ содержанія, и чѣмъ отдаленнѣе отъ нашего времени поэтическое произведеніе, тѣмъ необходимѣе для полнѣйшаго его пониманія современная ему или близкая къ нему по времени его иллю-

страція, наглядно вводящая не только во всю современную поэту историческую обстановку, но приблизительно и въ тѣ идеальныя представленія, которыя могли грезиться въ его фантазіи, соотвѣтственно убѣжденіямъ и духу времени. Особенно богата художественною иллюстраціей знаменитая поэма Данта, изъ которой брали себѣ сюжеты почти современные поэту живописцы. Я не буду говорить о знаменитыхъ произведеніяхъ Орканьи, Луки Синьёрелли, а укажу на памятникъ менѣе извѣстный, на одну рукопись Божественной Комедіи XIV и XV столѣтій, въ ватиканской библіотекѣ, съ превосходнѣйшими миніатюрами, которыя съ восторгомъ изучалъ Іоаннъ, король Саксонскій, и которыми онъ вдохновлялся для своего классическаго перевода этого произведенія. Чтобы перенестись въ таинственную область, по которой шествуетъ Дантъ, необходимо уяснить себѣ архитектуру его *Ада, Чистилища* и *Рая,* и никто лучше стариннаго миніатюриста не можетъ помочь въ этомъ воображенію читателя. Вы крайне ошибетесь, если представите себѣ чѣмъ-нибудь ужаснымъ и мрачнымъ адскія врата, въ которыя вводятъ васъ за собою Дантъ съ Виргиліемъ. Напротивъ того, миніатюристъ рисуетъ предъ вами красивую раму съ аркою наверху, на которой начерчены роковыя слова: „per me si va“. Въ этой ярко раскрашенной рамѣ виднѣется адъ, адская рѣка и Харонъ съ лодкой. Все это ясно и свѣтло, какъ въ лѣтній день поля Елисейскія на Мизенскомъ мысѣ, близъ Неаполя; изъ глубины водъ, будто твердыня Венеціи, поднимается красивая крѣпость, окруженная стѣнами съ башнями. Общій характеръ архитектуры ада миніатюристъ понимаетъ въ соединеніи пропастей со скалами и утесами, съ пещерами и камнями, нагроможденными другъ на друга, какъ бы вслѣдствіе великаго землетрясенія или какого другого страшнаго переворота, совершившагося въ нѣдрахъ земли. Это не порожденіе природы созидающей, а безобразныя развалины, произведенныя злобою духа разрушительнаго. Тамъ тянется безконечная улица между разсѣдшимися, обгорѣлыми камнями; тамъ проходитъ она подъ развалинами арокъ, подобныхъ тѣмъ естественнымъ аркамъ, которыми тамъ и сямъ капризъ природы украсилъ Аппенинскія скалы, спускающіяся въ Средиземное море. Тамъ надъ узкою, страшно зіяющею бездной перекинутъ хрупкій мостикъ. Камни, изъ которыхъ нагромождены горы съ подземельями,

имѣютъ видъ тѣхъ гигантскихъ массъ, изъ которыхъ первобытные титаны сооружали свои циклопическія строенія, и которыя служатъ какъ бы продолженіемъ слоистой организаціи приморскихъ утесовъ Италіи. Своимъ художественнымъ тактомъ миніатюристъ понялъ поэта; слѣдуя поэту, онъ искалъ очертаній и колорита для его *Ада* и въ развалинахъ Караналловыхъ термъ, и въ тріумфальныхъ аркахъ римскаго форума, и въ бездонныхъ скалахъ Аппенинскихъ. Сверхъ того, во всей иллюстраціи ада замѣчается одна въ высшей степени характеристическая черта: на всѣхъ этихъ миніатюрахъ, съ безобразными развалинами и мрачными пропастями, вездѣ видишь вдали прекрасное небо Италіи, яхонтовое и жаркое, съ которымъ не могъ художникъ разстаться и въ аду, и которое изображенію ужаснаго и грознаго придаетъ какую-то успокоительную прелесть аттической граціи; такъ что весь этотъ адъ старинной итальянской иллюстраціи производитъ впечатлѣніе грознаго, разрушительнаго Везувія, покрытаго нагроможденными подземными камнями, съ отлогостями, пышно увитыми виноградомъ, Везувія, который на берегу роскошнаго залива непрестанно коптитъ своимъ удушливымъ дымомъ прекрасное небо Италіи. Архитектура *Чистилища* вообще похожа на адскую; но между безплодными утесами часто видишь уже цвѣтущія долины и зеленые луга. Чувствуется зиждительная сила природы. И здѣсь, какъ въ аду, въ родѣ утесовъ съ пещерами, изъ голыхъ камней сооруженныя зданія, но на этихъ сооруженіяхъ замѣтна творческая рука искусства. Горы поднимаются въ видѣ римскихъ мавзолеевъ съ портиками. Тамъ громадная развалина украшается изящною дверью съ тремя аллегорическими ступенями изъ трехъ камней трехъ разныхъ цвѣтовъ. Тамъ въ окраину скалы вдоль дороги вставлены мраморныя плиты съ барельефными изображеніями изъ античной миѳологіи и св. писанія. Сценою для *Чистилища* уже не подземные склепы, а сама земля, какъ она есть, со всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, съ добромъ и зломъ, съ наградой и наказаніемъ, съ надеждой и страхомъ, съ произведеніями зиждительной природы и искусства и съ печальными развалинами. Таково *Чистилище* у поэта, таково оно и въ миніатюрахъ. Я не касаюсь иллюстраціи *Рая,* хотя и особенно изящной по изображенію лицъ и группировкѣ фигуръ, потому что громадные размѣры его воздушной архитектуры менѣе

доступны живописнымъ средствамъ. Цѣлое расплывается въ небесныхъ сферахъ, или кругахъ, а подробности получаютъ видъ символическихъ знаковъ креста, царственнаго орла, райской бѣлой розы и т. п.

Иллюстрація становится предметомъ первой важности для литературной критики, когда рисунки къ литературному произведенію составлены самимъ авторомъ его или подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и въ сообществѣ съ его друзьями и единомышленниками. Въ такой иллюстраціи поэтъ какъ бы продолжаетъ свою творческую идею, дополняетъ очерками то, чего не могъ выразить словами, собираетъ въ окончательно установившемся опредѣленномъ образѣ тѣ улетучивающіяся мечты, которыя онъ не успѣвалъ схватить столько же летучею и такою же прозрачною формой стиха, вводитъ, наконецъ, въ самое святилище своей фантазіи, выясняя и для себя самого, и для читателей въ осязательныхъ очеркахъ тѣ идеалы, которые только по частямъ и намекамъ могъ онъ описывать въ своемъ стихотвореніи, или къ которымъ онъ относился, какъ поэтъ, только въ изліяніяхъ своихъ чувствованій. Давая такимъ образомъ новый матеріалъ для опредѣленія самаго акта поэтическаго творчества, иллюстрація вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ для критика точку зрѣнія, которую самъ поэтъ ему указываетъ въ рисункѣ къ своему произведенію. Общій характеръ или стиль поэзіи уясняется до очевидности, будучи выраженъ въ соотвѣтствующемъ ему стилѣ живописи.

Таково именно значеніе замѣчательныхъ виньетокъ въ академическомъ изданіи сочиненій Державина. Эти виньетки были изготовлены въ концѣ XVIII столѣтія и въ первыхъ годахъ текущаго, по желанію и мысли самого поэта и при дѣятельномъ участіи его друзей: Оленина, Капниста и Львова, которые составляли программы рисунковъ, а Оленинъ и самъ былъ искусный художникъ и нарисовалъ 92 рисунка то тушью, то сепіею, а отчасти и акварелью къ стихотвореніямъ Державина, поднесеннымъ поэтомъ въ рукописи императрицѣ Екатеринѣ въ 1795 году. Работу Оленина продолжалъ знаменитый живописецъ Егоровъ, изготовившій къ 1802 году сто виньетокъ, а послѣ него рисовалъ художникъ Ивановъ. Есть нѣсколько картинокъ работы Тончи. Державинъ постоянно заботился объ изданіи своихъ сочиненій съ рисунками, посылалъ ихъ въ Лон-

донъ для гравированія, но не сошелся въ цѣнѣ съ тамошними граверами, просившими 12 тысячъ рублей; обращался къ русскому граверу Уткину, который сдѣлалъ для него на этотъ предметъ смѣту на 39 тысячъ. Въ объясненіяхъ, диктованныхъ поэтомъ, онъ не забывалъ послѣ каждаго стихотворенія помѣщать описаніе приготовленныхъ виньетокъ, а тамъ, гдѣ ихъ недоставало, вносилъ слова: „нужны програмы". Безъ сомнѣнія, не прилагалъ бы онъ столько вниманія и заботъ объ этихъ рисункахъ, если бы видѣлъ въ нихъ одну роскошь. Они были для поэта существенною частью его поэтическаго творчества, дополненіемъ созданныхъ имъ идеаловъ, необходимымъ комментаріемъ къ его чувствованіямъ и мечтаніямъ. Въ предисловіи къ изданію своихъ стихотвореній, въ 1808 году, онъ говоритъ: „Не могъ я, по желанію моему, украсить всѣхъ моихъ сочиненій картинками за недостаткомъ художниковъ, предоставляя то будущему времени". И вотъ, чрезъ полстолѣтія, Академія Наукъ достойно выполняетъ завѣщаніе Екатерининскаго поэта, предложивъ въ великолѣпномъ изданіи въ самыхъ удовлетворительныхъ политипажахъ всѣ рисунки, которые были тогда изготовляемы къ его произведеніямъ, и которыя онъ напрасно заботился награвировать за-границей, потому что, какъ онъ самъ выразился, по этому предмету

Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.

Точка зрѣнія на отношеніе виньетокъ къ тексту указана самими друзьями поэта, Оленинымъ и Львовымъ, въ дошедшихъ до насъ двухъ запискахъ. „Всѣ почти изображенія, какъ при заглавныхъ листахъ, такъ и при окончаніи каждой поэмы, говоритъ Оленинъ, почерпнуты изъ самаго содержанія оныхъ. Изографъ однако не повторяетъ автора и не то же представляетъ въ лицахъ первый, что второй написалъ въ стихахъ. Сіе повтореніе, довольно впрочемъ обычное, казалось ему плеоназмомъ, почему и старался художникъ домолвить карандашемъ то, что словами стихотворецъ *не могъ* или *не хотѣлъ сказать,* оставляя иногда тонкій смыслъ или таинственное значеніе на собственное проницаніе читателя. Сіе-то значеніе подъ рукою молодого художника, гдѣ въ прямомъ, гдѣ въ иносказательномъ видѣ, образовалось и въ лицахъ, бесѣдуетъ съ разумомъ читателя, догадку его упреждая: читателю не

будетъ тягостна зримая бесѣда сихъ скромныхъ лицъ, потому что ему, кажется, одному только довѣряютъ они таинство, которое стихотворецъ не всякому слушателю открываетъ, а безъ того, можетъ, скоро бы прискучили такія изображенія, которыя глазомъ повторяютъ то же самое, что̀ воображеніе давно и лучше еще въ понятіи посредствомъ стиховъ читателю представило... Въ заглавіи нѣкоторыхъ, однако, поэмъ то же или почти то же изображено въ лицахъ, что сказано въ поэмѣ... Впрочемъ онъ (то-есть художникъ) старался, сколько возможно, пропускать такія картины, оставляя стихамъ всю силу дѣйствія и почитая свой карандашъ послѣднимъ пособіемъ силы стихотворческой". Въ дополненіе къ этому надобно принять въ соображеніе сказанное Львовымъ: „Художникъ въ семь сообразовался съ легкимъ вкусомъ и правиломъ поэзіи, гдѣ воображеніе родило и вкусъ автора образовалъ нравоученіе въ поэмѣ, но дабы нравоученіе не скучало, онъ покрылъ его тонкою завѣсой аллегоріи и оставилъ на догадку: художникъ догадался, и дабы картинѣ, одною только, такъ сказать, тѣнію окинутой, дать тѣло и силу физическую, дабы впечатлѣніе оной прочнѣе и надежнѣе въ сердцѣ читателя изобразилось, художникъ нравоученіе и пользу онаго образовалъ, и представилъ въ видѣ физическомъ намѣреніе автора и пользу видовъ его".

Оставляя въ сторонѣ скромность уклончивыхъ словъ Оленина и переводя на современныя понятія сбивчивость темныхъ выраженій Львова, мы извлекаемъ изъ замѣчаній этихъ обоихъ друзей Державина слѣдующія положенія объ отношеніи рисунковъ къ его стихотвореніямъ.

1. Въ рисункахъ не повторяется то, что выражено въ стихахъ.

2. Но такъ какъ формы живописи и поэзіи различны, то чего не могъ или не хотѣлъ поэтъ изобразить словами, то живописецъ начерталъ въ лицахъ.

3. Отвлеченныя мысли и нравственныя понятія, окинутыя у поэта только тѣнью, въ рисункѣ получаютъ осязательный образъ, который прочнѣе и надежнѣе въ сердцѣ читателя запечатлѣвается.

4. Потому живописецъ домолвилъ карандашемъ то, чего въ стихахъ недоставало.

5. Однако живописные образы мелькали и въ фантазіи поэта, когда онъ творилъ, потому художникъ старался ихъ уловить

въ своихъ очеркахъ, чтобы открыть эту недоступную для читателей тайну творческой фантазіи.

6. Впрочемъ, никакая живопись не можетъ соперничествовать съ поэтическою фантазіей, которая сильнѣе возбуждаетъ воображеніе читателя къ представленію того, что она говоритъ ему въ стихахъ. Карандашъ служитъ послѣднимъ пособіемъ силы стихотворческой, потому что онъ схватываетъ только одинъ моментъ изъ всего безконечнаго разнообразія картинъ, бѣгло намѣченныхъ поэтомъ.

Въ составителяхъ программъ для рисунковъ и въ художникахъ, изготовившихъ рисунки, мы имѣемъ дѣло съ людьми, по своему времени высокообразованными, получившими эстетическое воспитаніе, которому много способствовала изящная роскошь двора и вельможъ тѣхъ временъ. Русскіе бары строили себѣ тогда дворцы во вкусѣ римскихъ виллъ, украшая сады мраморными статуями, копированными съ антиковъ, стѣны дворцовъ увѣшивали картинами, гравюрами и гобеленовскими коврами, но особенно любили скульптуру, античный стиль которой согласовался съ легкими нравами времени и съ ложноклассической поэзіей. На подобіе флорентинской трибуны, этого святилища для Венеры Медицейской, которая стоитъ какъ божество, окруженное висящими по стѣнамъ картинами великихъ живописцевъ, и религіозными и миѳологическими, у насъ, во дворцахъ русскихъ баръ, устраивались античные алтари съ мраморными и бронзовыми статуями, которымъ роскошь архитектуры, живописи и дорогихъ издѣлій служила подобающею обстановкой. Преданный вельможа ставилъ на алтарь, вмѣсто античной Минервы, изображеніе Екатерины и, какъ Потемкинъ на своемъ знаменитомъ празднествѣ, преклонялъ колѣни предъ этимъ божествомъ.

Тогда образованные люди въ Россіи переживали блистательную эпоху возрожденія, перенесенную къ намъ въ подновленномъ видѣ французскаго классицизма. Любовь къ изящнымъ искусствамъ смягчала грубость натуры, и тонкій эстетическій вкусъ облагораживалъ азіатскую роскошь. Ревнивый патріотизмъ автора *Недоросля* укрощался предъ созерцаніемъ чудесъ итальянской живописи, и татарскій мурза преклонялъ колѣни предъ классическою Минервой, въ образѣ которой привыкъ онъ чествовать свою Фелицу. Оленинъ былъ хорошій знатокъ классическаго искусства и отлично умѣлъ пользоваться гре-

ческими вазами, камеями и другими антиками для иллюстраціи стихотвореній своего друга. Тончи учился живописи по Рафаэлю и его глазами смотрѣлъ на античную красоту, какъ на вѣчно новый матеріалъ для художественнаго возсозданія. Легкій взглядъ на христіанскую религію, порожденный раціонализмомъ, замаскировалъ себя въ искусствѣ античными формами и аллегоріей. Невѣріе довело было Тончи до самоубійства, но потомъ онъ перешелъ отъ скептической философіи къ болье христіанской, и этотъ спасительный переходъ изобразилъ онъ въ одной изъ своихъ поэмъ. Аллегорія и символъ примиряли здравый смыслъ съ античными представленіями, которымъ XVIII вѣкъ давалъ новое, свое собственное значеніе. Изящная фраза господствовала и въ поэзіи, и въ картинѣ, и въ тріумфальныхъ аркахъ, обелискахъ и курящихся алтаряхъ торжественныхъ празднествъ. Здравый смыслъ, воспитанный французскою ложно-классическою теоріей, любилъ прикрываться загадкою подъ условною формой любимыхъ эмблемъ и символовъ. Тончи подъ написаннымъ имъ портретомъ Державина помѣстилъ латинское двустишіе слѣдующаго содержанія: „Правосудие изображено въ скалѣ, вѣщій духъ въ румяномъ восходѣ, а чистое сердце въ бѣломъ снѣгѣ". Поэтъ представленъ сидящимъ предъ скалой, на снѣжномъ полѣ, по которому замѣтны сльды, вѣроятно въ соотвѣтствіе стихамъ: „чтобъ шелъ, природой лишь водимъ", и пр.; въ отдаленіи занимается утренняя заря. Соотвѣтственно понятіямъ того времени, съ одной стороны чопорнаго и охочаго до парадовъ, а съ другой — воспитаннаго въ античномъ вкусѣ, одни совѣтовали живописцу написать поэта въ мундирѣ и орденахъ, другіе — „по примѣру антиковъ, какъ сказано въ объясненіяхъ, безъ всякихъ украшеній, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ". Художникъ предпочелъ программу самого поэта и изобразилъ его правнукомъ татарскаго Багрима, смягчая азіатскую грубость гуманными идеями аллегоріи, объясненными въ упомянутомъ двустишіи. *Буслаевъ.*

Содержаніе рисунковъ Державинской иллюстраціи.

Прежде нежели войду въ разсужденіе объ отношеніи рисунковъ къ тексту, надобно разсмотрѣть содержаніе или матеріалъ, изъ котораго они составлены. Соотвѣтственно направленію

умовъ и вкусу времени, матеріалъ этотъ заимствованъ изъ двухъ главныхъ источниковъ: изъ античнаго искусства и изъ такъ называемыхъ символовъ и эмблемъ. Первому источнику рисунки обязаны всѣмъ своимъ существомъ и тонкимъ классическимъ вкусомъ, второму — главнѣйшими недостатками, состоящими въ вычурности, манерности и въ условности холодной аллегоріи.

Вотъ перечень важнѣйшихъ рисунковъ, заимствованныхъ изъ античнаго искусства и составленныхъ въ его характерѣ, кромѣ немногихъ, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи. Предъ описаніемъ рисунка помѣщено заглавіе стихотворенія, которому онъ служитъ виньеткой.

Объясненіе въ любви. Обнаженная Венера сидитъ въ облакахъ. Передъ нею стоитъ на колѣняхъ Амуръ, пронзенный стрѣлою. Въ Амурѣ изображенъ самъ поэтъ; въ Венерѣ — красавица, которой онъ объясняется въ любви (I. 1).

Пламидѣ. Сирена съ чешуйчатымъ хвостомъ и съ крыльями опирается на голову Януса, подлѣ которой лежать корона, скипетръ, лавровый вѣнокъ, потому что въ залогъ своей любви къ этой прелестницѣ поэтъ готовъ бы отдать мудрость, скипетръ и славу. Но Пламида проситъ въ задатокъ денегъ, что̀ и означено на кю-де-лампѣ, то-есть на второмъ заключительномъ рисункѣ, въ видѣ Амура, сидящаго съ мѣшкомъ денегъ, а около презрительно издѣвается козлоногій Фавнъ (I, 3—4).

Всемилѣ. Діана на лунѣ. На кю-де-лампѣ козелъ опрокидываетъ вазу съ цвѣтами — безподобная въ помпеянскомъ стилѣ виньетка, въ дополненіе той мысли поэта, что красота женская сама по себѣ, безъ добродѣтели, ничтожна (I, 5 – 6)

На смерть Бибикова. Второй рисунокъ съ античной камеи: Геркулесъ связываетъ Цербера (I, 26).

Монументъ Петра Великаго. На второмъ рисункѣ летящая богиня славы, съ крыльями (I, 40).

Кружка. Второй рисунокъ къ застольной пѣснѣ: „Краса пирующихъ друзей“ и пр. представляетъ флорентійскаго пляшущаго Фавна, антикъ, реставрированный рѣзцомъ Микель-Анджело (I,49).

Ключъ. Источникъ, въ видѣ бога рѣки, лежитъ въ тростникѣ; одною рукою облокотился на урну, изъ которой льется вода, а другой держитъ руль; голова его увѣнчана осокою. Соотвѣтствуетъ начальнымъ стихамъ:

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою и пр. (1, 77).

На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока. Первая виньетка безобразна, — представляетъ Зефира, подъ видомъ мальчика съ рогомъ изобилія: онъ скачетъ на козерогѣ и дуетъ на улетающаго на крыльяхъ бабочки Борея. При этой виньеткѣ соотвѣтствующей первымъ стихамъ: „Съ бѣлыми Борей власами“ и пр. узелъ удачно взятъ съ античной камеи, на которой изображенъ младенецъ-Геркулесъ, задушающій змѣю (1, 81—86).

Къ первому сосѣду. Роскошный столъ богача и мысль о тлѣнности всего подъ луною выражены въ картинкѣ помпеинскаго стиля: юный геній, весь обнаженъ, покоится въ глубокомъ снѣ, на львиной кожѣ: къ нему подкрадывается всеразрушающее время въ видѣ амурчика съ косою (1, 102).

Разныя вина. Весельчаки, пьющіе разныя вина, идеализируются въ видѣ амурчиковъ, которымъ изъ корзинки сыплетъ виноградъ парящая въ воздухѣ Геба. Амурчики вьются около нея тоже по воздуху (1, 126).

Благодарность Фелицѣ. Первый рисунокъ: заря съ поспѣшностью несетъ свѣтильникъ міра и ведетъ Фебовыхъ коней, въ соотвѣтствіе первымъ стихамъ: „Предшественница дня златого“ и пр. Второй рисунокъ: геній стихотворства идетъ поспѣшно лирою возгласить великую Фелицу. Оба съ древнихъ камей (1, 153—156).

Рѣшемыслу. Античный саркофагъ. Посреди въ медальонѣ портретъ Потемкина въ профиль. По сторонамъ по генію, которые сѣтуютъ по усопшемъ, опираясь на обращенные внизъ факелы (1, 170).

Философы пьяный и трезвый. Хотя у Державина оба философа разговариваютъ, какъ люди новаго времени, даже съ оттѣнкомъ русскаго характера, потому что упоминаютъ не только о пушечныхъ ядрахъ на войнѣ, но и о взяткахъ, однако въ рисункѣ представлены они въ античныхъ тогахъ и въ сандаліяхъ. Около сидящаго философа превосходная ваза съ ручкою, сдѣланною изъ роскошной женской фигуры, во вкусѣ возрожденія XVI вѣка. Второй рисунокъ еще изящнѣе. Въ позѣ сидящаго съ книгою на колѣняхъ философа художникъ

соединилъ величие микель-анджеловскихъ каріатидъ изъ сикстинскаго плафона съ скульптурною простотой античнаго стиля. Предъ философомъ на тонкой витой подножкѣ горитъ античная же изящная лампа. Обѣ картинки отличаются самымъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, воспитаннымъ на античномъ искусствѣ (1, 260—264).

Изображеніе Фелицы. Какъ на древней медали, Фелица на конѣ представлена въ видѣ Минервы, вооруженной доспѣхами. Величественно простираетъ она руку, какъ римскіе императоры въ скульптурныхъ изображеніяхъ. Предъ нею, преклонивъ колѣни, подноситъ ей на дискѣ скипетръ и вѣнецъ величавая фигура Сѣвера. Позади, около ея шлема, порхаютъ два генія. Поэтъ проситъ Рафаэля именно въ этомъ самомъ видѣ изобразить Фелицу:

Одѣвъ въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно бразды опѣнялъ;
Чтобъ Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой избралъ;
Избралъ — и, падши на колѣна,
Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ (1. 270).

Къ Евтерпѣ. Дѣвица Нарышкина, извѣстная въ то время своею игрою на арфѣ и пѣніемъ, представлена въ видѣ Эвтерпы, играющей на двухъ флейтахъ. Она сидитъ, прислонясь къ дереву, у корня котораго трагическая маска и Геркулесова палица. У ногъ ея самъ Потемкинъ въ видѣ мальчика-Марса сидя спитъ, приложивъ голову къ ея колѣнямъ. Онъ обнаженъ, и только плечи прикрыты мантіей, на головѣ шлемъ. Возлѣ стоятъ латы и щитъ. Рисунокъ соотвѣтствуетъ послѣднимъ стихамъ:

Пой, Евтерпа молодая!
Прелестью своей плѣни;
Бога браней усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми.
Лавромъ голова нагбенна
Къ персямъ клонится твоимъ.

Хотя Нарышкина играла не на флейтѣ, и хотя самъ поэтъ заставляетъ Евтерпу ударять „въ струны арфы“, но на рисункѣ муза является съ своимъ обычнымъ инструментомъ. Художникъ совсѣмъ обезоружилъ Марса и только лавръ на головѣ замѣнилъ шлемомъ, и нашелъ неудобнымъ преклонить ее къ персямъ, замѣнивъ страстнаго любовника невиннымъ мальчикомъ, который, въ самой наивной позѣ, скорчившись, преусердно спитъ (1, 300).

Кантата. На пьедесталѣ лежитъ греческая богиня въ шлемѣ, облокотившись на арфу; около помѣщены орелъ, лавровый вѣнокъ и другіе аттрибуты. Это, по объясненію въ рукописи: „Изображеніе россійскаго божества, означающее всѣ добродѣтели и всѣ достоинства“ (1, 305).

На шведскій миръ. На черномъ фонѣ свѣтлый рисунокъ въ отличномъ древне-греческомъ, строгомъ стилѣ производитъ впечатлѣніе античной живописи на греческихъ или этрусскихъ вазахъ. Екатерина, въ видѣ Минервы, съ копьемъ, щитомъ и оливковою вѣтвію стремительно приближается къ храму Януса, чтобы притворить врата этого храма (1, 307). Эта виньетка между рисунками Флаксмана была бы изъ лучшихъ.

Любителю художествъ. Поэтъ проситъ музу Эрато, чтобъ она со своею сладкогласною арфой сошла съ высотъ Пинда и вѣчно царствовала на берегахъ Невы, въ домѣ знаменитаго любителя художествъ, графа А. С. Строганова. Спеша на желаніе поэта, муза, какъ бѣлый голубокъ, спорхнула съ небесныхъ свѣтлыхъ горъ и, сѣвъ къ нему на колѣни, заиграла на арфѣ.

Ея бѣлорумяны персты
По звучнымъ бѣгаютъ струнамъ;
Взоръ черно-огненный, отверстый,
Какъ молнія вослѣдъ громамъ,
Блистаетъ, жжетъ и поражаетъ
Всю внутренность души моей;
Томитъ, мертвитъ и оживляетъ
Меня пріятностью своей.

Поэтическій полетъ музы живописецъ остановилъ въ спокойной позѣ ваятельнаго стиля, и изъ страстной вакханки, какою она представлялась поэту, претворилъ ее въ величавую жрицу; она совершаетъ возліяніе на жертвенникъ, который Амуръ

воспламеняетъ своимъ свѣточемъ. Муза водворяется такимъ образомъ на невскихъ берегахъ и воскуряетъ свой ѳиміамъ въ чертогахъ екатерининскаго вельможи. Живописецъ, воспитанный въ строгихъ образахъ классическаго искусства, не могъ представить себѣ „веселорѣзвой“ музы поэта, и однако вполнѣ передалъ его мысль въ этой торжественной сценѣ жертвоприношенія (1, 362).

Колесница. Французское государство времени революціи Державинъ представилъ въ видѣ колесницы, которую размыкали бѣшеные кони. Но пока возница правилъ конями мощно, они бѣжали послушно и стройно везли колесницу. „Сидящій, правящій возница“, погоняя коней,

Прилежно взорами блюдетъ;
Къ одной межѣ ихъ направляя,
Грозитъ бичомъ, иль имъ ихъ бьетъ.
Животныя отважны, горды,
Подъ хитрой ѣздока уздой
Лишенны дикія свободы
И сопряженны межъ собой,
Едину волю составляютъ,
. . . .
Дугой вагнувъ волнисты гривы,
Бодрятся, рѣзвятся, бѣгутъ,
Великолѣпный и красивый
Видъ колесницѣ придаютъ.

Отвлеченную мысль поэта, выраженную въ живописномъ олицетвореніи, художникъ представилъ въ античномъ образѣ Аполлона, скачущаго на колесницѣ. Кони соотвѣтствуютъ описанію въ стихахъ, но Аполлонъ безъ бича, „только прилежно взорами блюдетъ“, и не сидитъ, а стоитъ. Развивающаяся драпировка придаетъ его фигурѣ изящество Рафаэлевскаго рисунка (1, 524).

Амуръ и Психея. Въ образѣ нѣжныхъ объятій этихъ миѳологическихъ лицъ поэтъ воспѣваетъ сговоръ великаго князя Александра Павловича съ Елизаветой Алексѣевной.

Амуру вздумалось Психею,
Рѣзвяся, поймать,

Опутаться цвѣтами съ нею
И узелъ завязать...
. . . .
Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Психея не бѣжитъ, не стонетъ:
Свились какъ листъ съ травой.

Живописецъ для выраженія воодушевившихъ поэта идеаловъ ничего не могъ выбрать лучше, какъ снять рисунокъ съ извѣстной древней группы Амура и Психеи, и въ дополненіе къ этому, на второй виньеткѣ изобразилъ лавровыя и миртовыя вѣтви, связанныя гирляндой изъ розъ, въ соотвѣтствіе приведеннымъ здѣсь стихамъ („Опутаться цвѣтами съ нею" и пр.), съ намекомъ на лавровый вѣнокъ царственнаго жениха и на миртовый — невѣсты (1, 538—540).

Къ лиръ. Соотвѣтственно стихамъ, на первомъ рисункѣ, въ стилѣ античной камеи, представленъ графъ Зубовъ въ образѣ Орфея, а на второмъ въ образѣ Амфіона, который звуками лиры созидаетъ Өивы: намекъ на учреждавшуюся тогда Вознесенскую губернію (1, 596—603).

Къ Анжеликѣ Кауфманъ. Поэтъ проситъ эту художницу, чтобъ она изобразила ему его вторую жену въ величавомъ образѣ Минервы, и чтобы, плѣнясь ея красотою, сердце его, схороненное въ гробу первой жены, воскресло. Разрозненныя идеи поэта живописецъ совокупилъ въ одну группу, давъ имъ новый образъ въ античной сценѣ жертвоприношенія. Величественная жрица, въ родѣ героини псевдо-классической французской трагедіи, свѣточемъ воспламеняетъ на жертвенникѣ костеръ, изъ котораго вылетаетъ фениксъ, означающій здѣсь возрожденное сердце поэта (1, 662).

Гостю. Поэтъ приглашаетъ своего гостя отдохнуть и предаться любовнымъ мечтамъ. Заключительные два стиха этой коротенькой пьески:

Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ —

внушили живописцу изобразить новую сцену, о которой нѣтъ и помина въ стихотвореніи, но которая объясняетъ и дополняетъ его главную мысль. На половину обнаженный рудо-

конъ — юная фигура, въ стилѣ античной скульптуры — съ ломомъ въ рукахъ роетъ въ скалѣ золото. Подлетающій къ нему Амуръ останавливаетъ его, указывая въ воздухъ на двухъ голубковъ, которые слетаются другъ съ другомъ, чтобы поцѣловаться (1, 670).

Другу. Приглашая Львова гулять въ садъ, поэтъ, между прочимъ, такъ воспѣваетъ двухъ его горничныхъ, отличавшихся умѣньемъ плясать по-русски:

Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, своимъ
Взмахнувъ челомъ, тамъ у потока,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза, какъ зефиръ, порханьемъ
Попляшутъ вмѣстѣ казачка,
И нектаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подастъ рука.

Русскихъ горничныхъ, пляшущихъ казачка, живописецъ представилъ въ классическомъ видѣ двухъ античныхъ нимфъ, въ граціозной позѣ помпеянскихъ танцовщицъ. Надъ ними сплетаются два дерева своими вѣтвями, на которыхъ сидитъ Амуръ, спуская на нихъ гирлянду изъ розъ, что должно означать любовь, соединяющую нимфъ вѣнкомъ граціи. Одна изъ пляшущихъ посыпаетъ землю цвѣтами, другая поливаетъ ихъ изъ вазы. Позади геній времени, въ видѣ Амура, пускаетъ мыльный пузырь (1, 673).

Богинѣ здравія. Въ античномъ стилѣ камея, изображающая эту богиню (1, 676).

Анакреонъ у печки. Нарышкина въ видѣ величавой музы, въ античной драпировкѣ и въ сандаліяхъ, сидя играетъ на арфѣ (1, 682).

Флотъ. Нептунъ съ трезубцемъ ѣдетъ по морю на своихъ морскихъ коняхъ (1, 689).

Соловей. Сравнивая себя съ греческимъ музыкантомъ Тимоѳеемъ, который своею игрой на флейтѣ возбуждалъ въ Александрѣ Македонскомъ страсть къ Таисѣ, поэтъ продолжаетъ:

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву возсѣлъ,
И арфы съ тихими струнами
Пріятность сельской жизни пѣлъ.

На рисункѣ представленъ поэтъ, сидящій подъ деревомъ съ арфою въ рукахъ, въ образѣ греческаго музыканта. Юная, полуобнаженная фигура, въ сандаліяхъ (I, 692).

На новый 1797 годъ. Самое время и поэту, и его иллюминатору представлялось въ формахъ классической миѳологіи. Минувшій годъ представленъ въ видѣ Сатурна, который съ коронами, скипетрами и другими знаками величія погружается въ вѣчность, а двуличный Янусъ, съ двумя ключами въ лѣвой рукѣ, въ правой же со скипетромъ, представляетъ новый годъ (II, 16).

На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи. Въ строгомъ стилѣ классической скульптуры группа изъ двухъ фигуръ: юный, обнаженный Геркулесъ, съ булавою, на плечахъ львиная шкура, обнимаетъ Минерву, одѣтую въ доспѣхи. По объясненію Державина, эта прекрасная группа, составляющая главный сюжетъ рисунка, оказывается не болѣе, какъ аксессуаромъ при помѣщенной около нея эмблемѣ изъ колеса фортуны и дующей на колесо дѣтской головки. „Дуновеніемъ какого-то вѣтра, говоритъ поэтъ, колесо фортуны полетѣло подъ гору. Разумъ показываетъ событіе сего частнаго феномена; но Мужество, объемлющее Премудрость, равнодушно смотритъ на случайное явленіе“ (II, 28).

Рожденіе красоты. На второмъ рисункѣ безподобная фигура только что родившейся Венеры, которая стоитъ на морской раковинѣ. II, 122.

Къ женщинамъ. Опять Венера, но въ стилѣ итальянскаго Возрожденія, увита гирляндою, поднимая на голову покрывало, стоитъ на воинскихъ доспѣхахъ (II, 123).

Геркулесъ. Геркулесъ обнимается съ красавицей. Рисовано въ стилѣ эротическихъ сценъ Тиціана и Каррачи (II, 179).

Вѣнецъ безсмертія. Подъ деревомъ сидитъ Анакреонъ съ чашею въ рукѣ, около него на землѣ лира и амфора. Предъ нимъ пляшутъ три граціи, одѣтыя; легкія покрывала въ изящныхъ линіяхъ развѣваются около ихъ головокъ (II, 231).

Горы. По одному судебному слѣдствію Державинъ жилъ нѣкоторое время въ Могилевской губерніи, въ мѣстечкѣ Горы, у графа Соллогуба. Возвращаясь однажды ночью въ домъ графа, поэтъ былъ встрѣченъ его дочкой, которая изъ шутки, перерядясь въ жидовское платье, поднесла ему нѣсколько настрѣленныхъ бекасовъ. Въ маленькомъ стихотвореньицѣ поэтъ

жалѣетъ, что только въ мысляхъ можетъ плѣняться красотою и талантами жидовочки, и умѣетъ лишь насыщаться ея балясами. Жидовочку съ ея пляскою „казачка“ художникъ представилъ на темномъ фонѣ, во вкусѣ помпеянской живописи, въ образѣ Діаны, широко драпированной, а не въ короткой туникѣ по колѣно, какъ эта богиня обыкновенно представляется. На головѣ луна, въ одной рукѣ лукъ, въ другой — настрѣленная дичь; въ ногахъ собака (II, 258).

Первая пѣснь Пиндара пиѳическая. Бюстъ Пиндара на пьедесталѣ (II, 129).

Гимнъ Сафо Венерѣ. Сафо преклоняетъ колѣно предъ Медицейскою Венерой, стоящею на пьедесталѣ въ саду, будто въ виллѣ XVIII вѣка (II, 349).

На восшествіе на престолъ императора Александра I. Россія въ античной фигурѣ молодой женщины съ разными аттрибутами (II, 355).

Приношеніе красавицамъ. Поэтъ подноситъ молодымъ красавицамъ и въ особенности своей супругѣ пѣсни Леля. Самъ онъ тученъ и старъ, и когда они зимою ѣздятъ въ саняхъ или лѣтомъ ступаютъ по розамъ, онъ уже не лобзаетъ праха ихъ ножекъ, а бьетъ имъ челомъ стихами, въ которыхъ выразилъ имъ любовное пламя своихъ чувствованій. На второй картинкѣ Амуръ, въ удостовѣреніе дѣйствительности этого пламени, совокупивъ нѣсколько сердецъ на жертвенникѣ, высѣкая огнивомъ огонь, сыплетъ на нихъ искры; на первомъ же рисункѣ стоитъ обнаженная Венера; предъ нею горитъ факелъ, поддерживаемый стрѣлами, въ видѣ треножника, увитаго гирляндами изъ розъ. Надъ пламенемъ порхающій Амуръ держитъ на дискѣ сердце. Въ этомъ Амурѣ представленъ старый и „неумильный“ поэтъ, а въ Венерѣ — красавицы, ѣздящія въ саняхъ. Тончи, которому принадлежитъ этотъ рисунокъ, взялъ за образецъ медицейскую статую, но нѣсколько исправилъ ея недостатокъ, приложивъ ея руки ближе къ тѣлу, если только не руководствовался онъ въ этомъ позой Венеры Праксителевой (II, 364).

Явленіе Аполлона и Дафны на невскомъ берегу. Слѣдуя поэту, живописецъ изобразилъ императора Александра I и Елисавету Алексѣевну въ видѣ Аполлона Бельведерскаго и Дафны. Ихъ окружаютъ купидоны, въ соотвѣтствіе стихамъ:

Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
Кругъ одной младой четы...

. . . .

Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
Просвѣщенье, кротость, вкусъ;
Какъ хариты вслѣдъ имъ ходятъ
И соборы вѣжныхъ музъ, и т. д.

А такъ какъ:

.....Сошедши съ Геликона,
Тѣшатся они Невой,

то живописецъ на второмъ рисункѣ представилъ и Неву въ античной фигурѣ божества рѣки (II, 379—381).

Графинѣ Орловой. Въ современныхъ запискахъ повѣствуется, что эта дѣвица танцовала такъ чудно, съ такою врожденною грацией и съ такимъ благородствомъ, что движенія ея были какъ будто рѣчью, выражавшею всю простоту и прелесть ея души. Соотвѣтственно стихамъ поэта:

И въ пляскахъ всѣ стремятся
Лишь по твоимъ слѣдамъ,

живописецъ представилъ графиню въ видѣ помпеянской танцовщицы (II, 387).

Оленину. Три грации съ облаковъ сыплютъ цвѣты на угрюмый сѣверъ, изображенный въ фигурѣ царственнаго старца. (II, 492).

Зима. Въ соотвѣтствіе началу пьесы:

Что ты, Муза, такъ печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь?

живописецъ представилъ сидящую, пригорюнившись, музу въ видѣ античной статуи, и только. Дальше онъ не послѣдовалъ за поэтомъ: всклочить волосы музѣ воспрещалъ установившійся въ искусствѣ ея типъ, а смотрѣть ей въ хрустальное окно не позволилъ самый типъ скульптуры, усвоенный въ рисункѣ (II, 527).

Лѣто. Весна и лѣто представлены на темномъ фонѣ, въ помпеянскомъ стилѣ, въ видѣ двухъ амурчиковъ, у одного цвѣты, у другого снопъ (II, 544).

Осень. Изображена въ классическомъ типѣ увѣнчанной развыми плодами женщины, сидящей на снопахъ. На ногахъ сандаліи (II, 554).

Четыре возраста. Юноша, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ и старикъ изображены въ античномъ костюмѣ, только младенецъ обнаженъ (II, 557).

Пиндарова олимпическая первая пѣснь. Античный гипподромъ, впрочемъ, со зданіями позднѣйшаго стиля (II, 551).

Въ приведенномъ перечвѣ лучшіе рисунки принадлежатъ Оленину. Этотъ высокообразованный человѣкъ и художникъ въ душѣ отлично понималъ древнее искусство и съ лучшихъ его произведеніи снималъ копіи, которыми удачно и мѣтко иллюстрировалъ стихи своего друга. Кромѣ того, какъ его рисунки, такъ и другихъ художниковъ, составлены въ стилѣ античномъ и преимущественно въ скульптурномъ, иногда подъ вліяніемъ миѳологической живописи италіянской и французской. Результаты ученія Винкельмана и Лессинга объ античномъ идеалѣ и спокойной красотѣ пластической формы были хорошо усвоены тѣмъ аристократическимъ кругомъ, въ которомъ поэтъ на живописныхъ изображеніяхъ провѣрялъ свои поэтическія идеи.

Менѣе удачны виньетки, составленныя изъ аллегорій, символовъ и эмблемъ. Зато изображенія этого рода ближе выражаютъ отвлеченныя мысли поэта и вполнѣ соотвѣтствуютъ напыщенному и фигуральному слогу его стихотвореній, какъ выраженію извѣстнаго направленія въ литературѣ, искавшаго для крайнихъ преувеличеній рѣзкихъ противоположеній и необычайныхъ образовъ поэтическихъ, — соотвѣтственной имъ, необычайной и ненатуральной формы живописной.

Изображенія этого рода помѣщены въ изданіи Державина большею частью въ концѣ пьесъ, въ заключительныхъ виньеткахъ, называемыхъ кю-де-лампъ; впрочемъ, встрѣчаются и въ заглавныхъ, или заставкахъ, и притомъ часто въ соединеніи съ античною миѳологіей, которая въ этомъ случаѣ принимаетъ видъ холодной аллегоріи. А именно:

Объявленіе любви. Кю-де-лампъ: подсолнечникъ, для означенія того, что поэтъ всюду слѣдуетъ „любовью за своею красавицей“ (I, 2).

Цинь. Кю-де-лампъ: верблюдъ, потому что онъ малымъ доволенъ, въ соотвѣтствіе стиху: „Но ты цѣлуй меня лишь разъ“ (I, 8).

Петру Великому. Кю-де-лампъ представляетъ затѣйливую фразу въ эмблемѣ Зефира, сидящаго на орлѣ и разглашающаго слова хора: распущенныя крылья орла затмеваютъ съ одной стороны шведскій гербъ, а съ другой — луну, гербъ Турціи (I, 36).

На освященіе каменно-островскаго инвалиднаго дома. У фасада античнаго зданія на дорическихъ колоннахъ, поддерживающихъ фронтонъ, сидитъ женщина съ малыми дѣтьми, въ одной рукѣ держитъ щитъ съ портретами двухъ царственныхъ лицъ, а другою подаетъ хлѣбъ престарѣлымъ воинамъ, одѣтымъ въ античный костюмъ. Это человѣколюбіе (I, 61).

Успокоенное Невѣріе. Двѣ самыя вычурныя аллегоріи. Въ первой, по объясненію Державина, „человѣкъ, надъ морскою бездною висящій, изображаетъ Невѣріе, колеблющееся въ мысляхъ своихъ; крутая скала, убѣжище его, — уподобленіе пустыхъ системъ, къ которымъ прибѣгаетъ Невѣріе. Ангелъ Вѣры (въ видѣ обнаженнаго амура съ потиромъ) показываетъ ему путь ко спасенію, къ которому Невѣріе обращаетъ свой взоръ при послѣднемъ уже часѣ погибели своей! Во второй: „Любовь (въ видѣ широко-драпированной женщины) съ признаками вѣры и надежды (то-есть потира и якоря), услыша мольбу и раскаяніе невѣрующаго, подаетъ ему руку помощи, избавляя отъ водъ“ (I, 69–76).

На смерть князя Мещерскаго. На нижнемъ уступѣ пирамиды сидитъ смерть въ видѣ крылатаго старика и точитъ лезвее косы; по другую сторону лежитъ левъ. Пирамида означаетъ *пышность*, а левъ — *силы дерзновенны*, на которыя смерть глядитъ (I, 87).

На отсутствіе ея величества въ Бѣлоруссію. Въ храмѣ, въ которомъ на престолѣ возсѣдаетъ Ѳемида съ вѣсами, Минерва указываетъ путь тремъ идущимъ за нею фигурамъ, изъ коихъ двѣ одѣты, одна съ двумя дѣтьми и другая съ дискомъ въ видѣ циферблата, въ центрѣ котораго сердце; третья фигура обнаженная съ зеркаломъ. У подножія храма, скорчившись, сидитъ молодой человѣкъ въ оковахъ. По объясненію Державина, этотъ рисунокъ изображаетъ учрежденіе намѣстничества, при которомъ россійская Минерва, положа оковы на Злобу, Мздоимство и Ябеду, вводитъ въ храмъ правосудія Человѣчество, Истину и Совѣсть“ (I, 95).

На новый годъ. Утренняя заря въ видѣ ангела, предшествуе-

мая Надеждою съ якоремъ, приноситъ Новый Годъ подъ видомъ Януса“ (I, 116).

На счастіе. Счастіе, въ видѣ мальчика съ завязанными глазами, несется по воздуху на мыльномъ пузырѣ и машетъ волшебною шапочкой, изъ-подъ которой, какъ изъ рога изобилія сыплются разные фрукты (I, 243).

Праведный судія. На первомъ рисункѣ, изображающемъ кучу разныхъ аттрибутовъ, по объясненію Державина, „эгида означаетъ защищеніе отъ злыхъ, рогъ изобилія — награду праведныхъ, масличная вѣтвь и лавровый вѣнокъ — ихъ спокойствіе и славу“; а на второмъ — одинъ амуръ поражаетъ другого сіяніемъ зеркала. Это означаетъ Истину, которая низвергаетъ Ложь“ (I, 265—7).

На коварство французскаго возмущенія и пр. Хотя рисунокъ въ изящномъ вкусѣ живописи греческихъ вазъ, но представляетъ холодную аллегорію. Минерва низлагаетъ Сирену, или Коварство, а Время, въ видѣ крылатаго старика, сидя спокойно, вѣситъ дѣла человѣка, въ соотвѣтствіе стихамъ:

Когда смѣешься ты, сирена,
. . . .
А время на вѣсы все точно,
Что хвально, вѣситъ, что порочно,
И безпристрастно насъ цѣнитъ (I, 315).

На умѣренность. Къ Фортунѣ, катящейся на шарѣ, на конькахъ скатываются съ горы нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже упалъ. По другую сторону у жерла бочки спокойно спитъ собака, какъ бы намекая на Діогена въ бочкѣ. Соотвѣтствуетъ стихамъ:

. . . . Я не мечтаю
На воздухѣ о городахъ;
Всѣмъ счастливыхъ путей желаю
Къ Фортунѣ по льду на конькахъ (I, 489).

Храповицкому. Двѣ самыя вычурныя эмблемы. Въ первой, по объясненію Державина, „геній правосудія пробуетъ, хорошо ли соединяются вѣсы Ѳемиды съ лирою Аполлона. Когда истинное просвѣщеніе (представленное въ видѣ свѣточа, испускающаго лучи) составляетъ основаніе обоихъ, то группа сія и въ рисункѣ не противна“. Во второй: „безсмертія вѣнецъ

и въ облакѣ куренія не затмевается, когда дѣйствительное сіяніе его изображается на землѣ въ зерцалѣ правды" (I, 541—546).

Буря. Женщина съ крестомъ на плечѣ правитъ маленькую лодку къ берегу. Это вѣра спасаетъ человѣка. Кю-де-лампъ: очиненное перо и зеркало на крестѣ привязаны къ свѣточу, опирающемуся на лавровый вѣнокъ, и все это соединяется двумя гирляндами изъ розъ. По объясненію Державина, это „талантъ и правота, имѣющіе основаніемъ своимъ свѣтильникъ истины; соединены лавровымъ вѣнкомъ". Обѣ аллегоріи, соотвѣтствуя пьесѣ, намекаютъ на два случая изъ жизни поэта: на претерпѣнную имъ на Бѣломъ морѣ бурю и на первое его присутствіе въ сенатѣ (I, 561—563).

Призываніе и явленіе Плѣниры. Кю-де-лампъ: алтарь, на которомъ сердце, наполовину покрытое мракомъ, зажигается факеломъ любви, то-есть сердце поэта, вполовину погребенное съ его покойною женой, оживаетъ другою половиной для второй жены, согласно желанію самой Плѣниры, выраженному въ послѣднихъ стихахъ пьесы:

Милевой половину
Займи души твоей (I, 587).

Гостю. Въ дополненіе къ приведенному выше изображенію рудокопа, на второмъ рисункѣ, по объясненію самого поэта: „бабочка на розѣ, окруженная сіяніемъ солнца, означаетъ, что для истиннаго счастья души не много надобно" (I, 672).

Другу. На первомъ рисункѣ мы уже видѣли двухъ горничныхъ Львова въ видѣ помпеянскихъ нимфъ. На второмъ рисункѣ эмблема основана на игрѣ словъ: подъ пальмовымъ деревомъ изображенъ *левъ* съ *державой*, что должно означать *Львова* и *Державина* (I, 675).

Доказательство творческаго бытія. Кю-де-лампъ: въ облакахъ кольцо изъ змѣй — эмблема вѣчности (I, 728).

На кончину графа Орлова. Рокъ, въ видѣ старца, опирающагося на урну, глядитъ на сраженнаго стрѣлою *орла*, то-есть графа *Орлова*, — эмблема на игрѣ словъ (I, 740).

Побѣда красоты. На сговоръ короля шведскаго съ великою княжной Александрой Павловной. Шведскій левъ грозилъ городу Минервы, но богиня,

Противу льва неукротима,
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла и подъ оливой стала,
Блистая легкою бровей;
Младую нимфу обнимала,
Сидящую въ тѣни вѣтвей.

На второмъ рисункѣ Минерва обнимаетъ нимфу, только не подъ оливою, а подъ пальмою; на заглавномъ же является шведскій левъ, уже укрощенный, а на немъ сидитъ верхомъ купидонъ съ лирою — эмблема, основанная на гербѣ Швеціи (I, 753—757).

Надгробная императрицѣ Екатеринѣ II. На обоихъ рисункахъ холодная аллегорія. На первомъ, по объясненію поэта, „въ то самое время, какъ Сѣверъ (въ видѣ старика) сокрушается потерею лучшаго украшенія своего, облаготворенные геніи художествъ, письменъ и военнаго дѣла украшаютъ торжественное явленіе безсмертнаго луча, озарившаго полночь и начало свое въ вѣчности имѣющаго“; на второмъ: „вѣсы мудрой законодательницы основаніемъ своимъ имѣютъ блистательный источникъ правоты, и законы ея, на сихъ началахъ утвержденные, увѣнчаны благодѣтельнымъ успѣхомъ, который изображенъ вѣнцомъ масличнымъ, заключающимъ книгу законовъ“ (I, 789—791).

Безсмертіе души. Кю-де-лампъ, бабочка, вылетѣвшая изъ куколки, — „символъ возрожденія и безсмертія“, по объясненію самого поэта (II, 11.)

Молитва. Кю-де-лампъ: курящаяся кадильница (II, 15).

Храповицкому. Въ соотвѣтствіе стихамъ:

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое,

на второмъ рисункѣ представлена затѣйливая эмблема, такъ объясненная поэтомъ: „крылья, несущія цѣпь и пламя къ источнику свѣта, изображаютъ, что нѣтъ почти никакой тяжести, которая могла бы воспрепятствовать парѣнію таланта“ (II, 45).

Желаніе въ горняя. Подражаніе псалму 83-му. Первая строфа дала содержаніе двумъ эмблемамъ.

. . . .

Душа въ восторгѣ, въ умиленьи
На пламенномъ пареньи крылъ
Къ тебѣ моя летитъ, стремится...

. . . .

Какъ голубь храмину находитъ
И ласточка гнѣздо себѣ.

По первоначальной программѣ предполагалось „изобразить душу, стремящуюся къ небу въ видѣ отрока съ воздѣтыми руками, поддерживаемаго ангеломъ и парящаго вмѣстѣ съ нимъ; на лицѣ его должно быть выраженіе желанія. Можно заимствовать изъ англійскаго эстампа, представляющаго сію же мысль“. Но эмблема была предпочтена, и на второмъ рисункѣ изображено пылающее сердце, несущееся на двухъ крылахъ къ небесному сіянію; что же касается до заглавнаго рисунка, то онъ изображаетъ ласточку, подлетающую къ своему гнѣзду · самый легкій способъ передавать въ живописи отвлеченную мысль поэта, пользуясь его объясненіемъ, выраженнымъ въ уподобленіи (II, 53—55).

Возвращеніе весны. О заглавномъ рисункѣ будетъ рѣчь впереди; второй же представляетъ любопытную по вычурности любовную эмблему, такъ объясненную самимъ поэтомъ: „Любовь, перевязкою своею связавъ стрѣлы, сдѣлала изъ нихъ треножникъ и, утвердя на остреяхъ оныхъ вѣнецъ прелестей, составила свой жертвенникъ, которому спущенный лукъ служитъ основаніемъ“ (II, 66).

Урна. На смерть Шувалову. „Сокрушенное Человѣколюбіе (въ видѣ закутанной въ широкую драпировку женщины) орошаетъ слезами надгробный монументъ просвѣщеннаго мужа, возжигая ѳиміамъ памяти благотворителя наукъ, щитомъ Аполлона изображенныхъ, и бѣдствующаго человѣчества, въ группѣ мальчиковъ представленнаго“ (II, 138).

На Новый Годъ. „Аполлонъ, запрягшій юныхъ коней въ блистательную свою колесницу, пустился во всемъ стремленіи на новое поприще свѣта и, ухватя одинъ конецъ хартіи неиспытанныхъ судебъ, катитъ по ней, какъ шаръ, глобусъ міра, заставляя его пробѣгать сквозь мрачныя тучи и сквозь лучезарныя мѣста житія человѣческаго“. Второй рисунокъ проще и въ очертаніи, но столько же замысловатъ по объясненію:

Мрачныя облака, безпредѣльную связь между собою составляющія, изображаютъ событія человѣческія; а кубусъ посреди ихъ — постоянное поведеніе благоразумнаго". Въ сборникахъ эмблемъ надъ этимъ кубомъ въ облакахъ надписи, одна латинская. „Stabo quocunque ferar", другая изъ стиха самой пьесы: „Свой вѣрно исполняетъ долгъ" (II. 145—149).

Похвала сельской жизни. Кю-де-лампъ: „Вѣтренность или Непостоянство, въ противоположность сельской жизни, изображено здѣсь вертушкою, цвѣтами украшенною, которая основана на полетѣ, ничѣмъ не управляемомъ" (II. 171).

Похвала за правосудіе. Сидитъ женщина, широкою драпировкою закутанная, на лицѣ прозрачное покрывало. Въ рукахъ держитъ зеркало, на рукояткѣ котораго утверждены вѣсы. Зеркало собираетъ лучи съ неба и отражаетъ ихъ на пирамиду. Затѣйливая картинка, по объясненію поэта, имѣетъ тотъ смыслъ, что „истинная похвала правосудія есть лучъ божественнаго свѣта, совѣсть вашу успокоивающій, отъ которой свѣтъ, яко отъ чистаго зеркала правды, въ вѣчности отражается" (II. 172).

На побѣды въ Италіи. Кю-де-лампъ: Фениксъ (II. 275).

Гимнъ Богу. Кю-де-лампъ. Аистъ. символъ благочестія, по объясненію поэта (II, 328).

На восшествіе на престолъ императора Александра I. Кю-де-лампъ. На мечѣ въ ножнахъ рогъ изобилія и агнецъ. по объясненію поэта, изображаютъ: „Символы храбрости, щедрости и кротости, совмѣщенные въ предержащемъ монархѣ" (II, 362).

Тончію. Женщина рисуетъ на пюпитрѣ, а около мальчикъ играетъ на лирѣ. что должно означать геній стихотворства и музыки. который даетъ урокъ живописи (II. 379).

Къ царевичу Хлору. Кю-де-лампъ. Орелъ паритъ въ воздухѣ; къ крыльямъ его привязана гирлянда изъ розъ. въ которую приплетены мечъ и вѣсы. въ своемъ клювѣ держитъ зеркало, собирающее лучи отъ звѣзды и потомъ отражающее ихъ на сѣверную часть глобуса. погружающагося въ облака. По объясненію поэта значитъ: „Младый пернатыхъ царь, къ источнику праведнаго свѣта возносящійся, несетъ на крыльяхъ своихъ. въ вязанкѣ пріятностей жизни. правосудіе и оборону. и зерцаломъ справедливости заимствуя лучъ счастливой планеты, обращаетъ благотворное свой вліяніе на предѣлы Сѣвера" (II, 412).

Лебедь. Кю-де-лампъ. Урна, испускающая пламя, по Державину, эмблема безсмертія (II. 502).

Утѣшеніе бѣднымъ. Оба рисунка, по объясненію поэта: 1) „Пламя пожираетъ рогъ изобилія, щитъ, розы и проч., а вверху въ кругу звѣздъ лилія, — символъ добродѣтели или непорочности, которая одна безсмертна. 2) Вверху сіяющее солнце, а внизу опрокинутая личина въ ознаменованіе, что истина и ложь должны открыться" (II. 505—509).

На безбожниковъ. Оба рисунка, по объясненію поэта: 1) „Вверху посреди неба Всевидящее Око сквозь тучи бросаетъ громы на крылатыхъ драконовъ и ползущихъ змѣй, — изображаетъ, что рано или поздно нечестіе накажется. 2) Низложенный кумиръ объясняетъ мысли автора, что онъ презиралъ истукановъ сего міра, а почиталъ токмо единаго Бога" (II, 510—511).

Монументъ милосердію. Человѣколюбіе, въ видѣ женщины, сидящей на престолѣ, лучомъ отъ зеркала истины поражаетъ тиранство, представленное тоже въ видѣ женщины, по распростертой на землѣ. Около валяются поломанное колесо, веревка, пила и другія орудія муки (II, 520).

Время. Крылатый Сатурнъ летитъ въ облакахъ, влача за собой цѣпью короны, митры, мечи, сохи, жезлъ Меркуріевъ и пр. (II, 531).

Дѣва за арфою. Амуръ играетъ на фортепіано; возлѣ него стоитъ въ задумчивости сама природа, изображенная въ видѣ женщины, лицо которой покрыто прозрачнымъ покровомъ; у ногъ ея рогъ изобилія (II, 540).

Извиняясь предъ читателемъ въ приведеніи этого однообразнаго перечня сухихъ и холодныхъ аллегорій, эмблемъ и символовъ, я почелъ нужнымъ въ этомъ перечнѣ дать ему новый образчикъ тѣхъ сборниковъ, съ которыми, какъ кажется, и поэтъ и друзья его думали соперничать. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ стихотвореній Державина, съ эмблематическими и аллегорическими картинками, могли бы цѣликомъ войти въ любой изъ этихъ сборниковъ. Самъ поэтъ съ особеннымъ стараніемъ и охотою вдается въ эмблематическія объясненія, будто предписываетъ рецептъ для изготовленія этихъ художественныхъ фокусовъ. Иногда онъ не довольствуется мыслію стихотворенія, развивая и пополняя ее вычурнымъ объясненіемъ. Фраза стихотворная отлично укладывается въ такую же са-

тѣйливую фразу рисунка, и поэтъ, какъ загадку или шараду, старательно и серіозно объясняетъ ее, въ нравственное назиданіе своимъ читателямъ. Взглядъ поэта и живописца еще не изощрился для наблюденія надъ подробностями дѣйствительной жизни, и воображеніе скрываетъ ее подъ завѣсой условнаго знака. Искусство поэтическое и живописное еще не выработалось до того совершенства, которое требуется для вѣрной передачи дѣйствительности во всей ея полнотѣ. Умъ поэта схватываетъ только общія понятія, и фантазія одѣваетъ ихъ въ столь же общія формы символа и эмблемы.

Въ этомъ отношеніи однако неблагодарную услугу оказали оба разсмотрѣнные мною источники, и античное искусство, и символы съ эмблемами. И то и другое удаляло отъ дѣйствительности, скрывало ее подъ чуждыми ей условными формами. Для нѣкоторыхъ пьесъ составлялось по двѣ программы; въ одной изображеніе дѣйствительности, въ другой условный классическій образъ, и послѣдняя программа предпочиталась. Такъ, для *Тишины* предполагалось нарисовать фасадъ дома на Званкѣ, но было передумано, и вмѣсто Званки изображенъ, на первомъ рисункѣ, поэтическій ландшафтъ съ обнаженнымъ мальчикомъ, держащимъ въ рукахъ флейту; потому что, какъ сказано въ стихахъ: „Пиндъ стала Званка", и только русская балалайка, на которой „возгремѣлъ" поэтъ, въ сіяніи помѣщенная во второмъ рисункѣ, должна была напоминать о Волховѣ и Званкѣ, если бъ и балалайка не была искажена и идеализована (II, 367—368). Для пьесы *Горки*, написанной на день рожденія Нарышкиной, предполагалось, въ соотвѣтствіе стихамъ, нарисовать драпированный столъ, на которомъ вазы съ виноградомъ и другими плодами; но этотъ сюжетъ изъ дѣйствительности былъ замѣненъ идеальнымъ — пляшущею вакханкой (II, 256). Замѣчательно, что самъ поэтъ отличаетъ *естественный* видъ воспѣваемаго имъ предмета отъ *искусственнаго, идеальнаго*, или, можно сказать, *неестественнаго*, какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго его объясненія обоихъ рисунковъ къ пьесѣ *На переходъ Альпійскихъ горъ* (II, 278—299): 1) „Геркулесъ, подпирающій собою шаръ земной, предводительствуемый орломъ, смотрящимъ на ползущихъ змѣй, шагаетъ чрезъ водопады съ горы на гору, оставляя позади себя столпы свои; 2) *естественный* видъ перехожденія россійскихъ войскъ чрезъ Чортовъ мостъ". И что особенно важно для ха-

рактеристики фантазіи Державина, этотъ *естественный* видъ, состоящій въ швейцарскомъ ландшафтѣ, не имѣетъ почти никакой связи съ пьесой, тогда какъ вычурная виньетка съ Геркулесомъ не только объясняетъ многія въ ней мѣста, но и отличается одинаковымъ съ нею гиперболическимъ стилемъ. Вотъ нѣсколько изъ соотвѣтствующихъ стиховъ:

На высотѣ ты новой славы
Явился, сѣверный орелъ!
. . . .
Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей;
Отвсюду окруженъ врагами,
Водой, горами, небесами
. . . .
На Галла сталъ ногой Суворовъ,
И горы треснули подъ нимъ.
. . . .
До волнъ Средьземныхъ доходилъ
Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ
На то, чтобъ смертный трудъ оставилъ
И далѣ не дерзалъ бы взоръ;
Но, сильный Геркулесъ россійскій,
Тебѣ столпы его знать низки:
Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.
Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,
По безднамъ страшный исполинъ;
За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
Вослѣдъ младый птенецъ орлинъ.
. . . .
Сражаясь вѣры со врагами
И небо поддержавъ плечами,
Дерзай, великій Богомъ мужъ!
. . . .
Отнынѣ горы ввѣкъ Альпійски
Пребудутъ россовъ обелиски,
Дымящи холмы — алтари.

Иначе сказать, Альпійскія горы пребудутъ пьедесталомъ для россійскаго Геркулеса, что и выражено превосходно въ монументальномъ стилѣ приложеннаго къ стихотворенію рисунка.

Постоянное возведеніе дѣйствительности къ воображаемому, классическому идеалу было причиной того, что произведенія Державина, это фантастическое зеркало Екатерининскаго вѣка, такъ мало дали живописцамъ повода къ изображенію тогдашней жизни и современныхъ имъ нравовъ, обычаевъ, модъ и т. п. Правда, что между виньетками встрѣчается нѣсколько портретовъ съ знаменитыхъ того времени людей, но эти портреты будто вырваны изъ окружавшей ихъ дѣйствительности, и, какъ изображенія античныхъ героевъ, помѣщены на медаляхъ или въ щитахъ на античныхъ же саркофагахъ. Видовъ естественныхъ нарисовано очень мало. Вотъ почти всѣ они въ послѣдовательномъ порядкѣ; въ 1-мъ томѣ: графъ Орловъ скачетъ въ саняхъ на бѣгунѣ (149), ростральная колонна среди Царскосельскаго пруда (423), домикъ Державина въ Петербургѣ, рядомъ съ палатами Гарковскаго (436); Камеронова галлерея Царскосельскаго дворца (608); качели, окруженныя толпами народа (739). Во 2-мъ томѣ: видъ господскаго дома и церкви въ селѣ Никольскомъ, имѣніи Львова, близъ Торжка; впереди машина съ медвѣдемъ въ колесѣ (459); домъ Державина въ Званкѣ, на берегу Волхова, по которому лямкою тянутъ барку (483); на маневрахъ окруженный всадниками императоръ Александръ I (488). Античный, пластическій стиль рисунковъ выбираетъ только торжественные моменты, сосредоточиваясь на человѣческой фигурѣ, и не знаетъ насущной обстановки дѣйствительной жизни. Къ пьесѣ *Деревенскій житель* (II, 447) предполагался рисунокъ по слѣдующей программѣ: „Человѣкъ, увѣнчанный цвѣтами, сидитъ подъ деревомъ; позади его лежатъ воинскіе и гражданскіе знаки, т.-е. вѣсы, мечъ и ликторскій пучокъ; а передъ нимъ рѣка, за которою вдали фасадъ его дома“. Пьеса написана въ Званкѣ, и поэтъ воспѣваетъ сельскую жизнь. На рисункѣ онъ представленъ, по приведенной программѣ, въ видѣ античнаго пѣвца, съ лирою; что же касается до рѣки съ домомъ, то эта житейская обстановка, не согласная съ пластическимъ стилемъ, въ рисункѣ опущена.

Какъ вредитъ псевдо-классическій, французскій вкусъ пониманію дѣйствительности, видно изъ одной картинки, которая по содержанію своему должна бы относиться къ живописи бытовой (къ жанру), но вышла въ торжественномъ родѣ живописи театрально-героической. Это къ пьесѣ *На разлуку* (II, 395).

Хозяева прощающіеся съ уѣзжающею знакомой, одѣты въ полу-античные костюмы, особенно мужчина, въ древней мантіи, застегнутой на плечѣ, и въ сандаліяхъ, сидитъ будто театральный царь и театрально простираетъ руки.

Изобразивъ Суворова въ видѣ колоссальной статуи Геркулеса, подножіемъ которой служатъ Альпійскія горы, и какъ бы воздвигнувъ такимъ образомъ необъятный монументъ въ память великаго подвига, совершеннаго переходомъ русскихъ войскъ черезъ эти горы, поэтъ и его иллюминаторъ заставили и русскаго солдата, въ костюмѣ екатерининскихъ временъ, въ треугольной шляпѣ, со штыкомъ въ рукахъ, маршировать по сокрушеннымъ его силою столпамъ Геркулесовымъ, у самаго Средиземнаго моря, на берегу котораго извергаютъ пламя двѣ огнедышущія горы. Такова виньетка *На взятіе Измаила* (I, 341), вполнѣ характеризующая фантастическій взглядъ тѣхъ временъ на дѣйствительность, которую надобно было нарядить въ театральный костюмъ, постановить на античномъ пьедесталѣ и освѣтить потѣшными огнями вулкановъ. Эта виньетка соотвѣтствуетъ первымъ стихамъ пьесы:

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столпъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево зіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, ревётъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ! Таковъ твой образъ славы,
Что̀ зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!
О Ро́ссъ! о родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполинъ, царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?

Прося Оленина нарисовать этого россійскаго исполина, поэтъ намѣтилъ громадные размѣры рисунка.

И впрямь, огромность исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына

Его, и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Для Державина иное дѣло *россъ*, иное — *русскій народъ*. Россъ, въ видѣ исполина, позируетъ на пьедесталѣ, русскій мужичокъ въ рисункахъ къ Державинскимъ стихотвореніямъ осмѣливается явиться не иначе, какъ въ праздничномъ костюмѣ, сшитомъ по театральному покрою. *Мельникъ* (II, 264), который балагуритъ съ красными дѣвицами, принесшими ему мѣшокъ пшеницы, драпированъ въ античную тогу, на ногахъ сандаліи. Такіе же оперные крестьяне, сидя подъ деревомъ, воспѣваютъ *Кружку* (I, 46), которую, согласно оперному же стилю, наливаетъ парящій въ воздухѣ Амуръ. Оба эти рисунка будто взяты изъ псевдо-классической оперы, потому что русскіе мужички дѣйствуютъ въ ней сообща съ фавнами, изображенія которыхъ и помѣщены въ концѣ обѣихъ пьесъ (II, 265; I, 49). Иногда и самъ поэтъ любитъ наряжаться для потѣхи въ русскаго мужичка, но сквозь маскарадный костюмъ тривіальныхъ выраженій такъ называвшагося тогда „низкаго" слога всегда чуется витіеватая рѣчь торжественной оды. Такъ маскировался онъ на виньеткѣ къ пьесѣ *Приглашеніе къ обѣду* (I, 665), но когда пожаловали къ нему гости, онъ ихъ потчевалъ, какъ цивилизованный баринъ, не только заморскими плодами въ изящной корзинкѣ, но и философскою сентенціей, что „умѣренность есть лучшій пиръ". Потому въ противорѣчіе первому рисунку, на второмъ изображена корзинка съ виноградными листьями и около узда, эмблема воздержанія (I, 669).

Впрочемъ, какъ извѣстно, поэтъ особенно любилъ наряжаться татарскимъ мурзою, и когда въ этомъ костюмѣ являлся онъ предъ Фелицею, тоже переряженною въ языческую богиню, какъ на виньеткѣ къ *Видѣнію мурзы* (I, 157), тогда эта затѣйливая смѣсь татарщины съ классицизмомъ должна была производить впечатлѣніе самаго фантастическаго, причудливаго маскарада. Для бо́льшаго противорѣчія своему киргизскому костюму онъ беретъ въ руки Аполлонову лиру и, какъ вѣжливый рыцарь, преклоняетъ одно колѣно предъ возсѣдающею въ облакахъ Екатериной, какъ онъ представленъ на фронтисписѣ (I, къ стр. 717).

Особенно замѣчательную черту въ Державинской иллюстраціи составляетъ изображеніе народа, толпы мужиковъ или

гражданъ, въ видѣ помпеянскихъ геніевъ, то-есть обнаженныхъ дѣтей или амурчиковъ, только по большей части безкрылыхъ. Граціозная мысль руководила живописцевъ — прикрыть этою классическою формой унизительное понятіе тогдашнихъ временъ о народѣ, то-есть о черни или *подлости*, какъ тогда говорили. Въ этихъ обнаженныхъ мальчикахъ народъ представляется дѣйствительно чѣмъ-то миніатюрнымъ, милымъ, но ничтожнымъ, забавною мелюзгой. Вотъ носятъ они тяжелые надгробные камни на сооруженіе дома Артамона Сергѣевича Матвѣева (I, 443), сидятъ подъ огромнымъ дубомъ въ саду Нарышкина (II, 305), и даже съ крылышками, какъ настоящіе купидоны, радуются своей пінтической, миѳологической свободѣ, и не хотятъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, о которомъ было замышлялъ императоръ Александръ I (II, 391).

Точно такъ же и все человѣчество, то-есть люди вообще, представляется въ видѣ обнаженныхъ дѣтей, какъ, напримѣръ, въ изображеніи „бѣдствующаго человѣчества", которое принимаетъ подъ свой покровъ прекрасная фигура женщины, означающая Человѣколюбіе, около саркофага съ портретомъ Бецкаго въ щитѣ (I, 701). Тамъ амуры несутъ снопы въ житницу (I, 65), тамъ играютъ въ горѣлки предъ россійскою Минервой (I, 547), тамъ поднимаютъ заздравныя чаши, воспѣвая Суворова, Румянцева и всѣхъ русскихъ солдатъ (I, 712).

Амуры и мальчики-геніи становятся наконецъ общимъ мѣстомъ, граціозною фразой, подъ которую подводятся самыя противоположныя между собой понятія: напримѣръ, сластолюбецъ, устарѣвшій для любовныхъ потѣхъ (II, 237), и самъ поэтъ, уволенный отъ должности министра юстиціи (II, 457); Истина и Ложь (I, 267) и дѣвицы, держащія предъ старикомъ зеркало (II, 435); Весна и Лѣто (II, 544) и т. д. Живописецъ даже просто играетъ амурами, составляя изъ нихъ цѣлый вѣнокъ для кю-де-лампъ къ пьесѣ *Вѣнецъ безсмертія* (II, 236). Это замѣтное преобладаніе эротической живописи придаетъ иллюстраціи Державинскихъ стихотвореній характеръ изнѣженный, мелкій и легкомысленный, въ противоположность тѣмъ виньеткамъ, въ которыхъ берегъ верхъ величіе и торжественность монументальнаго стиля античной пластики.

Буслаевъ.

Характеръ и достоинство рисунковъ въ иллюстраціи стихотвореній Державина.

Бываютъ такіе періоды въ исторіи искусства, когда измельчавшіе художественные интересы находятъ для себя соответственное выраженіе въ игривыхъ формахъ бога любви. Древнее искусство представляетъ намъ это въ живописи Геркуланума и Помпеи; итальянская въ школѣ Болонской, и именно у Альбано, который даже самую идею Страстей Господнихъ ухитрился выразить въ эротической формѣ маленькихъ обнаженныхъ ангельчиковъ съ орудіями этихъ страстей. Ту же дѣтскую игру важными и священными предметами мы видѣли въ эмблематическихъ сборникахъ, напримѣръ, въ голландскомъ изданіи XVII столѣтія *Царскій путь Креста* (Regia crucis via). Наконецъ то же замѣчается и въ искусствѣ XVIII столѣтія, къ большей части произведеній котораго столько же умѣстно, какъ и къ эротическимъ виньеткамъ разбираемаго мною изданія отнести подпись, помѣщенную внизу Фальконетова купидона, воспѣтаго Державинымъ (II, 512):

Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut ou doit l'être.

Эротическое направленіе обыкновенно влечетъ за собой грезы о золотомъ вѣкѣ въ пасторальномъ вкусѣ. Взоръ, утомленный блескомъ торжественныхъ монументовъ и ихъ исполинскимъ величіемъ, съ особеннымъ удовольствіемъ отдыхаетъ на пастушеской сценѣ. Виргилій воспѣлъ Энея и римскихъ пастуховъ, Тассъ написалъ *Освобожденный Іерусалимъ* и *Аминту;* Пуссень любилъ изображать римскихъ героевъ и аркадскихъ пастушковъ. Державинъ тоже умѣлъ отдыхать отъ громовъ Екатерининскихъ побѣдъ, которыя воспѣвалъ, въ пасторальной обстановкѣ у себя въ Званкѣ или у друга своего Львова. Эти двѣ противоположности удачно выражены въ виньеткѣ къ пьесѣ *Уповающему на свою силу* (I, 210). Аркадскій пастушокъ сидитъ подъ деревомъ съ своею собакой и барашками и спокойно глядитъ вдаль, гдѣ молнія разбиваетъ пирамиду.

Для идиллическаго взгляда и тяжелый трудъ земледѣльца озаряется радужными цвѣтами золотого вѣка. „Ты умень", говоритъ поэтъ Львову, —

.....Ты постигаешь,
Что тотъ любимецъ лишь небесъ,
Который, подъ шумокъ потока,
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богѣ, дружбѣ и любви.
Востокъ и Западъ разстилаютъ
Ему свой пурпуръ по путямъ;
Ему благоухаютъ травы,
Древесны помаваютъ вѣтви
И свищетъ громко соловей.
За нимъ раскаянье не ходитъ,
. . . .
Но всюду радость и восторгъ,
Труды крѣпятъ его здоровье;
Какъ воздухъ, кровь его легка и т. п.

Какъ далекъ этотъ свѣтлый, успокоительный образъ отъ того горемычнаго труженика, котораго Гольбеинъ, въ своей „Пляскѣ мертвецовъ", заставилъ въ потѣ лица пахать тощую, каменистую землю на такихъ же тощихъ, еле передвигающихъ ноги быкахъ. Вся надежда его на смерть, которая, въ видѣ отвратительнаго скелета, насмѣшливо прыгаетъ около его сохи и погоняетъ выбившихся изъ силъ животныхъ. Не таковъ и рисунокъ, которымъ объяснилъ пьесу Державина (*къ П. А. Львову*, I. 511) живописецъ, такъ же какъ и поэтъ, идиллически понимавшій прелести земледѣльческаго труда. Здоровый и добрый русскій мужичокъ, приглаженный, по праздничному одѣтый, пашетъ землю на ретивой лошадкѣ, погоняя ее смычкомъ, а за плечами у него еще гудокъ. Веселъ его трудъ съ музыкальными инструментами, на которыхъ онъ „воспѣваетъ Бога, дружбу и любовь"; весело и лошадкѣ, которая чуетъ, что крутую плеть замѣнилъ на ея спинѣ нѣжный инструментъ. И какая завидная будущность! Благодать уже сулитъ ему изобиліе плодовъ земныхъ, потому что сама богиня счастія, въ роскошной позѣ, почиваетъ какъ разъ въ нѣдрахъ того участка, который онъ, играючи и наслаждаясь жизнію, обрабатываетъ.

Таково радужное изображеніе золотого вѣка, которымъ поэтъ и живописецъ насъ плѣняютъ. Дѣйствіе совершается въ Аркадіи, воздухъ которой растворенъ благовоніемъ розъ и вѣяніемъ крылатыхъ зефировъ. Теперь отъ земли перейдемъ къ

небу, отъ юдолей дѣйствительности въ тѣ горнія области, въ которыя не разъ долженъ былъ увлекать своихъ иллюминаторовъ творецъ оды *Богъ.*

Дѣйствительно, очень любопытно посмотрѣть, какъ иллюстрація выразила христіанскія идеи стихотвореній Державина, при тѣхъ средствахъ, какими искусство того времени могло располагать, и съ которыми мы уже познакомились.

Это, во-первыхъ, античныя формы классической миѳологіи. Такъ ангеловъ и поэтъ, и его иллюминаторъ представляли себѣ не иначе, какъ подъ видомъ обнаженныхъ амуровъ, въ детскомъ возрастѣ, какъ въ виньеткѣ къ *Величеству Божію* (I, 236), или въ юношескомъ, какъ въ виньеткахъ къ *Помощи Божіей,* въ кюдельампъ, съ рогомъ изобилія (I, 553), къ *Провидѣнію,* гдѣ въ изящной группѣ юноша-ангелъ, обнаженный, спасаетъ изъ воды утопающую дѣвицу, тоже обнаженную (I, 564). Душа представляется тоже въ античной формѣ крылатаго мальчика-генія. Такъ въ кюдельампъ къ *Величеству Божію* душа воспѣваетъ хвалу Божію, являясь въ видѣ амурчика съ крыльями бабочки; въ рукахъ держитъ арфу, то-есть, гусли, или псалтирь (I, 242). Душа изображается также въ античной формѣ Психеи, какъ, напримѣръ, душа Екатерины II, „воскрыляющаяся въ нѣдра безсмертія" (II, 266). Ветхозавѣтный Самсонъ, раздирающій челюсть льва, представленъ въ видѣ Геркулеса, который сокрушилъ Немейскаго звѣря (виньетка къ пьесѣ *Мужество;* II, 472). Тутъ же въ кюдельампѣ изображенъ младенецъ-Геркулесъ, одѣтый въ львиную кожу и полагающій руку на земной глобусъ (477). Ясно, что живописецъ сознательно сближалъ типы Самсона и Геркулеса. Иногда религіозные сюжеты передаются въ стилѣ итальянскаго Возрожденія, напримѣръ, архангелъ Михаилъ, въ полномъ вооруженіи, и одѣтый, но ноги выше колѣнъ обнажены (II, 150); или въ стилѣ французскаго псевдо-классицизма. Такъ, императоры Павелъ и Александръ Павловичъ, возсѣдающіе въ русскомъ сенатѣ, представлены въ видѣ ветхозавѣтныхъ царей Давида и Соломона, одѣтыхъ римскими императорами и окруженныхъ сидящими на скамьяхъ римскими сенаторами, въ античныхъ костюмахъ (къ пьесѣ *Введеніе Соломона въ судилище,* II, 311).

Какъ ни странно это отклоненіе отъ идей и формъ христіанскаго искусства, но нѣкоторыя изъ виньетокъ, по своему клас-

спическому изяществу, производятъ впечатлѣніе почти такое же, какъ древне-христіанскіе саркофаги и живопись катакомбъ, потому что въ искусствѣ древне-христіанскомъ господствуетъ такая же смѣсь формъ античныхъ съ христіанскими и такой же параллелизмъ между лицами и событіями разныхъ времевъ. Такимъ образомъ, ложный классицизмъ, отказавшись отъ набожной искренности средневѣковаго искусства, умѣлъ до нѣкоторой степени приблизиться къ представленіямъ искусства древне-христіанскаго, въ которомъ также встрѣчаемъ и античныхъ геніевъ, и рогъ изобилія, и Психею, и Орфея, и Одиссея, и другіе классическіе типы. Безъ всякаго сомнѣнія, ни Державинъ, ни его друзья вовсе не имѣли въ виду памятниковъ катакомбъ; но возрожденіе древняго искусства и ложный классицизмъ привели ихъ къ тѣмъ же античнымъ формамъ. Что въ первые вѣка христіанства было необходимостью, условленною переходомъ отъ языческихъ воззрѣній къ христіанскимъ, то въ XVIII столѣтіи оказалось безсмысленнымъ смѣшеніемъ предметовъ разнородныхъ, несоединимыхъ, послѣ того какъ въ теченіе вѣковъ христіанство выработало свои собственныя формы и типы. Уже въ IX и X столѣтіяхъ, рядомъ съ античною фигурой псалмопѣвца Давида, въ видѣ античнаго обнаженнаго юноши-пастуха, встрѣчается и настоящій типъ царя Давида, въ его царственномъ облаченіи, напримѣръ, на миніатюрахъ греческой псалтиря IX—X вѣковъ, въ Парижской публичной библіотекѣ. Напротивъ того, иллюстрація Державинскихъ стихотвореній, случайно сошедшись съ древне-христіанскимъ искусствомъ на антикахъ, осталось, въ отношеніи собственно религіозныхъ типовъ, въ безпомощномъ положеніи. Ей нужно было къ Псалму 146-му (*Уповающему на свою силу*, I, 210), въ кю-де-лампъ (стр. 212), изобразить царя Давида воспѣвающаго на псалтири хвалу Божію, но вмѣсто того, ничего болѣе приличнаго не могла предложить, какъ жалкую фигуру молодого человѣка, съ длинными волосами, ниспадающими изъ-подъ короны страннаго фасона, и въ полосатой туникѣ, длинной и узкой, въ родѣ татарскаго халата, съ широкими, но короткими рукавами. Онъ играетъ на арфѣ, какія употребляются въ наши времена. Въ дополненіе къ халатному дезабилье, у него голыя ноги.

Второе средство, которымъ могла располагать иллюстрація для объясненія религіозныхъ идей Державина — это символы

и эмблемы. И въ этомъ отношеніи, по странной случайности, она сходится съ представленіями искусства древне-христіанскаго, которое пользовалось символами креста, голубя, феникса, змѣи и пр., и выражало отвлеченныя понятія о премудрости, пророчествѣ, гармоніи и т. п., аллегорически, въ человѣческихъ фигурахъ. Но эти символы и аллегоріи, необходимые въ искусствѣ древне-христіанскомъ и по символическому, и мистическому направленію умовъ, и еще болѣе по неумѣнію художниковъ передавать христіанскія идеи въ соотвѣтствующей имъ формѣ, впослѣдствіи, въ разсмотрѣнныхъ выше сборникахъ, потеряли свое первоначальное значеніе и стали не инымъ чѣмъ, какъ затѣйливою, вычурною фразой. Особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ вошло въ моду украшать аллегоріями книги назидательнаго и религіознаго содержанія. Недостатокъ искренняго религіознаго вдохновленія восполнялся ложною мечтательностію, которая находила себѣ подспорье въ мистическихъ вымыслахъ, столько же неестественныхъ, какъ и выражавшіе ихъ символы и эмблемы.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода представленій въ иллюстраціи стихотвореній Державина:

Помощь Божія, Псал. 120-й. На заглавной виньеткѣ, по объясненію самаго поэта: „Змѣя ползетъ къ спящему младенцу: означеніе злости, которая всегда избираетъ время безпечности нашей; но *Помощь Божія*, въ видѣ ангела, спѣшитъ къ невинности и Окомъ Всевидящимъ отражаетъ злость, осыпая младенца маковымъ цвѣтомъ“. Ангелъ одѣтъ, въ рукѣ держитъ щитъ, затѣйливость котораго состоитъ въ томъ, что посреди его, замѣняя голову Медузы, помѣщается это Всевидящее Око (I, 551).

Безсмертіе души. Душа, въ образѣ Психеи, сквозь змѣиное кольцо — эмблему вѣчности — возлетаетъ къ Творцу, ознаменованному въ символѣ Всевидящаго Ока въ треугольникѣ (II, 1).

Молитва. Женщина, по поясъ обнаженная, возлетаетъ къ небу, поднимая въ правой рукѣ пламенѣющее сердце (II, 12).

Этими двумя источниками, то-есть, античнымъ искусствомъ и аллегоріей съ символами и эмблемами, исчерпываются всѣ средства, которыми живопись иллюстрировала религіозныя стихотворенія Державина. Какъ ни скудны эти источники, но они не могли особенно рѣзко компрометировать иллюстрацію, потому что самыя стихотворенія мало давали повода къ разно-

образію христіанскихъ сюжетовъ. Замѣчательно, что несмотря на самую восторженную религіозность творца оды „Богъ", мы не встрѣчаемъ въ виньеткахъ къ его произведеніямъ изображеній ни Богородицы, ни святыхъ, ни даже Самого Іисуса Христа. Предъ нами какъ будто рисунки къ произведеніямъ какого-нибудь ветхозавѣтнаго, іудейскаго писателя, или по крайней мѣрѣ сектанта, который, поклоняясь Творцу міра, не усвоилъ себѣ представлений новозавѣтныхъ. Это космополитъ, который во всякомъ вѣроисповѣданіи открываетъ свою завѣтную идею о божествѣ, о всемірномъ разумѣ, о всесущемъ, но многоименномъ. Одинаково молятся въ его иллюстраціи, преклоняя колѣна, и рѣзвый амуръ, привѣтствуя *Пришествіе Феба* (II, 59), и греческій философъ — предъ солнцемъ, воспѣвая *Гимнъ Богу* (II, 322) и имѣя предъ собой кадильницу, увѣнчанную символомъ креста, и онъ самъ, и тоже предъ солнцемъ, въ виньеткѣ къ тому знаменательному стихотворенію, въ которомъ онъ „Памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный", потому что „Въ сердечной простотѣ бесѣдовалъ о Богѣ" (I, 785). Икона поэтому не нужна, онъ молится своему Творцу, обращаясь къ лучезарному знаменію въ солнцѣ. Потому онъ и воспѣлъ *Гимнъ Солнцу* (II, 413), называя его богомъ свѣта, небесъ всевидящимъ окомъ, которое собою все держитъ и живитъ:

Предвѣчно бытіе твое,
Съ тобой, царь міра, и мое
. . . .
Тебя стремлюсь я обожать:
Такъ, такъ,— кто больше благъ быть могъ?
Дивлюсь: едва ли ты не Богъ.

Природа съ лучезарнымъ свѣтиломъ — это откровеніе, откуда почерпается *Доказательство Творческаго Бытія* (I, 726), и виньетка къ этому стихотворенію, заимствованному изъ псалма 18-го, изображаетъ старца, который одною рукою указываетъ на твореніе, освѣщенное лучами восходящаго солнца, а другою на раскрытую предъ нимъ книгу, лежащую на кубическомъ камнѣ, съ надписью: „дважды два — четыре", что означаетъ вѣрное, ничѣмъ не опровержимое доказательство бытія Божія.

При тѣхъ воззрѣніяхъ, какія и поэтъ и его иллюстраторы имѣли о христіанскомъ искусствѣ, нельзя ожидать, чтобъ изображеніе Бога-Отца на виньеткѣ къ одѣ *Богъ* (I, 195) отличалось какими-либо особенностями отъ типа созданнаго Микель-Анджеломъ и Рафаэлемъ, и по наслѣдству, чрезъ сборникъ Амбодика, дошедшаго до иллюминаторовъ Державина. Замѣчу мимоходомъ, что въ такомъ же костюмѣ является баргъ на виньеткѣ къ пьесѣ *Капнисту* (II, 104), только съ покрытою головой, тогда какъ у Бога-Отца голова открыта, какъ въ изображеніяхъ художниковъ XVI вѣка.

Въ Державинѣ и въ его друзьяхъ и художникахъ, иллюстрировавшихъ его сочиненія, мы видимъ представителей изящнаго вкуса и эстетическаго воспитанія въ той степени, до которой въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія могли достигнуть, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, немногіе изъ образованныхъ людей въ нашемъ отечествѣ. Оленинъ, принимавшій такое живое участіе въ этомъ дѣлѣ, болѣе двадцати лѣтъ былъ президентомъ Академіи Художествъ. Поэтому мы имѣемъ, кажется, полное право составить себѣ по иллюстраціи стихотвореній Державина понятіе о тогдашнемъ состояніи искусства въ Россіи. Крайняя скудость иллюстрацій въ отношеніи собственно христіанскаго, церковнаго искусства заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тотъ же легкій, измельчавшій стиль уже устарѣвшаго „Возрожденія", искаженнаго французскимъ классицизмомъ, съ примѣсью геральдическихъ знаковъ и вообще аллегорій и эмблемъ, господствуетъ и въ архитектурѣ сооружавшихся тогда у насъ храмовъ, и въ скульптурномъ ихъ украшеніи, и въ церковной живописи. Античная форма, выработанная для новаго искусства итальянскимъ „Возрожденіемъ" и износившаяся въ теченіе столѣтій, приглаженная и расфранченная изысканнымъ вкусомъ псевдо-классицизма, стала общимъ мѣстомъ, подъ которое подводили всѣ современныя идеи и убѣжденія, даже религіозныя. Поэзія начинаетъ уже приглядываться къ русской жизни, извлекая изъ ея среды Недорослей, Простаковыхъ и Скотининыхъ, но скульптура и живопись не перестаютъ еще забавляться купидонами и фавнами и допускаютъ въ свою чопорную мастерскую русскаго мужичка не иначе, какъ въ маскарадномъ костюмѣ. Все національное, въ сравненіи съ изящнымъ Олимпомъ, на которомъ возсѣдали тогдашніе поэты, годилось только для комедіи

или пародіи; только комедіи позволялось говорить на языкѣ простомъ, народномъ. Если что представлялось въ дѣйствительной жизни возвышенное, благородное, или по крайней мѣрѣ крупное, то возводилось въ классическій идеалъ, помѣщалось на Олимпѣ или Пиндѣ, въ сообществѣ съ Аполлономъ и музами; на Руси подвизались греческіе герои и боги:

.....Язонъ съ Колхиды древней
Златое сбрилъ себѣ руно,
Крезъ завладѣлъ чужой деревней,
Марсъ откупъ взялъ (1, 493).

Впрочемъ, несмотря на всѣ странности и недостатки, объявляемые временемъ и извиняемые живою связью со стихотвореніями Державина, разсматриваемая мною иллюстрація содержитъ въ себѣ прямыя указанія на многія существенныя достоинства, которымъ русское искусство обязано своими неоспоримыми успѣхами.

Принявъ съ Запада изящную форму, русское, такъ называемое, *академическое искусство* должно было ее себѣ усвоить, какъ въ ея античномъ первообразѣ, такъ и въ позднѣйшей обработкѣ. Надобно было воспитать эстетическій вкусъ на классической красотѣ, какъ ее поняли Рафаэль и другіе лучшіе художники, и какъ ее анализировали Винкельманъ и Лессингъ. Мы уже видѣли, какимъ изящнымъ вкусомъ обладалъ Оленинъ, и какія обширныя свѣдѣнія имѣлъ онъ въ искусствѣ античномъ. Въ программахъ къ рисункамъ изъ всѣхъ новыхъ живописцевъ предпочтенъ Рафаэль, съ которымъ иллюстрація соображалась, напримѣръ, въ изображеніи Правосудія въ видѣ красивой женщины со страусомъ (II, 116). Сверхъ того, иллюминаторамъ, какъ было замѣчено, были хорошо знакомы и другія школы новѣйшаго искусства, а именно итальянскія и французскія. Наивное благочестіе школы нѣмецкой и матеріализмъ голландской остались чужды ихъ интересамъ. Справедливость требуетъ сказать вообще объ иллюстраціи Державинскихъ стихотвореній, что въ отношеніи къ изящному вкусу, воспитанному античною формой и стилемъ Возрожденія, она отличается такими совершенствами, которыя сдѣлали бы честь и современному искусству, и которыя для эстетическаго образованія можно съ пользой рекомендовать и теперь художникамъ и любителямъ.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ иллюстраціи, это — замѣчательно точное *отличіе средствъ и формъ поэтическихъ отъ живописныхъ и пластическихъ*. Въ этомъ дѣлѣ, требующемъ необыкновенно вѣрнаго, тонкаго эстетическаго взгляда, поэтъ и его сотрудники будто систематически пользовались результатами Лессингова *Лаокона*. Съ примѣрнымъ тактомъ поняли они, что въ этомъ строгомъ разграниченіи состоитъ вся сущность иллюстраціи, которая, дополняя и выясняя поэзію, должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаться въ своихъ собственныхъ предѣлахъ искусства образовательнаго и дѣйствовать самостоятельно.

Поэтъ представляетъ Амура переряженнымъ въ старика-птицелова:

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
Казаться, гуню вздѣлъ худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И, бороду себѣ сѣдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ.
Пошелъ въ лѣсу ловить дичину
И тамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣть, какъ паутину.

И когда неосторожная голубка запуталась въ сѣти, онъ —

Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
И въ сердце вмигъ ея вонзился:
Ручьемъ кровь ала потекла.
. . . .
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой.

Такъ заканчиваетъ поэтъ эту анакреонтическую пѣсню. Живописцу предоставлялось изобразить Амура въ мужицкой гунѣ, въ сѣдомъ парикѣ и съ сѣдою бородой, и со старческою клюкой въ рукѣ. Но тогда, въ замаскированной фигурѣ, никто не узналъ бы бога любви; изящество классическаго типа скралось бы подъ шутовскимъ костюмомъ карлика, и граціозная мысль стихотворенія перешла бы въ пародію, въ родѣ Энеиды навыворотъ. Живописецъ понялъ это своимъ вѣрнымъ тактомъ и оставилъ своего Амура, какъ онъ есть, обнажен-

нымъ и съ крылышками, и только заставилъ его прикрыть личико маской. А чтобы выразить мысль о любовномъ жалѣ, пронзающемъ сердца, онъ изобразилъ въ кю-де лампъ, въ стилѣ рафаэлевскихъ арабесокъ, змѣю подъ кустомъ цвѣтовъ, который соотвѣтствуетъ здѣсь „сѣдой бородѣ послѣдняго стиха пьесы“ (II, 353—4).

Воспитанницъ Смольнаго монастыря (II, 77), встрѣчающихъ на праздникѣ императрицу Марію Ѳедоровну, поэтъ изображаетъ то въ видѣ нимфъ, которыя угощаютъ олимпійскихъ боговъ за роскошнымъ столомъ въ прохладной пещерѣ, то въ видѣ весталокъ, которыя въ священной процессіи, обходя кругомъ жертвенника,

Предъ образомъ богини
Славословіе поютъ.

То описываетъ, какъ онѣ гуляютъ по садамъ и въ младенческой невинности забавляются,

. . . . не зная
Сладостныхъ заразъ любви,
Какъ сокрывшись въ листья, гроты,
И облекшись въ темну ночь,
Метятъ тщетно въ нихъ Эроты
И летятъ съ досадой прочь.

Но съ особенными подробностями поэтъ останавливается на уподобленіи этихъ дѣвицъ птичкамъ, которыя на берегу моря привѣтствуютъ рожденіе весны:

Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ
Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада,
Что, собравшись въ милліонахъ,
Какъ снѣговъ лежитъ гряда.
. . . .
Зрѣлъ бы, какъ сплетясь крылами,
Ходятъ по мелямъ стѣной,
Вдоль расплывшися кругами,
Кличутся промежъ собой.
. . . .

А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ весна,
Къ дѣтямъ взоръ бросая нѣжный,
Зрѣлась божествомъ она.

Изъ нѣсколькихъ сравненій живописцу надобно было выбрать одно. Нимфы въ гротѣ и красавицы, въ которыхъ въ саду стрѣляють амуры, въ живописи не выражали бы прямой мысли о питомцахъ высокой покровительницы; притомъ требовалось на первый планъ выдвинуть эту высокую посѣтительницу, а она могла бы потеряться въ группѣ божествъ, которыхъ за столомъ угощаютъ нимфы. Весталки около жертвенника — годилось бы для иллюстраціи и согласовалось бы съ торжественностью поклоненія тѣхъ временъ (въ проектѣ Капниста дѣйствительно находимъ мысль изобразить храмъ Весты и жертвоприношеніе ей). Но живописецъ, видимо, разсчитывалъ на громадность юной толпы, покровительствуемой щедротами Маріи Ѳедоровны, и потому онъ предпочелъ уподобленіе птичкамъ. Однако изобразить Каспійское море со стаями птицъ по берегамъ оказалось невозможнымъ для живописи, да и рожденіе весны на морѣ имѣло бы видъ рожденія Венеры. Удержавъ общую идею поэта, онъ изобразилъ богиню щедротъ, которая, возлетая на своихъ крыльяхъ въ облака, сыплетъ изъ рога изобилія зерна птицамъ, образующимъ около нея сферу.

Особенно деликатный эстетическій тактъ руководилъ живописца въ тѣхъ случаяхъ, когда поэзія предлагала ему изобразить что-либо тривіальное или возмущающее душу, что иногда въ поэзіи не только возможно, но даже иногда и необходимо для тѣни въ общей характеристикѣ. Иные мотивы въ поэзіи могутъ быть забавно игривы и граціозны, а будучи переведены въ живопись, возбуждаютъ отвращеніе, или же не соотвѣтствуютъ поэтическому впечатлѣнію, переходя въ комическое и сатирическое. Напримѣръ, поэтъ представляетъ себя пьянымъ. Пью, восклицаетъ онъ, и всѣмъ вамъ добра ночь:

Плющомъ лежа увѣнчанный,
Ни во что̀ весь ставлю свѣтъ.
. . . .
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ лежать.

Конечно, можно изобразить пьянаго труса, изнѣженнаго, который, отказываясь отъ бранной славы, лежитъ съ чашей вина. Но такое изображеніе нарушило бы грацію общаго тона анакреонтической пьесы. Вмѣсто того, живописецъ прибѣгнулъ къ античнымъ представленіямъ и изобразилъ козла, который будучи обвѣшенъ виноградными кистями, щиплетъ плющъ (II, 439). Иногда человѣкъ унижается до животнаго, и въ поэзіи, благодаря остроумной игривости мыслей, можетъ еще спасти въ себѣ частицу человѣчности, но въ живописи, которая схватываетъ *его въ* моментъ животнаго *его уничиженія,* онъ покажется отвратителенъ или смѣшонъ.

Особенно замѣчательна иллюстрація *Цыганской пляски* (II, 547—9). Вотъ какъ поэтъ заставляетъ плясать свою цыганку:

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.
. . . .
Неистово, роскошно чувство,
Нервъ трепетъ, млѣніе любви,
Волшебное заразъ искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.
. . . .
Подъ лѣсомъ нощію сосновымъ,
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.

На заглавномъ рисункѣ, вмѣсто одной цыганки съ гитарой, пляшутъ двѣ и безъ музыкальнаго инструмента, „оживляя собою древнихъ вакханокъ". Но живописецъ не могъ заставить ихъ плясать на кладбищѣ и топотать по надгробнымъ плитамъ: это нарушило бы ихъ грацію; для этого, въ кю-де-лампъ, взялъ онъ двухъ козлоногихъ фавновъ, полузвѣриная натура которыхъ приличнѣе для дикой оргіи на кладбищѣ подъ елями; одинъ играетъ на дудкахъ, другой бьетъ въ бубенъ, и оба преусердно кривляются, топоча по могильнымъ камнямъ, около которыхъ валяются кости мертвецовъ. Сама неразумная природа гнушается этою необычайною оргіей, и кроткій голубокъ спѣшитъ улетѣть отъ нея подальше.

Второе существенное достоинство Державинской иллюстраціи состоитъ въ ея *пластическомъ стилѣ.* Мы видѣли десятки виньетокъ, изображающихъ античныя статуи и рельефы. Скульптура вездѣ господствуетъ надъ живописью, и живописный ландшафтъ переводится на скульптурную группу. Иллюминаторы, имѣя главными своими источниками антики и символы съ эмблемами, сосредоточивали мысль на статуѣ съ ея условными аттрибутами. Они предпочитали малосложность и простоту формъ скульптурныхъ холодной и сухой картинѣ, составленной изъ этюдовъ со статуй. Вѣрный эстетическій тактъ внушилъ имъ счастливую мысль, что когда искусство живетъ античными формами, оно менѣе погрѣшаетъ въ произведеніяхъ скульптуры, чѣмъ живописи. Живопись своею перспективой, свѣтотѣнью, ландшафтомъ и подробностями бытовой обстановки глубже и полнѣе входитъ въ жизнь дѣйствительную, нежели скульптура, которая въ статуѣ или малосложной группѣ сосредоточиваетъ интересъ на личномъ, на ея характерѣ и страстяхъ. Личности избранныя, возвыщающіяся надъ окружающимъ, естественно становятся прежде всего предметомъ изображенія. И современники, и потомство ставятъ въ честь ихъ монументы, созидаемые изъ формъ архитектурныхъ и скульптурныхъ. Въ поэзіи есть особенный родъ стихотвореній, который наиболѣе соотвѣтствуетъ этому *монументальному стилю.* Это торжественная ода. Пиндаръ воспѣвалъ побѣдителей на греческихъ играхъ, и ваятели воздвигали въ честь этихъ героевъ скульптурныя ихъ подобія въ статуяхъ. Тріумфы римскихъ императоровъ ознаменовались похвальными одами и тріумфальными арками, статуями императоровъ и другими монументальными чествованіями. Пѣвецъ Екатерины Великой и ея героическихъ сподвижниковъ могъ удовольствоваться только такою иллюстраціей, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы монументальному стилю его торжественныхъ пѣснопѣній. Какъ въ барскихъ виллахъ XVII вѣка на каждомъ шагу встрѣчаются монументы съ разными девизами и эмблемами и копіи съ античныхъ статуй, такъ и иллюминаторы Державина, при каждомъ его произведеніи, старались помѣстить статую, группу или монументъ. Они иллюстрируютъ *Охотника* (II, 427), который, пріѣхавъ въ Званку, стрѣляетъ птицъ, и самъ уязвился стрѣлою любовною: ставятъ этому охотнику монументъ изъ набросанныхъ другъ на друга камней; на этомъ пьедесталѣ по одну сторону

стрѣляетъ изъ лука охотникъ въ птицъ, а по другую — Амуръ въ него. Императрица Марія Ѳедоровна возвращается изъ Москвы въ Смольный монастырь, и поэтъ, вмѣстѣ съ своимъ иллюминаторомъ, ставитъ по этому случаю монументъ, во вкусѣ французскихъ монументовъ XVII — XVIII столѣтій, изъ группы трехъ обнаженныхъ грацій, которыя, по объясненію самого поэта, „составя изъ цвѣтовъ кругъ и посадя на него любовь съ розою, яко съ хоругвію весны, празднуютъ ея возвращеніе" (II, 64). *Мореходецъ* беззаботно пьетъ вино, и въ иллюстраціи само море съ волнами каменѣетъ въ полукруглый пьедесталъ, увитый виноградною лозою, на которомъ Амуръ, стоя на лодочкѣ, поднимаетъ заздравную чашу (II, 444). Одна дѣвица потеряла золотую цѣпочку; поэтъ дѣлаетъ намеки на цѣпи любовныя, а иллюминаторъ по этому случаю нашелъ умѣстнымъ призвать съ Олимпа колоссальную фигуру Геркулеса, давъ ему пьедесталомъ земной шаръ, въ который онъ ввинчиваетъ кольцо, чтобы повернуть весь міръ (II, 195).

Если обыкновенные, не имѣющіе особой важности случаи увѣнчивались монументами, то тѣмъ болѣе монументальный стиль соотвѣтствовалъ торжественному воспѣванію героическихъ лицъ и громкихъ событій. Если мелочи дѣйствительности, чтобы выдвинуть ихъ изъ массы, надобно было ставить на пьедесталъ и возводить въ олимпійскій идеалъ, то тѣмъ естественнѣе было современный поэту и иллюминаторамъ героизмъ представить въ монументальныхъ образахъ колоссальнаго размѣра. Монументъ Суворову есть Геркулесъ, поражающій гидру своею палицей (II, 239); но чтобы представить Екатерининскаго героя во всей колоссальности похвалъ, которыми осыпаетъ его поэтъ, иллюминаторъ изображаетъ Атланта, съ шаромъ земнымъ на плечахъ и Альпійскими горами въ подножіи.

Стиль Державинской иллюстраціи до того монументаленъ, что она, безъ сомнѣнія, воспользовалась бы рисунками дѣйствительныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь великихъ людей, какъ воспользовалась знаменитою конною статуей Петра Великаго на скалѣ (I, 37); но за отсутствіемъ такихъ памятниковъ она должна была ихъ изобрѣтать, такъ что въ этомъ отношеніи можетъ она служить нѣкоторымъ руководствомъ для монументальныхъ сооруженій въ изящномъ классическомъ стилѣ. Какъ надгробные памятники на кладбищѣ только пробуждаютъ воспоминаніе о почившихъ, а не переносятъ въ ихъ

земной образъ жизни, въ ихъ обычаи и нравы и во всю ихъ бытовую обстановку, потому что мелочи отшедшей жизни исчезаютъ предъ идеей о вѣчной памяти: такъ и рисунки къ стихотвореніямъ Державина не раскрываютъ предъ нами богатой и разнообразной жизни его времени, а сосредоточиваютъ ее въ идеальныхъ очертаніяхъ монумента со статуей и съ загадочною эмблемой. Вся иллюстрація — это великолѣпное кладбище славнаго Екатерининскаго вѣка, усѣянное античными саркофагами и надгробными монументами съ геральдическими украшеніями, окруженное старинною, запустѣлою виллой, сады которой населены рѣзвыми амурами и роскошными нимфами.

Если именно такое впечатлѣніе думали произвести составители рисунковъ къ стихотвореніямъ Державина, то они вполнѣ достигли своей цѣли. *Ѳ. Буслаевъ.*

Записки Державина.

Первое начало своей автобіографіи Державинъ положилъ въ 1805 году по вызову Евгенія Болховитинова. Собирая матеріалы для словаря писателей, Евгеній, въ то время епископъ старорусскій и викарій новогородскій, обратился къ поэту съ просьбой доставить ему свѣдѣнія о своей жизни. Вслѣдствіе того Державинъ написалъ для него: 1) очеркъ своей біографіи, 2) рядъ пояснительныхъ замѣтокъ о своихъ стихотвореніяхъ и о случаяхъ, подавшихъ къ нимъ поводъ. Воспользовавшись этими двумя записками, особливо первою, Евгеній позволилъ впослѣдствіи снять съ нихъ копію Остолопову, который служилъ въ Вологдѣ въ то время, когда ученый авторъ словаря писателей занималъ тамъ архіерейскую каѳедру (1808—1816). Эти-то замѣтки, но съ передѣлками и пропусками, были изданы Остолоповымъ, по смерти поэта, подъ заглавіемъ: *Ключъ къ сочиненіямъ Державина.* Не оговоривъ съ полною ясностію происхожденіе этой книжки, Остолоповъ долгое время считался болѣе нежели простымъ издателемъ ея. Въ предисловіи, подписанномъ его именемъ, сказано: „Имѣвъ счастіе пользоваться благосклонностію Гавріила Романовича, я *успѣлъ подъ его руководствомъ собрать* самыя достовѣрныя объясненія на большую и лучшую часть его сочиненій... а дабы сдѣлать изданіе мое полнѣе и занимательнѣе присовокупляю и краткое описаніе жизни Державина, *составленное* изъ собственныхъ его записокъ“. Только года три тому назадъ мы узнали истину изъ

переписки Болховитинова съ графомъ Хвостовымъ. Дѣло стало еще яснѣе, когда мы вскорѣ послѣ того получили отъ г. Ивановскаго тетрадь, писанную рукой Анастасевича и содержащую въ себѣ полный текстъ обѣихъ записокъ, составленныхъ Державинымъ для Евгенія. Анастасевичъ не только описалъ подлинную тетрадь съ дипломатическою точностію, такъ что у него означены даже зачеркнутые слова и всѣ приписки надъ строками, но сообщилъ въ особыхъ замѣткахъ и разныя относящіяся къ дѣлу обстоятельства. Такъ, въ этихъ замѣткахъ видно между прочимъ, что о спискѣ, сдѣланномъ Остолоповымъ, Анастасевичу говоритъ самъ Евгеній, „не одобряя такого изуродованнаго изданія", какимъ оказался *Ключъ*. Еще гораздо прежде появленія его въ печати, именно въ 1816 году, Евгеній, управляя Псковской епархіей, сообщилъ тетрадь Державина Анастасевичу, который и списалъ ее съ намѣреніемъ напечатать въ „Трудахъ" Казанскаго общества любителей словесности, но не рѣшился, разсудивъ, что многое еще рано издавать въ свѣтъ". Это послѣднее соображеніе, вообще руководившее и тогдашнею цензурою, служитъ отчасти извиненіемъ Остолопову въ искаженіи первоначальной редакціи *Ключа*. Куда дѣвалась подлинная тетрадь, принадлежавшая Евгенію, намъ не извѣстно.

Мы не знаемъ также, были ли въ рукахъ Державина эти первоначальныя автобіографическія и пояснительныя его замѣтки, когда онъ въ 1809 и 1810 годахъ диктовалъ своей племянницѣ Львовой, тѣ болѣе обширныя *Объясненія* на свои сочиненія, которыя напечатаны въ концѣ третьяго тома нашего изданія. Встрѣчающееся мѣстами разногласіе между тѣмъ и другимъ комментаріемъ (напр. въ значеніи времени, когда написаны нѣкоторыя стихотворенія) заставляютъ скорѣе предполагать, что онъ перваго труда не имѣлъ предъ глазами при вторичной работѣ. Да врядъ ли у него и остался оттискъ рукописи, переданной Евгенію: судя по многочисленнымъ помаркамъ и поправкамъ, на которыя указываетъ въ ней Анастасевичъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ догадаться, что эта тетрадь, хотя и писанная чужимъ почеркомъ, но безпрестанно носившая слѣды руки Державина, была единственною, и произошла такъ же, какъ *Объясненія*, т.-е. что онъ диктовалъ ее; собственноручныя поправки были сдѣланы потомъ, при просмотрѣ текста для передачи Евгенію.

Вскорѣ послѣ того, какъ подъ диктовку поэта написаны были его *Объясненія,* онъ занялся и своими *Записками.* Мысль предпринять этотъ трудъ окончательно развилась у него, какъ кажется, вслѣдствіе его отставки въ 1803 году: ему хотѣлось оправдаться передъ потомствомъ въ невзгодахъ, которыхъ онъ считалъ себя жертвою. Какъ видно изъ послѣдней фразы *Записокъ,* конецъ ихъ относится къ 1812 году; писались онѣ въ продолженіе всего этого года, можетъ быть отчасти также въ 1811 и 1813 годахъ. Основная идея ихъ обнаруживается уже изъ даннаго имъ заглавія: „Записки изъ извѣстныхъ всѣмъ происшествіевъ и подлинныхъ дѣлъ, заключающія въ себѣ жизнь Гаврилы Романовича Державина". Какъ *Объясненія* касались собственно его литературныхъ трудовъ, такъ *Записки* должны были раскрыть другую сторону его дѣятельности, службу его на разныхъ поприщахъ. При всемъ различіи цѣли и плана тѣхъ и другихъ въ содержаніи однакожъ не вездѣ господствуетъ строгое разграниченіе: и тутъ и тамъ разсказываются нерѣдко, съ небольшими измѣненіями въ подробностяхъ, одни и тѣ же обстоятельства.

Записки сохранились единственно въ черновой рукописи, которая за исключеніемъ синей бумаги и составляетъ книгу въ 564 страницы листового формата. По смерти вдовы поэта, въ 1842 году, эта рукопись досталась душеприказчику покойной, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, извѣстному археологу Константину Матвѣевичу Бороздину, и отъ него перешло по наслѣдству къ его дочери, Еленѣ Константиновнѣ, нынѣ Корсаковой (Ср. Предисловіе къ тому I нашего изданія, стр. XI). Долго *Записки* эти оставались подъ спудомъ, почти никто и не зналъ о существованіи ихъ; когда, вскорѣ послѣ смерти поэта, въ печати стали иногда заявлять о „Запискахъ" Державина, то подъ этимъ названіемъ разумѣли собственно его *Объясненія,* болѣе даже первоначальныя *(Ключъ),* какъ напр. Карамзинъ въ своей статьѣ объ одѣ „Богъ". Настоящія *Записки* хранились какъ тайна. Наконецъ, въ 1858 году редакція московскаго журнала *Русской Бесѣды* пріобрѣла право напечатать ихъ, и онѣ явились сперва въ этомъ журналѣ (1859, кн. I—V), а потомъ, въ 1860 году, и отдѣльными оттисками того же набора. Къ нимъ присоединены тутъ (впрочемъ только въ первой половинѣ ихъ) весьма обстоятельныя, во многихъ случаяхъ, примѣчанія и поясненія П. И. Бартенева.

Въ тогдашней литературѣ нашей господствовало возникшее незадолго передъ тѣмъ обличительное направленіе. Естественно, что *Записки* Державина, по своей безрасчетной откровенности, подали противъ автора оружіе критикамъ, которые не затруднились къ дѣятелю другой эпохи примѣнить новые, хотя еще и не совсѣмъ ясно сознанные, идеалы гражданской доблести и либерализма. Тѣмъ не менѣе однакожъ интересъ этихъ *Записокъ*, обиліе представляемыхъ ими новыхъ и важныхъ свѣдѣній не могли не быть тогда же оцѣнены всякимъ безпристрастнымъ читателемъ. О значеніи ихъ, какъ историческаго источника, убѣдительно свидѣтельствуютъ между прочимъ тѣ многочисленныя выписки изъ нихъ и ссылки, которыя разсѣяны въ изданіяхъ послѣдняго десятилѣтія.

На *Записки* Державина нельзя смотрѣть какъ на строго-обдуманное и отдѣланное литературное *сочиненіе*; это не болѣе какъ наскоро набросанныя вчернѣ воспоминанія, въ которыхъ авторъ, предложивъ себѣ касаться только службы своей, „безпрестанно дѣлаетъ отступленія, проговаривается и сообщаетъ разнаго рода живыя и занимательныя подробности". Г. Бартеневъ, которому принадлежитъ этотъ отзывъ, указываетъ далѣе на нѣкоторую неточность и сбивчивость изложенія въ *Запискахъ* и справедливо заключаетъ, что онѣ писаны безъ предварительныхъ отмѣтокъ, на память. Дѣйствительно, только тѣ страницы, которыя относятся къ эпохѣ пугачевщины, возникли въ первоначальномъ видѣ вскорѣ послѣ событій, чуть ли не на самыхъ мѣстахъ, куда посланъ былъ Державинъ, и пересмотрѣны впослѣдствіи, при включеніи ихъ въ составъ общихъ *Записокъ* о его службѣ. Что касается до всего остальнаго, то хотя онъ, какъ мы видѣли, и составилъ ранѣе очеркъ своей біографіи, а отдѣльные эпизоды ея описалъ сверхъ того въ *Объясненіяхъ*; однакожъ, по нѣкоторымъ частнымъ несходствамъ въ передачѣ тѣхъ же обстоятельствъ, становится яснымъ, что онъ при редакціи *Записокъ* не справлялся съ прежними своими сообщеніями. Вообще *Записки* составлялись безъ всякой подготовки: „иногда Державинъ повторяетъ уже сказанное, говоритъ о себѣ то въ третьемъ, то въ первомъ лицѣ, ошибается годахъ, не доканчиваетъ рѣчи и проч. Кажется, онъ даже не выправилъ „Записокъ", хотя въ рукописи довольно помарокъ, но слогъ крайне небреженъ". Такъ замѣчаетъ г. Бартеневъ. Съ своей стороны прибавимъ, что если бъ Державинъ прожилъ

еще нѣсколько лѣтъ, то, по всей вѣроятности, онъ бы возвратился къ своимъ *Запискамъ* и придалъ имъ болѣе совершенный видъ, по крайней мѣрѣ насколько это было совмѣстно съ его недостаточнымъ литературнымъ образованіемъ и особенностями его необработанной, неправильной прозы. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что какъ скоро разсказъ его, подъ вліяніемъ самаго предмета, оживляется, то у него безсознательно срываются съ пера цѣлыя страницы болѣе стройной рѣчи, запечатлѣнной оригинальною простотой и характеромъ чисто русскаго языка, близкаго къ народному. *Гротъ.*

Обученіе Державина въ Казанской гимназіи.

Передъ вступленіемъ въ новый періодъ жизни будущаго поэта перенесемся мыслію въ тогдашнее состояніе Россіи и припомнимъ нѣкоторыя явленія, которыя могутъ дать намъ понятіе о характерѣ эпохи.

Представимъ себѣ прежде всего время рожденія Державина: еще не кончилась первая половина 18-го вѣка, то многозначительное полустолѣтіе, котораго начало ознаменовано было бурною дѣятельностью Петра Великаго, основаніемъ новой столицы, полтавской побѣдой, нейштадтскимъ миромъ, учрежденіемъ Академіи наукъ: за этимъ послѣдовалъ, и такъ недавно еще миновалъ, десятилѣтній періодъ ненавистной Бироновщины. Преданія обо всемъ этомъ были еще свѣжи въ годы дѣтства нашего поэта, и слѣды того нерѣдко встрѣчаются въ сочиненіяхъ его. Такъ, въ письмѣ къ Сперанскому (которое впрочемъ не пошло въ дѣло) онъ разсказываетъ о времени Петра Великаго: .....почти не было ни правосудія, ни управленія, ни охраненія въ безопасности, какъ истинное благоустройство требовало. Все на одной простой вѣрности и правдѣ содержалось. Много лѣтъ прошло послѣ него (т.-е. Петра I), какъ я, уже вышедши изъ ребятъ, былъ самъ самовидецъ, что приходятъ къ воеводѣ истецъ и отвѣтчикъ, приносятъ ему по связкѣ калачей, по полтинѣ или по рублю денегъ, кладутъ на столъ и пересказываютъ свое дѣло съ душевной искренностью, какъ оно было. Онъ ихъ выслушиваетъ, уличаетъ одного въ обидѣ, другого наклоняетъ къ снисхожденію и уговариваетъ, наконецъ, къ миру. Когда они замолчатъ, беретъ ихъ за руки, соединяетъ ихъ и приказываетъ поцѣловаться. Они ему кланяются, даютъ съ обѣ-

ихъ сторонъ также по полтинѣ или по рублю и отходятъ оба довольными. Вотъ какимъ образомъ, большею частію, рѣшались гражданскія дѣла; а кто не бралъ такихъ короткихъ мѣръ и по судамъ таскался, тотъ иногда и въ пятьдесятъ лѣтъ не получалъ окончанія, ходя по коллегіямъ и по сенату".

О нравахъ и порядкахъ Бироновщины разсѣяно много воспоминаній въ строфахъ Фелицы и въ примѣчаніяхъ къ ней самого поэта.

Около времени рожденія Державина появилось на свѣтъ и нѣсколько другихъ писателей, играющихъ видную роль въ исторіи нашей литературы. Это были Княжнинъ, Фонвизинъ, кн. Дашкова, Новиковъ, Хемницеръ, Богдановичъ. Сама русская литература, въ собственномъ смыслѣ, только что зарождалась; въ ея слабыхъ начаткахъ еще слышался лепетъ младенца. Названнымъ писателямъ суждено было дать ей голосъ болѣе твердый. Со вступленіемъ ихъ въ возрастъ самостоятельной дѣятельности совпадаетъ воцареніе великой подвижницы русскаго просвѣщенія, Екатерины II.

При рожденіи Державина единственнымъ источникомъ высшаго свѣтскаго образованія оставалась наша Академія наукъ, которая тогда не прожила еще и двадцати лѣтъ. Она была въ то время поприщемъ борьбы науки съ бюрократіей и отважныхъ стычекъ молодой русской силы съ высокомѣріемъ ученыхъ переселенцевъ. Самовластный Шумахеръ, вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ, былъ удаленъ отъ должности, а на мѣсто его назначенъ совѣтникъ Нартовъ. Вскорѣ послѣ того, въ февралѣ 1743 г., Миллеръ возвратился изъ своего десятилѣтняго, столь богатаго результатами, путешествія по Сибири. Прошло только два года со времени прибытія Ломоносова, съ обильными плодами науки, изъ заграничнаго университета. За неуваженіе, оказанное имъ нѣкоторымъ сочленамъ, за разныя *продерзости* онъ, по опредѣленію слѣдственной коммиссіи, сидѣлъ подъ аретомъ, но уже дарованіе его, съ самаго появленія оды на взятіе Хотина, обращаютъ на себя вниманіе: уже извѣстно нѣсколько одъ его, и незадолго передъ тѣмъ онъ воспѣлъ день рожденія великаго князя Петра Ѳеодоровича, за годъ передъ тѣмъ прибывшаго въ Петербургъ по зову недавно воцарившейся императрицы. Но будущая наслѣдница русскаго престола, еще живетъ безмятежно въ Цербстѣ, не предвидя блестящаго жребія, который ее ожидаетъ.

Въ самый годъ рожденія Державина происходило въ Петербургѣ довольно оригинальное, небывалое на Руси литературное состязаніе. Тредьяковскій завелъ съ Ломоносовымъ и Сумароковымъ споръ о ямбѣ и хореѣ, доказывая, что различный характеръ стиховъ, написанныхъ неодинаковымъ размѣромъ, зависитъ не отъ ихъ формы, а отъ содержанія пьесы; другіе двое, напротивъ, утверждали, что только ямбъ способенъ выражать благородныя и возвышенныя мысли; хорей же нуженъ исключительно для нѣжнаго или веселаго настроенія. Желая передать рѣшеніе спора на судъ публики, всѣ трое переложили въ стихи одинъ и тотъ же 143 псаломъ, Ломоносовъ и Сумароковъ ямбами, Тредьяковскій хореями. Книга была напечатана въ 1744 году, подъ заглавіемъ: *Три оды парафрастическія.* Такимъ образомъ при Академіи нашей русская литература стала обнаруживать первые признаки жизни; оттуда, въ лицѣ Ломоносова, должно было начаться ея движеніе и развитіе. Оттуда же, въ значительной мѣрѣ, развился планъ основанія Московскаго университета, дѣятельность котораго должна была вскорѣ отозваться далеко за предѣлами Москвы.

Одновременно съ нашимъ первымъ университетомъ возникли при немъ, для приготовленія студентовъ, двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, раздѣленіе, понятное при тогдашнемъ взглядѣ на сословныя отношенія. То же еще и позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, было соблюдено при учрежденіи женскаго воспитательнаго заведенія въ Смольномъ монастырѣ. Но двухъ московскихъ гимназій, составлявшихъ въ сущности одно и то же училище, было конечно недостаточно для потребностей государства, и потому университетъ, вѣроятно, по мысли своего куратора Шувалова и при главномъ участіи своего просвѣщеннаго директора Мелиссино, представилъ сенату о необходимости основать въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ гимназіи, откуда молодые люди могли бы переходить въ высшія учебныя заведенія, т.-е. кромѣ университета въ Академію наукъ или Сухопутный шляхетный корпусъ. Опираясь въ своихъ просвѣтительныхъ планахъ на созданный имъ университетъ, Шуваловъ въ то же время обращался и къ помощи Академіи наукъ: онъ просилъ ея членовъ высказаться, гдѣ и какія гимназіи должны быть учреждены въ Россіи. До насъ дошелъ отзывъ академика Фишера, который долго путешествовалъ съ ученою цѣлью по Сибири. Онъ отвѣчалъ, что при

недостаточномъ еще понимании пользы ученія въ Россіи, на первый случай всего нужнѣе основать гимназію въ Казани, а черезъ нѣсколько лѣтъ можно будетъ „разводить" такія училища и въ другихъ городахъ. Извѣстно однакожъ, что не ранѣе какъ спустя четверть столѣтія (1786) дѣло народнаго образованія у насъ подвинулось учрежденіемъ первоначальныхъ школъ, а для пріобрѣтенія бо́льшаго числа среднихъ учебныхъ заведеній Россія должна была прожить еще двадцать пять лѣтъ и дождаться 19-го вѣка.

Казань была поставлена въ исключительное положеніе, какъ главный центральный пунктъ нашей восточной окраины, которая, по отдаленности своей отъ Москвы, наиболѣе нуждалась въ средствахъ къ образованію. До тѣхъ поръ въ Казани было только нѣсколько элементарныхъ училищъ, гдѣ ученіе ограничивалось грамотою и первыми началами ариѳметики. Это былъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ при Аннѣ Іоанновнѣ заведены были *гарнизонныя школы* для обученія солдатскихъ дѣтей, чѣмъ и объясняется присутствіе въ Казани бывшихъ наставниковъ Державина, Лебедева и Полетаева. Для учрежденія новой гимназіи университетъ вызвался отправить туда въ преподаватели нѣсколько студентовъ. При посредствѣ Шувалова это представленіе было одобрено, и 21 іюля 1758 года состоялся указъ объ учрежденіи въ Казани двухъ соединенныхъ гимназій по образцу московскихъ и на тѣхъ же правахъ; жалованье учителямъ, какъ и всѣ прочія издержки на это училище, должно было производиться изъ университетскихъ суммъ. Для предварительныхъ распоряженій, какъ-то, для пріисканія дома и т. п., въ Казань посланъ былъ отъ университета одинъ изъ учителей Московской гимназіи, капитанъ Траубенталь.

Появленіе гимназіи на родинѣ Державина не могло не измѣнить плановъ Ѳеклы Андреевны*) насчетъ воспитанія сыновей. Она, конечно, обрадовалась возможности избѣжать разлуки съ ними, и тотчасъ же рѣшилась отдать ихъ въ новое заведеніе. Директоромъ его былъ назначенъ одинъ изъ состоявшихъ при Московскомъ университетѣ трехъ ассесоровъ, т.-е. чиновниковъ, опредѣленныхъ при его правленіи для исполненія разныхъ порученій. Это былъ извѣстный по своей авторской и переводческой дѣятельности Михаилъ Ивановичъ Ве-

---

*) Мать Гавріила Романовича.

ревкинъ. По прибытіи въ Казань онъ поспѣшилъ нанять одинъ изъ предложенныхъ ему для помѣщенія училища домовъ, именно каменный домъ генералъ-маіора Кольцова, съ платою по 180 р. въ годъ. Открытіе гимназіи послѣдовало 21 января 1759 года. По прочтеніи указа объ ея учрежденіи, отслуженъ былъ молебенъ за здравіе императрицы, а въ заключеніе акта всѣмъ преподавателямъ и ученикамъ розданы выписки изъ гимназическаго регламента. Но такъ какъ еще не всѣ поступившіе въ заведеніе были на лицо, то занятія отложены были на три дня, и ученики распущены по домамъ. Въ тотъ же день Веревкинъ отправилъ къ куратору рапортъ о принятіи имъ надъ гимназіями „команды" и открытіи ихъ. Характеристическій конецъ рапорта показываетъ намъ, что составляло главную заботу директора, и чѣмъ онъ надѣялся всего болѣе угодить Шувалову. Веревкинъ тутъ напоминаетъ, „въ какомъ предпочтеніи всѣ отдающіе дѣтей своихъ въ гимназіи содержатъ французскій языкъ, и для того", доноситъ онъ, „гимназіи приняли за сто рублевъ учителя первыхъ началъ французскаго и нѣмецкаго языковъ (въ чемъ состоитъ наиглавнѣйшая теперь надобность) француза Дефоржа, свидѣтельствованнаго въ знаніи своемъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ и снабденнаго оттуда одобрительнымъ аттестатомъ..." 25 января, въ понедѣльникъ, начались уроки. Учениковъ было всего тридцать; но число ихъ быстро возрастало, такъ что около времени лѣтнихъ вакацій оно дошло ужо до девяносто пяти. Долго являлись почти исключительно дворянскія дѣти; не прежде мая мѣсяца можно было открыть классы и въ „разночинской гимназіи". Такъ образовалась эта педагогическая колонія Московскаго университета, который, насколько позволяло ему собственное мало обезпеченное положеніе, долгое время дѣлился съ нею и умственными, и матеріальными средствами.

Посмотримъ теперь, каковъ былъ первый директоръ новой гимназіи. При избраніи Веревкина въ эту должность изъ асессоровъ университета (что могло быть отчасти слѣдствіемъ столкновеній его съ сослуживцами), ему было всего двадцать шесть лѣтъ. Воспитанный въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ считался весьма образованнымъ для своего времени человѣкомъ, былъ уменъ, остеръ, отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и уже обращалъ на себя вниманіе, какъ литераторъ. Владѣя французскимъ языкомъ, онъ былъ ловокъ въ обществѣ

и говорилъ красно: умѣлъ при случаѣ бросить пыль въ глаза и продать товаръ лицомъ; но ему недоставало основательности и твердыхъ нравственныхъ началъ. Однакожъ исполненіемъ своихъ педагогическихъ обязанностей Веревкинъ вполнѣ оправдалъ свой выборъ: онъ неутомимо заботился объ успѣхахъ молодежи, приискивалъ годныхъ учителей и хлопоталъ о пріобрѣтеніи учебныхъ пособій, а это было тогда не легко, особенно въ Казани. Надо было, напр., безпрестанно просить университетъ о присылкѣ нѣмецкихъ и французскихъ азбукъ и грамматикъ: болѣе 30-ти учениковъ должны были довольствоваться шестью экземплярами нѣмецкой азбуки. Веревкинъ уже завелъ было учительскіе „конвенты", но университетскія власти, которымъ посылались протоколы этихъ собраній, вѣроятно усмотрѣли въ нихъ опасное начало самоуправленія и запретили ихъ подъ предлогомъ, что они не могутъ быть допускаемы безъ разрѣшенія куратора. Понимая уже значеніе, какое могла имѣть Казань для изученія восточныхъ языковъ, Веревкинъ позднѣе предлагалъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка: „со временемъ", писалъ онъ, „могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи". Прибавимъ, что Веревкинъ простиралъ свои заботы объ образованіи края даже за предѣлы гимназіи: онъ просилъ университетъ выслать двадцать экземпляровъ *Московскихъ Вѣдомостей* для распространенія въ мѣстномъ обществѣ; но эти старанія оказались преждевременными: изъ доставленныхъ десяти экземпляровъ послѣ долгаго времени разошлось только четыре.

Естественно, что въ молодомъ обществѣ особенно дорожатъ внѣшнимъ лоскомъ образованія, развязностью обращенія, практическимъ навыкомъ въ иностранныхъ языкахъ. Все это высоко цѣнилось и самимъ Шуваловымъ, и людьми, отъ него зависѣвшими. Объ этомъ заботились всюду, начиная отъ двора и до провинціальной гимназіи. Веревкинъ старался возбудить въ своихъ гимназистахъ любовь къ легкому чтенію, заставлялъ ихъ выучивать наизусть сочиняемыя преподавателями на разныхъ языкахъ рѣчи, представлять трагедіи Сумарокова, танцовать и фехтовать, чтобъ было чѣмъ, на публичныхъ экзаменахъ, удивлять казанское общество. Понятно, что талантливый мальчикъ, слыша безпрестанно о славѣ Фенелона и

Мольера, Ломоносова и Сумарокова, могъ еще на школьной скамьѣ пристраститься къ поэзіи и къ авторству. Но при недостаткѣ хорошихъ образцовъ и разумныхъ руководителей даже въ родномъ языкѣ неизбѣжна была тяжкая, многолѣтняя борьба съ трудностями еще не созданной формы, чтобы выбраться на путь самостоятельнаго творчества. Одну выгодную сторону имѣло это не требовавшее большихъ напряженій образованіе, которое, хотя и въ нѣсколько усиленной мѣрѣ, долгое время еще господствовало въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ: оно, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ любознательнымъ юношамъ, оставляло много досуга для самодѣятельности, поощряло ихъ къ свободнымъ занятіямъ и тѣмъ самымъ служило къ развитію ихъ дарованій. Этимъ отчасти объясняется, какъ изъ среды первоначальныхъ питомцевъ скудной учебными средствами гимназіи могъ явиться писатель, который, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, успѣлъ своимъ оригинальнымъ талантомъ пріобрѣсти всесвѣтную извѣстность. Не надо забывать, что Веревкинъ самъ принадлежалъ къ пишущей братіи; это могло способствовать къ развитію въ Державинѣ охоты сдѣлаться авторомъ.

Что касается собственно преподаванія въ гимназіи, то, по свидѣтельству самого Державина, главной цѣлью было *научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ*. Предметы преподаванія были: законъ Божій, исторія и географія, ариѳметика, геометрія съ фортификаціей, языки: латинскій, французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, танцы и фехтованіе. Иностранными языками занимались во всѣхъ классахъ дворянской половины. Уроки вообще продолжались отъ 7 до 11 часовъ утра и отъ часу до 5 послѣ обѣда. Державинъ не скрываетъ, что въ гимназіи, „по недостатку хорошихъ учителей", его учили „едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде". Въ запискахъ своихъ онъ называетъ, и то по случайному поводу, только двухъ изъ своихъ наставниковъ, именно: капитанъ-поручика Морозова и пастора Гельтергофа: первый, вскорѣ умершій, училъ геометріи, фортификаціи и рисованію, второй — нѣмецкому языку. О Морозовѣ есть свидѣтельство, что онъ, „за недовольнымъ знаніемъ русскаго штиля, весьма темно или совсѣмъ невразумительно задавалъ свои письменные уроки, а на самой практикѣ, безъ дальнихъ изъясненій, всякую проблему наизусть училъ". Изъ такихъ уроковъ Держа-

вивъ не могъ извлечь никакой пользы: впослѣдствіи онъ приписывалъ свою слабость въ математикѣ недостаточнымъ къ ней способностямъ, но въ сущности большая доля этой слабости происходила, конечно, отъ плохого первоначальнаго ученія...

Мы не можемъ положительно сказать, насколько Державинъ обязанъ былъ Гельтергофу знаніемъ нѣмецкаго языка; но намъ извѣстно, что онъ выражался на немъ легко и даже писалъ довольно правильно. Во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія, что онъ всего болѣе успѣлъ въ томъ предметѣ, преподаватель котораго замѣтно выдавался изъ ряда своихъ сослуживцевъ по казанской гимназіи. Не надо однакожъ забывать, что основаніе знакомству Державина съ нѣмецкимъ языкомъ было положено еще въ дѣтствѣ его, въ школѣ Розе.

Между учителями и директоромъ происходили раздоры. Въ управленіи гимназіи было много элементовъ несогласія. Веревкинъ настойчиво требовалъ отъ университета учебниковъ и полнаго по штату содержанія своимъ подчиненнымъ, а университетъ, не имѣя къ тому средствъ, досадовалъ на слишкомъ неугомоннаго директора; когда же этотъ жаловался на учителей, ему изъ Москвы отвѣчали только, что онъ „не директоръ, а асессоръ и командиръ“, и что учители должны, не умничая, безпрекословно ему повиноваться.

Несмотря на дурное преподаваніе въ гимназіи, Державинъ, по даровитости своей, занялъ съ самаго начала видное мѣсто между учениками, которыхъ число къ концу перваго полугодія возрасло уже до ста одиннадцати. Въ исходѣ іюня были экзамены, и за тѣмъ, послѣ публичнаго акта, ученики распущены на лѣтнія вакаціи до 1-го августа. На актѣ, какъ водится и нынче, присутствовали городскія власти, духовныя, гражданскіе и воинскіе чины. Студентъ Любинскій*) прочелъ небольшую латинскую рѣчь „о пользѣ наукъ“, а за нимъ восемь прилежнѣйшихъ учениковъ выступили по-двое и произнесли, по-французски, по-нѣмецки, по-латыни и по-русски, краткія же рѣчи „о нуждѣ, чтобы знать учимое ими“. Имена этихъ юношей неизвѣстны, но такъ какъ Державинъ черезъ нѣсколько времени упомянутъ въ числѣ первыхъ девяти учениковъ дворянской гимназіи, то, по всей вѣроятности, и онъ былъ между молодыми ораторами. Въ заключеніе учитель Никита Морозовъ

*) Обучавшій ариѳметикѣ.

сказалъ русскую рѣчь. Изъ гимназіи отправились въ приходскую церковь, гдѣ гимназическій священникъ отслужилъ молебенъ о здравіи государыни и напутствовалъ молодыхъ людей краткимъ наставленіемъ, чѣмъ имъ заниматься на каникулахъ. По поводу этого-то учебнаго торжества преосвященный*), на другой день, прислалъ гимназистамъ библію и латинскій лексиконъ съ собственноручными надписями, и кромѣ того по книжкѣ каждому изъ говорившихъ рѣчи. Веревкинъ вслѣдъ за тѣмъ просилъ университетъ представить куратору, не выразить ли онъ преосвященному свою благодарность.

Передъ возобновленіемъ въ августѣ мѣсяцѣ классовъ было опять собраніе съ рѣчами, и Веревкинъ, посылая эти рѣчи при рапортѣ „главной командѣ“, ходатайствовалъ о награжденіи тѣхъ учениковъ, которые въ каникулярное время „много впередъ успѣли въ наукахъ“. Кураторъ приказалъ напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* имена лучшихъ учениковъ Казанской гимназіи, и въ № 64, отъ 10-го августа 1759 г., мы читаемъ между прочимъ: „Наиприлежнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: гвардіи капралъ Николай Левашевъ, гвардіи жъ солдатъ Сергѣй Полянскій и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ и нижеписанные еще, *за свою прилежность, успѣхи и доброе поведеніе*, похвалы достойными нашлись; а именно: Василій и Дмитрій Родіоновы, Петръ Нормансній, *Гаврила Державинъ*, Алексѣй и Петръ Норовы“.

Изъ гимназическихъ товарищей своихъ самъ Державинъ не называетъ никого, кромѣ своего меньшого брата Андрея, который, какъ онъ говоритъ, по застѣнчивости своей казался тупъ, однакожъ успѣвалъ въ математикѣ; во всемъ остальномъ Гаврила бралъ надъ нимъ верхъ своею бойкостью. Особенную охоту оказывалъ будущій лирикъ „къ предметамъ, касающимся воображенія“: къ рисованію, музыкѣ и поэзіи. Мы видѣли, что онъ еще въ школѣ Розе пристрастился къ рисованію и полюбилъ инженерное искусство. Въ гимназіи его чертежи и рисунки, сдѣланные перомъ, до того понравились директору, что онъ захотѣлъ похвастать ими передъ Шуваловымъ. Спустя около года послѣ открытія гимназіи, т.-е. зимою 1759—1760 годовъ, Веревкинъ, взявъ отпускъ въ Москву и Петербургъ, повезъ съ собою, для представленія куратору, работы отлич-

*) Казанскій епископъ Гавріилъ (Кременецкій).

нѣйшихъ изъ своихъ учениковъ. Это были геометрическіе чертежи и карты Казанской губерніи, украшенныя разными фигурами и ландшафтами. Шуваловъ, такъ заботившійся о развитіи искусства въ Россіи и незадолго предъ тѣмъ основавшій Академію художествъ, былъ очень пріятно пораженъ неожиданными плодами ученья въ отдаленной, полуазіатской странѣ

Цѣль Веревкина была вполнѣ достигнута: при этомъ случаѣ утверждены разныя представленія его, напримѣръ о возвышеніи окладовъ нѣкоторымъ преподавателямъ и объ отнесеніи на казенный счетъ содержанія бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ то же время тѣ, которыхъ работы были представлены Шувалову, записаны, по ихъ желанію, солдатами въ разные гвардейскіе полки, а одинъ изъ нихъ, Державинъ, объявленъ кондукторомъ Инженернаго корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самому Веревкину оказано почетное вниманіе: для большаго авторитета при управленіи гимназій, онъ, сохраняя прежнюю должность, получилъ назначеніе быть товарищемъ казанскаго губернатора. Извѣстіе о наградахъ, привезенное имъ при возвращеніи въ Казань, въ мартѣ мѣсяцѣ, произвело большую радость въ гимназіи. Ученики надѣли мундиры, каждый по будущему званію своему; съ тѣхъ поръ Державинъ, въ кондукторской формѣ, исполнялъ на училищныхъ празднествахъ обязанность артиллериста и фейерверкера. Казалось, давнишнее желаніе мальчика и покойнаго отца его осуществилось.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда Веревкинъ на время перевелъ гимназію въ губернаторскій домъ, съ цѣлью между тѣмъ построить особое для нея зданіе. По этому поводу гимназисты были распущены на цѣлый мѣсяцъ. Впрочемъ, тутъ была и другая, можетъ быть, еще болѣе важная причина, — приготовленія къ большому празднеству. Въ Москвѣ день коронаціи императрицы, 25-е апрѣля, и затѣмъ еще два слѣдующіе дня ежегодно посвящались празднованію годовщины открытія университета. Веревкинъ, выпросивъ у Шувалова позволеніе отпраздновать эти дни и въ Казани, готовилъ торжество на славу. Описаніе трехдневнаго ликованія сохранилось въ любопытномъ рапортѣ его куратору, отъ имени котораго были разосланы приглашенія. Въ первый день, послѣ молебна (съ архіерейскою службой) и пушечной пальбы, почетные гости вошли въ гимназическую аудиторію и слушали рѣчи, опять на четырехъ языкахъ. Потомъ начался обѣдъ, въ которомъ участвовало

117 человѣкъ. „Три длинныя линіи изъ столовъ касались между собою одними концами, составляя ими три тупыхъ угла. На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей нашей самодержицы, — Европы, Азіи и Африки (?)", а въ серединѣ, гдѣ сходились столы, сдѣлана была крутая, ущелистая гора (Парнассъ), на которую по узкимъ тропинкамъ всходило сто человѣческихъ фигуръ, съ книгами и инструментами въ рукахъ. Большая часть всходившихъ падали на трудномъ пути, но Ломоносовъ и Сумароковъ (оба тогда еще здравствовали) вслѣдъ за Аполлономъ и музами достигали благополучно вершины, чтобы пѣть Елизавету по приказанію Юпитера. Его повелѣніе прислано было черезъ представленнаго тутъ же Меркурія, и Веревкинъ, при описаніи своего празднества, входя болѣе и болѣе въ паѳосъ, не можетъ удержаться отъ слѣдующаго размышленія: „Меркурій летящимъ внизъ такъ искусно былъ на тонкомъ волоскѣ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть. Послѣ обѣда", продолжаетъ онъ, „почти смеркаться стало, и для того я гостей моихъ, немного удержавъ, повелъ въ комедію. Представлена была Мольерова пьеса: *Школа мужей* (Странный выборъ!). Вотъ, милосердый государь, и въ Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ. Театръ, ей Богу, такой, что желать лучше не можно: партеръ, обитый красною паразеею, въ 12-ти лавкахъ состоявшій, помѣстилъ въ себѣ четыреста человѣкъ, въ парадизѣ такая была тѣснота, что смотрители картиною казалися. Актерамъ надавали денегъ столько, что я ихъ теперь въ непостыдное платье одѣть могу. Послѣ комедіи былъ ужинъ, балъ, игра и разговоры о наукахъ. Изъ обѣдавшихъ одинъ преосвященный, за слабостью своею, не ужиналъ". 26-го числа праздникъ былъ въ гимназіи, а въ третій и послѣдній день 270 гостей приглашено было на загородный губернаторскій дворъ, что на Арскомъ полѣ". Кромѣ холоднаго ужина для этихъ лицъ, данъ былъ, подъ открытымъ небомъ, народный праздникъ, на которомъ, по счету Веревкина, присутствовало около 17.000 человѣкъ. Тутъ было выставлено для черни нѣсколько жареныхъ быковъ, барановъ и живности; потомъ сожгли фейерверкъ, конечно при участіи Державина; вечеръ кончился баломъ; домъ и садъ были иллюминованы.

Въ заключеніе Веревкинъ сознается, что всѣ празднества

(нуждающейся въ деньгахъ гимназіи) стоили ему болѣе 630 р. и приписываетъ слѣдующія крайне любопытныя строки, столько же рисующія написавшаго ихъ, какъ и всю эпоху: „Ежели я васъ тѣмъ прогнѣвалъ, что много издержалъ, то прикажите мнѣ не давать жалованья, пока выслужу. Довольно, батюшка, что кроткой государынѣ воздана хотя слабая, но всеусердная почесть. Ты прославленъ, и цѣлый многолюдный городъ погруженъ былъ мною въ никогда не бывалое здѣсь веселіе! Въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ; прикажите ихъ поскорѣе переслать изъ положенной на содержаніе гимназіи суммы 1000 рублевъ“.

По мѣрѣ своего развитія Державинъ все болѣе выдавался изъ ряда своихъ товарищей. Обративъ на себя вниманіе Веревкина своимъ талантомъ къ рисованію, онъ въ его глазахъ пріобрѣлъ вѣсъ и своею энергіей. Это видно изъ двухъ случаевъ, въ которыхъ Веревкинъ, предпринимая поѣздки по должности губернаторскаго товарища, бралъ съ собой для помощи нѣсколько учениковъ, и во главѣ ихъ Державина. Въ первый разъ цѣлью командировки было снятіе плана съ города Чебоксаръ. Державинъ въ своихъ запискахъ подробно разсказываетъ и странный способъ, придуманный при этомъ Веревкинымъ, и притѣсненія, которымъ подверглись съ его стороны богатые заводчики въ Чебоксарахъ и хозяева судовъ, проходившихъ мимо города. Для повѣрки разстояній между рядами домовъ онъ заказалъ огромныя рамы, шириной въ 8 саженъ, съ желѣзными связями и цѣпями, и велѣлъ носить ихъ поперекъ улицъ. Когда какой-нибудь домъ настолько выступалъ впередъ, что не давалъ пройти рамѣ свободно, то надъ воротами надписывалось: *ломать*. Проходившія по Волгѣ суда были задерживаемы, а бурлаковъ ихъ сгоняли для ношенія чудовищныхъ рамъ. Въ то же время были пріостановлены работы на городскихъ кожевенныхъ заводахъ. Всѣ эти мѣры должны были вызвать со стороны заинтересованныхъ стараніе „умилостивить“ крутого распорядителя, и потому бросаютъ тѣнь на его безкорыстіе. Между тѣмъ Державинъ, по его приказанію, чертилъ огромной величины планъ, занимаясь этимъ на чердакѣ большого купеческаго дома, такъ какъ чертежъ ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣститься бы не могъ; но этотъ планъ остался недодѣланнымъ: его пришлось „свернуть и, уложивъ подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань“. Тѣмъ и кончилась экспедиція.

Другая поѣздка предпринята была лѣтомъ 1761 года къ развалинамъ древней столицы болгарскаго царства, къ селенію Болгарамъ (нынѣ Спасскаго уѣзда село Успенское, въ 12-ти верстахъ отъ Казани): по порученію Шувалова Веревкинъ долженъ былъ описать эти развалины и доставить древности, какія тамъ отыщутся. Но самъ онъ, пробывъ въ Болгарахъ нѣсколько дней, соскучился и уѣхалъ; Державинъ же съ товарищами работалъ тамъ до глубокой осени и привезъ въ Казань описаніе развалинъ, планъ бывшаго города, рисунки нѣкоторыхъ строеній, надписи гробницъ, наконецъ, собраніе монетъ и другихъ вещей, вырытыхъ имъ изъ земли. Со всей этой археологической добычей Веревкинъ намѣревался въ концѣ года ѣхать въ Петербургъ и поднести ее Шувалову при отчетѣ о гимназіи; но этому не суждено было исполниться. Веревкинъ, вслѣдствіе доноса двухъ гимназическихъ преподавателей, былъ уволенъ „за непорядочные поступки“, и на мѣсто его былъ присланъ изъ Москвы магистръ Савичъ, которому при этомъ случаѣ, для большей важности, дали званіе профессора. О немъ есть свидѣтельства его сослуживцевъ, какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ и дѣльномъ; на то же намекаютъ и слова Державина, что по новости училища преподаватели въ немъ „до прибытія профессора Савича“ были плохіе. Однакожъ Державинъ недолго оставался въ гимназіи при новомъ директорѣ и почти при самомъ поступленіи его уѣхалъ на службу въ Петербургъ. Но прежде нежели разскажемъ о причинѣ его выхода, мы должны коснуться еще одной стороны пребыванія его въ этомъ учебномъ заведеніи, именно его свободныхъ занятій.

Въ гимназіи между прочимъ учили музыкѣ, и преподавателя ея звали Орфеевымъ. У Державина явилась охота играть на скрипкѣ, но обстоятельства не позволили развиться этому таланту. Въ то же время, какъ самъ онъ разсказываетъ, чтеніе стало пробуждать въ немъ способность къ стихотворству. Изъ прочитанныхъ имъ въ гимназіи книгъ онъ при этомъ называетъ оды Ломоносова, трагедіи Сумарокова, также переводы: *Телемака, Аргениды* и *Маркиза Г.* Эти книги принадлежали тогда къ числу наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Собраніе сочиненій Ломоносова (въ двухъ книгахъ) вышло третьимъ изданіемъ отъ 1757 до 1759 года; изъ трагедій же Сумарокова уже были напечатаны отдѣльно: *Хоревъ, Синавъ*

и *Труворъ*, *Гамлетъ*, *Артистона*. Изъ дѣлъ гимназіи видно, что вскорѣ послѣ ея открытія Веревкину было прислано отъ университета, кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, 10 экземпляровъ сочиненій Ломоносова.

Три книги, которыя гимназистъ Державинъ читалъ въ русскихъ переводахъ, обходили тогда всю Европу и были перелагаемы на многіе языки. Онѣ въ срединѣ 18-го столѣтія вездѣ читались съ жадностью. *Телемакъ*, который сами французы провозгласили эпопеей, переводился не только прозой, но и стихами. Когда Державинъ учился въ гимназіи, приснопамятная *Телемахида* еще не родилась: въ его рукахъ могъ быть только переводъ въ прозѣ, сдѣланный неизвѣстно кѣмъ и изданный въ Петербургѣ въ 1747 году. „Ироическая пима" Тредьяковскаго, который съ презрѣніемъ отзывался о первоначальномъ прозаическомъ переводѣ *Телемака*, появилась лишь черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ того, уже при Екатеринѣ II; но будущій творецъ *Телемахиды* напечаталъ, въ 1751 году, переводъ другой, по его словамъ, столько же „несравненной піимы", въ которой онъ видѣлъ самую „превосходную философію политическую".

Это была *Аргенида*, изданная въ первый разъ въ 1621 году, въ Парижѣ, на латинскомъ языкѣ. Авторомъ ея былъ жившій во Франціи шотландецъ, Іоаннъ Барклай (John Barclay), сторонникъ изгнаннаго дома Стюартовъ, написавшій по-латыни, отчасти стихами, нѣсколько замѣчательныхъ сатирическихъ сочиненій. *Аргенида* есть имя вымышленной сицилійской царицы, подъ которою, какъ полагали современные критики, онъ разумѣлъ Францію или династію Валуа. Весь этотъ политическій романъ не что иное, какъ изображеніе, подъ покровомъ любимой тогда аллегоріи, состоянія Франціи и другихъ западныхъ государствъ въ эпоху лиги, съ цѣлью служить руководствомъ въ наукѣ правленія.

Романы съ такою цѣлью сдѣлались однимъ изъ господствующихъ родовъ литературы послѣдующаго времени; отброшена была только аллегорія. Успѣхъ *Телемака* вызвалъ множество подражателей Фенелону; въ 1730 году французскій аббатъ Террассонъ издалъ книгу, которую впослѣдствіи перевелъ Фонвизинъ подъ заглавіемъ: *Жизнь Сиѳа, царя египетскаго*. Такими же нравственно-политическими романами были во второй половинѣ 18-го вѣка, *Велизарій* Мармонтеля и *Нума*

Помпилій Флоріана, также переведенные вскорѣ на русскій языкъ. Наконецъ, одинъ изъ тогдашнихъ писателей нашихъ, Херасковъ, не довольствуясь переводомъ послѣдней изъ названныхъ книгъ, вздумалъ и самъ приняться за сочиненіе нравоучительныхъ романовъ въ этомъ вкусѣ: такъ явились сперва его *Кадмъ* и *Гармонія*, а потомъ *Полидоръ*, длинныя убійственныя повѣствованія, и однакоже передъ вторымъ изъ нихъ авторъ, безъ всякаго состраданія къ читателю, объявляетъ, что для прочтенія *Полидора* необходимо напередъ прочесть всего *Кадма*. Сохранилось преданіе, что *Аргенида* Барклаева, которая подала намъ поводъ коснуться всѣхъ этихъ романовъ, составляла любимое чтеніе Лейбница. Ее усвоили себѣ почти всѣ европейскія литературы; нѣмцы и французы перелагали ее по нѣскольку разъ; на польскомъ языкѣ кто-то далъ и ей, какъ послѣ бывало съ *Телемакомъ*, стихотворную форму. Русскихъ познакомилъ съ этой книгой Тредьяковскій, который, при всей своей неловкости въ обращеніи съ нашимъ новорожденнымъ письменнымъ языкомъ, заслуживаетъ однакожъ въ потомствѣ добраго слова за свое стараніе переводами лучшихъ иностранныхъ сочиненій способствовать къ образованію юнаго русскаго общества. *Аргениду*, такъ же какъ и Ралленеву исторію, безпримѣрный *трудоположникъ* перевелъ два раза: первый переводъ сдѣлалъ онъ, еще бывши студентомъ Московской академіи, но самъ находилъ его негоднымъ, и впослѣдствіи, по приказанію графа К. Г. Разумовскаго, перевелъ всю книгу снова. Перемѣшивая въ ней, по примѣру подлинника, прозу съ стихами, Тредьяковскій здѣсь въ первый разъ употребилъ гекзаметръ и позволилъ себѣ еще другую новость, — дактилическую риѳму, окончательно введенную у насъ только Жуковскимъ. Въ концѣ каждой главы романа помѣстилъ онъ подробныя миѳологическія и историческія примѣчанія. Такое чтеніе должно было, безъ сомнѣнія, обогатить умъ Державина множествомъ полезныхъ свѣдѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не подѣйствовать вредно на развитіе его вкуса и литературнаго языка. Слѣды этого вліянія писаній Сумарокова и Тредьяковскаго, читанныхъ Державинымъ въ молодости, никогда не переставали болѣе или менѣе отражаться на его сочиненіяхъ, особенно прозаическихъ.

Третье произведеніе иностранной литературы, съ которымъ Державинъ познакомился въ Казани, было. *Приключенія мар-*

киза Г. (*Глаголя,* по тогдашнему обыкновенію называть буквы славянскими ихъ именами). Оно состоитъ изъ шести томовъ, но Державинъ, находясь въ гимназіи, могъ имѣть въ рукахъ только первые четыре, переведенные И. П. Елагинымъ*). Содержаніе книги составляетъ разсказываемая самимъ героемъ исторія его жизни: маркизъ Глаголь странствуетъ и испытываетъ разнаго рода несчастія — потерю родныхъ, неволю и проч.; но и въ самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ онъ остается добродѣтельнымъ; весь романъ пересыпанъ правоучительными размышленіями и наставленіями. Такіе мемуары разныхъ вымышленныхъ лицъ, особливо же поучительныя описанія путешествій ихъ въ дальнія страны, со множествомъ приключеній, были въ большой модѣ. Подлинникъ этого романа вышелъ въ Парижѣ въ первый разъ въ 1729 г., безъ имени автора, подъ заглавіемъ: „Mémoires du marquis ou Aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde". Авторомъ былъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей 18-го вѣка, аббатъ Прево, извѣстный между прочимъ своею трагическою смертью подъ ножомъ анатома.

Русскіе во второй половинѣ 18-го столѣтія читали *Маркиза Г.* тѣмъ съ большей жадностью, что для нихъ въ этомъ переводѣ была новостью гладкая и даже изящная по своему времени проза. И въ самомъ дѣлѣ, въ пятидесятыхъ годахъ что было имъ читать, кромѣ названныхъ книгъ? А тѣмъ болѣе, что было читать Державину въ Казани, гдѣ, безъ сомнѣнія, даже русскія книги составляли тогда рѣдкость, нѣмецкія же доставать было еще труднѣе? Тогда еще не было ни *Письмовника Курганова* (изд. 1769), ни романовъ Хераскова, ни даже сочиненій и переводовъ Ѳедора Эмина, который началъ печатать ихъ только въ шестидесятыхъ годахъ. Самъ директоръ гимназіи Веревкинъ, который лѣтъ черезъ тридцать послѣ того, въ старости, хвалился, что перевелъ 168 вальяжныхъ томовъ и собирался вдобавокъ переводить французскую Энциклопедію, въ то время издалъ еще немного.

Русскіе писатели, съ трудами которыхъ Державинъ познакомился въ Казани, были еще живы; но Ломоносовъ и Тредьяковскій приближались уже къ концу своего поприща. Напротивъ, Сумароковъ и Елагинъ жили еще довольно долго послѣ

---

*) 5-я и 6-я части переведены позднѣе Лукинымъ.

того: съ первымъ нашъ поэтъ имѣлъ въ 1770 году недружеское столкновеніе въ Москвѣ и написалъ на него эпиграмму; въ домѣ же Елагина Державинъ былъ впослѣдствіи (1775) однимъ изъ короткихъ знакомыхъ.

Чтеніе подстрекнуло молодого ученика попытаться итти по слѣдамъ современныхъ ему писателей: онъ сталъ украдкою сочинять стихи, романы и сказки, но уничтожалъ эти первые опыты, рѣдко показывая ихъ даже товарищамъ. Для насъ въ этомъ извѣстіи всего важнѣе то обстоятельство, что и недостаточное образованіе, пріобрѣтенное Державинымъ въ гимназіи, было болѣе плодомъ собственныхъ самостоятельныхъ занятій, нежели преподаванія, и что еще въ училищѣ чтеніе, пробудивъ его врожденный талантъ къ соревнованію литературнымъ знаменитостямъ, навсегда привлекло его къ поприщу писателя; важно при этомъ и указаніе тѣхъ образцовъ, подражаніе которымъ надолго наложило на него мертвящія оковы ложной теоріи.

Въ то самое время, какъ Державинъ воспитывался въ Казанской гимназіи, въ Московскомъ университетѣ учился другой русскій писатель — Фонвизинъ, который однимъ годомъ былъ моложе Державина, но почти тремя годами ранѣе его уже началъ гимназическій курсъ. Любопытно сравнить ходъ развитія обоихъ этихъ талантовъ, которые въ дальнѣйшей литературной дѣятельности своей представляютъ между собою рѣзкія различія, но наиболѣе прославили себя почти одновременно, Державинъ — *Фелицей,* а Фонвизинъ — *Недорослемъ.* Положеніе Фонвизина было настолько благопріятнѣе, насколько Москва была впереди Казани въ отношеніи къ общественной образованности и богаче педагогическими средствами. Изъ Казанской гимназіи возили въ Петербургъ только труды учениковъ; изъ Московской — самихъ гимназистовъ: въ число ихъ попалъ и Фонвизинъ, когда ему было четырнадцать лѣтъ отъ роду. Въ Петербургѣ онъ познакомился лично съ Шуваловымъ, Ломоносовымъ, Дмитревскимъ, былъ въ театрѣ и пристрастился къ драматическому искусству. Сдѣлавшись студентомъ по возвращеніи въ Москву, онъ уже началъ переводить для печати, и первые опыты его были изданы еще до оставленія имъ университета. Онъ зналъ три языка: латинскій, нѣмецкій и французскій, которому выучился по собственной охотѣ, послѣ петербургской поѣздки, и, поступивъ на

службу въ одинъ годъ съ Державинымъ (1762), онъ въ самомъ началѣ ея имѣлъ случай побывать за границей. Сколько задатковъ для болѣе быстраго и блестящаго развитія! Зато Фонвизинъ, двадцати лѣтъ отъ роду, уже и снискалъ извѣстность своимъ *Бригадиромъ*, тогда какъ Державинъ еще и въ слѣдующія два десятилѣтія почти не обращалъ на себя вниманія. Прибавимъ, что ученіе Фонвизина въ гимназіи и университетѣ продолжалось около семи лѣтъ, а Державинъ употребилъ на свой гимназическій курсъ всего три года. Но въ воспитаніи ихъ есть одна общая черта: оба они рано пристрастились къ самостоятельнымъ занятіямъ, и каждый по своему удовлетворялъ этой наклонности.

Державинъ не успѣлъ кончить и скуднаго гимназическаго курса, когда, въ началѣ 1762 года, пришло изъ Петербурга требованіе, чтобъ онъ немедленно явился въ Преображенскій полкъ. За два года передъ тѣмъ Веревкинъ, какъ мы видѣли, привезъ Державину извѣстіе, что онъ, въ награду за свои успѣхи въ рисованіи и черченіи, объявленъ кондукторомъ инженернаго корпуса, послѣ чего гимназистъ носилъ даже мундиръ этого вѣдомства. Но между тѣмъ оказалось совсѣмъ другое: имя Державина очутилось въ спискѣ гимназистовъ, присланномъ отъ Шувалова въ канцелярію Преображенскаго полка, и вслѣдствіе того онъ записанъ солдатомъ въ этотъ полкъ. Какъ это сдѣлалось, не объяснено въ запискахъ Державина всего вѣроятнѣе, что кураторъ забылъ обѣщаніе данное Веревкину, и велѣлъ размѣстить всѣхъ отличившихся гимназистовъ въ разные гвардейскіе полки. Во всякомъ случаѣ поступленіе въ военную службу было противно планамъ какъ самого Державина, такъ и покойнаго отца его, который, въ послѣднюю свою поѣздку въ Москву, прямо отказался отъ сдѣланнаго ему предложенія отдать сына въ гвардію: издержки, сопряженныя со службой этого рода, пугали Державиныхъ.

Видя постигшую молодого человѣка судьбу, мы въ недоумѣніи спрашиваемъ себя: отчего, при ясно опредѣленной цѣли новой гимназіи служить разсадникомъ для высшихъ учебныхъ заведеній, Шуваловъ, вмѣсто того, чтобы пропускать лучшихъ воспитанниковъ ея въ университетъ, записывалъ ихъ преждевременно въ гвардейскіе полки? Вѣроятно, причиной тому были военныя обстоятельства, — Семилѣтняя война, поглощавшая такъ много людей. Извѣстно, впрочемъ, что казанскіе гимна-

зисты, сверстники Державина, отчасти въ видахъ улучшенія матеріальныхъ условій жизни, сами рвались въ военную службу, и что Московскій университетъ, съ прискорбіемъ замѣчая между ними такое неблагопріятное для науки стремленіе, убѣждалъ начальство гимназіи стараться всѣми мѣрами удерживать понятливыхъ и прилежныхъ учениковъ. Несмотря на то, въ теченіе одного 1761 года изъ гимназіи выбыло тридцать пять человѣкъ для поступленія въ военную службу.

При записаніи Державина въ Преображенскій полкъ, ему изготовленъ былъ паспортъ, по которому онъ могъ пробыть въ гимназіи только до наступленія 1762 года, и который съ тѣхъ поръ оставался въ полковой канцеляріи. По смерти Елизаветы Петровны, новый императоръ, Петръ III, замышляя походъ въ Данію одновременно съ продолжавшеюся семилѣтней войной, приказалъ потребовать на службу въ полки всѣхъ отпускныхъ. Вслѣдствіе этого-то пришла въ гимназію бумага и о Державинѣ. Онъ былъ очень озадаченъ такимъ неожиданнымъ вызовомъ, но надо было ѣхать не теряя времени, потому что, съ истеченія срока отпуску, шелъ уже второй мѣсяцъ. *Я. Гротъ.*

Званка и могила Державина.

Кто понять поэта хочетъ,
Пусть идетъ въ страну поэта,

сказалъ Гете. Если это справедливо по отношенію къ иноземному писателю, то еще справедливѣе, когда рѣчь идетъ о соотечественникѣ. Едва ли можно вполнѣ изучить какого-либо дѣятеля, не побывавъ на мѣстахъ, гдѣ происходила его дѣятельность. Какъ непосредственное знакомство съ живымъ человѣкомъ необходимо для полнаго знакомства съ его личностью, такъ и посѣщеніе мѣстъ, гдѣ нѣкогда жилъ умершій, сближаетъ насъ съ нимъ, воскрешая передъ нами хотя часть обстановки, посреди которой онъ дѣйствовалъ. Притомъ на мѣстахъ сохраняются часто не только драгоцѣнныя для біографа преданія, но и важные письменные документы, съ которыми почти невозможно познакомиться издалека.

Званка, находящаяся на лѣвомъ берегу Волхова, въ пяти верстахъ отъ станціи, принадлежала, собственно, второй женѣ Державина, урожденной Дьяковой; здѣсь онъ проводилъ лѣто

въ послѣдніе годы жизни, здѣсь онъ и умеръ 9-го іюня 1816 г. Вдова его, Дарья Алексѣевна, прожила еще до лѣта 1842 г. Частое сообщество съ архимандритомъ Фотіемъ и графиней Орловой въ Юрьевомъ монастырѣ обратило и ея помыслы къ богоугоднымъ дѣламъ: въ завѣщаніи она объявила волю, чтобы въ этомъ имѣніи положено было основаніе женскому монастырю, духовному училищу или чему-нибудь подобному. Вѣроятно, однакожъ, исполненіе этого плана встрѣтило непреодолимыя препятствія, ибо, несмотря на то, что къ Званкѣ присоединена была для той же цѣли значительная наличная сумма, мысль завѣщательницы до сихъ поръ не осуществилась. Пока время шло послѣ ея смерти, запустѣлая званская усадьба все болѣе и болѣе разрушалась. Наконецъ, въ 1858 году, вслѣдствіе осмотра строеній особою коммиссіей, оказалось нужнымъ господскій домъ разобрать, чтобы уберечь годный еще матеріалъ отъ дальнѣйшаго дѣйствія течи, что и было исполнено. Въ этомъ я могъ удостовѣриться на мѣстѣ. Ѣдущій на пароходѣ по Волхову тщетно сталъ бы искать на возвышенномъ берегу двухэтажный домъ съ мезаниномъ. Берега Волхова отъ Новгорода вообще низки и ровны; но здѣсь земля подымается довольно длиннымъ овальнымъ холмомъ, по срединѣ котораго возвышается домъ; фасадъ его къ рѣкѣ былъ снабженъ балкономъ на столбахъ и каменною лѣстницею, передъ которой былъ фонтанъ; снизу, по уступамъ холма, былъ устроенъ покойный входъ; теперь ничего этого нѣтъ: видны только остатки крыльца, на мѣстѣ самого же дома лежатъ разбросанные кирпичи и сложена груда камней. Рано исполнилось предвѣщаніе поэта, высказанное имъ въ *Жизни Званской*, стихотвореніи, посвященномъ Евгенію Болховитинову, въ то время епископу Старорусскому и викарію Новгородскому:

„Разрушится сей домъ, заглохнетъ боръ и садъ".

Зато не оправдался слѣдующій за этимъ стихъ:

Не вспомнится нигдѣ и имя Званки.

Оно извѣстно всякому образованному русскому. Проѣзжающій по Волхову съ любопытствомъ ищетъ слѣды усадьбы Державина и, не находя ихъ, съ грустью размышляетъ, какъ русскіе не умѣютъ цѣнить и охранять остатки прошлаго, съ которыми соединяются славныя воспоминанія, составляющія предметъ

народной гордости. Влѣво отъ дома, если стоять на берегу лицомъ къ рѣкѣ, былъ садъ, теперь совершенно заросшій; только на отдѣльномъ крутомъ холмѣ видны деревянные столбы бывшей тутъ бесѣдки, около которой еще и до сихъ поръ особенно густо растетъ зелень съ одичалыми цвѣтами. Здѣсь поэтъ любилъ сидѣть и обдумывать новыя созданія, здѣсь, любуясь Волховымъ, онъ заставляетъ его говорить:

Я — мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ:
За старымъ карáваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ.
Наполненъ барками, судами
На парусахъ и бечевой,
Я русскихъ пѣсенъ голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Уцѣлѣли только немногія строенія: баня, гдѣ иногда отводилось помѣщеніе часто многочисленнымъ гостямъ, съѣзжавшимся въ Званку, каретный сарай и часовня. Стоявшая внизу, вправо отъ усадьбы, ткацкая, гдѣ приготовлялись сукна и полотна, совершенно исчезла. Но сзади мѣста, гдѣ былъ господскій домъ, виденъ теперь навѣсъ, подъ которымъ сложены разныя бревна и доски его, и тамъ же два каменные небѣленые флигеля, построенные для келій предполагавшагося монастыря. Все здѣсь тихо, пустынно, мрачно; а было время, когда на этомъ мѣстѣ кипѣла жизнь привольная и шумная.

Бытъ и хозяйство Званки, не смотря на извѣстную расчетливость Дарьи Алексѣевны, были устроены на широкую ногу: домъ и садъ часто оглашались веселымъ говоромъ оживленнаго общества, громомъ музыки, даже пушекъ. Къ такимъ-то днямъ относится то, что Державинъ говоритъ о своей усадьбѣ.

Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осѣявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая,
Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками.

Или описываемый имъ тутъ же обѣдъ, состоящій изъ блюдъ, которыя

Прекрасны, потому что взоръ манятъ мой, вкусъ.
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравый,
Но молча вдругъ встаетъ; бьетъ, искрами горя
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.

Но въ обыкновенные дни

Возможно ли сравнить что съ вольностью златою,
Съ уедиченіемъ и тишиной на западѣ?

Поэтъ самъ разсказываетъ намъ, какъ онъ проводилъ одинъ изъ такихъ дней то въ полѣ, то въ свѣтлицѣ, гдѣ онъ дивится въ „Вѣстникѣ", въ газетахъ иль журналахъ россіянъ храбрости, куда приходитъ врачъ сельской больницы.

Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усатый староста иль скопидомъ брюхатый
Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ
Съ улыбкой часто плутоватой,
Дворовыхъ между тѣмъ крестьянскихъ рой дѣтей
Сбираются ко мнѣ не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Мѣстныя преданія подтверждаютъ эту черту въ сельской жизни Державина. Крестьяне, помнящіе его, говорятъ, что онъ былъ для нихъ истиннымъ отцомъ: бѣднымъ покупалъ лошадей, давалъ хлѣбъ и строилъ дома. Въ послѣдніе годы жизни онъ вставалъ въ 6 часовъ утра, выходилъ на крыльцо, гдѣ его каждое утро ожидало до 30 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, садился среди нихъ, заставлялъ читать молитвы и раздавалъ имъ разныя сласти. Часовъ въ 11 уходилъ онъ въ кабинетъ или въ бесѣдку, о которой мною было уже упомянуто, и занимался, съ небольшими перерывами, всю остальную часть дня, нерѣдко подъ звуки музыки или хора пѣвчихъ изъ своихъ крестьянъ. Обыкновенной его одеждой въ деревнѣ былъ простой

изъ домашней матеріи халатъ, подпоясанный ниже живота, такъ какъ онъ любилъ носить за пазухой собачку, съ которой не разставался до самой смерти своей. Въ праздничные дни послѣ обѣдни крестьяне и крестьянки собирались около господскаго дома, составляли хороводы и веселились тамъ до вечера. Державинъ изъ своихъ рукъ потчевалъ водкой крестьянъ и раздавалъ ленты, платки и лакомства крестьянкамъ. Когда въ саду поспѣвали яблоки, то почти каждый праздникъ въ заключеніе гулянья выносили нѣсколько мѣшковъ яблокъ, высыпали подъ гору, и крестьяне съ шумомъ бросались подбирать ихъ. Хозяинъ былъ онъ плохой и, прогуливаясь въ полѣ, не обращалъ никакого вниманія на работы, тогда какъ появленіе колоссальнаго образа жены его уже издали наводило страхъ на лѣнивыхъ. Преосвященный Евгеній былъ въ 1807 году въ Званкѣ и написалъ по этому случаю стихи:

Средь сихъ болотъ и ржавинъ
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ Державинъ.

На память этого-то посѣщенія и былъ нарисованъ видъ Званки, съ котораго снимокъ появился въ Вѣстникѣ Европы. Евгеній получилъ его при слѣдующихъ стихахъ Державина:

На память твоего, Евгеній, посѣщенья
Усадьбы маленькій изображенъ тутъ видъ;
Какъ Меценатомъ былъ Горацій въ восхищеньи,
Такъ былъ обрадованъ тобой мурза-піитъ.

Тѣ и другіе стихи написаны на оборотѣ подлиннаго рисунка, принадлежащаго Кіевской Духовной Семинаріи, но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ вѣрнаго.

Единственное населеніе Званки въ настоящее время составляетъ семейство священника, живущее въ убогомъ старомъ домикѣ на самомъ берегу Волхова; единственное зданіе, возвышающееся въ величіи и славѣ, церковь, построенная уже послѣ Державина, въ 1821 году, но еще имъ самимъ заложенная. Глядя на все, какъ не вспомнить восклицанія, вырвавшагося изъ груди поэта въ *Жизни Званской:*

Вся суета суетъ! и воздыхая мню...

. . . .

Да будетъ на земли и въ небесахъ Его
Единаго во всемъ вседѣйствующая воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя Имъ доля.

Предъ выходомъ въ отставку (въ 1804 г.) Державинъ каждой весной переѣзжалъ на Званку и оставался тутъ до глубокой осени. Здѣсь бывалъ всегда пиръ горой въ дни его рожденія и именинъ: 3-го и 13-го іюля, на которыя съѣзжались сюда изъ Петербурга и другихъ мѣстъ родные его, пріятели и знакомые. Въ послѣднее лѣто, вступая въ 74-й годъ жизни, онъ страдалъ подагрой. День рожденія былъ отпразднованъ благополучно, но до именинъ ему не суждено было дожить. Ночью, часу во второмъ, Державина не стало. На противоположномъ берегу Волхова, верстахъ въ 35 отъ Званки, лежитъ Хутынь монастырь. Туда поздно вечеромъ повезли тѣло Державина на траурной лодкѣ: гробъ стоялъ на катафалкѣ подъ балдахиномъ. Тихо плыла мрачная лодка при мерцаніи факеловъ, мѣрномъ плескѣ веселъ и погребальномъ пѣніи. Таинственна казалась эта ночная картина, достойная воображенія навѣкъ уснувшаго поэта, умѣвшаго рисовать смерть такою могучею кистью. Державинъ похороненъ въ придѣлѣ соборной церкви монастыря, противъ мѣстнаго собора Пресвятыя Богородицы: надъ гробомъ, на каменномъ полу, высѣчена надпись. Въ сторонѣ, противъ стѣнной ниши, за чугунною рѣшеткой, стоитъ мраморный памятникъ; надъ высокимъ четвероугольнымъ пьедесталомъ, передняя сторона котораго съ мѣдною доскою съ надписью, возвышается мраморная же урна, а у подошвы надъ ступенями мѣдная лира. Вверху ниши, предъ образомъ Спасителя, горитъ неугасимая лампада. Такимъ образомъ здѣсь, благодаря совѣстливости монастырскаго начальства, строго исполняется распоряженіе вдовы Державина, назначившей на содержаніе лампады и на поминовеніе мужа проценты съ 3 тысячъ рублей, пожертвованныя ею на этотъ предметъ. Только зимою холодъ и сырость не даютъ горѣть лампадѣ. Не такова была участь другого подобнаго распоряженія, сдѣланнаго самимъ Державинымъ въ селѣ Егорьевкѣ (Казанской губерніи, Лаишевскаго уѣзда). Тамъ похоронены родители Державина. Въ 1783 году онъ опредѣлилъ на вѣчныя времена небольшую ежегодную сумму съ лежащихъ въ ско-

лодкѣ имѣній своихъ, на поминаніе разъ въ недѣлю предковъ его. Къ удивленію моему, нынѣшній священникъ села Егорьева даже и не зналъ ничего о такомъ распоряженіи и, услышавъ о немъ первый разъ отъ меня, тщетно перерылъ весь церковный архивъ для отысканія подлинной бумаги. Мнѣ не извѣстно, нашлась ли она послѣ моего отъѣзда. Передъ гробницею Державина приходятъ на память слова его:

„Въ могилѣ буду я, но буду говорить".

Тому, кто безъ предубѣжденія развернетъ написанное имъ, онъ скажетъ много и вѣрнаго и разительнаго, много такого, что и въ примѣненіи къ настоящему времени не потеряло своего глубокаго смысла, да и никогда не утратитъ его. Понимая многообъемлющія способности русскаго народа, онъ указалъ ему великую роль въ будущемъ Европы. Въ одѣ „На взятіе Измаила" поэтъ, изобразивъ въ могучихъ образахъ ходъ судебъ этого народа, мечтаетъ объ участіи его въ водвореніи прочнаго европейскаго мира и, наконецъ, восклицаетъ

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь главы вѣнчанны
Его безцѣнну кровь щадить;
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотой сердца плѣнить;
Вы можете его рукою
Всегда войной и не войною
Весь міръ себя заставить чтить.

Гротъ.

Державинъ какъ писатель и человѣкъ.

Долго имя Державина совмѣщало въ себѣ понятіе и литературнаго, и гражданскаго величія. При жизни своей онъ пользовался славой геніальнаго поэта и заслуженнаго сановника. Въ печати выражалось безусловное благоговѣніе къ его таланту: изрѣдка появлялись, правда, рукописные пасквили на нѣкоторыя обстоятельства его служебной дѣятельности, но въ литературѣ не слышалось ни одного голоса противъ него. Еще и

въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія журналы единогласно превозносили его: это мы видимъ въ *Сынѣ Отечества,* въ *Московскомъ Телеграфѣ,* въ *Библіотекѣ для Чтенія* и пр. Лучшіе представители русской мысли выражали глубокое уваженіе къ Державину. Назовемъ для примѣра княгиню Дашкову, И. И. Шувалова, Дмитріева, Карамзина, М. Н. Муравьева, Болховитинова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Полевого, С. Т. Аксакова. Хотя уже и Мерзляковъ изрѣдка съ робостью намекалъ на недостатки въ одахъ Державина, но только въ началѣ 1840-хъ годовъ его впервые призвала на судъ болѣе взыскательная критика: Бѣлинскій, не менѣе высоко цѣня его талантъ, выставилъ однакожъ слабыя стороны его произведеній, именно невыдержанность ихъ въ цѣломъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, отсутствіе художественности въ отдѣлкѣ и примѣсь реторики. Но, признавая эти недостатки, Бѣлинскій въ то же время говоритъ: „Нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая по своему преобладающему элементу поэзія этого могучаго таланта... Талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи... Богатырь поэзіи по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчателенъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи... Не съ легкою ношею, а весь дойдетъ Державинъ до позднѣйшаго потомства...“ Такимъ образомъ Бѣлинскій, какъ онъ самъ впослѣдствіи высказалъ, умѣлъ равно уберечься „и отъ дѣтскаго безотчетнаго восторженнаго удивленія къ Державину, и отъ ложной гордости успѣхами современности, гордости, которая мѣшаетъ отдавать справедливость заслугамъ прошедшаго“.

Но совершенный переворотъ во взглядахъ большинства нашихъ литературныхъ судей на Державина произошелъ внезапно въ концѣ 50-хъ годовъ. Это было въ тѣсной связи съ обнаружившимся въ началѣ нынѣшняго царствованія, послѣ крымской войны, движеніемъ во внутренней жизни Россіи: какъ нарочно, въ то самое время въ первый разъ появились записки Державина. Не задолго передъ тѣмъ въ литературѣ возникло новое

направленіе, весьма мѣтко названое *обличительнымъ*. Оно было тогда въ полномъ разгарѣ. Записки Державина представляли обширное поле для приложенія къ писателю и гражданскому дѣятелю вновь заявленныхъ требованій. Державинъ имъ не удовлетворялъ, и вотъ на него ополчилась почти вся тогдашняя наша печать. Современникамъ открылось любопытное и поучительное зрѣлище. Выходки противъ Державина сдѣлались любимою темой журнальныхъ критиковъ, хотѣвшихъ прослыть передовыми людьми; не безъ злорадства пользовались всякимъ случаемъ, чтобы кстати и некстати бросить грязью въ сверженнаго идола. Настало время, которое предсказывалъ поэтъ, когда, воображая свой бюстъ на царскосельской колоннадѣ, онъ обращался съ самому себѣ съ словами:

„Увы! легко случиться можетъ,
Поставятъ и тебя льстецомъ...
. . . .
То, можетъ быть, и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца, ступень съ ступени,
И скатится въ древесны тѣни...“

Въ Державинѣ стали отрицать всякое достоинство: его бранили въ журналахъ и учебникахъ, бранили съ профессорскихъ каѳедръ, бранили на школьныхъ скамьяхъ. Къ сожалѣнію, эта односторонняя хула, смѣнившая прежній безсознательный восторгъ, часто отзывалась ожесточеніемъ, несовмѣстнымъ съ просвѣщенной критикой, и большею частью обличала въ судьяхъ самыя поверхностныя понятія о томъ, что составляло предметъ ихъ безпощадныхъ приговоровъ. Здѣсь опять невольно припоминаются какъ бы пророческія слова, сказанныя Бѣлинскимъ въ статьѣ о Державинѣ за шестнадцать лѣтъ до эпохи, о которой рѣчь идетъ: „Чѣмъ одностороннѣе мнѣніе“, замѣтилъ онъ, „тѣмъ доступнѣе оно для большинства, которое любитъ, чтобъ хорошее непремѣнно было хорошимъ, а дурное дурнымъ, и которое слышать не хочетъ, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ вмѣщалъ въ себѣ и хорошее и дурное. Вотъ почему толпа, узнавъ, что за какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ водились слабости, свойственныя малымъ людямъ, всегда

готова сбросить великаго съ его пьедестала и ославить его негодяемъ и безнравственнымъ человѣкомъ".

Но такимъ прискорбнымъ ослѣпленіемъ не могли заразиться люди, понимавшіе, что каковы бы ни были недостатки, раскрытые въ Державинѣ его записками, сущность его таланта и значеніе его въ литературѣ нисколько отъ того не измѣнялись. Тогда-то II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ рѣшилось безотчетному осужденію поэта противопоставить полное историко-критическое изданіе сочиненій его, какъ самое широкое и твердое основаніе для серьезной критики. Никто не станетъ отрицать, что этотъ трудъ, въ характерѣ котораго съ самаго начала легко было замѣтить отсутствіе всякаго пристрастія, мало-помалу способствовалъ къ возстановленію въ обществѣ болѣе спокойнаго отношенія къ Державину. Впрочемъ, тутъ дѣйствовала конечно и та отрезвляющая охота къ изученію прошлаго, которая съ 60-хъ годовъ стала замѣтно развиваться въ русскомъ читающемъ мірѣ. По мѣрѣ того, какъ расширялся его кругозоръ, гулъ легкомысленнаго глумленія надъ поэтомъ болѣе и болѣе умолкалъ, яснѣе и яснѣе становилось его историческое значеніе. Правда, и теперь еще слышатся отголоски вызванной имъ бури: и теперь еще появляются статьи, въ которыхъ не жалѣютъ красокъ, чтобъ представить неблагопріятные для его памяти факты въ преувеличенномъ или даже извращенномъ видѣ: и теперь еще разсѣянные въ учебникахъ нападки на Державина поддерживаютъ въ школѣ какое-то исключительное предубѣжденіе противъ этого писателя: но по крайней мѣрѣ уже весьма многіе понимаютъ, что крайности въ этомъ направленіи устарѣли и стали смѣшными; уже и въ литературѣ, и въ школѣ встрѣчаются безпристрастныя и здравыя сужденія о Державинѣ.

Мы сами далеки отъ преувеличенія заслугъ его; но думаемъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ литературной и общественной исторіи русскаго народа. Если мы, несмотря на заблужденія и слабости другихъ писателей, — Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, даже ославленнаго Тредьяковскаго, — внимательно знакомимся съ трудами ихъ, то не заслуживаетъ ли и Державинъ серьезнаго изученія? Въ ряду русскихъ людей всѣхъ вѣковъ онъ всегда останется знаменитымъ историческимъ лицомъ. По силѣ и самобытности таланта онъ былъ конечно первымъ рус-

скимъ поэтомъ 18-го столѣтія и однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей поэзіи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Кромѣ того, онъ игралъ замѣтную роль въ администраціи и общественной жизни; имя его тѣсно связано со многими памятными событіями второй половины прошлаго и начала нынѣшняго вѣка.

Призваніе писателей — развивать и направлять духовную жизнь народа. Они должны будить въ немъ мысль и поддерживать уваженіе ко всему, что дорого для человѣчества. Особенно важно призваніе литературы въ такія эпохи, когда общество еще мало образовано, когда въ немъ преобладаютъ невѣжество и чувственные инстинкты: тогда писатель, здраво понимающій свою задачу, можетъ имѣть на своихъ согражданъ великое нравственное и воспитательное вліяніе. Таково именно было положеніе Державина: когда еще не была выработана у насъ простая и легкая прозаическая рѣчь, онъ заговорилъ новымъ по звучности и складу русскимъ стихомъ; очаровывая читателей, онъ пробуждалъ въ нихъ возвышенныя чувства и ставилъ передъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и сановниковъ, напоминая въ яркихъ образахъ святыя истины. вѣчные законы добра и чести. При всемъ несовершенствѣ своихъ одъ со стороны художественной выдержки и внѣшней отдѣлки, онъ вполнѣ удовлетворялъ тогдашнимъ эстетическимъ требованіямъ. Такимъ образомъ онъ безспорно отвѣчалъ потребностямъ своего времени, и вотъ въ чемъ можетъ быть заключалась одна изъ главныхъ причинъ его необычайнаго успѣха.

При изображеніи дѣятеля другой эпохи надо всего болѣе остерегаться часто повторяющейся между нами ошибки, именно обсужденія и оцѣнки понятій и поступковъ его по отношенію къ нынѣшнимъ требованіямъ. Какъ ни избита осуждающая этотъ пріемъ истина, считаемъ не лишнимъ напомнить ее. Конечно, для насъ поэзія Державина утратила значительную долю своего обаянія; но съ исторической точки зрѣнія мы должны цѣнить ее тѣмъ выше, что школьное образованіе его было крайне плохо, что вся обстановка его, съ самаго вступленія въ свѣтъ, была въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его наклонностями и могла бы подавить ихъ, если бъ они были слабѣе. Зная сферу, въ которой онъ провелъ свою молодость и первые годы зрѣлаго возраста, мы не можемъ не удивляться относительной

высотѣ достигнутаго имъ развитія, силѣ самороднаго дарованія, вышедшаго съ такимъ блескомъ изъ борьбы съ обстоятельствами. Новѣйшіе критики часто упрекали его за лесть, за корыстныя побужденія въ творчествѣ: мы только спросимъ, такія ли побужденія заставляли его неустанно трудиться надъ усовершенствованіемъ своего таланта, читать и распространять свои свѣдѣнія и въ душной атмосферѣ казармы, и въ тревогахъ походной жизни, и въ охлаждающемъ умъ канцелярскомъ быту. Ни военная служба, ни соприкосновеніе съ бюрократіей, ни наконецъ дворская жизнь не погубили его дарованія; за любовь къ литературѣ его гналъ начальникъ, бранилъ чиновный людъ, осмѣивали царедворцы; но онъ все-таки остался вѣренъ своему призванію и до конца не измѣнилъ поэзіи. Многіе въ наше время утверждали, что самъ онъ ставилъ свою службу выше авторства, но это несправедливо: мысль его стиха: „а я піитъ, и не умру" была не разъ выражаема имъ и въ другихъ формахъ. Если иногда онъ говорилъ, что пишетъ только *въ свободное отъ дѣлъ время*, то это было лишь для успокоенія другихъ, для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ начальства и тѣхъ, которые твердили, что стихотворство мѣшаетъ дѣлу, что писатель не годенъ для службы.

Какъ государственный человѣкъ, онъ конечно не пріобрѣлъ особеннаго значенія для потомства, оставилъ менѣе слѣдовъ своего существованія; но и на этомъ поприщѣ онъ памятенъ по своей энергіи, честности, человѣчности и гражданскому мужеству. Многіе общественные вопросы рѣшались имъ съ замѣчательнымъ практическимъ смысломъ; многія тяжебныя дѣла окончены имъ съ полнымъ безпристрастіемъ и справедливостью, снискивали ему общее довѣріе и славу неподкупнаго судьи. Часто его избирали въ третейскіе судьи и опекуны. Не много было русскихъ людей, которые бы въ такой мѣрѣ, какъ онъ, умѣли соединить литературную дѣятельность съ общественной и служебной. Чтобы убѣдиться въ томъ, стóитъ хоть слегка пробѣжать семь томовъ его сочиненій, изъ которыхъ послѣдній, содержащій его труды въ прозѣ, могъ бы разрастись въ нѣсколько такихъ же объемистыхъ книгъ, если бъ мы не ограничились въ немъ строгимъ выборомъ изъ всего имъ написаннаго прозаическою рѣчью. Ту же разборчивость соблюдали мы впрочемъ и при печатаніи его переписки и неизданныхъ, особенно драматическихъ, сочиненій его и переводовъ. И все

это писалось посреди столь же кипучей практической дѣятельности, среди исполненія должностныхъ обязанностей и порученій службы на разныхъ поприщахъ. И между тѣмъ рукописи его, исчерченныя поправками, показываютъ, что онъ не легко удовлетворялся тѣмъ, что выливалось изъ-подъ пера его, что онъ не только въ стихахъ, и въ прозѣ часто возвращался къ первымъ набросками своимъ, измѣнялъ, а иногда и совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ то, что писалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ много читалъ: изъ самыхъ сочиненій его и собственныхъ его объясненій къ нимъ можно видѣть, сколько произведеній древней и новой литературы, отчасти весьма обширныхъ, было ему извѣстно, и какъ хорошо онъ помнилъ прочитанное.

Въ 18-мъ вѣкѣ рѣзкіе, угловатые характеры были гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ въ наше время, когда болѣе распространенное между всѣми сословіями и притомъ болѣе искусственное воспитаніе подводитъ всѣхъ подъ одинъ довольно общій уровень образованія и на всѣхъ кладетъ однообразную печать сдержанности и приличія. Вмѣсто внѣшняго сходства формъ и пріемовъ прежніе люди зачастую обнаруживали особенности, которыя въ наше время навлекаютъ на человѣка кличку чудака. „Своеобразіе“, по замѣчанію князя Вяземскаго, „обыкновенная принадлежность людей стараго чекана“. Такихъ людей можно встрѣтить не мало, напр., въ лѣтописяхъ европейскихъ университетовъ за прошлое столѣтіе; въ наше время мы причислили бы къ подобнымъ характерамъ также Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго. Къ тому же разряду людей можно отнести и Державина. Его отзывъ о самомъ себѣ, „что горячъ и въ правдѣ чортъ“ (II. 78), небылъ самохвальствомъ. Эту сторону своей личности выказалъ онъ преимущественно въ многочисленныхъ ссорахъ и горячихъ спорахъ съ своими начальниками и сослуживцами, когда ради строгаго соблюденія закона не хотѣлъ допускать въ ихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшаго произвола; изъ этого благороднаго источника происходили и столкновенія его съ самой императрицей, когда онъ удостоился приближенія къ ней.

Для оцѣнки характера его въ связи со всею эпохою, къ которой онъ принадлежалъ, необходимо вглядѣться въ замѣчательный ходъ его службы, представляющей непрерывный рядъ смѣнявшихся, какъ приливъ и отливъ, возвышеній и паденій,

успѣховъ и неудачъ. Сынъ бѣднаго дворянина, не получившій почти никакого воспитанія, чему обязанъ онъ своимъ сравнительно блестящимъ положеніемъ во второй половинѣ царствованія Екатерины? Съ одной стороны, безъ сомнѣнія, самому себѣ, но съ другой — и особенному характеру этого царствованія. Быстрыя разнородныя способности Державина, его энергія, смѣлость и подвижность, его поэтическій даръ въ такомъ вѣкѣ, когда литературные труды высоко цѣнились монархами, все это не могло не выдвинуть его впередъ и не обратить на него милостей государыни, которая, любя отличать все необыкновенное, еще болѣе готова была возвышать умѣвшихъ хвалить и прославлять ее. Будь Державинъ человѣкъ дюжинный или, по крайней мѣрѣ, менѣе тревожный, не столько рѣшительный и настойчивый, онъ, послѣ перваго паденія, вѣроятно уже не поднялся бы вторично. Но онъ не успокоивался отъ неудачъ: послѣ каждой невзгоды онъ снова начиналъ борьбу съ обстоятельствами и всякій разъ выходилъ изъ нея побѣдителемъ. Только въ старости, при императорѣ Александрѣ I, чуждый движенію встрепенувшагося общества, Державинъ долженъ былъ уступить напору новыхъ идей и окончательно сойти съ поприща гражданской дѣятельности. Возвысясь довѣріемъ императрицы и двухъ государей, онъ не хотѣлъ для поддержанія себя въ ихъ милости жертвовать своими убѣжденіями и не сохранилъ вполнѣ благоволенія ни одного изъ трехъ монарховъ, а въ послѣднее царствованіе подвергся даже совершенной опалѣ. Своими, иногда ошибочными, взглядами, нѣкоторыми поступками, которые съ точки зрѣнія нравственнаго достоинства, конечно, не могутъ быть оправданы, онъ платилъ дань своему вѣку и особенно жалкому своему воспитанію. Мы не можемъ также отрицать въ немъ излишней самоувѣренности, заносчивости, всегдашней наклонности къ превышенію власти, непомѣрнаго самолюбія и самообольщенія, изъ которыхъ истекала также его податливость вліянію лести и похвалы; но зато твердость, съ какою онъ отстаивалъ свои мнѣнія и правила, самое отсутствіе въ немъ всякой уклончивости и уступчивости въ сношеніяхъ даже съ такими людьми, отъ которыхъ зависѣла его судьба, многія общественныя заслуги, его горячее сочувствіе всякому истинному величію, всякому благородному порыву и поступку, его добродушіе и просвѣщенное отношеніе къ подчиненнымъ ему лицамъ и подвластнымъ людямъ, при-

миряютъ насъ съ Державинымъ, какъ человѣкомъ, и не позволяютъ намъ слишкомъ рѣзко или иронически осуждать его недостатки. *Гротъ.*

Значеніе Державина.

Первый шагъ къ измѣненію у насъ характера оды 18-го столѣтія, введенной Ломоносовымъ, а вмѣстѣ и первый шагъ къ переходу русской поэзіи въ новый періодъ былъ сдѣланъ Державинымъ. Въ *Фелицѣ* и въ примыкающихъ къ ней стихотвореніяхъ онъ создалъ новый родъ оды, который можно назвать русской народной одой. Но найдя въ ней настоящую сферу для своего поэтическаго призванія, Державинъ не могъ вполнѣ отречься и отъ торжественной лирики, въ которой съ неменьшимъ блескомъ являлся его талантъ къ изображенію великихъ дѣлъ и помысловъ человѣка или картинъ природы. Жаль только, что богатству воображенія и высокому настроенію духа не вполнѣ соотвѣтствовали у него умѣнье владѣть языкомъ и художественное чувство. Конечно, и торжественныя оды его, по оригинальности замысла и достоинству подробностей, не похожи на другія стихотворенія этого рода; но нельзя отрицать, что рядомъ съ первоклассными красотами поэзіи у него встрѣчается реторическій паѳосъ, и иногда, послѣ поразительнаго возвышенія, поэтъ вдругъ падаетъ, а въ то же время и языкъ его мѣстами становится въ высшей степени небрежнымъ и неправильнымъ.

Неровность языка составляетъ въ немъ одно изъ загадочныхъ на первый взглядъ явленій. Съ одной стороны, кажется страннымъ, какъ человѣкъ, не знающій основательно ни грамматики, ни орѳографіи, часто достигаетъ такой пластичности выраженія, такого плавнаго и легкаго стиха, такой ловкой и звучной поэтической фразы, какія свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тяжелая, запутанная, неуклюжая проза; наконецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣніемъ теоріи слова у него является удивительное богатство матеріала изо всѣхъ сферъ языка: изъ церковнославянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго и даже изъ областныхъ нарѣчій. Такимъ образомъ онъ представляетъ блистательное исключеніе изъ высказаннаго Сумароковымъ правила:

„Нельзя, чтобь тотъ себя письмомъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ".

Но противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразные формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественной стройности произведенія, и оттого-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ. Естественно, что послѣ совершенства, достигнутаго позднѣйшими поэтами не только въ формѣ, но и въ художественной разработкѣ содержанія, недостатки поэзіи Державина должны сильно чувствоваться въ настоящее время.

Но нашъ взглядъ на писателя другой эпохи никогда не будетъ вѣренъ, если мы, увлекаясь только требованіями настоящаго, не будемъ умѣть стать твердо на почву исторической критики. Посмотримъ теперь, чѣмъ Державинъ былъ для своихъ современниковъ.

Конечно, тогдашнее общество сознавало живую его связь съ собою: иначе оно не могло бы такъ горячо сочувствовать его поэзіи. Потомкамъ трудно представить себѣ неимовѣрную славу, какою Державинъ пользовался въ свое время. Послѣ Ломоносова въ русской литературѣ только и было два писателя, къ которымъ такъ чутко и восторженно прислушивалось общество: Державинъ и Пушкинъ. Всякое новое произведеніе ихъ переписывалось сотнями рукъ, быстро разносилось въ отдаленнѣйшіе концы Россіи и выучивалось наизусть; часто даже и напечатанные стихи ихъ продолжали распространяться въ спискахъ. Державинъ еще и при императорѣ Александрѣ I сохранялъ прежнее обаяніе. Когда въ 1804 г. онъ переслалъ въ Москву извѣстному графу А. И. Мусину-Пушкину оттискъ своей только что отпечатанной *Колесницы*, тотъ писалъ къ нему: „напрасно не поставили вы своего имени: всѣ тѣ, которые

у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копій столько писецъ мой писалъ по требованіямъ желающихъ, что, думаю, онъ знаетъ ее теперь наизусть". Въ современныхъ поэту періодическихъ изданіяхъ и рукописныхъ сборникахъ встрѣчается множество стиховъ, которыхъ предметомъ онъ, его талантъ, его громкая слава, наконецъ его достоинства и заслуги: справедливость, любовь къ добру и къ человѣчеству, преслѣдованіе лжи и порока.

Поэтому любопытно изслѣдовать, что именно въ такой степени влекло къ нему современниковъ, почему они такъ понимали и цѣнили его. Необходимо всмотрѣться, дѣйствовали ли на нихъ вѣчные, не старѣющіеся элементы поэзіи, или только случайные интересы минуты, теряющіе цѣну для потомства.

Когда началась литературная извѣстность Державина, прошло уже около двадцати лѣтъ съ воцаренія Екатерины; уже давно славился ея *Наказъ,* учреждены были банки и воспитательные дома, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже всѣ сознавали кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную хвалу, но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда-то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое, игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить. Въ *Фелицѣ* воплотилась геніальная Екатерина не только со всѣмъ своимъ величіемъ, но и со всею своею глубокою человѣчностью, со своими либеральными воззрѣніями и цѣлями, со своею снисходительною привѣтливостью, съ своими литературными занятіями въ тиши царственнаго кабинета. Притомъ она явилась тутъ не одна, но во всемъ блестящемъ своемъ окруженіи, въ средѣ своихъ пышныхъ и прихотливыхъ вельможъ. Въ описаніи ея и ихъ образа жизни, въ тонѣ обращенія поэта къ сильнымъ міра, обитающимъ на высотахъ, считавшихся недосягаемыми, было столько новаго и смѣлаго, что образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало появленіе необыкновеннаго таланта.

Но *Фелица* имѣла еще и другое, чисто-литературное значеніе. Незадолго передъ тѣмъ начали слышаться выходки

противъ тяжелыхъ, бездушныхъ одъ, которыя наводняли литературу: уже ощущалась потребность чего-нибудь болѣе живого, и *Фелица* явилась неожиданнымъ отвѣтомъ на эту потребность. Шуточно-сатирическій тонъ этой оды, простой языкъ ея и легкій, естественный стихъ были такъ поразительны, что произведенное ею впечатлѣніе можетъ быть сравнено развѣ только съ тѣмъ, какое ода Ломоносова на взятіе Хотина произвела на его современниковъ своимъ новымъ размѣромъ и складомъ.

Но самымъ существеннымъ успѣхомъ *Фелицы* была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немыслимо полное торжество таланта, сдѣлалось одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства онъ не могъ воодушевляться: тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно, чтобы дать крылья его таланту; оды *Изображеніе Фелицы* и *На восшествіе на престолъ императора Павла,* хотя и предпринятыя имъ по внѣшнему побужденію, удались ему потому, что онъ дѣйствительно чувствовалъ все въ нихъ сказанное. Напротивъ, когда императрица приблизила его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ *Фелицы,* онъ не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говоритъ, приближеніе ко двору, гдѣ онъ увидѣлъ передъ собою игру человѣческихъ страстей, охладило его, и онъ уже „почти ничего не могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу государыни".

Придворнымъ стихотворцемъ Державинъ никогда не былъ и не могъ быть. Правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности; но тому противились, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой — энергическій его характеръ. Хвалебное стихотворство, какимъ оно является при разныхъ европейскихъ дворахъ прошлаго столѣтія, отличается холодною высокопарностью и бездушною сухостью. Поэзія Державина остается чуждою этого характера, и если нѣкоторыя изъ его одъ по направленію дѣйствительно подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣяннымъ въ нихъ

красотамъ онѣ носятъ однакожъ печать истинно поэтическихъ созданій. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всѣмъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалилъ его музыкальный талантъ и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ въ его домѣ Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастіемъ въ Польшѣ и подвигомъ въ Персіи: Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда они были въ немилости и въ какую же пору? въ царствованіе императора Павла.

Главная ода Державина въ честь Потемкина написана была по смерти его. *Водопадомъ* онъ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ свое глубоко-поэтическое пониманіе этого необыкновеннаго человѣка, который еще далеко не разъясненъ исторiею, но конечно не даромъ сохранилъ до конца полную довѣренность Екатерины и оставался во всѣхъ обстоятельствахъ ея совѣтникомъ — „рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ, могущъ, хотя и не въ порфирѣ". Въ этой удивительной одѣ Державинъ проявилъ во всей полнотѣ именно ту сторону своего духа, въ которой главнымъ образомъ заключалась тайна его могущественнаго дѣйствія на современниковъ. *Пѣвцомъ величія* назвалъ его Гоголь, и это слово чрезвычайно мѣтко. Такимъ является Державинъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ выразитель великихъ обще-человѣческихъ идей и какъ пѣвецъ величія Россіи и русскаго народа.

Если обратимся къ общимъ направленіямъ 18-го столѣтія, то найдемъ, что важная дума о человѣкѣ, его отношеніи къ высшему міру и положеніи въ здѣшнемъ составляла вездѣ одну изъ господствующихъ темъ литературы и искусства. Это настроеніе проникло и къ намъ; но тогда какъ у другихъ русскихъ писателей оно порождало только скучное прозаическое нравоученіе, у Державина оно становилось основою сильнаго и глубокаго лиризма. Даже и изъ лириковъ другихъ націй не было ни одного, который бы такими рѣзкими чертами, въ такихъ потрясающихъ картинахъ умѣлъ выставлять противоположность между роскошью земныхъ наслажденій и ихъ непрочностью и вмѣстѣ такъ осязательно изображать высоту духовной нашей природы.

Насъ не должно поражать, что Державинъ въ дѣйствительной жизни самъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ высшаго нравственнаго закона. Въ немъ живутъ какъ бы *два человѣка:* одинъ въ минуты творчества, съ величавымъ, недосягаемымъ идеаломъ человѣческаго достоинства, другой — въ треволненіяхъ житейской суеты, со всѣми страстями человѣческой природы. Эту двойственность поэта прекрасно выразилъ Пушкинъ, сознававшій ее въ самомъ себѣ; и къ Державину, столько же какъ къ нему самому, примѣняется сказанное имъ о поэтѣ, поглощаемомъ прозою жизни:

„Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ“.

Зная исторію дѣтства и юности Державина, мы недоумѣваемъ, какъ могъ развиться такой высокій идеалъ въ человѣкѣ, который не получилъ почти никакого воспитанія и провелъ лучшій возрастъ въ самомъ дурномъ обществѣ, — сперва рядовымъ въ низшей полковой сферѣ, а потомъ офицеромъ въ омутѣ разврата, въ праздности, въ карточной игрѣ и разгулѣ всякаго рода. Но здѣсь мы находимъ и разгадку явленія. Изъ гибельной борьбы страстей эта сильная натура вышла съ торжествомъ, благодаря глубоко запечатлѣннымъ въ молодой душѣ воспоминаніямъ дѣтства и опытамъ жизни.

Дорого купленное нравственное перерожденіе отразилось въ поэзіи Державина религіознымъ ея направленіемъ въ послѣдующее время. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого направленія была его ода *Успокоенное невѣріе*, которая, по собственнымъ его словамъ, первая обратила на него вниманіе любителей литературы, вѣроятно переработанная имъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго ея зарожденія. Такимъ образомъ и въ области духовной лирики, въ которой вѣнцомъ его славы сдѣлалась впослѣдствіи ода *Богъ*, Державинъ собственнымъ опытомъ выстрадалъ свое творчество, и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ той искренностью, на которую уже было указано, какъ на одно изъ существенныхъ свойствъ его духа, съ тѣмъ чистосердечіемъ, о которомъ самъ онъ говоритъ въ своемъ *Признаніи*.

Объ одѣ *Богъ* въ наше время судили различно. Со своей стороны замѣчу только, что причину ея безпримѣрнаго успѣха должно искать въ силѣ ея лирическаго полета, глубинѣ религіознаго убѣжденія и величіи начертанныхъ въ ней образовъ. Сравнивъ оду *Богъ* съ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ въ томъ же родѣ, мы будемъ невольно поражены ея превосходствомъ со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности. Въ отношеніи къ его духовной поэзіи вообще, можно прибавить, что въ ней, по замѣчанію покойнаго митрополита кіевскаго Арсенія, обнаруживается большое знаніе церковнаго богословія.

Потрясая своихъ современниковъ, какъ защитникъ Божіей правды на землѣ, Державинъ не менѣе возбуждалъ ихъ сочувствіе пламеннымъ изображеніемъ величія судебъ Россіи, ея исполинской силы и обширности, ея грознаго торжества надъ всѣми врагами. То была пора гордаго юношескаго самосознанія русскаго общества, и Державинъ сдѣлался органомъ этого сознанія, или вѣрнѣе, самочувствія. Какъ глубоко и твердо вѣритъ онъ въ несокрушимость Россіи, въ высокое назначеніе русскаго народа!...

Для таланта Державина было особеннымъ счастьемъ, что пора полнаго его развитія совпала съ царствованіемъ Екатерины. Въ этомъ героическій вѣкъ русской исторіи событія и люди своими исполинскими размѣрами именно соотвѣтствовали смѣлости этой оригинальной фантазіи, размаху этой широкой, своенравной кисти. Въ тогдашней Россіи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются лица, которыя, при всемъ разнообразіи своихъ физіономій, представляютъ одну черту общаго сходства: это — ихъ рѣзкія особенности, дающія имъ какъ бы типическій характеръ. Орловы, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко и другіе, — все это чрезвычайно оригинальныя, своенравно обозначившіяся личности, въ которыхъ слабости такъ же рѣзки, какъ и достоинства; во всѣхъ ихъ много поразительнаго, страннаго, загадочнаго для насъ, людей 19 го вѣка. Всѣ эти своеобразныя лица, вмѣстѣ съ громадными событіями, въ которыхъ они участвовали, прошли сквозь призму поэзіи Державина, и мысль, не разъ уже выраженная, что въ созданіяхъ его живетъ цѣлая эпопея чудной эпохи, совершенно справедлива. Если для таланта Державина было счастьемъ жить въ вѣкъ Екатерины, то съ другой стороны и время это могло гордиться

появленіемъ поэта, призваннаго увѣковѣчить его въ образахъ...

Надъ всѣми же лицами сподвижниковъ или приближенныхъ Екатерины господствуетъ собственный ея образъ, самый разительный и величавый изъ всѣхъ не по одному мѣсту, которое она занимаетъ, но по истинному величію и генію. Никто не понималъ ее такъ высоко, никто не изображалъ ее съ такимъ одушевленіемъ, съ такою поэтическою истиною и наглядностью, какъ Державинъ. Тѣ созданія его, которыя рисуютъ Екатерину, лучше исторіи сохранятъ для потомства прекраснѣйшія стороны ея существа и дѣятельности...

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, Державинъ изображалъ только внѣшнія событія; но, вникнувъ глубже въ содержаніе его поэзіи, съ этимъ нельзя будетъ согласиться. Внѣшнія событія дѣйствительно доставляли поводъ къ его стихотвореніямъ и служили имъ рамкою; но достаточно прослѣдить ходъ его мыслей въ одахъ, посвященныхъ Фелицѣ, Шувалову и Строганову, въ *Вельможѣ*, въ *Монументѣ милосердія*, чтобы убѣдиться, что самое глубокое сочувствіе питалъ онъ къ гражданской доблести, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, которыхъ первымъ изъяснителемъ онъ и явился, какъ одинъ изъ передовыхъ людей *своего* времени.

Замѣчательно, что Державинъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ *двухъ* изъ величайшихъ эпохъ славы Россіи. Онъ видѣлъ дѣла и торжества Екатерины, видѣлъ ужасы и усмиреніе Пугачевщины, славилъ подвиги Румянцева и Суворова, пѣлъ Елизаветинскаго министра Шувалова, — и на его же вѣку совершилось нашествіе и паденіе Наполеона, прославился Александръ со своими полководцами и молодыми министрами. Какіе два различные вѣка, — одинъ со своимъ грознымъ концомъ, другой со своимъ свѣтлымъ началомъ, — встрѣтились на глазахъ Державина! При воцареніи Александра талантъ поэта еще не утратилъ всей своей силы, и въ его привѣтствіяхъ молодому царю слышались величавые отголоски лиры, славившей Фелицу. Достойно Екатерины обрисованъ имъ и внукъ ея, котораго Державинъ, уже при рожденіи его, въ поэтическомъ предчувствіи нарекъ *человѣкомъ на тронѣ* и котораго роль, какъ примирителя Европы, была имъ предначертана уже при самомъ началѣ войнъ съ Наполеономъ. Но любопытно, что изъ всѣхъ героевъ Александра типически представленъ имъ

только одинъ. Платовъ: кисть его, начертавъ исполинскіе образы Екатерининскихъ орловъ, уже не чувствовала силы для новыхъ созданій этого рода. Самъ сознавая это, Державинъ въ 1812-мъ году смотрѣлъ на Жуковскаго, какъ на своего преемника.

И дѣйствительно, передъ „Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ авторъ „Лиро эпическаго гимна на прогнаніе французовъ“ являлся какъ бы окаменѣлымъ организмомъ отжившаго міра. Устарѣлый пѣвецъ Фелицы не могъ переродиться, не могъ усвоить себѣ новыхъ, болѣе свободныхъ и изящныхъ формъ, въ которыя постепенно облекалась поэзія. Но такъ живуча была эта лира, что и посреди слабѣвшихъ ея тоновъ иногда раздавались звуки, отзывавшіеся прежнею силою и величіемъ. Живой памятникъ другого вѣка, старецъ встрѣчалъ съ недовѣріемъ явленія новой жизни и рядомъ съ *одой*, посвященной громкимъ событіямъ царствованія Александра, является у него *басня*, родъ поэзіи, который онъ разрабатывалъ уже и прежде, но полюбилъ особенно теперь, находя въ немъ удобную форму для протеста противъ того, что видѣлъ вокругъ себя.

Такимъ образомъ разнородныя явленія двухъ великихъ эпохъ отразились различно въ поэзіи Державина, и не безъ основанія нѣкоторые писатели давно называли его поэтомъ-лѣтописцемъ своего времени. Теперь, когда литературное наслѣдіе его сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона его стихотвореній выдается еще полнѣе и разительнѣе. Обставленныя собственными его объясненіями, они становятся живою хроникой эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при малочисленности у насъ мемуаровъ и сравнительной бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатыя примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, пріобрѣтаютъ еще не довольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его посмертныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ разныя историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и лица, знакомимся короче и съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны его сочиненія всегда будутъ представлять обиль-

ный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго русскаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи.

И посреди всѣхъ лицъ, ярко начертанныхъ его кистью, съ особенною выпуклостью выступаетъ его собственный образъ, эта характерная физіономія сына Россіи 18-го вѣка. Державинъ неоспоримо принадлежитъ къ разряду тѣхъ типическихъ лицъ царствованія Екатерины, на которыя мы указывали: къ нему самому, какъ поэту, можно отнести слова, сказанныя имъ въ *Водопадѣ* Потемкину:

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ...

Оставляя за нимъ всѣ его слабости и темныя стороны, мы все-таки должны признать въ немъ необыкновеннаго человѣка, который, силою природныхъ способностей и энергической воли возвысившись изъ ничтожества, достигъ вліянія, почестей и славы. Какъ ни полонъ онъ противорѣчій, мы не можемъ не видѣть въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго коренного русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву. Несмотря на раннее, случайное знакомство его съ нѣмецкимъ языкомъ, ни его молодость, ни дальнѣйшая жизнь не могли привить къ нему ничего иностраннаго. Онъ родился и выросъ въ провинціи, въ приволжскихъ низовыхъ губерніяхъ; обстановка, среди которой онъ развивался, была довольно сходна съ той, которую въ наше время такъ искусно и вѣрно изобразилъ намъ покойный авторъ *Семейной хроники*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Державина явственно проглядываетъ его глубокое знакомство съ жизнью и языкомъ народа, его давнее сліяніе съ церковью, его совершенное знаніе славянской Библіи и богослужебныхъ пѣсенъ. Первоначальная основа воспитанія была у него общая съ Ломоносовымъ; но какъ расходятся за тѣмъ пути ихъ развитія! Классическое образованіе едва коснулось Державина скудными уроками латыни въ Казанской гимназіи; ему не удалось побывать въ чужихъ краяхъ. Довольно обширныя историческія и литературныя знанія, которыми онъ насъ нерѣдко удивляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, были плодомъ собственныхъ его трудовъ и большой начитанности. Въ Россіи, сравнительно съ другими странами богатой самоучками, Дер-

жавинъ является однимъ изъ самыхъ блестящихъ явленій этого рода. Вслѣдствіе того образованіе его представляло, конечно, много пробѣловъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ легче могъ сохранить полную самостоятельность и сдѣлаться оригинальнымъ. У русскихъ не было другого писателя, который бы представлялъ такія отличительныя черты творчества. Своенравное воображеніе его давно уже оцѣнено; но въ его умѣ было одно свойство, на которое, кажется, еще не обращалось довольно вниманія: эта какая-то насмѣшливость или, какъ ее тогда называли, *изюмка*, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія, и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалы онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться („брякнуть вслухъ") какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ истины. Этимъ Державинъ особенно гордился, какъ выраженіемъ своего правдолюбія. По ходу всего его развитія, рѣзкія противоположности были неизбѣжны въ существѣ его, и съ исканіемъ милости сильныхъ, какъ чертою тогдашнихъ нравовъ, въ немъ дѣйствительно соединялась прямота, выработанная собственнымъ его характеромъ, — источникъ множества невзгодъ, постигшихъ его въ жизни. Итакъ, чисто-русская натура, выразившаяся въ поэзіи Державина, хотя со всѣми недостатками вѣка, его ясный сатирическій умъ, его пылкій нравъ, его здравый смыслъ, чуждый всякой болѣзненной сентиментальности и холодной отвлеченности, наконецъ его изумительно-могучее и яркое воображеніе, — вотъ что составляетъ сущность его таланта и всегда останется достойнымъ изученія.

Все это придало поэзіи Державина оригинальный характеръ. Справедливо было замѣчено, что онъ изъ предѣловъ какой-то безпочвенной области витіеватыхъ возгласовъ свелъ поэзію въ міръ осязательной дѣйствительности и жизни. Ломоносовскіе земные боги еще остались попрежнему на сценѣ, но они явились теперь съ людскими страстями и заговорили языкомъ человѣческимъ. Удаленіе Державина отъ школы, его влеченіе къ непосредственной жизни, его практическій смыслъ были первымъ началомъ всего возрожденія русской литературы. Отсюда уже ясно, какъ одностороннее мнѣніе, будто онъ не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшія судьбы нашей поэзіи. Правда, что онъ не создалъ школы: хотя въ подражателяхъ

ему и не было недостатка, но такъ какъ они не имѣли его таланта, то ихъ произведенія, нося на себѣ чуждый и искусственный отпечатокъ, не могли занять мѣста въ исторіи литературы*). Но Державинъ не только подалъ примѣръ сближенія поэзіи съ жизнью: онъ же первый, въ свое время, сталъ вводить въ русскую поэзію народность, которой начатки мы встрѣчаемъ только у Ломоносова. Народность явилась у Державина частью въ характерѣ его воззрѣній на природу, человѣка, общество, церковь, въ духѣ его сатиры и шутки, частью въ изображеніи имъ разныхъ сторонъ русскаго быта, напр въ *Кружкѣ*, въ *Фелицѣ*, въ одѣ на *Счастье*, въ *Похвалѣ сельской жизни*, въ посланіи къ Платову. Народность выразилась также въ языкѣ Державина. Несмотря на частую неточность и даже неправильность его оборотовъ, на встрѣчающееся нерѣдко небрежное обращеніе его съ формами языка, рѣчь его замѣчательна, во-первыхъ, своимъ поэтическимъ благородствомъ, во-вторыхъ, чисто-русскимъ складомъ, обиліемъ выраженій и словъ, почерпнутыхъ изъ простонароднаго быта, наконецъ умѣстнымъ употребленіемъ пословицъ и поговорокъ и заимствованіями изъ русской сказочной и пѣсенной литературы.

Но что еще болѣе обѣщаетъ прочности его славѣ, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится выставлять предъ своими согражданами. Его ода *Властителямъ и судіямъ*, циклъ одъ, изображающихъ *Фелицу*, *Вельможа*, ода на *возвращеніе графа Валеріана Зубова* (бывшаго тогда въ опалѣ) и нѣкоторыя другія поражали современниковъ своею смѣлостью. Въ одѣ *Властителямъ и судіямъ* онъ именемъ совѣсти и Бога взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. Въ *Фелицѣ* уяснилъ онъ самой Екатеринѣ идеалъ, къ которому она стремилась. Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ онъ, въ видѣ похвалъ, часто давалъ совѣты, выражалъ общественныя желанія, начертывалъ какъ бы программу достойной монарха дѣятельности. Въ *Вельможѣ* онъ противополагаетъ могущественнымъ въ то время Зубову и Самойлову бывшаго долго въ немилости Румянцева и ставитъ

*) Въ числѣ подражателей Державина были Крыловъ и Клушинъ: лирическіе труды Крылова забыты, а Клушинъ написалъ между прочимъ оду *Человѣкъ*, которую долго считали произведеніемъ Державина, такъ авторъ умѣлъ усвоить себѣ пріемы и тонъ его оды.

его всѣмъ власть имѣющимъ въ примѣръ скромной доблести. Но трудно было бы исчислить всѣ тѣ оды, въ которыхъ онъ, по словамъ Гоголя, усиливается начертать образъ крѣпкаго мужа правды, закаленнаго въ дѣлѣ жизни и борьбѣ, и этому идеалу умѣетъ онъ всегда придать черты того величія, о которомъ мы уже говорили. Что намъ нужды до того, что самъ онъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ? Довольно, что въ минуты творчества онъ служилъ великимъ идеямъ человѣчества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ ни у кого изъ другихъ поэтовъ. Силою своего пламеннаго воображенія, своей здравой мысли и рѣзкаго слова онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина несмотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы имъ начертанные сохранятъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія.

Гротъ.

Ломоносовъ и Державинъ.

Сравнивая Державина съ Ломоносовымъ, видимъ, что два первые наши поэты, кромѣ воспитанія въ томъ и другомъ различнаго, дышатъ въ стихахъ своихъ тѣмъ климатомъ, который вскормилъ ихъ: въ Ломоносовѣ сѣверныя сіянія, льдистыя горы, въ Державинѣ пушистый ковыль, великолѣпіе Востока, какъ въ потомкѣ мурзы Багрима. Державинъ столько былъ влюбленъ въ природу, срѣтившую его первою благосклонною улыбкою, что часто для одной картины изъ знакомой ему страны онъ забывалъ и порядокъ, и связь цѣлаго пѣснопѣнія, предавался душевно изображеніямъ родныхъ или другихъ любезныхъ ему предметовъ. Иногда съ высоты паренія вдругъ переходилъ къ игривости, отъ картинъ важныхъ и трогательныхъ къ веселымъ и забавнымъ. Въ его воображеніи природа отражалась вся въ неистощимой своей разнообразности, со всѣми своими сокровищами. Ломоносовъ, напротивъ, всегда обладалъ своимъ предметомъ. Въ одахъ героическихъ Ломо-

носовъ остается неподражаемъ: это зодчій, слѣдующій извѣстному предначертанію, располагающій все въ опредѣленномъ порядкѣ, времени и мѣстѣ, вездѣ дѣйствуя ровно и умѣренно; читатель увѣренъ, что въ поэтѣ остается еще болѣе, нежели сколько имъ сказано. Державинъ вездѣ свободный, разнообразный, вездѣ живописецъ и вѣрный подражатель природѣ, игривый въ переходахъ, часто высокій въ изображеніяхъ и силы чувствъ, быстрый въ измѣненіяхъ слога, является всегда обильнымъ среди великолѣпія и безчисленныхъ красотъ: то возносить на небеса къ созерцанію величія Божія, или съ героемъ на вершинахъ альпійскихъ, то строго взираетъ истину, или забавно смѣется надъ суетою свѣта, то на лонѣ дружбы почіетъ отъ труда спокойный и довольный или въ ликѣ радостей и наслажденій играетъ стрѣлами амура.

Давыдовъ.

Къ безсмертнымъ памятникамъ Екатеринина вѣка, безъ сомнѣнія, принадлежатъ пѣснопѣнія Державина. Громкія побѣды на морѣ и на сухомъ пути, покореніе двухъ царствъ, униженіе гордости Оттоманской Порты, столь страшной прежде для европейскихъ государей, преобразованіе имперіи, законы, гражданская свобода, великолѣпныя торжества, просвѣщеніе, тонкій вкусъ — все это было сокровищемъ для генія Державина. Онъ былъ Горацій своей государыни. Въ этихъ твореніяхъ описывается самая домашняя жизнь и времяпрепровожденіе императрицы, мѣста, гдѣ она гуляла въ часы отдохновенія, засѣдала съ мудрецами, дабы рѣшить судьбу народовъ, гдѣ забавлялась играми своихъ приближенныхъ. Пѣсни Державина будутъ драгоцѣнны для русскаго вмѣстѣ съ славою Екатерины, съ славою Румянцева, Орлова, Суворова и другихъ знаменитыхъ людей ея времени.

Можетъ быть, о Державинѣ скажутъ нѣкоторые то же, что сказалъ Квинтиліанъ объ Овіи: nimius sui ingenii amator. Кажется, онъ иногда слишкомъ увлекается своимъ воображеніемъ. Нашъ поэтъ, подобно Пиндару, полною рукою разсыпаетъ сапфиры, яхонты, брильянты тамъ, гдѣ энергическія мысли его, какъ чистое золото, блещутъ сами собой и не имѣютъ нужды ни въ какихъ украшеніяхъ. Державинъ — великій жи-

вопвсецъ. Краски его ярки и свѣжи, но не всегда бываютъ располагаемы мѣрною рукою, не всегда слиты, не всегда въ мѣрѣ; какъ роскошный богачъ онъ ихъ кидаетъ, а не всегда располагаетъ съ заботливостію художника: таковъ полетъ генія. Впрочемъ, есть оды, которыя могутъ служить образцомъ чистоты и правильности расположенія. Характеръ одъ Державина, по большей части, нравоучительный: онъ оставилъ тѣсную стезю Ломоносова. Онъ хвалитъ, укоряетъ и учитъ. Онъ писалъ оды духовныя, героическія, философскія, анакреонтическія. Во всѣхъ его твореніяхъ встрѣчаются многія составленныя имъ слова, которыя столь прекрасны въ его стихахъ, и столь смѣшны у его подражателей: онъ ввелъ также много гармоническихъ собственно русскихъ словъ, которыя забыты были или отъ всенароднаго употребленія казались низки для поэзіи. Обѣ сіи золотыя руды остались собственностію Державина отъ неискусства ли другихъ стихотворцевъ, или оттого, что болѣе свойственны духу русскаго борца: онѣ даютъ какую-то особенную новость его твореніямъ. Ломоносовъ всегда рабъ своего предмета, Державинъ управляетъ имъ по своей волѣ. Первый всегда равенъ въ своемъ пареніи, другой, подобно молніи, поражаетъ вдругъ и часто скрывается отъ своего читателя. Одного можно уподобить величественной рѣкѣ, текущей постоянно въ берегахъ своихъ, другой уподобляется водопаду, имъ самимъ описанному, между камнями стремящему ярыя волны свои, всегда свободному, придающему нѣкоторую дикость самой природѣ. Ломоносовъ въ слогѣ болѣе чистъ, болѣе точенъ, бережливѣе, связнѣе; Державинъ цвѣтнѣе, разнообразнѣе, роскошнѣе. Онъ возвышаетъ духъ нашъ, и каждую минуту даетъ чувствовать благородство своего духа; но въ мысляхъ его бываетъ иногда болѣе блеску, нежели вѣрности.

Мерзляковъ.

Съ того времени, какъ литература наша явилась въ европейскихъ формахъ, начинаются безпрерывныя ея сношенія съ Западомъ. Историкъ французской словесности XVIII вѣка Вильменъ имѣетъ гордое право говоритъ о вліяніи, какое Франція производила на весь образованный міръ; историкъ литературы русской долженъ быть скромнѣе и говорить о

всевозможныхъ вліяніяхъ, какимъ наша литература подчинилась; но этимъ однако не ограничивается обязанность сего послѣдняго, и онъ исполнитъ только меньшую половину труда, если покажетъ одни отношенія, въ какихъ русская словесность находилась къ иноземной. Важнѣе гораздо для него показать, какимъ образомъ она, несмотря на подражаніе чужимъ образцамъ, выражала потребности нашей жизни и отвѣчала чувствамъ народнымъ: ибо во всякомъ писателѣ, имѣющемъ призваніе дѣйствовать на свой народъ, сквозь всѣ заимствованныя формы, сквозь все возможное подражаніе, непремѣнно пробьется струя народной жизни и скажется что-то свое, чему отзовется его отечество. Литература не можетъ быть безъ чувства жизни. Вотъ почему важная задача историка русской литературы въ новомъ періодѣ ея развитія — указать на ту струю, которая отвѣчаетъ ходу образованія отечественнаго, и замѣтить соотвѣтствіе между лучшими произведеніями литературы и современными вопросами общества, народными чувствами и народнымъ характеромъ.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ раздѣлить всѣхъ русскихъ писателей на такихъ, которые исключительно подвергались вліянію иноземному, не пріемля въ себя стихіи народной, и на тѣхъ, которые, при умѣренномъ подражаніи образцамъ иноземнымъ, отвѣчали народу и времени. Рабскіе подражатели навсегда умерли и забыты: таковы Тредьковскій, Сумароковъ, Княжнинъ; но Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ, Хемницеръ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ и другіе будутъ всегда нашею собственностію національною.

Ода Ломоносова снята формами своими съ оды Гюнтера и Руссо; но три сильныхъ чувства, одушевляющія поэзію Ломоносова: святая вѣра, преданность престолу и чувство русскаго могущества — откуда взяли свое начало, если не изъ жизни русскаго народа? И посмотрите, какъ этими тремя чувствами сталъ Ломоносовъ выше образца своего, Гюнтера! Какъ онъ великъ и благороденъ въ сравненіи съ нимъ, и независимъ отъ него въ отношеніи къ духу! А торжественность и величавость его оды не объясняется ли вамъ, когда вы окинете историческимъ взглядомъ великолѣпное царствованіе Елизаветы, когда представите себѣ пышность, роскошь, величавость формъ двора русской императрицы?

Державинъ, наслѣдникъ Ломоносова, будетъ для насъ такимъ же эхомъ Екатеринина вѣка — и еще живѣе изобразитъ намъ жизнь всей Россіи въ эту эпоху, нежели Ломоносовъ, поэтъ двора и академикъ. Въ его лирѣ звучатъ тѣ же три сильныхъ струны, которыя положены въ основу лиры Ломоносова; но въ звукахъ ихъ отзывается что-то болѣе народное, какъ въ самомъ вѣкѣ Екатерины, когда преобразованіе Петрово было, такъ сказать, переведено на русскій языкъ и на русскія формы. Въ одѣ Державина болѣе простоты, какъ въ самыхъ формахъ общежитія Екатерининой эпохи въ сравненіи съ Елизаветинскою. Державинъ не написалъ ничего цѣлаго, огромнаго, не вмѣстилъ своего вѣка въ одной полной художественной картинѣ, какъ Дантъ; онъ весь живетъ въ отрывкахъ, какъ лирикъ; но соберите всѣ эти отрывки, совмѣстите ихъ въ одну картину, и вѣкъ Екатерины вамъ предстанетъ! Поэзія Державина — это сама Россія Екатеринина вѣка съ чувствомъ исполинскаго своего могущества, съ своими торжествами и замыслами на Востокѣ, съ нововведеніями европейскими, и съ остатками старыхъ предразсудковъ и повѣрій — это Россія пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азіатскіе камни и жемчуги и еще полудикая, полуварварская, полуграмотная: такова поэзія Державина во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ. *Шевыревъ.*

Значеніе Екатерины II въ блестящій вѣкъ ея царствованія.

Въ первый разъ послѣ Петра Великаго увидѣли власть самодержавную въ рукахъ властительницы царства, власть сильную, ничѣмъ не ослабляемую. Еще изумительнѣе было, когда Екатерина Алексѣевна, иноземка по рожденію, явилась вполнѣ русскою, пламенно преданною вѣрѣ, славѣ, чести, нравамъ, даже языку русскому. Въ первыхъ распоряженіяхъ и дѣлахъ своихъ Екатерина показала твердую самобытность, силу воли, дальновидную политику. Мысль ея простиралась на всѣ части государственнаго правленія, и черезъ двадцать лѣтъ цари называли ее „сѣверною Семирамидою“, народъ именовалъ „матушкою-царицею“, и потомство подтвердило наименованіе „Великой“, данное Екатеринѣ современниками. Царствованіе ея было продолженіемъ царствованія Петра Великаго. Время,

протекшее между ними, казалось временемъ какого-то смутнаго перехода. Невозможно въ немногихъ чертахъ изобразить вполнѣ общности великихъ событій и дѣлъ, и измѣненія, и слѣдствія, изъ того и другого происшедшія, глубоко отразившіяся въ государственномъ бытѣ Россіи.

Первымъ подвигомъ Екатерины во внѣшней политикѣ была самостоятельность, показанная ею въ дѣлахъ съ Фридрихомъ Великимъ, думавшимъ увидѣть въ ней легкое орудіе своихъ честолюбивыхъ плановъ. Воля Екатерины заставила его отказаться отъ горделиваго преобладанія въ Европѣ и заключить миръ: Екатерина умирила Европу. Такую же непобѣдимую твердую волю явила она потомъ въ дѣлахъ съ Польшею, Швеціею и Турціей, не страшась союзовъ Франціи, Пруссіи и Австріи. Когда укрощеніе волненій Польши повело къ раздору съ Турцией, Екатерина приняла вызовъ на битву, выдержала тяжелую пятилѣтнюю войну при внутреннихъ бѣдствіяхъ, неприязненныхъ отношеніяхъ Франціи, Австріи, Пруссіи и многихъ неудачахъ. Миръ съ Турціей, власть надъ Крымомъ, флотъ на Черномъ морѣ, виды на обладаніе всѣми южными областями черноморскими, первый раздѣлъ Польши, искусная система въ дѣлахъ Европы, планы о движеніи за Кавказъ и въ Азію, преобладаніе надъ Польшей и Швеціей, союзъ Австріи, укрѣпленный дружбою Іосифа, и смѣлый вызовъ оттомановъ на вторую войну — таковы были слѣдствія внутреннихъ дѣлъ Екатерины. Европа боялась за Царьградъ, и предвидѣла полетъ русскаго орла на стѣны Варшавы.

Не менѣе важны были внутреннія дѣла: устройство гражданское, новые законы, преобразованіе войскъ, усиленіе флота, заботы о просвѣщеніи, объ образованіи народа, о здоровьѣ народномъ. Торговля и промышленность оживились новою дѣятельностью.

Удивительны были обширность мыслей Екатерины и постоянство въ достиженіи цѣли, но особеннымъ отличительнымъ свойствомъ всѣхъ дѣлъ ея было умѣнье придавать величіе и блескъ всему, что она дѣлала отъ великаго до малаго. Не довольно было ей побѣдъ: она посылала русскій флотъ къ Царьграду, жгла турецкіе корабли въ Архипелагѣ, закладывала великолѣпный дворецъ въ кремлѣ во время тяжелой войны, ставила великолѣпные памятники побѣдамъ, съ именами Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго, Таврическаго, Румынскаго, сохраняя

память подвиговъ. Сзывая все государство свое писать законы, она сама составляла свой безсмертный Наказъ депутатамъ и являлась среди нихъ мудрою законодательницей. Щедро украшала она столицы дворцами, храмами, памятниками. Женщина на тронѣ, она не могла оказывать лично дѣятельности Петра Великаго, но умѣла избирать себѣ помощниковъ, вельможъ, полководцевъ, министровъ, судей, умѣла понимать способности каждаго, умѣла мирить страсти ихъ, замѣнять одного другимъ, и сама являлась народу только въ величіи императрицы, въ раззолоченныхъ чертогахъ своихъ, или показываясь среди своего великолѣпнаго двора. Не только повиновались ей — предъ ней благоговѣли. Отъ гнѣвнаго взора ея трепеталъ виновный, хотя милость всегда являлась въ дѣлахъ, и даже въ рѣчахъ и осанкѣ Екатерины.

Екатерина казалась народу божествомъ, и была называема „матерью". отвергнувъ титулъ „Великой", поднесенный ей Россіею. Могла ли Екатерина, для которой благо Россіи и слава имени ея были не раздѣльны, могла ли она не сознавать необходимость наукъ, искусствъ и литературы для блага подданныхъ и для славы своего имени. Она сознавала сію необходимость, но, кромѣ того, любила ученіе, науку, искусство, находя въ нихъ одно изъ услажденій жизни. Умная мать дала ей превосходное образованіе и возбудила страстную охоту къ чтенію. Скрываясь въ уединеніи во все царствованіе Елизаветы и супруга своего, въ наукахъ, искусствахъ и книгахъ находила Екатерина отраду и не разставалась съ ними, когда взошла на тронъ, удѣляла имъ часы досуга и допускала ихъ въ небольшой кругъ избранныхъ людей, гдѣ забывала величіе царицы и являлась привѣтливою, доброю хозяйкою. Попеченіе Екатерины о водвореніи въ Россіи просвѣщенія, образованія, наукъ и литературы были обширны и безпрерывны, и вѣкъ Екатерины былъ временемъ блестящихъ явленій науки, искусства и литературы русской.

Новая жизнь была дана Екатериною народному воспитанію. Кадетскій корпусъ, Смольный монастырь, Воспитательный домъ. Горный корпусъ, Комиссія для учрежденія училищъ въ Россіи были посвящены воспитанію народному. Дѣятельность Академіи Наукъ ознаменовалась систематическими путешествіями ученыхъ по Россіи, когда Чичаговъ, Лаксманъ, Биллингсъ совершали морскія путешествія, а Мулавскій гото-

вился въ путь кругомъ свѣта. Сокровища художествъ собирались въ Эрмитажѣ. Академія Художествъ была преобразована. Экономическое Общество заботилось о сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Со временъ Екатерины просвѣщеніе не сосредоточивалось въ высшихъ званіяхъ и въ столицахъ, но разливалось вездѣ и между всѣми. Собственно на литературу были обращены особыя попеченія Екатерины.

Великіе земли не создаютъ и не могутъ создать дарованій, но могутъ споспѣшествовать преуспѣянію ихъ, своимъ вниманіемъ, почетомъ, уваженіемъ, въ какое ставятъ они дарованіе и науку. Екатерина вполнѣ постигла это: она чтила дарованіе, грѣла его любовью, ободряла собственнымъ примѣромъ. Россійская академія готовилась заняться правилами русскаго языка, особый переводный департаментъ былъ учрежденъ для обогащенія русскихъ своими переводами, которые вмѣнялись, кромѣ того, въ обязанность Академіи Наукъ. Ученое Общество при Московскомъ университетѣ, открытіе архивовъ, позволеніе заводить частныя типографіи, умноженіе повременныхъ изданій, приближеніе къ особѣ императрицы людей ученыхъ и писателей, личное вниманіе императрицы къ каждому, несмотря на званіе его въ обществѣ, наконецъ, ея собственныя занятія литературой — таковы были средства, коими возрождала и поощряла литературу Екатерина. Другъ императрицы — княгиня Дашкова была назначена президентомъ обѣихъ академій. Шуваловъ, вельможа вѣка Елизаветы, являлся посредникомъ между престоломъ и литераторами. Мелиссино, Безбородко, Завадовскій, Храповицкій, Львовъ, Трощинскій, близкіе люди императрицы, предъявляли право на литературныя заслуги. Первый изъ духовныхъ витій, архимандритъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ) Платонъ, былъ наставникомъ наслѣдника, и литераторъ Муравьевъ назначенъ былъ воспитывать внуковъ императрицы. Сама Екатерина, переписываясь съ Вольтеромъ, призывала ко двору своему Дидро, писала русскую исторію, сочиняла драматическія пьесы, учебныя книги, сказки своимъ внукамъ, переводила въ своемъ обществѣ Мармонтелева Велизарія, печатала свои статьи въ журналахъ, допускала рѣзкіе, шутливые листки Новикова, слушала чтеніе комедій Фонвизина и сама отвѣчала на его смѣлые вопросы, посѣщала Ломоносова въ его смиренномъ домикѣ, прощала вздорливость нрава Сумарокова; велѣла воспитывать мѣщанина Мерзля-

кова, приславшаго ей оду, и доносить объ успѣхахъ его, и писала Брюсу, когда онъ остановилъ трагедію молодого Николева, видя въ ней какое-то опасное изображеніе тирана: „Напрасно боитесь вы сходства въ портретѣ тирана со мною. Авторъ изображаетъ тирана, а меня называетъ матерью отечества". Повторяемъ, вѣкъ Екатерины былъ временемъ блестящихъ явленій науки, искусства, литературы русской, вѣкомъ развитія умственной жизни Россіи (Изъ „Сѣв. пчелы". 1843 г.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.


РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. ТЮМЕНЬ.

